Федеральная служба исполнения наказаний

ВЕСТНИК
ВЛАДИМИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

№ 1(54)
Январь – март
2020

Научно-образовательный журнал
Выходит четыре раза в год

Издается с 2006 г.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки)

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор –
доктор юридических наук, профессор
Ткачук Татьяна Алексеевна

Редакционная коллегия:
Аверин А. В., доктор юридических наук (г. Владимир)
Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
Богатырёв В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Борисова И. Д., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Гаврилов Б. Я., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Головинская И. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Головкин Р. Б., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир) (заместитель главного редактора)
Емельянова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)
Исаенкова О. В., доктор юридических наук, профессор (г. Саратов)
Каламкарян Р. А., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Кудрявцев А. В., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Кузбагаров А. Н., доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)
Лазарева Л. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Меркурьев В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Миронов А. Н., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Михайлова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Самара)
Пожарский Д. В., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Редкоус В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Тепляшин П. В., доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск)
Третьякова О. Д., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Чепурнова Н. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Шеслер А. В., доктор юридических наук, профессор (г. Новокузнецк)
Данилова И. Б., ответственный секретарь

© ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2020

Адрес редакции:
600020,
Владимирская обл.,
г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е
Телефоны:
(4922) 40-45-18, 40-45-14,
8-905-649-5050;
факс (4922) 32-28-93
Интернет-сайт:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Распространяется
по подписке.
Подписной индекс 90961
в объединенном каталоге
«Пресса России»

Электронная версия
номера журнала
размещена
на интернет-сайте:
http://vui.fsin.su

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-25060,
выданное
Роскомнадзором
21.07.2006

Тираж 400 экз. Заказ 8.
Дата выхода в свет
28.03.2020.
Свободная цена.

Отпечатано в РИО НЦ
ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний».
600020, г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е

Federal Penitentiary Service

BULLETIN
OF VLADIMIR LAW INSTITUTE

Scientific and Educational Journal
The journal is published quarterly

No. 1(54)
January – March
2020

Published
since 2006

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific editions of the Higher Attestation Board (VAK) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, publication in which is mandatory for defending PhD and Doctorate dissertations within the groups of scientific specialties: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (Jurisprudence)

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service»

Editor-in-Chief –
Doctor of Law, Professor
Tkachuk Tat'yana A.

Editorial Board:
Averin A. V., Doctor of Law (Vladimir)
Baranov V. M., Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod)
Bogatyrev V. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Borisova I. D., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Gavrilov B. Ya., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Golovinskaya I. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Golovkin R. B., Doctor of Law, Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Vladimir)
Emel'yanova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg)
Isaenkova O. V., Doctor of Law, Professor (Saratov)
Kalamkaryan R. A., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Kudryavtsev A. V., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Kuzbagarov A. N., Doctor of Law, Professor (St. Petersburg)
Lazareva L. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Merkur'ev V. V., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Mironov A. N., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Mikhailova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (Samara)
Pozharsky D. V., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Redkous V. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Teplyashin P. V., Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk)
Tret'yakova O. D., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Chepurnova N. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Shesler A. V., Doctor of Law, Professor (Novokuznetsk)
Danilova I. B. (Executive Secretary)

© VLI of the FPS of Russia, 2020

Address
of Editorial Office:
600020,
Vladimir region,
Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e
Telephones:
(4922) 40-45-18, 40-45-14,
8-905-649-5050;
fax (4922) 32-28-93
Website:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Distributed
by subscription.
Subscription Index
in the United Catalogue
«Press of Russia» 90961

Electronic version
is available on the website:
http://vui.fsin.su

Certificate of Registration
in mass media
ПИ № ФС77-25060 issued
by the Federal Supervision
Agency for Information
Technologies
and Communications
(Roskomnadzor)
21.07.2006

Circulation 400 copies
Order 8. Free price.
Date of publication
28.03.2020.

Printed by
Publishing Department
of Scientific Center
of VLI of the FPS of Russia.
600020, Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e

СОДЕРЖАНИЕ (CONTENTS)

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Метлин Д. Г. 9
Анализ эффективности организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях УИС России: критерии оценки современного состояния

Румянцев Н. В. 17
Вопросы взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с органами внутренних дел по предупреждению преступлений экстремистской направленности и террористического характера

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

Metlin D. G.
Efficiency of the organization of educational work with convicts to imprisonment in correctional institutions of the penal system of Russia: appraisal criteria of the current state

Rumyantsev N. V.
Issues of the interaction of the penal system institutions and bodies with law enforcement agencies for the prevention of extremist and terrorist crimes

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Ашин А. А., Михайлов А. Е. 23
Проблемные аспекты правового обеспечения противодействия незаконной миграции

Васеловская А. В. 28
Проблемы определения основания применения принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, по Уголовному кодексу Российской Федерации

Галицкий Р. В., Клочихин В. А. 35
Вопросы правового регулирования института общественных советов при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах

Головинская И. В., Аристов А. В. 39
Перспективные направления нормотворчества в развитии процессуального статуса потерпевшего и заявителя

Горшкова Н. А., Сигачева А. К. 45
Реализация принципа гуманизма при назначении наказания: практический аспект

Дядькин О. Н., Гофман А. А. 48
Административная ответственность в России: вопросы установления и реализации

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

Ashin A. A., Mikhailov A. E.
Problematic aspects of legal support for countering illegal migration

Vaselovskaya A. V.
Problems of determining the basis of application of compulsory treatment in a medical organization providing psychiatric assistance in stationary conditions, according to the Criminal Code of the Russian Federation

Galitsky R. V. , Klochikhin V. A.
Issues of legal regulation of the institute of public councils under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and its territorial bodies

Golovinskaya I. V., Aristov A. V.
Perspective directions of rulemaking in development of the procedural status of the victim and the applicant

Gorshkova N. A., Sigacheva A. K.
Implementation of the principle of humanism under the assignment of punishment: a practical aspect

Dyad'kin O. N., Gofman A. A.
Administrative responsibility in Russia: issues of establishing and implementing

Иванов П. И.
Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: методы и средства
53

Иванов П. И., Шитов А. С.
Оперативно-розыскное противодействие налоговой преступности: поисковые признаки и их учет в правоприменительной деятельности
57

Ильин А. В.
Примирение по делам частного обвинения: проблемные вопросы содержания и реализации в уголовном судопроизводстве
61

Ключникова М. А., Никишкин Н. М.
Пенитенциарное соглашение о сотрудничестве как потенциальный инструмент противодействия преступности
64

Коблянский В. С., Шкурова П. Д.
Восстановление срока на подачу апелляционной жалобы в арбитражном процессе
69

Косых В. А.
Незаконный оборот леса и лесоматериалов в Российской Федерации: сущность, детерминация и проблемы противодействия
73

Кудрявцев А. В., Зуйкова Н. В.
Некоторые особенности взаимодействия оперативных работников и следователей при выявлении и расследовании коррупционных преступлений должностных лиц органов местного самоуправления
78

Кулакова А. А., Ломакина А. Н., Сизова О. С.
Правовые проблемы решения вопроса о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей
82

Курысев К. Н.
Некоторые правовые аспекты контроля радиопереговоров в ходе оперативно-розыскной деятельности
87

Лазарева Л. В.
Участие специалиста в правоприменительной деятельности по уголовным делам
91

Миронова Ю. В.
Система видеоконференц-связи как эффективное средство реализации межотраслевых принципов процессуальной деятельности в России
96

Ivanov P. I.
Prosecutor's supervision over the execution of laws by the bodies that carry out operational investigative activities: methods and means

Ivanov P. I., Shitov A. S.
Operational-search counteraction to tax crime: search signs and their registration in law enforcement activities

Il'in A. V.
Reconciliation in private prosecution: problematic issues of content and implementation in criminal proceedings

Klyuchnikova M. A., Nikishkin N. M.
Penitentiary cooperation agreement as a potential tool for combating crime

Koblyansky V. S., Shkurova P. D.
Reinstatement of the time limit for filing an appealin the arbitration process

Kosykh V. A.
Illegal traffic of forest and timber in the Russian Federation: the nature, determination and problems of counteraction

Kudryavtsev A. V., Zuikova N. V.
Some features of interaction of operative workers and investigators in identifying and investigating corruption crimes of local government officials

Kulakova A. A., Lomakina A. N., Sizova O. S.
Legal problems of solving the issue of the child's residence place in case of parents' separation

Kurysev K. N.
Some legal aspects of radio conversations control in the course of crime detection

Lazareva L. V.
Specialist participation in criminal law enforcement

Mironova Yu. V.
Video conferencing system as an effective means of implementing inter-industry principles of procedural activity in Russia

Николаева М. И., Рябчиков В. В. 101 **Nikolaeva M. I., Ryabchikov V. V.**
Понятийный аппарат уголовно-процессуального закона: проблемные и дискуссионные вопросы / *The conceptual apparatus of the criminal procedure law: problematic and debatable issues*

Савин А. А. 109 **Savin A. A.**
Принудительные меры медицинского характера, соединенные с наказаниями без изоляции от общества: общие начала их реализации / *Compulsory measures of medical nature combined with punishment without isolation from society: general beginnings of their implementation*

Семёнова О. Н., Ушаков С. Н. 113 **Semenova O. N., Ushakov S. N.**
Антикоррупционное образование: стандарты ООН и практика их реализации / *Anti-corruption education: UN standards and practice of their implementation*

Ткачук Т. А., Ерина К. А. 118 **Tkachuk T. A., Erina K. A.**
Некоторые вопросы процессуального обеспечения использования специальных знаний при расследовании преступлений коррупционной направленности в уголовно-исполнительной системе / *Some issues of procedural support for the use of special knowledge in the investigation of corruption crimes in the penal system*

Трелин М. В. 122 **Trelin M. V.**
Некоторые вопросы выявления нарушений в ходе прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / *Some issues of detecting violations during a prosecutorial supervision of the observance of human and civil rights and freedoms in the course of crime detection*

Чекушов А. А., Гордеевцев Е. И., Чирков М. А., Чистяков М. С. 125 **Chekushov A. A., Gordeevtsev E. I., Chirkov M. A., Chistyakov M. S.**
Преступность в цифровой среде как фактор, ограничивающий развитие информационных технологий / *Crime in the digital environment as a factor limiting the development of information technologies*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА / ***THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW***

Амосова О. С. 137 **Amosova O. S.**
Правовой статус инородцев в Российской империи в XIX – начале XX вв.: опыт историко-юридического анализа / *Legal status of foreigners in the Russian Empire in the XIX – early XX centuries: experience of historical and legal analysis*

Ашин А. А., Потапова Е. П., Котлярова О. В. 144 **Ashin A. A., Potapova E. P., Kotlyarova O. V.**
Коммуникативные тактики как инструмент публичной профессиональной деятельности адвокатов / *Communicative tactics as an instrument of public professional activity of lawyers*

Бидова Б. Б. 152 **Bidova B. B.**
Теория уголовной политики: вопросы становления / *Theory of criminal policy: questions of formation*

Биюшкина Н. И., Остроумов С. В., Тюленева М. А. 157 **Biyushkina N. I., Ostroumov S. V., Tyuleneva M. A.**
Эволюция нравственно-этических принципов адвокатской деятельности в России (на основе анализа взглядов В. Д. Спасовича) / *The evolution of the moral and ethical principles of advocacy in Russia (based on the analysis of views of V. D. Spasovich)*

Головкин Р. Б., Кирова И. О. 164 **Golovkin R. B., Kirova I. O.**
Перспективы формирования единого цифрового пространства Евразийского экономического союза
Perspectives of development of one digital space the Eurasian Economic Union

Гудкова А. В., Ерин Д. А., Балакин А. В. 170 **Gudkova A. V., Erin D. A., Balakin A. V.**
Некоторые направления деятельности органов НКВД СССР г. Владимира и Владимирской области в годы Великой Отечественной войны
Some directions of the activity of the USSR NKVD bodies in Vladimir and Vladimir region during the Great Patriotic War

Емельянова Е. В., Калинович А. Э. 178 **Emel'yanova E. V., Kalinovich A. E.**
Преступления против веры по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: система, общая характеристика, историческое значение
Crimes against faith under the Code of criminal and corrective penalties of 1845: system, general characteristics, historical significance

Зяблова Т. Е. 183 **Zyablova T. E.**
Конституция Польши 3 мая 1791 г.: историческое значение
Polish Constitution May 3, 1791: historical significance

Ибрагимова З. Н., Борисов А. С. 189 **Ibragimova Z. N., Borisov A. S.**
Влияние правовой культуры на процесс формирования государственности
Influence of legal culture on the process of statehood formation

Минеева И. А. 194 **Mineeva I. A.**
Вопросы государственной службы в политико-правовом наследии И. Т. Посошкова
Issues of public service in the political and legal heritage of I. T. Pososhkov

Петрова И. Л., Кирова И. О. 199 **Petrova I. L., Kirova I. O.**
Лингвоюридическое понятие «оскорбление» в национальных правовых системах государств – членов ЕАЭС
The linguistic and legal concept of «insult» in the national legal systems of the EAEU member countries

Петрова И. Л., Лазарева К. А. 204 **Petrova I. L., Lazareva K. A.**
Особенности юридической терминологии в нормативных правовых актах, регулирующих финансовые отношения в условиях цифровизации общества
Peculiarities of legal terminology in regulatory legal acts governing financial relations in the conditions of digitalization of society

Румянцев С. А. 210 **Rumyantsev S. A.**
Федеральные общественные движения: реализация гражданской самозащиты или присвоение публичных полномочий
Federal civil society organizations: implementation of civil self-defense or assignment of public powers

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ***POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES***

Кудратов Н. А. 217 **Kudratov N. A.**
Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма с использованием сети «Интернет» (на примере Республики Таджикистан)
Public calls for implementation of extremist activity and public justification of extremism using the Internet network (on the example of the Republic of Tajikistan)

Краткие правила опубликования статей **The basic guidelines for article submission**

Анкета автора публикации и оператора персональных данных **About the author of the publication and the operator of personal data**

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

УДК 343.825

Д. Г. Метлин[1]
[1] *Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация*

D. G. Metlin[1]
[1] *Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation*

Анализ эффективности организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях УИС России: критерии оценки современного состояния

Efficiency of the organization of educational work with convicts to imprisonment in correctional institutions of the penal system of Russia: appraisal criteria of the current state

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; исправительное учреждение; осужденный; воспитательная работа; исправление; оценка эффективности; критерий.

Аннотация. Статья посвящена изучению эффективности функционирования воспитательной системы исправительных учреждений на основе анализа актуальных организационно-распорядительных документов и официальных статистических данных. Автором представлены критерии, которые могут быть использованы для анализа эффективности деятельности исправительных учреждений по организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы.

Key words: the penal system; a correctional institution; a convict; educational work; correction; appraisal criteria; criterion.

Abstract. The article is devoted to the study of the effectiveness of the educational system of correctional institutions through the analysis of current organizational and administrative documents and official statistics data. The author presents the criteria that can be used to analyze the effectiveness of activity of correctional institutions in organizing educational work with prisoners sentenced to imprisonment.

Воспитательная работа с осужденными – одно из ключевых направлений деятельности исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы (далее: ИУ УИС) России. Вопросу об эффективности ее организации и осуществления как одного из основных средств исправления осужденных к лишению свободы всегда уделялось и уделяется самое пристальное внимание и со стороны органов государственной власти, руководства УИС, непосредственно учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, и различных институтов гражданского общества.

Подчеркивая важность и необходимость осуществления контроля за организацией процесса исправления осужденных, А. М. Потапов отмечает, что «изучение эффективности воспитательной работы с осужденными, с одной стороны, позволяет выявить результативность работы исправительных учреждений, а с другой – своевременно внести необходимые коррективы в воспитательный процесс и оптимизировать состояние воспитательной системы или ее отдельных элементов» [Организация воспитательной работы 2018, с. 53].

Так, за 9 месяцев 2019 г. сотрудниками ФСИН России, а именно управления воспитательной, социальной и психологической работы (далее: УВСПР ФСИН России), осуществлено 20 инспекторских и контрольных проверок организации деятельности воспитательных, а также социальных и психологических служб. По результатам 11 инспекторских проверок в 5 территориальных органах ФСИН России качество организации деятельности по указанным направлениям было оценено как неудовлетворительное (УФСИН России по Республике Адыгея, Волгоградской, Еврейской автономной, Ивановской, Рязанской областям)[1]. Данный результат свидетельствует не только о существенных недоработках в планировании и(или) проведении отдельных воспитательных мероприятий с осужденными, но прежде всего раскрывает серьезные нарушения в организации работы в одном из главных направлений деятельности учреждений и органов ФСИН России.

© Метлин Д. Г., 2020

[1] Обзор о недостатках в деятельности территориальных органов ФСИН России : письмо ФСИН России от 3 окт. 2019 г. № 03-74792. Документ опубликован не был.

Традиционно под эффективностью деятельности в широком смысле понимают комплексную характеристику, выраженную в количественных и качественных показателях. При выставлении оценки состояния организации воспитательной работы с осужденными во внимание принимаются динамика показателей работы по данному направлению согласно данным ведомственной отчетности, а также фактическое положение дел на момент инспектирования.

В настоящее время практика научных исследований говорит о том, что единого подхода к определению объективных критериев оценки эффективности организации воспитательной работы с осужденными не выработано. Так, А. М. Потапов выделяет две группы показателей, характеризующих эффективность воспитательной работы в ИУ. По его мнению, первая группа включает в себя количественные и качественные показатели, отражающие воспитательную деятельность администрации и сотрудников ИУ (критерии оценки: организация и планирование воспитательной работы, состояние дисциплины среди осужденных, организация получения осужденными обязательного общего образования, оказание содействия осужденным в получении высшего и среднего профессионального образования, участие общественных объединений и различных конфессий в воспитательной работе). Вторая группа показателей с количественной и качественной стороны характеризует личностные изменения самого осужденного, указывая тем самым на степень его исправления (критерии оценки: отношение осужденного к законам, требованиям морали, труду, общеобразовательному и профессиональному обучению, проводимым воспитательным мероприятиям и др.) [Организация воспитательной работы 2018, с. 55–60].

Кроме того, отдельными специалистами в качестве основного критерия эффективности процесса ресоциализации осужденных, в котором основную роль играет именно воспитательная работа, выделяется уровень рецидивной преступности. Так, В. И. Терехин и В. В. Чернышов предложили свой способ и методический инструментарий оценки ожидаемого уровня рецидивной преступности осужденных на различных этапах отбывания наказания [Терехин, Чернышов 2013].

Проведенный анализ актуальных организационно-распорядительных документов ФСИН России позволил определить наиболее важные критерии, которые в своей совокупности характеризуют современное состояние организации воспитательной работы с осужденными в ИУ. По нашему мнению, к таковым нужно отнести следующие.

1) *Состояние преступности и дисциплинарной практики среди осужденных.* Анализ количества совершенных осужденными к лишению свободы в ИУ преступлений за 2015–2018 гг. показал отсутствие тенденции к их снижению. При этом за 2018 г. зарегистрировано 1 025 преступлений, совершенных в ИУ и следственных изоляторах (далее: СИЗО), что на 5,2 % больше, чем в 2017 г. (974), из них в ИУ – 919 (2017 г. – 882, увеличение на 4,2 %), в СИЗО – 105 (2017 г. – 89, увеличение на 17,9 %)[1]. Таким образом, за указанный временной промежуток уровень преступности в расчете на 1 000 осужденных увеличился на 6,9 % и составил 1,74 (2016 г. – 1,62). Данное обстоятельство указывает на явные недостатки в работе не только воспитательных подразделений, но и в целом всего комплекса мер, направленных на профилактику преступлений со стороны осужденных в учреждениях УИС.

Исследуя состояние дисциплинарной практики, необходимо отметить, что здесь следует принимать во внимание количество зарегистрированных нарушений установленного порядка отбывания наказания со стороны осужденных, которые установлены правилами внутреннего распорядка (далее: ПВР) ИУ[2]. УИК РФ закрепляет систему мер взысканий, которые могут применяться к осужденным за нарушение ПВР. Их дифференцированное применение, соблюдение принципа неотвратимости наказания за совершенное нарушение порядка отбывания наказания позволяют обеспечить в ИУ стабильную социально-психологическую обстановку в среде осужденных и создать условия для их правопослушного поведения.

Вместе с тем анализ количества допущенных осужденными нарушений ПВР за указанный период свидетельствует о росте уровня нарушений и, как следствие, весьма сложной социально-психологической обстановке, в которой протекает процесс исправления осужденных. Так, за 2018 г. уровень нарушений установленного порядка отбывания наказания в ИУ в расчете на 1 000 чел. вырос на 3,5 % – с 1192,13 до 1233,74, а уровень злостных нарушений превысил показатель 2017 г. на 8,1 %[3].

Однако официальные статистические данные, представленные в различных формах отчета Научно-исследовательского института информаци-

[1] Обзор о состоянии режима и надзора в исправительных учреждениях и следственных изоляторах территориальных органов ФСИН России в 2018 году : письмо ФСИН России от 28 марта 2019 г. № 03-22260. Документ опубликован не был.

[2] Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : приказ Минюста России от 16 дек. 2016 г. № 295. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.12.2019).

[3] Обзор о состоянии работы по содействию в получении высшего профессионального образования осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы : письмо ФСИН России от 2 марта 2018 г. № 03-29870. Документ опубликован не был.

онных технологий ФСИН России, позволяют проанализировать лишь часть от общего количества взысканий, примененных к осужденным за нарушение установленного порядка отбывания наказания, поскольку учету подлежат только такие меры взыскания, как водворение в штрафной изолятор, перевод в помещение камерного типа и единое помещение камерного типа (табл. 1). При этом ст. 115 УИК РФ устанавливает, что, наряду с перечисленными мерами взыскания, за допущенные нарушения к осужденным могут применяться: выговор в устной и письменной форме, дисциплинарный штраф, а также отмена права проживания вне общежития и запрещение выхода за пределы общежития для осужденных, отбывающих лишение свободы в колониях-поселениях.

На наш взгляд, данный пробел в системе официального учета мер взысканий, примененных к осужденным, является серьезным недостатком, значительно затрудняющим понимание общего состояния дисциплинарной практики среди осужденных в местах лишения свободы, и подлежит обязательному устранению со стороны ФСИН России.

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что водворение в штрафной изолятор остается самой часто применяемой к осужденным из всех подлежащих учету мер взыскания. Таким образом, можно сделать вывод, что нарушения установленного порядка отбывания наказания осужденными, за которые следует водворение в штрафной изолятор, являются достаточно серьезными и в последующем признаются злостными нарушениями, приводящими к осложнению оперативной обстановки в учреждениях УИС.

Таблица 1

Сведения о количестве взысканий, наложенных на осужденных, за нарушение установленного порядка отбывания наказания за 2015–2018 гг.

Виды взысканий	2015	2016	2017	2018
Водворение в штрафной изолятор	304 241	302 965	310 204	313 384
Перевод в помещение камерного типа	14 790	15 064	13 882	13 590
Перевод в единое помещение камерного типа	2 681	2 828	2 532	2 427
Итого	321 712	320 857	326 618	329 401

2) *Организация работы по применению мер стимулирования правопослушного поведения осужденных.* Важной составляющей работы по стимулированию правопослушного поведения осужденных к лишению свободы является применение мер поощрения, система которых закреплена в ст. 113 УИК РФ (благодарность, награждение подарком, денежная премия, разрешение на получение дополнительной посылки или передачи и др.).

Анализ статистических данных за последние несколько лет свидетельствует об увеличении количества осужденных, к которым применялись меры поощрения. Так, в 2016 г., по сравнению с предыдущим годом, этот уровень повысился на 4,7 %[1], а в 2017 г. уровень примененных мер поощрения в расчете на 1 000 чел. вырос на 7,1 % – с 1142,4 до 1223,7[2]. В 2018 г. общее количество примененных к осужденным мер поощрения только в исправительных колониях составило свыше 560 тыс.

Вместе с тем в деятельности ИУ нередко выявляются факты незаконного и необоснованного применения указанных мер, что в свою очередь нивелирует их значимость для осужденных и снижает воспитательный эффект от их применения. Так, в нарушение требований ст. 114 УИК РФ, определяющей порядок применения мер поощрения, в 2018 г. к осужденным, отбывающим наказание в ИУ, применялись меры поощрения при имеющихся неснятых и непогашенных взысканиях, а также предоставлялись длительные свидания сверх установленной законом нормы (УФСИН России по Курганской области, ГУФСИН России по Свердловской области, УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области)[3].

Следует особо подчеркнуть, что подобные нелегитимные действия сотрудников администрации ИУ подрывают эффективность воспитательного процесса, а также в обязательном порядке становятся объектом прокурорского реагирования.

3) *Организация профессиональной подготовки и получения осужденными образования.* Стимулирующим правопослушное поведение осужденных и обеспечивающим эффективность постпенитенциарной адаптации в обществе является получение основного и среднего общего образования. В настоящий момент в ИУ функционируют 283 общеобразовательных организации и 503 их филиала, в которых обучаются 65,4 тыс. осужденных, более 45 тыс. из ко-

[1] Обзор о состоянии дисциплинарной практики среди осужденных, соблюдении законности при применении к ним мер взыскания в 2016 году : письмо ФСИН России от 24 марта 2017 г. № 02-17915. Документ опубликован не был.

[2] Обзор о состоянии дисциплинарной практики среди осужденных, соблюдении законности при применении к ним мер взыскания в 2017 году : письмо ФСИН России от 2 апр. 2018 г. № 03-21935. Документ опубликован не был.

[3] Обзор о состоянии дисциплинарной практики среди осужденных, соблюдении законности при применении к ним мер взыскания в 2018 году : письмо ФСИН России от 13 марта 2019 г. № 03-17244. Документ опубликован не был.

торых подлежат обязательному обучению[1]. На основании приведенных данных можно сделать вывод, что все осужденные, которые подлежат обязательному основному общему обучению, имеют возможность получать его в ИУ. В итоге реализуется одна из важнейших целей воспитательной работы, заключающаяся в формировании у осужденного правильного отношения к государству, обществу и его моральным ценностям.

Кроме того, лица, содержащиеся в местах лишения свободы, имеют право на получение высшего образования, для реализации которого учреждения и органы УИС в соответствии с УИК РФ обязаны создавать соответствующие условия и оказывать содействие обучающимся. Следует отметить, что за последние годы значительно увеличилось количество осужденных, обучающихся в вузах, и их число сегодня составляет свыше 1 000 чел. В качестве положительного примера следует назвать УФСИН России по Республике Коми, в ИУ которого наблюдается положительная динамика численности осужденных, получающих высшее образование: в 2016 г. – 6 чел., в 2017 г. – 4 чел., в 2018 г. – 18 чел., в 2019 г. – 24 чел.[2]

Развитие высшего образования для осужденных в настоящее время является крайне важным и перспективным направлением работы ФСИН России во взаимодействии с вузами страны. Как показывает практика, получив диплом, люди крайне редко возвращаются в места лишения свободы. Так, проведенный ФСИН России анализ показал, что доля осужденных с высшим образованием, ранее отбывавших наказание и освободившихся из ИУ в 2016–2017 гг., составляет всего 3,3 % от всех осужденных, совершивших повторные преступления[3].

По данным ФСИН России, в 2018 г. более 100 осужденных получили диплом об окончании образовательной организации высшего образования[4].

4) *Количество осужденных, состоящих на профилактическом учете, и число совершенных ими преступлений*. Порядок проведения профилактики правонарушений включает в себя работу с лицами, поставленными на профилактический учет, путем проведения целенаправленной, планомерной и дифференцированной работы с учетом психологических особенностей их личности, характера и степени общественной опасности, совершенных ими правонарушений и других особенностей, имеющих значение для правильного выбора методов и средств воспитательного воздействия[5].

Изменение количества осужденных, состоящих на профилактическом учете, на протяжении текущего десятилетия имело абсолютно противоположные тенденции. Так, данные аналитического обзора «Анализ состояния профилактического учета в ИУ» (2017 г.) свидетельствуют об увеличении количества лиц, состоящих на профилактическом учете с 66 179 чел. в 2011 г. до 83 016 в 2016 г. [Анализ состояния 2017, с. 9]. Однако на настоящий момент очевидна тенденция к снижению количества данной категории лиц в ИУ (2017 г. – 81 997 чел., 2018 г. – 78 631 чел.)[6]. Следствием этого, без сомнения, является процесс постепенного уменьшение общего количества осужденных, содержащихся в местах лишения свободы.

Вместе с тем практика показывает, что данное направление работы ИУ имеет ряд проблемных моментов, о чем говорит рост количества преступлений, совершенных рассматриваемой категорией осужденных (2018 г. – 190, 2017 г. – 160, 2016 г. – 156). В качестве основных причин совершения преступлений на территории ИУ, в том числе допущения фактов насилия в отношении персонала со стороны осужденных, специалистами выделяется именно слабая индивидуально-воспитательная и профилактическая работа с осужденными, состоящими на различных видах профилактического учета.

5) *Количество осужденных, к которым применено условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, изменение вида ИУ*. Не вызывает сомнения тот факт, что критерием, наиболее наглядно демонстрирующим эффективность воспитательной работы как основного средства достижения такой цели наказания, как исправление осужденных, является количество лиц, освобо-

[1] Отчет о состоянии общеобразовательного обучения осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, и несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов за 2018 год (форма ВРО-1). Документ опубликован не был.

[2] УФСИН России по Республике Коми : [сайт]. URL: http://www.11.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=470810 (дата обращения: 27.11.2019).

[3] Обзор о состоянии работы по содействию в получении высшего профессионального образования осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы : письмо ФСИН России от 2 марта 2018 г. № 03-29870. Документ опубликован не был.

[4] Получить высшее образование в местах лишения свободы – это реально // ФСИН России : [сайт]. URL: http://фсин.рф/news/detail.php?ELEMENT_ID=407986&sphrase_id=1287702 (дата обращения: 25.12.2019).

[5] Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72 // Российская газета. 2013. 5 июня.

[6] Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // ФСИН России : [сайт]. URL: http://фсин.рф (дата обращения: 28.10.2019).

жденных условно-досрочно от отбывания лишения свободы.

В 2018 г. в ИУ содержалось 180 773 осужденных, к которым могло быть применено условно-досрочное освобождение (2017 г. – 194 560 чел.). Из них 81 361 осужденный обратился в суд с ходатайствами об условно-досрочном освобождении, или 45 % от имеющих право на обращение с соответствующим ходатайством (2017 г. – 92 038 чел., или 47,3 %)[1].

Из ИУ был освобожден 201 581 осужденный (2017 г. – 202 437 чел.), из них условно-досрочно – 46 117 осужденных (2017 г. – 50 933 чел.). В 2018 г. условно-досрочно освободилось на 4 816 чел. меньше, чем в 2017 г., что в первую очередь связано со снижением численности осужденных и пересчетом сроков отбывания наказания в связи со вступлением в силу Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации»[2].

При этом доля освобожденных условно-досрочно от общего количества освободившихся из учреждений УИС в 2018 г. составила 22,8 % (2017 г. – 25 %). Наибольшее количество освобожденных условно-досрочно от общего количества освободившихся отмечается в УФСИН России по Республике Карелия (47 %), УФСИН России по Алтайскому краю (44 %), УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (40 %), ОФСИН России по Республике Алтай (38 %), ГУФСИН России по Свердловской области (32 %).

6) *Количество запланированных и фактически проведенных воспитательных мероприятий с осужденными.* Планирование и последующее проведение различных форм и видов воспитательных мероприятий с осужденными осуществляется с учетом реально складывающейся обстановки в каждом отдельном ИУ.

Анализ результатов организации и проведения культурно-массовой и спортивно-массовой работы с осужденными показал, что в течение 2018 г. в ИУ было проведено 189 146 культурно-массовых мероприятий, наибольшее количество которых проведено в УФСИН России по Республике Мордовия (16 674), УФСИН России по Республике Башкортостан (8 112), ГУФСИН России по Красноярскому краю (19 655), ГУФСИН России по Челябинской области (19 998). Наименьшее количество проведенных культурно-массовых мероприятий проведено в ОФСИН России по Республике Алтай (15), ОФСИН России по Республике Ингушетия (39), УФСИН России по Чеченской Республике (59) и ОФСИН России по Карачаево-Черкесской Республике (0)[3].

В ИУ также было проведено 28 700 воспитательных мероприятий, к участию в которых привлекались представители отделов и служб территориальных органов ФСИН России 2 718 раз, или 9 % от всех проведенных воспитательных мероприятий, представители попечительских советов – 4 068 раз, или 14 %, представители различных конфессий – 15 788 раз, или 55 %, представители родительских комитетов (в воспитательных колониях УИС) – 126 раз, или 0,43 %, представители общественных советов при территориальных органах ФСИН России – 1 319 раз, или 4,5 %.

Среди 135 506 проведенных спортивных мероприятий, в которых приняло участие 76 % от общего количества осужденных, отбывающих наказание в ИУ, следует выделить такие, как: соревнования по футболу (26 %), соревнования по баскетболу (1,5 %), соревнования по волейболу (9,1 %), соревнования по настольным играм (23,2 %), соревнования по гиревому спорту (5,1 %), соревнования по настольному теннису (12,7 %) и др.

Особое место в организации воспитательной работы занимает обеспечение полезной занятости осужденных. В настоящее время данную задачу решают пришедшие на смену самодеятельным организациям так называемые кружки осужденных. По итогам 2018 г. в ИУ организовано 6 777 кружков различной направленности, в которых принимало участие 92 075 осужденных, или 20 % от общего числа отбывающих наказание в исправительных колониях. Инициатива и активность осужденных, участвующих в кружковой работе, позволяют им развивать полезные навыки и умения, а также оказывать содействие администрации в проведении различных культурно-массовых, спортивно-массовых и иных досуговых мероприятий.

7) *Участие общественных организаций (объединений) в воспитательной работе с осужденными.* Сегодня развитие сотрудничества со структурами гражданского общества, различными конфессиями в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. является одним из важнейших направлений совершенствования воспитательной работы с осужденными и, без сомнения, может рассматриваться в качестве самостоятельного критерия оценки деятельности учреждений и органов УИС.

[1] Обзор об организации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания осужденных к лишению свободы, а также замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в 2018 году, о практике перевода осужденных из исправительных колоний в колонии-поселения в 2018 году : письмо ФСИН России от 13 сент. 2019 г. № 03-17272. Документ опубликован не был.

[2] Российская газета. 2018. 5 июля.

[3] Обзор о результатах организации и проведения в 2018 году культурно-массовой и спортивно-массовой работы с осужденными в учреждениях УИС : письмо ФСИН России от 23 марта 2019 г. № 03-21653. Документ опубликован не был.

Само общественное воздействие имеет большое воспитательное значение и призвано способствовать приобретению или восстановлению осужденным социально полезных связей, привитию навыков участия в жизни общества. Сегодня с ИУ взаимодействуют различные общественные организации, в числе которых правозащитные, творческие организации и объединения, благотворительные фонды и т. п. Их участие в воспитательной работе с осужденными может выражаться в различных организационно-правовых формах, иметь различные виды и использовать многообразные средства.

Основным направлением общественного воздействия, которое применяется к осужденным к лишению свободы, является обеспечение прав и законных интересов посредством осуществления общественного контроля. Общественный контроль реализуется на основании Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»[1], а также Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»[2]. Общественные наблюдательные комиссии ведут постоянный мониторинг соблюдения прав осужденных к лишению свободы, осуществляют выезды в ИУ.

Еще одним из важнейших направлений в воспитательной работе с осужденными является духовно-нравственное воспитание, осуществляемое религиозными организациями в порядке обеспечения права на вероисповедание и отправление религиозных обрядов (ст. 14 УИК РФ). Для реализации осужденными к лишению свободы права на свободу совести и свободу вероисповедания в учреждениях, исполняющих наказания, федеральный орган УИС заключает с централизованными религиозными организациями (Русская православная церковь, Федерация еврейских общин России, Духовное управление мусульман России и др.) соглашения о взаимодействии. Рассматривая в качестве примера взаимодействие ФСИН России и Русской православной церкви по состоянию на 1 июля 2019 г., можно говорить о 51 соглашении о взаимодействии между территориальными органами ФСИН России и митрополиями и епархиями Русской православной церкви. Полезный результат данного сотрудничества выражается в функционировании более 1,5 тыс. объектов, используемых для проведения религиозных обрядов и церемоний, в учреждениях УИС[3].

К тому же значимость участия общественности в осуществлении воспитательной работы с осужденными к лишению свободы применимо конкретно к 2019 г. особо подчеркивается мероприятиями, проводимыми в рамках реализации указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2018 г. № 181 «О проведении в Российской Федерации Года театра»[4]. Так, в течение года в различных ИУ по всей стране с театральными постановками выступали актеры театра и кино, проводились творческие встречи, мастер-классы по актерскому мастерству и сценической речи с осужденными – участниками театральных студий и кружков.

Таким образом, активное участие общества в воспитательном процессе может обеспечить необходимый уровень позитивного изменения личности осужденного и значительно помочь в вопросе его ресоциализации.

8) *Состояние кадрового обеспечения воспитательных подразделений УИС.* Эффективность функционирования учреждений и органов УИС определяется количеством и качеством ее кадрового потенциала. Сегодня общая численность персонала УИС России составляет почти 295,9 тыс. чел. По данным УВСПР ФСИН России, в 2018 г. штатная численность основной категории сотрудников воспитательных подразделений – начальников отрядов – насчитывала 5 657 единиц, что составляет почти 2 % от общего числа всего персонала УИС. Фактическая же численность начальников отрядов на 1 января 2019 г. составляла 5 348 чел., а общий процент укомплектованности рассматриваемой должности профессиональными сотрудниками составил лишь 94,6 %[5].

Таким образом, сложившаяся ситуация оказывает отрицательное влияние не только на состояние воспитательной работы, но и в целом на оперативную обстановку в ИУ. В данном случае уместно привести слова профессора В. И. Огородникова о том, что «эффективность деятельности

[1] Российская газета. 2014. 23 июля.

[2] Там же. 2008. 18 июня.

[3] Обзор о состоянии воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными в исправительных учреждениях за первое полугодие 2019 года : письмо ФСИН России от 21 авг. 2019 г. № 03-56934. Документ опубликован не был.

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 18, ст. 2616.

[5] Обзор об организации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания осужденных к лишению свободы, а также замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в 2018 году, о практике перевода осужденных из исправительных колоний в колонии-поселения в 2018 году : письмо ФСИН России от 13 сент. 2019 г. № 03-17272. Документ опубликован не был.

структурных подразделений УИС – первостепенная задача органов ее управления, эффективное решение которой целиком зависит от профессиональной подготовки и компетенции персонала» [Огородников 2016, с. 52].

9) *Состояние материально-технической базы для организации воспитательной работы.* Немаловажным фактором, определяющим эффективность воспитательной работы с осужденными, является материально-техническая база ИУ. Нормы ее создания, установленные еще в 1997 г., предполагают наличие в ИУ следующих помещений и сооружений: зрительный зал для массовой воспитательной работы; класс общеобразовательного обучения; комната воспитательной работы; помещение радиоузла; читальный зал библиотеки; книгохранилище библиотеки; летняя площадка для просмотра кинофильмов со зрительным залом[1]. В настоящее время материально-техническая база для организации воспитательной работы активно развивается, широкое распространение получила практика создания кафе на территории ИУ для проведения краткосрочных свиданий осужденных. Так, кафе функционируют уже в 500 ИУ на 3 649 посадочных мест.

Помимо этого, для проведения индивидуальной и групповой воспитательной работы с осужденными в ИУ на начало 2018 г. оборудовано 5 707 комнат воспитательной работы, 2 983 спортивных уголка, 608 студий кабельного телевидения, 1 081 библиотека с книжным фондом 5 315 822 экземпляра. Вместо зрительных залов также организуются клубы, общее количество которых составляет 541[2].

Из приведенных данных становится очевидным, что действующие нормы создания материально-технической базы для организации воспитательной работы являются устарелыми и не отвечают в полной мере современным требованиям, предъявляемым к деятельности ИУ.

10) *Уровень постпенитенциарного рецидива,* без сомнения, является важным критерием, наглядно демонстрирующим результат не только воспитательной работы с осужденными в период отбывания наказания, но и результат всей деятельности УИС. Однако не следует забывать, что постпенитенциарные преступления совершаются под влиянием совокупности факторов, сформировавшихся не только и не столько в результате пребывания определенного срока в учреждениях УИС, а в результате совокупности факторов общественного влияния социума. Как правило, специалисты основные причины рецидивной преступности видят в результате воздействия на личность следующих групп факторов: общие для всей преступности причины и условия, а также связанные с отбыванием наказания и процессами социальной адаптации.

В настоящее время число осужденных, содержащихся в ИУ, совершивших преступление повторно, за последние годы остается примерно на одном уровне, но вместе с тем увеличивается численность осужденных, совершивших преступление третий и более раз (табл. 2)[3].

Следует подчеркнуть, что рецидив подразумевает под собой не просто продолжение преступной деятельности, а возвращение к ней. В этой связи актуально следующее замечание профессора Д. С. Чукмаитова: «Если лицо после применения к нему мер государственного воздействия вновь совершает преступление, значит, необходимо анализировать причины неудачной попытки стимулировать его правопослушное поведение» [Чукмаитов 2014, с. 88].

Таблица 2

Количество осужденных, отбывающих наказание второй и более раз в 2008–2018 гг., %

Отбывают наказание	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Второй раз	26	26,2	30,4	29,8	29	27,8	25,8	25	24,1	23,4	22,8
Третий и более раз	20,7	21,5	30,4	32,5	33,9	36,2	37,7	37,9	38,8	39	39,6

Подводя общий итог, следует отметить, что нами был осуществлен анализ лишь части актуальных организационно-распорядительных документов ФСИН России и ведомственной отчетности, раскрывающих как положительные про-

[1] Об утверждении норм создания материально-технической базы для организации воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях : постановление Правительства Рос. Федерации от 2 авг. 1997 г. № 974 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 32, ст. 3787.

[2] Обзор о состоянии материально-технической базы для проведения воспитательной работы с осужденными в ИУ : письмо ФСИН России от 18 апр. 2018 г. № 03-27339. Документ опубликован не был.

[3] Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // ФСИН России : [сайт.]. URL: http://фсин.рф (дата обращения: 28.10.2019).

явления в работе воспитательной системы ФСИН России, так и целый ряд проблемных вопросов организационно-правового характера, решение которых, как представляется, в современных условиях значительно повысит эффективность организации воспитательной работы с осужденными. Полагаем, что регулярный мониторинг и анализ процессов по организации и проведению воспитательной работы с осужденными позволят своевременно решать вопрос о необходимости внесения соответствующих коррективов с целью повышения ее эффективности.

Список цитируемых источников

Анализ состояния 2017 – Анализ состояния профилактического учета в ИУ : аналит. обзор / Д. В. Горбач [и др.]. Рязань : Акад. ФСИН России, 2017. 49 с.

Огородников 2016 – *Огородников В. И.* Актуальные проблемы кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы // Международный пенитенциарный журнал. 2016. № 4. С. 52–55.

Организация воспитательной работы 2018 – Организация воспитательной работы с осужденными : учеб. пособие / под ред. А. М. Потапова. 2-е изд., испр. и доп. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2018. 235 с.

Терехин, Чернышов 2013 – *Терехин В. И., Чернышов В. В.* Количественная оценка уровня ресоциализации и социальной адаптации осужденных // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2. С. 109–115.

Чукмаитов 2014 – *Чукмаитов Д. С.* Рецидив преступлений как важнейший критерий эффективности уголовно-правового воздействия // Право и государство. 2014. № 2(63). С. 86–91.

References

Chukmaitov, D. S. (2014), "Recidivism of crimes as the most important criterion of efficiency of criminal-legal influence", *Pravo i gosudarstvo,* no. 2(63), pp. 86–91.

Gorbach, D. V., Strelkov, D. O., Antipov, A. Yu., Kutukov, N. N. and Gorban', D. V. (2017), *Analiz sostoyaniya profilakticheskogo ucheta v IU* [Analysis of the state of preventive accounting in IU], Akademiya FSIN Rossii, Ryazan, Russia.

Ogorodnikov, V. I. (2016), "Actual problems of personnel maintenance of the penal system", *Mezhdunarodnyi penitenciarhyi zhurnal,* no. 4, pp. 52–55.

Potapov, A. M. (ed.) (2018), *Aktual'nye problemy kadrovogo obespechenija ugolovno-ispolnitel'noi sistemy.* [Organization of educational work with convicts], VIPE FSIN Rossii, Vologda, Russia.

Terekhin, V. I. and Chernyshov, V. V. (2013), "Quantitative assessment of the level of resocialization and social adaptation of convicts", *Chelovek: prestuplenie i nakazanie,* no. 2, pp. 109–115.

Информация об авторе

Метлин Дмитрий Геннадьевич,
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация; metlin_d.g@mail.ru

Information about the author

Metlin Dmitrii G.,
Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation; metlin_d.g@mail.ru

Для цитирования

Метлин Д. Г. Анализ эффективности организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях УИС России: критерии оценки современного состояния // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 9–16.

For citation

Metlin, D. G. (2020), "Efficiency of the organization of educational work with convicts to imprisonment in correctional institutions of the penal system of Russia: appraisal criteria of the current state", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 9–16.

УДК 343.85:343.326

Н. В. Румянцев[1, 2]
[1] Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Российская Федерация
[2] Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация

N. V. Rumyantsev[1, 2]
[1] Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian Federation
[2] Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Вопросы взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с органами внутренних дел по предупреждению преступлений экстремистской направленности и террористического характера

Issues of the interaction of the penal system institutions and bodies with law enforcement agencies for the prevention of extremist and terrorist crimes

Ключевые слова: профилактика; противодействие; экстремизм; терроризм; органы внутренних дел; уголовно-исполнительная система; места лишения свободы; учреждения.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы взаимодействия органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы по предупреждению экстремистской и террористической деятельности, особое внимание уделено факторам, препятствующим осуществлению профилактики данным преступным явлениям.

Key words: prevention; counteraction; extremism; terrorism; law enforcement agencies; the penal system; places of deprivation of liberty; institutions.

Abstract. The article considers the issues of interaction between law enforcement agencies and the penal system to prevent extremist and terrorist activities, as well as factors that impede the prevention of these criminal phenomena.

Противодействие деятельности экстремистской направленности и террористического характера – одна из важнейших проблем современного мира.

Мировое сообщество не смогло использовать накопленную за свою историю огромную систему разносторонних знаний для создания надежного заслона от терроризма и экстремизма – явлений, превратившихся впоследствии в серьезную проблему для человечества. Сегодня эти вопросы особенно актуальны, так как они вышли за рамки национальной проблемы и приобрели международные масштабы [Терроризм 2004, с. 3].

В настоящее время религиозные экстремистские и террористические организации все чаще используют в своей деятельности различные формы давления на органы государственной власти, а также устранения политических оппонентов, их устрашения и другие методы.

Особое беспокойство вызывают рост профессиональной квалификации террористов и экстремистов, их ориентация на причинение максимального ущерба, расширение арсенала технических средств, используемых для совершения террористических актов, высокий уровень финансового обеспечения и ряд других факторов, подтверждающих вывод об усиливающейся опасности современного экстремизма и терроризма и о превращении их в стратегическую угрозу глобального масштаба [Рыбина, Дерен 2019, с. 120].

Распространению деятельности экстремистской направленности и террористического характера на территории Российской Федерации способствуют такие факторы, как: возрастающий поток миграции, способствующий проникновению иностранных боевиков под видом беженцев и трудовых мигрантов (например, в местах лишения свободы отбывают наказание около 30 тыс. чел. из стран Центрально-Азиатского региона, что непосредственно способствует заражению других осужденных идеями религиозного экстремизма) [Лапутина 2019, с. 27]; наличие этнических организованных преступных групп, оказывающих содействие преступным элементам; возможность использования средств телекоммуникаций лицами, склонными к экстремистской и террористической деятельности; осуществление через интернет-ресурсы организации вербовки адептов; совершение преступных финансовых операций и др.

© Румянцев Н. В., 2020

Данные правоохранительных органов Российской Федерации свидетельствуют о непрекращающемся стремлении деструктивных сил к новым проявлениям террористического характера. Так, по сведениям руководства ФСБ России, только в 2019 г. ликвидировано 49 террористических ячеек и предотвращено 39 попыток совершения террористических актов на территории страны[1]. Если же учитывать, что за последние три года (с 2016 по 2018 г.) количество осужденных за экстремизм и терроризм в России увеличилось почти на 700 чел. и составило 2 752 чел., то можно предположить, что ожидает нас в будущем. Все эти обстоятельства свидетельствует о серьезности создавшейся обстановки и необходимости принятия решительных шагов по ее стабилизации[2].

Не случайно в феврале 2019 г. на расширенном заседании коллегии МВД России Президент Российской Федерации В. В. Путин указал на тот факт, что преступления экстремистской направленности в различных формах фиксируются практически в каждом регионе России. Особо отмечена президентом важность концентрации усилий на выявлении преступлений экстремистской направленности[3].

Обозначенные по данному направлению задачи нашли свое отражение в Комплексном плане противодействия идеологии терроризма на 2019–2023 гг., утвержденном главой государства от 28 декабря 2018 г. № Пр-26654[4]. Среди основных задач по реализации данного плана обозначены такие, как: реализация мер по формированию у населения Российской Федерации антитеррористического сознания; совершенствование мер информационно-пропагандистского характера и защиты информационного пространства Российской Федерации от идеологии терроризма; развитие организационных и иных мер, направленных на повышение результативности деятельности субъектов противодействия терроризму.

В указанном плане среди государственных и исполнительных органов, а также общественных организаций, перед которыми поставлена цель повысить эффективность работы по предупреждению вовлечения граждан в террористическую деятельность, одними из первых указаны Федеральная служба исполнения наказаний и Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Для каждого из этих ведомств определены следующие основные задачи:

– повышение эффективности профилактической работы с лицами, подверженными воздействию идеологии терроризма, а также попавшими под ее влияние;

– проведение с лицами, отбывающими наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, информационно-пропагандистских мероприятий по разъяснению преступной сущности и общественной опасности терроризма, с привлечением религиозных и общественных организаций, психологов;

– осуществление с лицами, отбывающими наказание, в том числе за преступления террористического характера, не связанное с лишением свободы, профилактических мер в форме индивидуальных бесед, с привлечением представителей религиозных и общественных организаций, психологов;

– проведение с членами семей лиц, причастных к террористической деятельности, бесед по разъяснению норм законодательства Российской Федерации за участие и содействие террористической и экстремистской деятельности;

– проведение с лицами, состоящими на профилактическом учете и находящимися под административным надзором в органах внутренних дел, которые причастны к совершению правонарушений в сфере общественной безопасности, профилактических бесед о непринятии идеологии терроризма;

– обеспечение повышения квалификации сотрудников, участвующих в реализации мероприятий по противодействию терроризму, и др.

Основные задачи по борьбе с экстремистской и террористической деятельностью на территории Российской Федерации и укреплению международного сотрудничества в противодействии им были детально рассмотрены и обсуждены на совместно организованной МВД России и МИД России научно-практической конференции в марте 2019 г., проходившей в Московском университете МВД России им. В. Я. Кикотя. В своем выступлении министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев отметил, что в современном мире негативное влияние радикальных идеологий представляет серьезную угрозу безопасному существованию суверенных государств, и «в таких условиях не должно быть места геополитическим амбициям и противоречиям. Важно консолидировать усилия мирового сообщества в противодействии этим негативным вызовам»[5].

---

[1] Российские спецслужбы предотвратили 39 терактов в 2019 году. URL: ria.ru/2019016/1559839755.html (дата обращения: 15.12.2019).

[2] Оганесян С. С. Анатомия смерти // Московский комсомолец. 2019. № 238(433). С. 4.

[3] Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел. URL: kremlin.ru/events/president/news/59913 (дата обращения: 15.12.2019).

[4] URL: mchs.gov.ru/dokumenty/2632 (дата обращения: 15.12.2019).

[5] В таких условиях не должно быть места геополитическим амбициям и противоречиям // Служу Закону : газета Моск. ун-та МВД России им. В. Я. Кикотя. 2019. № 3(68). С. 1.

На проведенном в мае 2019 г. на базе Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России с руководителями территориальных подразделений органов внутренних дел Всероссийском семинаре-совещании были также подробно обсуждены актуальные проблемы противодействия экстремистской деятельности и терроризму. Особое внимание было уделено применению норм административного и уголовного законодательства, ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а также мерам по профилактике и предупреждению экстремистских и террористических проявлений[1].

Большую тревогу вызывают факты проникновения и распространения идеологии экстремизма и терроризма в учреждения уголовно-исполнительной системы, поскольку подозреваемые, обвиняемые и осужденные за данные категории преступлений нередко продолжают осуществлять противоправную деятельность в местах лишения свободы, получая финансирование извне и втягивая в свои ряды новых адептов.

Анализ работы территориальных органов ФСИН России по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, совершаемых членами деструктивных религиозных организаций в местах лишения свободы, показал, что подобная преступная деятельность осуществляется в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Данные факты были зафиксированы, например, в исправительных учреждениях УФСИН России по Республике Татарстан и УФСИН России по Белгородской области, где преступная деятельность осужденных по созданию международного религиозного объединения и призывам к экстремистской деятельности в ходе проведения оперативных мероприятий была задокументирована и стала основанием привлечения их к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Осужденные, находясь в местах лишения свободы, испытывая серьезный психологический стресс, вызванный самим фактом осуждения, нередко становятся «благодатным субстратом для адептов религиозного экстремизма» [Тулегенов 2003, с. 228], объектом для восприятия новых идей и ценностей, чем успешно пользуются идеологи экстремистских взглядов.

Среди осужденных немало тех, кто имеет низкий уровень материального достатка, что нередко способствует попаданию их в материальную зависимость, таким образом пополняя «питательную среду» экстремистских идеологов.

Радикализация осужденных нередко происходит как по информационным источникам (сеть «Интернет»), так и через печатную продукцию экстремистского направления, отражающую, безусловно, экономическую стабильность экстремистских и террористических организаций.

Положительное влияние на профилактическую работу с лицами, склонными к экстремистской и террористической деятельности, в исправительных учреждениях оказывает взаимодействие сотрудников психологических и воспитательных, режимных подразделений учреждений уголовно-исполнительной системы и сотрудников различных служб органов внутренних дел.

Несомненно, каждая из вышеуказанных служб решает свои специфические задачи, связанные с противодействием распространению идеологии экстремизму и терроризму, а также с ресоциализацией лиц, вставших на путь деструктивной религиозной деятельности.

В целях реализации комплексного плана противодействия экстремистской идеологии в Национальном антитеррористическом комитете создана межведомственная рабочая группа из сотрудников правоохранительных и силовых структур, с привлечением ведущих ученых, для организации и проведения профилактической работы по пресечению распространения противоправной деятельности экстремистской направленности и террористического характера.

Необходимо особо отметить, что работа по противодействию экстремистской и террористической деятельности, безусловно, у сотрудников уголовно-исполнительной системы и правоохранительных органов вызывает определенные сложности. Так, проведенные научные исследования показали, что противодействию распространению данному противоправному явлению препятствует ряд обстоятельств: это закрытость деструктивных религиозных организаций; проверка новых членов деструктивных религиозных организаций; отсутствие необходимых знаний у сотрудников о религиозных нормах; фанатичность членов деструктивной религиозной организации и, как следствие, отрицание любого инакомыслия; высокий уровень недоверия к сотрудникам со стороны членов деструктивных религиозных организаций; попытки давления на администрацию учреждений уголовно-исполнительной системы со стороны экстремистски настроенных религиозных организаций через манипуляцию правами верующих и др.

В настоящее время в ФСИН России реализуются мероприятия, направленные на выполнение задач по противодействию религиозному экстремизму, создана рабочая группа по выра-

[1] URL: нф.крду.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/17080737/ (дата обращения: 15.12.2019).

ботке комплекса мер по профилактике терроризма и экстремистской деятельности в тюрьмах. Учеными Научно-исследовательского института ФСИН России совместно с управлением кадров федеральной службы подготовлено методическое пособие (с рекомендациями) «Научные основы подготовки кадров воспитательных, психологических и социальных служб УИС к профилактике и противодействию религиозному экстремизму», запланированы и реализуются совместно со структурными подразделениями и образовательными организациями ФСИН России научно-исследовательские разработки, которые, несомненно, будут способствовать повышению эффективности профилактической работы по противодействию экстремистской и террористической деятельности.

Итак, в настоящей статье мы рассмотрели лишь некоторые проблемы и задачи по осуществлению противодействия противоправной деятельности членов деструктивных религиозных организаций. Эффективное осуществление, выявление, пресечение и раскрытие преступлений, совершаемых сподвижниками экстремистской и террористической деятельности, невозможны без тщательного изучения общественных отношений и определения своеобразных механизмов, основанных на закономерностях этих явлений.

Список цитируемых источников

Лапутина 2019 – *Лапутина Е. А.* Особенности содержания лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 2(20). С. 27–29.

Рыбина, Дерен 2019 – *Рыбина С. Н., Дерен И. И.* Актуальные проблемы нормативно-правового регулирования экологического терроризма // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 2(20). С. 117–120.

Терроризм 2004 – Терроризм: борьба и проблемы противодействия : учеб. пособие / В. Я. Кикоть [и др.]. М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2004. 592 с.

Тулегенов 2003 – *Тулегенов В. В.* Криминальная субкультура и ее криминологическое значение : дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. 228 с.

References

Laputina, E. A. (2019), “Features of the content of persons serving sentences in correctional institutions for committing crimes of a terrorist nature and extremist orientation”, *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel’naya praktika,* no. 2(20), pp. 27–29.

Rybina, S. N. and Deren, I. I. (2019), “Actual problems of legal regulation of environmental terrorism”, *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel’naya praktika,* no. 2(20), pp. 117–120.

Kikot’, V. Ya., Kazantsev, S. Ya., Kofman, B. I. and Eriashvili, N. V. (2004), *Terrorizm: bor’ba i problemy protivodeistviya* [Terrorism: struggle and problems of counteraction], YuNITI, Zakon i parvo, Moscow, Russia.

Tulegenov, V. V. (2003), “Criminal subculture and its criminological significance”, Ph.D. Thesis, criminal law and criminology, penal law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia.

Информация об авторе

Румянцев Николай Викторович,
доктор юридических наук, доцент,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Российская Федерация; Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация; rumyancev.@list.ru

Information about the author

Rumyantsev Nikolai V.,
Doctor of Law, associate professor,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian Federation; Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; rumyancev.@list.ru

Для цитирования

Румянцев Н. В. Вопросы взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с органами внутренних дел по предупреждению преступлений экстремистской направленности и террористического характера // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 17–20.

For citation

Rumyantsev, N. V. (2020), “Issues of the interaction of the penal system institutions and bodies with law enforcement agencies for the prevention of extremist and terrorist crimes”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 17–20.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

УДК 343.346.6:343.85

А. А. Ашин[1]
А. Е. Михайлов[1, 2]
[1] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

A. A. Ashin[1]
A. E. Mikhailov[1, 2]
[1] Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Проблемные аспекты правового обеспечения противодействия незаконной миграции

Problematic aspects of legal support for countering illegal migration

Ключевые слова: противодействие правонарушениям; незаконная миграция; профилактика правонарушений; борьба с правонарушениями; минимизация и ликвидация последствий правонарушений.

Аннотация. Государственная политика в сфере противодействия незаконной миграции отличается наличием правовых пробелов и противоречий. При этом, являясь частью государственной политики по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, она должна соответствовать организационному принципу единства и обладать тем же инструментарием воздействия на общественные отношения, что и другие виды деятельности по противодействию угрозам национальной безопасности: экстремизму, терроризму, коррупции и т. п. Авторский коллектив на основе проведенного исследования предлагает принять федеральное законодательство, формирующее общую систему противодействия правонарушениям в России, в соответствии с которой разработать организационно-правовые основы противодействия незаконной миграции.

Key words: counteraction to offenses; illegal migration; prevention of offenses; fight against offenses; minimization and elimination of consequences of offenses.

Abstract. The state policy in the sphere of combating illegal migration is characterized by the presence of legal gaps and contradictions. At the same time, being a part of the state policy on ensuring the national security of the Russian Federation, the state policy on combating illegal migration must comply with the organizational principle of unity and have the same tools for influencing public relations as other types of activities to counter threats to national security: extremism, terrorism, corruption, etc. The author's team, on the basis of the conducted research, proposes to adopt Federal legislation that forms the General system of counteraction to offenses in Russia, in accordance with which to form the organizational and legal basis for countering illegal migration.

Процессы, происходящие в современном обществе, отличаются стремительностью и порой непредсказуемостью. Внезапно обострившаяся политическая ситуация в Украине, последовавшие за этим антироссийские «санкционные» меры ряда стран Запада, резкое снижение стоимости энергоресурсов не могли не сказаться на общей социально-экономической и политической жизни нашей страны. Стагнация в экономике сменилась ухудшением экономических показателей, что в свою очередь повлекло ряд изменений в общественных отношениях, в том числе в миграционной сфере.

В 2015–2016 гг. наблюдалось закономерное снижение потока внешних мигрантов в Российскую Федерацию[1]. Причем, помимо указанных негативных факторов, определенную роль здесь сыграло и изменение административно-правового регулирования миграционной политики[2]. Однако начиная с 2017 г. на фоне процессов стабилизации социально-экономических показателей в России вновь наметилась тенденция к росту внешних миграционных потоков.

Так, за период с 2016 по 2018 г. количество фактов постановки на миграционный учет иностранных

© Ашин А. А., Михайлов А. Е., 2020

[1] Гусенко М. Не понаехали тут: поток мигрантов уменьшается, но по-прежнему перекрывает естественную убыль населения // Российская газета. 2017. 21 нояб.

[2] Субботин И. Обваливающийся рубль погнал мигрантов из России в Ирак и Сирию // Московский комсомолец. 2014. 19 дек.

граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации выросло практически на 20 %[1], причем существенные темпы прироста наблюдались как в 2017, так и в 2018 г. В связи с этим вполне очевидно обострение проблематики незаконной миграции, общественная опасность которой достаточно исследована в научной литературе [Дядюн 2013, с. 55–71].

Явление незаконной миграции образуется за счет правонарушений миграционного законодательства. Причем многие из этих правонарушений совершаются в совокупности с другими деяниями – незаконным оборотом наркотиков, преступлениями коррупционного, а также террористического характера и экстремистской направленности и т. д.

Именно поэтому вполне закономерным представляется тот факт, что противодействие незаконной миграции является одной из основных задач, сформулированных в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 6222 (далее: Концепция). При этом в качестве одного из направлений развития противодействия незаконной миграции называется совершенствование правовой основы данного направления миграционной политики. Вместе с тем обращает на себя внимание определенная разбалансированность подхода законодателя к оценке содержания и значения противодействия незаконной миграции.

Во-первых, сам по себе термин «противодействие незаконной миграции», хотя и является легальным и прочно вошедшим в профессиональную лексику [Сазонова, Сазонова 2019, с. 11–12], тем не менее используется законодателем непоследовательно.

Так, Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (далее: ФЗ № 109)[3], определяя цели миграционного учета, указывает среди них на противодействие незаконной миграции (п. 6 ч. 1 ст. 4). Однако более нигде в ФЗ № 109 данный термин не употребляется, что не позволяет определить ни значение, ни сущность данного направления деятельности.

В Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[4], предметом правового регулирования которого являются правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации и их взаимоотношение с органами власти, в том числе в связи с их незаконным нахождением на территории России (ст. 1, 10.1, 33), понятие «противодействие незаконной миграции» либо схожие с ним термины вообще не употребляются.

Интересно, что и Концепция не использует термин «противодействие незаконной миграции» при определении задач государственной миграционной политики. Вместо этого применяется оборот «механизмы и средства профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации и коррупционных нарушений в сфере миграции». То, что данный оборот в целом соответствует термину «противодействие незаконной миграции», становится ясно при оценке упоминаемых в Концепции (п. 11 разд. II) мер противодействия незаконной миграции, применяемых в 2012–2017 гг., куда входят как профилактические меры, так и меры юридической ответственности, а также ограничения допуска иностранных граждан на территорию Российской Федерации, используемых для пресечения правонарушений.

Следует отметить, что термин «противодействие незаконной миграции» упоминается в Концепции еще раз как одно из направлений международного сотрудничества в сфере миграции, в то время как механизмы и средства профилактики, предупреждения, выявления и пресечения правонарушений там не встречаются вообще, что, на наш взгляд, также свидетельствует о недостатках в системности и согласованности подхода при конструировании Концепции.

Обращает на себя внимание также и тот факт, что Концепция не содержит разъяснения термина «противодействие незаконной миграции», в связи с чем не совсем ясно, насколько хорошо данное направление деятельности сочетается с механизмами и средствами профилактики, предупреждения, выявления и пресечения правонарушений в сфере миграционного законодательства.

Подобные противоречия отсутствуют в утратившей силу Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года[5], утвержденной 13 июня 2012 г. Президентом Российской Федерации, которая ис-

[1] Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2017 года // МВД РФ : [сайт]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162186; Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2018 года // МВД РФ : [сайт]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/15850787/ (дата обращения: 20.12.2019).

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45, ст. 6917.

[3] Там же. 2006. № 30, ст. 3285.

[4] Там же. 2002. № 30, ст. 3032.

[5] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

пользовала понятие «противодействие незаконной миграции» при описании и задачи государственной миграционной политики, и связанного с ней направления деятельности. Это создавало целостность понятийно-категориального аппарата, применяемого в прежней Концепции и, соответственно, на практике.

Во-вторых, еще один аспект, обращающий на себя внимание при анализе Концепции и определении направления совершенствования правовых основ противодействия незаконной миграции, связан с необходимостью установления содержания «противодействие незаконной миграции».

В этой связи следует отметить, что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее: Стратегия), утвержденная указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683[1], проблематику незаконной миграции ставит на один уровень с такими угрозами, как: экстремизм, терроризм, коррупция, незаконный оборот наркотиков. Отметим, что разработанная Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685[2], выделила противодействие незаконной миграции в качестве одного из семи самостоятельных направлений деятельности. При этом ни в Стратегии, ни в Концепции общественной безопасности Российской Федерации определения понятия «противодействие незаконной миграции» нет.

Интерес представляет позиция М. Н. Козюка, который, проанализировав законодательство, посвященное противодействию коррупции, экстремизму и терроризму, отметил их связь между собой и связь со Стратегией. Этот вывод позволил указанному автору объединить данное законодательство в общую группу с другими документами по противодействию угрозам национальной безопасности [Козюк 2016, с. 388]. В целом мы поддерживаем данную позицию.

Анализ документов стратегического планирования противодействия различным видам правонарушений, обозначенных в Стратегии, прямо указывает на наличие такой связи. Так, в Стратегии государственной антинаркотической политики в Российской Федерации до 2020 года, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690[3], прямо сказано, что антинаркотическая политика является частью государственной политики по обеспечению национальной безопасности (ст. 4).

В Концепции такого прямого указания нет, однако следует отметить, что данный документ имеет более широкий предмет регулирования – миграционную политику как таковую. Тем не менее в Концепции указывается, что миграционная политики является частью государственной политики. Корреспондируя эту идею на противодействие незаконной миграции, следует отметить, что организационный принцип единства государственной политики требует, чтобы все виды противодействия угрозам национальной безопасности реализовывались в рамках общих подходов и принципов с учетом, разумеется, и имеющейся специфики.

Вместе с тем в сфере правового регулирования противодействия незаконной миграции и незаконному обороту наркотиков отсутствуют системообразующие нормативные правовые акты, устанавливающие организационно-правовые основы данных видов противодействия угрозам национальной безопасности. В связи с этим мы не можем однозначно определить содержание термина «противодействие незаконной миграции». Это, безусловно, негативно сказывается на целостности восприятия государственной политики обеспечения национальной безопасности в общем и государственной политики противодействия незаконной миграции, в частности, и, соответственно, на возможности реализовать имеющийся потенциал в данной сфере на практике.

При этом в законодательстве, посвященном противодействию экстремизму, терроризму и коррупции[4], обнаруживается единство подходов к содержанию деятельности по противодействию соответствующим угрозам национальной безопасности, которая реализуется по трем основным направлениям:

1) профилактика (предупреждение, в том числе выявление и устранение причин и условий правонарушений);

2) борьба (выявление, пресечение, предупреждение (в контексте предотвращения), раскрытие и расследование правонарушений);

3) минимизация и ликвидация последствий правонарушений.

---

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1, ч. II, ст. 212.

[2] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 24, ст. 3015.

[4] О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031; Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утв. Президентом Российской Федерации 28 нояб. 2014 г. № Пр-2753. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11, ст. 1146; О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Там же. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228.

В целом, соотнося данные направления противодействия правонарушениям с положениями Концепции, положениями предшествующей ей Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года (о тесной связи которых свидетельствуют не только отсылки к последней, но и структурная и смысловая общность), представляется, что противодействие незаконной миграции воспринимается в значении механизмов и средств профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации, включая и меры ответственности.

Такое понимание не гармонирует с указанными выше направлениями противодействия экстремизму, терроризму и коррупции, а также содержит явную логическую ошибку, связанную с альтернативным использованием терминов «профилактика» и «предупреждение», фактически являющихся синонимами и вызывающих массу дискуссий в научном мире, заострять внимание на которых мы не станем.

В целом противодействие незаконной миграции включает фактически только два направления деятельности: профилактику правонарушений в сфере миграционного законодательства и борьбу с ними. Причем борьба с данными правонарушениями ограничивается лишь выявлением и пресечением, а также применением мер юридической ответственности. Такие виды деятельности, как раскрытие и расследование указанных преступлений фактически остались за рамками специального правового регулирования.

Интересно, что раскрытие и расследование нарушений миграционного законодательства, в совокупности с их выявлением, пресечением и предупреждением, названы в рамках единого направления деятельности органов миграционного контроля в проекте Федерального закона «Об иммиграционном контроле в Российской Федерации»[1], что полностью соответствует борьбе с правонарушениями в том виде, в каком она представлена в законодательстве о противодействии экстремизму, терроризму и коррупции. Среди других семи предполагаемых направлений деятельности органов миграционного контроля отдельно отмечена также и профилактика.

Суть минимизации и ликвидации последствий нарушений миграционного законодательства ни в Концепции, ни в проекте Федерального закона «Об иммиграционном контроле в Российской Федерации», ни в каком-либо другом нормативном правовом акте федерального значения не раскрывается.

При этом последствия незаконной миграции вполне очевидны и имеют как материальный характер (в виде непоступления соответствующих налогов и сборов в бюджет, снижения стоимости работ и услуг в связи с наличием очевидных конкурентных преимуществ у нелегальных мигрантов, ущерба, причиненного коррупционными правонарушениями в миграционной сфере, и т. п.), так и нематериальный характер (в виде формирования недоверия к органам государственной власти, осуществляющим миграционный контроль, и т. п.).

На основании вышеизложенного представляется необходимым выработать единый государственный подход к формированию понятия «противодействие правонарушениям в Российской Федерации» [Михайлов, Ашин, Ткачук 2018; Михайлов 2019], основу которого образует законодательство в сфере противодействия коррупции, экстремизму и терроризму, а на базе этого добиться единообразия систем противодействия другим угрозам национальной безопасности, в том числе и нелегальной миграции, включающего три направления деятельности: профилактику правонарушений, борьбу с ними (в рамках выявления, предотвращения, пресечения, раскрытия и расследования правонарушений), а также минимизацию и ликвидацию последствий данных правонарушений.

В связи с этим требуется внесение изменений в действующую редакцию ФЗ № 109, где ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» следует дополнить понятием «противодействие незаконной миграции» именно в редакции, предложенной нами. Соответственно, необходимо внести изменения и в Концепцию, где фразу «механизмы и средства профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации и коррупционных нарушений в сфере миграции» следует заменить на термин «противодействие незаконной миграции», а по тексту систематизировать предлагаемые меры в соответствии с направлениями противодействия.

[1] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список цитируемых источников

Дядюн 2013 – *Дядюн К. В.* Незаконная миграция: детерминанты и проблемы правового противодействия // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2013. № 1. С. 55–71.

Козюк 2016 – *Козюк М. Н.* Минимизация последствий коррупции как проблема законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник. Вып. 11 / отв. ред. В. И. Герасимов, Д. В. Ефременко. М. : ИНИОН РАН, 2016. Ч. 1. С. 386–389.

Михайлов, Ашин, Ткачук 2018 – *Михайлов А. Е., Ашин А. А., Ткачук Т. А.* Пробелы правового регулирования государственной политики противодействия преступности // Ученые записки. 2018. № 3. С. 122–125.

Михайлов 2019 – *Михайлов А. Е.* Система противодействия правонарушениям в России: некоторые проблемы правового регулирования // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 1(50). С. 108–113.

Сазонова, Сазонова 2019 – *Сазонова Н. В., Сазонова О. А.* Об административно-правовом регулировании незаконной миграции // Studia Humanitatis. 2019. № 3. С. 11–12.

References

Dyadyun, K. V. (2013), "Illegal migration: determinants and problems of legal counteraction", *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke,* no. 1, pp. 55–71.

Kozyuk, M. N. (2016), "Minimizing the consequences of corruption as a problem of legislation in the field of national security", *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and prospects of development, yearbook, vol. 11], in Gerasimov, V. I. and Efremenko, D. V. (ed.), INION RAN, Moscow, Russia, part 1, pp. 386–389.

Mikhailov, A. E. (2019), "System of counteraction to offenses in Russia: some problems of legal regulation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(50), pp. 108–113.

Mikhailov, A. E., Ashin, A. A. and Tkachuk, T. A. (2018), "Gaps in legal regulation of the state policy of combating crime", *Uchenye zapiski,* no. 3, pp. 122–125.

Sazonova, N. V. and Sazonova, O. A. (2019), "On administrative and legal regulation of illegal migration", *Studia Humanitatis,* no. 3, pp. 11–12.

Информация об авторах

Ашин Андрей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; andrey09122004@mail.ru

Михайлов Алексей Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; urgantfr@mail.ru

Information about the authors

Ashin Andrei A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; andrey09122004@mail.ru

Mikhailov Aleksei E.,
PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; urgantfr@mail.ru

Для цитирования

Ашин А. А., Михайлов А. Е. Проблемные аспекты правового обеспечения противодействия незаконной миграции // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 21–27.

For citation

Ashin, A. A. and Mikhailov, A. E. (2020), "Problematic aspects of legal support for countering illegal migration", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 21–27.

УДК 343.268

А. В. Васеловская[1]
[1] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация

A. V. Vaselovskaya[1]
[1] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Проблемы определения основания применения принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, по Уголовному кодексу Российской Федерации

Problems of determining the basis of application of compulsory treatment in a medical organization providing psychiatric assistance in stationary conditions, according to the Criminal Code of the Russian Federation

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера; психиатрический стационар; основание применения принудительного лечения; общественная опасность; критерий общественной опасности.

Аннотация. Предметом настоящего исследования являются общественные отношения, связанные с определением основания применения принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, по Уголовному кодексу Российской Федерации. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что основанием применения принудительного лечения выступает общественная опасность психически больного лица, совершившего деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации. На основе выделения данного основания предложены изменения в действующий уголовный закон.

Key words: compulsory medical measures; psychiatric hospital; basis for compulsory treatment; public danger; criterion of public danger; theory of dangerous condition.

Abstract. The subject of this study is social relations related to determining the basis for the application of compulsory treatment in a medical organization providing psychiatric assistance in stationary conditions, according to the Criminal Code of the Russian Federation. According to the results of the study, it was concluded that the basis for the use of compulsory treatment is a public danger of the personality of a mentally ill person who committed an act provided by a Special part of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the allocation of this basis, amendments to the current criminal law are proposed.

В последнее десятилетие российскими психиатрами отмечается тенденция к неуклонному росту заболеваемости населения страны психическими расстройствами. По оценкам специалистов, в настоящее время в психиатрической помощи нуждается около 14 % населения страны, что составляет более 21 млн чел.[1]

Социальное значение психических расстройств, в отличие от общесоматических, заключается не только в том ущербе, который они могут нанести в связи с потерей частью населения страны трудоспособности, затратами на медицинское и социальное обслуживание таких лиц, но и в той опасности для общества, которую порой представляют лица в силу болезненного состояния их психики. В конечном итоге высокая распространенность психических расстройств становится угрозой внутринациональной безопасности страны, поскольку влияет на повышение уровня криминогенности в обществе.

Одним из правовых институтов, направленных в том числе на предотвращение общественно опасных действий психически больных лиц, является институт принудительных мер медицинского характера.

Действующий уголовный закон предусматривает четыре вида принудительных мер медицинского характера (ст. 99 УК РФ), три из которых связаны с изоляцией лица от общества посредством помещения его в психиатрический стационар.

Помещение лица в психиатрический стационар в целях применения к нему принудительных мер медицинского характера связано с существенными ограничениями прав и свобод данного лица,

[1] Рекомендации «круглого стола» Комитета Государственной думы по охране здоровья на тему «Законодательное регулирование охраны психического здоровья населения Российской Федерации». URL: https://psychiatr.ru/download/3771?view=1&name=%D0%A0%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8+%D0%BA%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE+%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B0+%D0%93%D0%94.pdf (дата обращения: 25.02.2019).

© Васеловская А. В., 2020

особенно в части ограничения личной свободы. Условия содержания в психиатрическом стационаре по характеру и содержанию правоограничений отчасти сопоставимы с условиями отбывания наказания в виде лишения свободы.

При таких обстоятельствах вопросы определения основания применения принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, приобретают особую актуальность.

Следует отметить, что сама по себе категория «основание» относится к философским категориям. Под основанием в философии понимается явление, выступающее как достаточное и (или) необходимое условие, предпосылка существования другого явления[1].

В теории права под основанием принято понимать существенное условие, признак, по которому определяется правовая мера, достаточный повод для ее применения [Алексеев, Смирнов, Шаргородский 1961; Эриашвили 2018]. Под основаниями применения принудительных мер медицинского характера в науке уголовного права понимаются такие обстоятельства, которые определяют необходимость применения (неприменения) принудительных мер медицинского характера как таковых [Жарко 2005; Назаренко 2008; Шакаров 1989; Шашков, Полубинская 2019].

С учетом представленных определений под основаниями применения принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, следует понимать такие обстоятельства объективной действительности, которые являются необходимым условием для применения принудительного лечения, служат объяснением существования указанных мер.

Переходя к анализу действующего уголовного закона на предмет закрепления основания применения принудительного лечения, отметим, что УК РФ содержит в себе отдельную статью, посвященную регламентации оснований применения принудительных мер медицинского характера (ст. 97). В наименовании статьи законодатель определяет «основания» во множественном числе, указывая на то, что их для применения принудительного лечения может быть выделено несколько. Структурно указанная статья состоит из четырех частей, регламентирующих различные аспекты применения принудительных мер: ч. 1 устанавливает категории лиц, к которым могут быть применены принудительные меры медицинского характера; ч. 2 указывает на то, что принудительные меры могут быть применены только в случаях, когда психическое расстройство связано с опасностью психически больного лица для себя или других лиц; ч. 3 содержит положение о правовых актах, которыми должен регулироваться порядок исполнения принудительного лечения; и, наконец, ч. 4 предусматривает право суда передать материалы дела в отношении лица, не представляющего опасность по своему психическому состоянию, в орган исполнительной власти в сфере здравоохранения для решения вопроса о лечении данного лица в порядке, предусмотренном законодательством в сфере охраны здоровья граждан.

То есть положения, закрепленные в ст. 97 УК РФ, направлены на регулирование абсолютно разных вопросов, касающихся принудительного лечения. При этом ни одно из указанных положений, кроме самого названия статьи, не содержит в себе прямого упоминания об основании применения принудительных мер медицинского характера, в связи с чем в правоприменительной практике возникает вопрос: что именно необходимо считать основанием для назначения лицу принудительного лечения? Учитывая то, что статья в целом названа законодателем как «Основания применения принудительных мер медицинского характера», можно сделать вывод о том, что все положения, закрепленные в ней, относятся к основаниям. Однако даже при поверхностном анализе ст. 97 УК РФ становится очевидным, что такой вывод является ошибочным. Так, в ч. 3 дается указание на законодательные акты, которыми должен быть урегулирован порядок исполнения принудительного лечения, при этом об основаниях применения принудительного лечения речи здесь не идет, в связи с чем помещение ее законодателем в ст. 97 УК РФ представляется нецелесообразным.

Неясность законодательного определения основания применения принудительного лечения актуализирует данную проблему в научной среде. В науке уголовного права по данному вопросу высказываются разные позиции. Среди наиболее распространенных можно выделить следующие подходы к определению оснований применения принудительных мер медицинского характера, в том числе принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

1. Основанием применения принудительных мер медицинского характера выступают одновременно несколько обстоятельств, совокупность которых является обязательной для назначения принудительного лечения.

Данная позиция опирается на законодательный подход в формулировании совокупности оснований, которые могут быть выделены из содержания ст. 97 УК РФ. Этой точки зрения придержи-

[1] Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. М. : Сов. энциклопедия, 1983. С. 452.

ваются такие ученые, как: Н. В. Жарко, С. В. Полубинская, Е. А. Попкова, Т. М. Секретарева и др.

Следуя законодательной конструкции ст. 97 УК РФ, Н. В. Жарко, Е. А. Попкова, Т. М. Секретарева отмечают, что основание применения принудительных мер медицинского характера включает в себя совокупность следующих обстоятельств: факт совершения лицом преступления или общественно опасного деяния, предусмотренного статьями Особенной части УК РФ; наличие у этого лица психического расстройства, которое связано с возможностью причинения им иного существенного вреда или опасностью для себя или других лиц; необходимость лечения такого лица вследствие наличия у него психического расстройства [Жарко 2005; Попкова 2005, Секретарева 2000].

О наличии трех элементов (совершение деяния, наличие психического расстройства и потребность в лечении) в составе основания применения принудительных мер медицинского характера, которые в своей совокупности являются необходимыми и достаточными для применения принудительного лечения, говорят и другие исследователи [Иванов 2002; Комментарий к УК РФ 2009; Уголовный закон 1987].

2. Основанием применения принудительных мер медицинского характера является совершение психически больными лицами, указанными в уголовном законе, общественно опасного деяния или преступления.

Данной позиции придерживается С. В. Афиногенов, предлагая рассматривать в качестве основания для применения принудительного лечения «совершение общественно опасного деяния или преступления теми категориями лиц, которые указаны в законе» [Афиногенов 1996, с. 498]. Анализируя данную позицию, следует отметить, что автор не называет такого важного признака психически больных лиц, как их опасность для себя и окружающих.

3. Основанием применения принудительных мер медицинского характера является необходимость лечения лиц, совершивших общественно опасные деяния [Сверчков 2000, с. 31].

На наш взгляд, представленный подход не позволяет, во-первых, ответить на вопрос, чем вызвана эта необходимость лечения, во-вторых отграничить принудительные меры медицинского характера, предусмотренные уголовным законом, от мер медицинского характера, применяемых в соответствии с законодательством об охране здоровья граждан (например, госпитализация лица в психиатрический стационар в недобровольном порядке).

4. Основанием применения принудительного лечения является общественная опасность психически больного лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом [Буфетова 2004; Назаренко 2008; Чучаев 2015].

Так, по мнению А. И. Чучаева, принудительные меры медицинского характера могут применяться только в отношении тех лиц, которые по характеру совершенного ими деяния и своему болезненному состоянию представляют опасность для общества [Чучаев 2015, с. 421]. На наш взгляд, такой подход к определению основания применения принудительных мер медицинского характера является наиболее обоснованным как с позиции правовой природы указанных мер, так и с позиции их законодательного регулирования. В частности, об опасности психически больного лица, в отношении которого решается вопрос о применении к нему принудительных мер медицинского характера, в том числе принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, говорится в ч. 2 и 4 ст. 97 УК РФ.

На опасность психически больного лица указывает и Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»[1]. В п. 2 указанного постановления Верховный Суд Российской Федерации акцентирует внимание на позиции законодателя о том, что принудительные меры медицинского характера применяются лишь при условии, когда психическое расстройство связано с возможностью причинения психически больным лицом иного существенного вреда либо опасностью для себя или других лиц.

На основе анализа представленных в науке уголовного права позиций относительно рассматриваемого вопроса, а также с учетом положений уголовного закона можно сделать вывод о том, что единственным основанием применения принудительного лечения, в том числе в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, выступает общественная опасность личности психически больного лица, совершившего деяние, предусмотренное Особенной частью УК РФ. При этом сам факт нарушения указанным лицом уголовно-правового запрета выступает не основанием, а условием применения принудительного лечения.

Иной подход (то есть признание в качестве основания применения принудительных мер медицинского характера факта совершения лицом преступления или общественно опасного деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ) приводит к выводу о том, что принудительное лечение является возмездием за совершенное деяние. Такой подход прямо противоречит правовой природе принудительных мер медицинского характе-

[1] Российский судья. 2011. № 9. С. 38–44.

ра, которые применяются к лицу не за, а в связи с совершением запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния.

Следует отметить, что в правовой науке концепция общественной опасности личности психически больного лица до настоящего времени не получила должного теоретического осмысления, несмотря на объективную потребность в этом. В значительно большей степени разработана концепция общественной опасности личности преступника. Личность преступника рассматривается учеными с уголовно-правовых, криминологических, криминалистических позиций [Ахмедшин 2005; Ведерников 2014; Волженкин, Бурлаков 1986; Елисеев 1981; Филимонов 1970; Шеслер 2016]. Большой вклад в развитие концепции общественной опасности личности преступника внес В. Д. Филимонов. По его мнению, основным свойством, определяющим специфику личности преступника, является его общественная опасность, которая заключается в реальной угрозе совершения им нового преступления и порождается антисоциальным отношением лица к другим лицам, общественным организациям или государству [Филимонов 1970, с. 32]. В уголовном праве категория «личность преступника» рассматривается в связи с уголовной ответственностью и наказанием. Характеристика личности преступника может влиять на индивидуализацию наказания, на установление квалифицирующего признака в составе преступления, на выбор формы реализации уголовной ответственности. Однако основанием привлечения лица к уголовной ответственности является факт совершения им преступления.

Таким образом, под общественной опасностью личности преступника понимается реальная возможность (угроза) повторения им своего преступного поведения. В качестве обстоятельств, способствующих совершению лицом нового преступления, выступают антисоциальные установки в структуре его поведения.

В отличие от категории «личность преступника», личность психически больного рассматривается в основном с медицинских позиций в аспекте особенностей проявления симптомов психических расстройств [Мальцев, Котов 1995]. Вместе с тем поведение психически больного лица, склонного к совершению общественно опасных деяний либо уже нарушившего уголовно-правовой запрет, имеет и правовое значение. В силу болезненного состояния психики лицо, совершив деяние, предусмотренное Особенной частью УК РФ, способно к повторению модели своего противоправного поведения. Однако в качестве обстоятельств, способствующих совершению таким лицом нового общественно опасного деяния, будут выступать не антисоциальные установки (хотя и они полностью не исключены), как это было отмечено в отношении общественной опасности личности преступника, а болезненное состояние психики.

Н. В. Щедрин, говоря о мерах безопасности, к которым по своей правовой природе относится и принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, отмечает, что категория «опасность» может быть определена как объективно существующая возможность вредоносного воздействия на систему (объект), в результате которого система прекратит свое существование или не сможет выполнять свои основные функции [Щедрин 2013, с. 27].

Возможность вредоносного воздействия со стороны психически больного лица, т. е. его общественная опасность, может быть охарактеризована следующими критериями.

1) Медицинский критерий, определяющий состояние психического здоровья лица. Он является основным при решении вопроса о назначении лицу принудительного лечения.

Медицинский критерий выделен в уголовном законе. В соответствии со ст. 100–101 УК РФ если характер психического расстройства лица требует таких условий лечения, ухода, содержания и наблюдения, которые могут быть осуществлены только в стационарных условиях, лицо подлежит принудительному лечению в условиях психиатрического стационара общего типа, специализированного типа либо специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Установление у лица психического расстройства, постановка диагноза, определение тяжести психического расстройства и особенностей его течения относятся к компетенции врачей-психиатров. Правовую оценку данному критерию в совокупности с другими критериями дает суд.

2) Юридический критерий, включающий в себя оценку характера совершенного лицом общественно опасного деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ. При решении вопроса о наличии либо отсутствии оснований для применения принудительного лечения, связанного с изоляцией от общества, суд принимает во внимание характер совершенного лицом деяния, его тяжесть (например, было ли связано совершенное деяния с посягательством на жизнь и здоровье людей, сопровождалось ли совершение деяния повышенным уровнем агрессии, жестокостью и т. д.).

Вместе с тем следует отметить, что между характером совершенного деяния и видом принудительного лечения отсутствует прямая причинно-следственная связь. Иными словами, совершение лицом запрещенного уголовным законом обществен-

но опасного деяния, отнесенного к категории особо тяжких, не будет в обязательном порядке влечь за собой назначение принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением. И наоборот, совершение психически больным лицом деяния, относящегося к категории небольшой тяжести, не означает, что к лицу не может быть применено принудительное лечение в стационарных условиях.

3) Социально-поведенческий критерий характеризует социально-психологические установки психически больного лица, а также его поведение до и после совершения общественно опасного деяния. Анализ практики назначения принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, показал, что в рамках социально-поведенческого критерия судами наиболее часто учитываются такие обстоятельства, как: повторность совершения лицом общественно опасных деяний (как до, так и после начала развития психического расстройства); нарушения больничного режима, отказ от приема лекарств, склонность к побегам из психиатрического стационара, проявление социальной дезадаптации. В качестве признаков социальной дезадаптации судами наиболее часто учитываются такие показатели, как отсутствие работы, трудовой занятости, жилищно-бытовая неустроенность (отсутствие постоянного места жительства), материальная необеспеченность, отсутствие семьи либо семейное неблагополучие, а также подверженность асоциальному влиянию со стороны третьих лиц. При выписке из психиатрического стационара лицо должно попадать в комфортную для него социальную среду, в которой будет минимизировано влияние негативных факторов, таких как наличие в числе близкого окружения лиц, злоупотребляющих алкоголем, наркотиками, ведущих асоциальный образ жизни. Отсутствие социальных связей либо их утрата за время нахождения в психиатрическом стационаре, а также постоянного места жительства нередко выполняют роль фактора, косвенно характеризующего общественную опасность личности психически больного лица, а потому препятствующего прекращению применения стационарного принудительного лечения либо его изменению на амбулаторное.

Подводя итог, отметим, что, на наш взгляд, единственным основанием применения принудительных мер медицинского характера, в том числе принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, является общественная опасность личности психически больного лица, состоящая как в возможности совершения им нового деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, так и в опасности для самого себя. Помимо категории «основание», возможно выделение «условий» применения принудительного лечения, к числу которых могут быть отнесены факт совершения лицом запрещенного уголовным законом деяния и наличие у лица психического расстройства. С учетом изложенного представляется, что действующая редакция ст. 97 УК РФ нуждается в изменении. В названии ст. 97 УК РФ слово «основания» в форме множественного числа должно быть заменено на форму единственного числа «основание». В качестве единственного основания применения принудительного лечения должна быть указана общественная опасность психически больного лица. Положения, не относящиеся к основанию применения принудительных мер медицинского характера (например, положения ч. 3 ст. 97 УК РФ), должны быть выделены в отдельную статью.

Список цитируемых источников

Алексеев, Смирнов, Шаргородский 1961 – *Алексеев Н. С., Смирнов В. Г., Шаргородский М. Д.* Основания уголовной ответственности по советскому уголовному праву // Правоведение. 1961. № 2. С. 73–85.

Афиногенов 1996 – *Афиногенов С. В.* Принудительные меры медицинского характера // Уголовное право Российской Федерации: Общая часть / С. В. Афиногенов [и др.] ; отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М. : Юрист, 1996. С. 494–500.

Ахмедшин 2005 – *Ахмедшин Р. Л.* Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 210 с.

Буфетова 2004 – *Буфетова М. Ш.* Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные основания применения принудительных мер медицинского характера // Социально-экономические аспекты реформ в России: проблемы, пути их решения (в Сибирском и Дальневосточном регионах) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2004. С. 10–11.

Ведерников 2014 – *Ведерников Н. Т.* Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 148–152.

Волженкин, Бурлаков 1986 – *Волженкин Б. В., Бурлаков В. Н.* Личность преступника и назначение наказания : учеб. пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 88 с.

Елисеев 1981 – *Елисеев С. А.* Личность преступника как одно из оснований индивидуализации наказаний // Актуальные проблемы государства и права в современный период. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 180–181.

Жарко 2005 – *Жарко Н. В.* Принудительные меры медицинского характера (уголовно-правовой аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 27 с.

Иванов 2002 – *Иванов Н. Г.* Принудительные меры медицинского характера // Уголовное право Российской Федерации. В 2 т. Т. 1 : Общая часть / Ю. В. Голик [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М. : Инфра-М, 2002.

Комментарий к УК РФ 2009 – Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. М. : Юрайт, 2009. 1301 с.

Мальцева, Котов 1995 – *Мальцева М. М., Котов В. П.* Опасные действия психически больных. М. : Медицина, 1995. 256 с.

Назаренко 2008 – *Назаренко Г. В.* Принудительные меры медицинского характера : учеб. пособие. М. : Флинта : МПСИ, 2008. 144 с.

Попкова 2005 – *Попкова Е. А.* Принудительные меры медицинского характера, применяемые к психически больным: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты : дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. 227 с.

Сверчков 2000 – *Сверчков В. В.* Принудительные меры медицинского характера // Законность. 2000. № 7. С. 31–32.

Секретарева 2010 – *Секретарева Т. М.* Двусторонний подход к человеку и его правам в сфере принудительного лечения // Современная наука. 2010. № 2. С. 47–51.

Уголовный закон 1987 – Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. М. : Наука, 1987. 276 с.

Филимонов 1970 – *Филимонов В. Д.* Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. 277 с.

Чучаев 2015 – *Чучаев А. И.* Уголовное право. Общая часть : учебник. М. : Проспект, 2015. 448 с.

Шакаров 1989 – *Шакаров Э. Т.* Принудительные меры медицинского характера по делам о невменяемых : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ташкент, 1989. 24 с.

Шеслер 2016 – *Шеслер А. В.* Концептуальные подходы к изучению личности преступника в отечественной криминологии // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 3(40). С. 133–135.

Шишков, Полубинская 2019 – *Шишков С. Н., Полубинская С. В.* Законодательные проблемы принудительных мер медицинского характера (глава 15 УК РФ) // Lex Russica. 2019. № 6(151). С. 161–172.

Щедрин 2013 – *Щедрин Н. В.* Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4(31). С. 26–35.

Эриашвили 2018 – *Эриашвили Н. Д.* Основания применения принудительных мер медицинского характера // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018. № 3. С. 66–79.

References

Afinogenov, S. V. (1996), “Compulsory medical measures”, *Ugolovnoye pravo Rossiiskoi Federatsii: Obshchaya chast’* [Criminal law of the Russian Federation: General part], Yurist, Moscow, Russia, pp. 494–500.

Akhmedshin, R. L. (2005), *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika* [Criminalistic characteristics of the personality of the criminal], Izdatel’stvo Tomskogo Universiteta, Tomsk, Russia.

Alekseev, N. S., Smirnov, V. G. and Shargorodsky, M. D. (1961), “Grounds for criminal liability under the Soviet criminal law”, *Pravovedenie*, no. 2, pp. 73–85.

Bufetova, M. Sh. (2004), “Criminal law and criminal procedure grounds for applying compulsory medical measures”, *Sotsial’no-ekonomicheskiye aspekty reform v Rossii: problemy, puti ikh resheniya (v Sibirskom i Dal’nevostochnom regionakh)* [Socio-economic aspects of reforms in Russia: problems and solutions (in the Siberian and Eastern regions)], Izdatel’stvo VSGTU, Ulan-Ude, Russia, pp. 10–11.

Chuchaev, A. I. (2005), *Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast’* [Criminal law. General part], Prospekt, Moscow, Russia.

Eliseev, S. A. (1981), “The identity of the offender as one of the grounds for individualization of punishments”, *Aktual’nye problemy gosudarstva i prava v sovremennyi period* [Actual problems of state and law in the modern period], Izdatel’stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.

Eriashvili, N. D. (2018), “Grounds for the application of compulsory medical measures”, *Aktual’nye problemy meditsiny i biologii,* no. 3, pp. 66–79.

Filimonov, V. D. (1970), *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika (predposylki, soderzhaniye, kriterii)* [Public danger of the identity of the criminal (prerequisites, content, criteria)], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.

Ivanov, N. G. (2002), "Compulsory medical measures", *Ugolovnoye pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* [Criminal law of the Russian Federation. General part], Infra-M, Moscow, Russia.

Kudryavcev, V. N. and Kelin, S. G. (ed.) (1987), *Ugolovnyi zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya* [Criminal law. Theoretical modeling experience], Nauka, Moscow, Russia.

Mal'tseva, M. M. and Kotov, V. P. (1995), *Opasnye deistviya psikhicheski bol'nykh* [Dangerous actions of mentally ill persons], Meditsina, Moscow, Russia.

Nazarenko, G. V. (2008), *Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera* [Compulsory medical measures], Flinta, MPSI, Moscow, Russia.

Popkova, E. A. (2005) Compulsory medical measures applied to mentally ill persons: criminal law and penal aspects, Ph. D. Thesis, criminal law and criminology, penal law, Krasnoyarsk State University, Krasnoyarsk, Russia.

Secretareva, T. M. (2010), "Bilateral approach to a person and his rights in the field of compulsory treatment", *Sovremennaya nauka,* no. 2, pp. 47–51.

Shakarov, E. T. (1989), Compulsory medical measures in cases of insane persons, Abstract of Ph. D. dissertation, criminal procedure, criminalistics, theory of crime detection, Lenin Tashkent State University, Tashkent, USSR.

Shchedrin, N. V. (2013), "Conceptual and theoretical foundations of legal regulation and application of security measures", *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra,* no. 4(31), pp. 26–35.

Shesler, A. V. (2016), "Conceptual approaches to the study of the criminal personality in Russian criminology", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(40), pp. 133–135.

Shishkov, S. N. and Polubinskaya, S. V. (2019), "Legislative problems of compulsory medical measures", *Lex Russica,* no. 6(151), pp. 161–172.

Sverchkov, V. V. (2000), "Compulsory medical measures", *Zakonnost',* no. 7, pp. 31–32.

Tomilin, V. N. and Sverchkov, V. V. (2009), Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation, Yurait, Moscow, Russia.

Vedernikov, N. T. (2014), "The identity of the criminal in criminalistics and criminology", *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta,* no. 384, pp. 148–152.

Volzhenkin, B. V. and Burlakov, V. N. (1986), *Lichnost' prestupnika i naznacheniye nakazaniya* [The identity of the offender and sentencing], *Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta,* Leningrad, USSR.

Zharko, N. V. (2005), Compulsory medical measures (criminal law aspect), Abstract of Ph. D. dissertation, criminal law and criminology, penal law, Academy of Law and Management of Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia.

Информация об авторе

Васеловская Александра Викторовна,
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация; vaselovskaya.a@mail.ru

Information about the author

Vaselovskaya Aleksandra V.,
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation; vaselovskaya.a@mail.ru

Для цитирования

Васеловская А. В. Проблемы определения основания применения принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, по Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 28–34.

For citation

Vaselovskaya, A. V. (2020), "Problems of determining the basis of application of compulsory treatment in a medical organization providing psychiatric assistance in stationary conditions, according to the Criminal Code of the Russian Federation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 28–34.

УДК 342.5

Р. В. Галицкий[1]
В. А. Клочихин[2]
[1] *Владимирский линейный отдел Министерства внутренних дел Российской Федерации на транспорте, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация*

R. V. Galitsky[1]
V. A. Klochikhin[2]
[1] *Vladimir Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on Transport, Vladimir, Russian Federation*
[2] *Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

Вопросы правового регулирования института общественных советов при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах

Issues of legal regulation of the institute of public councils under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and its territorial bodies

Ключевые слова: общественный контроль; общественный совет; полномочия комиссий общественных советов при МВД России; общественный контроль за обеспечением обороны и безопасности государства органами исполнительной власти.

Аннотация. Актуальность темы обусловлена заинтересованностью государства в широком привлечении общественности на правах партнерства к контролю за деятельностью органов государственной власти. В статье рассмотрены полномочия, предоставленные Общественным советам при МВД России. Проанализировано законодательство, регулирующее общественные отношения по вопросам реализации общественного контроля. Выявлены некоторые несоответствия между задачами и полномочиями общественных советов в сфере контроля, вследствие чего авторами предлагаются конкретные решения по их корректированию.

Key words: public control; public council; powers of commissions of public councils under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; public control over the provision of defense and security of the state by executive authorities.

Abstract. The relevance of the article is due to the state's interest in the broad involvement of the public, on the rights of partnership, to control the activities of public authorities. The article considers the powers granted by the public Council under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The article analyzes the legislation regulating public relations on the implementation of public control. Some discrepancies between the tasks and powers of public councils in the sphere of control are revealed, as a result of which the authors propose specific solutions for their amendment.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своих выступлениях неоднократно отмечал, что государству необходимо поддерживать растущее стремление граждан, представителей общественных и профессиональных объединений, политических партий, предпринимательского класса участвовать в жизни страны.

В подтверждение своих намерений о готовности к открытому и равноправному диалогу с общественностью в последние несколько лет государство значительно расширило не только перечень субъектов общественного контроля и формы его реализации, но и области его охвата. В настоящее время весьма широкий спектр государственной деятельности подвергнут правомочному наблюдению со стороны общественности.

Ряд ученых, рассматривая вопросы взаимодействия общественных институтов и органов власти, также считают, что результатом этого следует ожидать повышение эффективности решения задач, возложенных на них законом. Как отмечает В. В. Гриб, функционирование властных органов должно опираться на поддержку большинства общественных институтов, уникальный потенциал которых может обеспечить переход страны на инновационный путь развития [Гриб 2011]. И. В. Фёдорова в своем диссертационном исследовании приходит к выводу, что, например, задачи, возложенные на полицию, могут быть успешно решены лишь при условии единения с обществом, доверия и содействия с его стороны [Фёдорова 2018, с. 67], с чем нельзя не согласиться.

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»[1] устанавливается правовое основание организации и осуществления об-

© Галицкий Р. В., Клочихин В. А., 2020

[1] Российская газета. 2014. 23 июля.

щественного контроля в сфере обеспечения обороны и безопасности государства, за деятельностью органов государственной власти, в том числе полиции, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций и иных органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия.

Следует отдельно отметить, что действие указанного Федерального закона не распространяется на общественные отношения, регулируемые законодательством о выборах и референдумах, связанные с организацией и проведением общественных обсуждений и публичных слушаний в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности, а также возникающие при осуществлении общественными инспекторами по охране окружающей среды общественного контроля по охране окружающей среды (общественного экологического контроля), общественными инспекторами в области обращения с животными общественного контроля в области обращения с животными (ч. 2 ст. 2).

В рамках регулирования отношений в сфере деятельности по осуществлению общественного контроля законодателем определены и его организационные формы, к числу которых отнесены общественные советы при федеральных органах исполнительной власти.

Своим указом от 23 мая 2011 г. № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах»[1] Президент Российской Федерации постановил, что Общественный совет при Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее: МВД России) и общественные советы при территориальных органах МВД России образуются в целях обеспечения согласования общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций, в том числе профессиональных объединений предпринимателей, и решения наиболее важных вопросов деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Согласно этому указу одной из основных задач, возложенных на общественные советы при МВД России и его территориальных органах, является осуществление общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел, в рамках которого члены общественного совета, представители общественных объединений и общественных организаций наделены достаточно широкими правами:

– посещать без специального разрешения помещения, занимаемые органами внутренних дел, а также места принудительного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, задержанных лиц, лиц, подвергнутых административному аресту, в порядке, установленном министром внутренних дел Российской Федерации;

– знакомиться с обращениями граждан о нарушении их прав, свобод и законных интересов сотрудниками органов внутренних дел, а также с результатами рассмотрения таких обращений;

– ходатайствовать перед соответствующими руководителями органов внутренних дел и контролирующих органов о проведении проверок соблюдения сотрудниками органов внутренних дел прав, свобод и законных интересов граждан, требований к служебному поведению, норм профессиональной этики, принимать участие в таких проверках и знакомиться с их результатами;

– участвовать в порядке, установленном министром внутренних дел Российской Федерации, в работе совещаний, проводимых органами внутренних дел;

– присутствовать в порядке, установленном министром внутренних дел Российской Федерации, при проведении должностными лицами органов внутренних дел личного приема граждан.

Исходя из содержания деятельности общественных советов при МВД России, их состав, как правило, формируется из известных правозащитников, представителей общественных организаций и средств массовой информации, видных деятелей науки, искусства и религии. В рамках осуществления общественными советами своей деятельности предполагаются наличие и целенаправленное применение их участниками профессиональной компетенции и экспертных познаний, широкого кругозора и жизненного опыта, которые позволят эффективно разрешать важные внутренние вопросы, образующиеся как в процессе деятельности органов внутренних дел, так и при взаимодействии МВД России и институтов гражданского общества.

Непосредственные полномочия, которые предоставлены общественным контролерам, входящим в состав восьми комиссий, созданных общественными советами при МВД России, объединяют в себе осуществление деятельности в области организационного и экспертного сопровождений, патриотического, правового и духовно-нравственного воспитания, создания положительного имиджа сотрудника органов внутренних дел, работу с интернет-ресурсами, общественную оценку деятельности полиции, а также проведение общественного контроля.

Согласно сведениям общественных советов при МВД России и его территориальных органов,

[1] Российская газета. 2011. 25 мая.

отраженным в годовых отчетах, в настоящее время наибольшее внимание уделяется контролю деятельности органов внутренних дел по своевременному и качественному предоставлению государственных услуг и соблюдению их сотрудниками конституционных прав и законных интересов граждан.

Характерными примерами такой работы служат выезды представителей общественных советов в территориальные органы внутренних дел с целью: проведения внеплановых проверок деятельности изоляторов временного содержания, оценки качества осуществления процедуры добровольной дактилоскопической регистрации граждан, включенной в перечень государственных услуг, ознакомления со служебной документацией, участия в проводимых органами внутренних дел профилактических и рейдовых мероприятий правоохранительной направленности в области безопасности дорожного движения, предупреждения наркомании и алкоголизма среди несовершеннолетних и др.

Результаты взаимодействия общественных советов с органами внутренних дел, как правило, нередко освещаются средствами массовой информации и являются эффективным инструментом профилактического характера широкого спектра действия как для деятельности государственных органов, так и общественности в целом.

В рамках реализации так называемой обратной связи с гражданскими институтами можно выделить наиболее распространенные проблемы, с которыми обращаются непосредственно граждане. Речь идет о необоснованном отказе в возбуждении уголовного дела, затягивании сроков рассмотрения заявлений о преступлениях и расследования по уголовным делам, незаконном возбуждении уголовного дела, несправедливом решении суда, непристойном поведении представителей полиции. Кроме того, рассматриваемый инструмент защиты активно используется сотрудниками органов внутренних дел, а также лицами, уволенными со службы. От данной категории лиц поступают обращения, связанные с незаконным увольнением сотрудника полиции, неправильным начислением пенсии и обеспечением жильем[1].

Как было отмечено выше, осуществление общественного контроля его организационными формами, к которым отнесены и общественные советы при МВД России, может распространяться в том числе и на деятельность МВД России в части обеспечения обороны и безопасности государства, однако нормативными правовыми актами, регулирующими деятельность общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, такие полномочия его субъектам непосредственно не предоставлены.

Указанная проблема, на наш взгляд, решится в том случае, если МВД России будет рассматриваться не только как федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий властные полномочия, но и как субъект финансово-хозяйственной деятельности. Речь, в частности, идет о деятельности, связанной с вопросами осуществления закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд. Такой подход не будет противоречить правовым основам организации и осуществления общественного контроля за органами государственной власти и одновременно качественно расширит области контроля в рамках осуществления деятельности общественных советов.

Такой подход прямо закреплен в указе Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации»[2], согласно которому МВД России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел.

Кроме того, как хозяйствующий субъект МВД России осуществляет деятельность, направленную на организацию укрепления и развития материально-технической базы органов внутренних дел, обеспечение согласно нормам положенности своих подразделений необходимыми техническими средствами, материальными запасами, а также боеприпасами и вооружением.

Аналогичная позиция следует из сути Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[3] (далее: Закон о закупках), в соответствии с которым МВД России является государственным заказчиком, в том числе заказчиком государственного оборонного заказа, и осуществляет закупочную деятельность в соответствии с Законом о закупках, Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»[4], помимо прочего, и в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации.

---

[1] Отчет о работе Общественного совета при МВД России за 2015 год. URL: ос.мвд.рф/document/7172191 (дата обращения: 20.01.2020).

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 52, ч. V, ст. 7614.

[3] Там же. 2013. № 14, ст. 1652.

[4] Там же. 2012. № 53, ч. I, ст. 7600.

Учитывая эту особенность в рамках совершенствования правоотношений в области осуществления общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел посредством работы общественных советов, целесообразно рассмотреть вопрос о полномочиях последних при осуществлении общественного контроля в сфере обеспечения обороны и безопасности государства, контролируя закупки товаров, работ, услуг для государственных нужд в рамках государственного оборонного заказа.

Для реализации указанных полномочий представляется логичным внести изменения в конструкцию общественного совета путем создания Комиссии по вопросам осуществления общественного контроля за закупками товаров, работ, услуг в рамках государственного оборонного заказа и включения ее в перечень общественных комиссий.

И последнее, на что следует обратить внимание законодателя, – это включить общественные советы при федеральных органах исполнительной власти в число субъектов общественного контроля, которые определены в Законе о закупках.

Таким образом, учитывая особенность деятельности общественных советов, выраженную в широкой публичности, полагаем, что принятые меры по реформированию отраслевого законодательства обеспечат более качественную реализацию принципов деятельности органов государственной власти, а также существенно усилят контрольную функцию общественных советов при МВД России и его территориальных органах, в том числе за бюджетными расходами в рамках государственного оборонного заказа, направленными на обеспечение обороны и безопасности государства.

Список цитируемых источников

Гриб 2011– *Гриб В. В.* Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. 525 с.

Фёдорова 2018 – *Фёдорова И. В.* Административно-правовые аспекты взаимодействия полиции с институтами гражданского общества : дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 173 с.

References

Fedorova, I. V. (2018), Administrative and legal aspects of police interaction with civil society institutions, Ph.D. Thesis, administrative law, administrative procedure, Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Grib, V. V. (2011), Interaction of state authorities and civil society institutions in the Russian Federation, Ph.D. Thesis, constitutional law, municipal law, State Research Institute of System Analysis of the Accounts Chamber, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Галицкий Руслан Владимирович,
Владимирский линейный отдел Министерства внутренних дел Российской Федерации на транспорте, Владимир, Российская Федерация; pto33.vlovdt@yandex.ru
Клочихин Вячеслав Анатольевич,
Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация; v.klochikhin@gmail.com

Information about the authors

Galitsky Ruslan V.,
Vladimir Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on Transport, Vladimir, Russian Federation; pto33.vlovdt@yandex.ru
Klochikhin Vyacheslav A.,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; v.klochikhin@gmail.com

Для цитирования

Галицкий Р. В., Клочихин В. А. Вопросы правового регулирования института общественных советов при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 35–38.

For citation

Galitsky, R. V. and Klochikhin, V. A. (2020),"Issues of legal regulation of the institute of public councils under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and its territorial bodies", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 35–38.

УДК 343.122

И. В. Головинская[1, 2]
А. В. Аристов[1]
[1] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация

I. V. Golovinskaya[1, 2]
A. V. Aristov[1]
[1] Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation
[2] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

Перспективные направления нормотворчества в развитии процессуального статуса потерпевшего и заявителя

Perspective directions of rulemaking in development of the procedural status of the victim and the applicant

Ключевые слова: потерпевший; заявитель; участник уголовного процесса; права; обязанности; правовой статус; нормотворчество.

Аннотация. В статье исследуются направления нормотворчества в развитии процессуального статуса потерпевшего, определении статуса заявителя; выявляются проблемы, обусловленные редакцией норм действующего законодательства, предлагаются пути их устранения.

Key words: a victim; a complainant; a participant in a criminal process; rights; duties; a legal status; rulemaking

Abstract. The article examines directions of rulemaking in the development of the procedural status of the victim, the determination of the status of the applicant; the problems caused by the wording of the current legislation are identified and the ways of their elimination are offered.

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Вопросы взаимоотношения личности и государства были и остаются одной из важнейших проблем, требующей решения посредством совершенствования законодательной базы. То, какое положение занимает личность в современном обществе и как реализует свои права, является не только наиболее актуальной проблемой современности, но и указывает на степень развития законодательства, уровень правовой культуры гражданского общества. Нормотворчество осуществляется органами государственной власти, органами местного самоуправления и должностными лицами, уполномоченными на выполнение этой деятельности, и призвано в первую очередь создавать условия для безусловной реализации гражданами законных прав и интересов. Нормотворческие полномочия в Российской Федерации осуществляют такие субъекты, как Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, федеральные министерства, федеральные службы, представительные и исполнительные органы государственной власти субъектов федерации, органы местного самоуправления [Власова 2011, с. 88].

Прежде чем определить перспективные направления нормотворчества в развитии процессуального статуса потерпевшего, необходимо определиться с термином «нормотворчество». В политическом словаре И. И. Санжаревского дано следующее его определение: «Нормотворчество – выходная функция политической системы, выражающаяся в разработке законов и правил, регулирующих поведение субъектов политики, введение их в действие и выполнение»[1].

В толковом словаре Т. В. Ефремовой под нормотворчеством понимается вид деятельности, связанный с созданием нормативных актов[2].

Важно отметить, что согласно определению нормотворчество входит в наиболее обширный способ формирования права как правотворчество. В свою очередь правотворчество представляет со-

[1] Политическая наука : словарь-справочник / сост. И. И. Санжаревский. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1936 (дата обращения: 02.11.2019).

[2] Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный : в 2 т. М. : Рус. яз., 2000. Т. 1. 1209 с.

© Головинская И. В., Аристов А. В., 2020

бой деятельность субъектов, наделенных нормотворческой компетенцией, по созданию, изменению или отмене юридических норм [Рассказов 2015, с. 328].

Содержательное определение нормотворчества можно выразить как процессуальную деятельность по разработке нормативных правовых актов уполномоченными на то субъектами, реализующуюся по установленной процедуре, с целью дальнейшего рассмотрения проекта нормативного правового акта, его принятия и обнародования.

В контексте данной темы целесообразно рассмотреть направления нормотворчества в развитии процессуального статуса потерпевшего и заявителя в рамках соблюдения и реализации норм уголовного процесса, требующих совершенствования на законодательном уровне.

Среди нормативных документов, направленных на защиту и регламентацию прав и обязанностей такого участника уголовного судопроизводства, как потерпевший, необходимо выделить: УПК РФ, федеральные законы от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»[1], от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[2], а также постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»[3].

В ст. 42 УПК РФ дана дефиниция потерпевшего и определен круг его процессуальных прав и обязанностей. Однако не все процессуальные права, предоставленные потерпевшему в этой статье как участнику уголовного судопроизводства могут им беспрепятственно реализовываться в силу регламентации правовых предписаний, редакция некоторых из них требует законодательного изменения. Более того, судебно-следственная практика свидетельствует о том, что законные интересы и права потерпевших нередко остаются не удовлетворенными вовсе или удовлетворяются частично и в сроки, выходящие далеко за рамки разумных. Согласно данным официальной статистики главного организационно-аналитического управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2014–2018 гг. , количество преступлений совершаемых в год, все чаще находится на отметке выше двух миллионов, а количество нераскрытых преступлений, находящихся в производстве, часто соразмерно раскрытым. Такие данные могут свидетельствовать о том, что права и интересы потерпевших не реализуются в полной мере, а приоритетное назначение уголовного судопроизводства, указанное в ст. 6 УПК РФ, не исполняется в должном порядке (см. таблицу)[4].

Исходя из данных таблицы, можно сделать вывод, что рост преступлений произошел в 2015 г. по сравнению с предыдущим 2014 г. Однако статистика в последующие 2016, 2017 и 2018 гг. показала положительную динамику по снижению роста преступлений. Эти данные указывают на то, что правоохранительные органы осуществляют активную работу по защите прав и законных интересов потерпевших. Вместе с тем большое количество нераскрытых преступлений не может свидетельствовать о достижении целей, определенных в ст. 6 УПК РФ. По-прежнему права огромного числа потерпевших ждут своего восстановления. Вместе с тем, наряду с многочисленными проблемами деятельности органов предварительного расследования, существуют и причины другого порядка, влияющие на обеспечение гарантий потерпевших от преступлений. Существующая правовая регламентация совокупности процессуальных норм, определяющих правоотношения в данной сфере, нередко препятствует принятию действенных мер по защите интересов пострадавших от преступления лиц.

Судя по предоставленным широким правам и обязанностям, указанным в ст. 42 УПК РФ, потерпевший является полноценным участником уголовного процесса. Однако реализуются ли полноценно его права на стадии возбуждения уголовного дела? По мнению К. В. Ковляшенко, если обратиться к ч. 4 ст. 148 УПК РФ, то в ней указано, что если в возбуждении уголовного дела отказано,

Показатель, ед.	2014	2015	2016	2017	2018
Зарегистрировано преступлений всего	2 190 578	2 388 476	2 160 063	2 058 476	1 991 532
Не раскрыто преступлений всего	948 647	1 047 099	983 355	886 786	860 408
Не раскрыто преступлений в связи с неустановлением лица, подлежащего в качестве обвиняемого	925 262	1 024 485	96 220	866 444	839 890

[1] Российская газета. 2013. 30 дек.

[2] Там же. 2004. 25 авг.

[3] Там же. 2010. 7 июля.

[4] Правовой портал статистики // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 02.11.2019).

то копия постановления об отказе в течение 24 ч с момента его вынесения направляется заявителю и прокурору. Заметим: заявителю и прокурору. То есть потерпевший как участник уголовного процесса в данной ситуации отсутствует. Потерпевший появляется на этой стадии со стороны обвинения только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Автор считает, что в данном случае необходимо внести в статью, помимо заявителя, и потерпевшего, так как потерпевший и заявитель не всегда выступают в одном лице [Ковляшенко 2016, с. 340]. Действительно, потерпевший и заявитель не всегда являются одним и тем же лицом.

Между тем наличие стадии возбуждения уголовного дела в том ее значении и содержательном наполнении, в котором она сегодня существует, не позволяют, на наш взгляд, решить проблему заявителя и потерпевшего простым дополнением ч. 4 ст. 148 УПК РФ потерпевшим. Наличие у лица статуса потерпевшего как раз и определяет факт того, что уголовное дело возбуждено. Важно не только юридически точно составлять правовые нормы, но и стремиться к тому, чтобы содержание норм существенным образом влияло на статус, гарантии и процессуальные возможности лиц в процессе. В этой связи, если не затрагивать вообще вопрос об упразднении стадии возбуждения уголовного дела, о чем говорилось в других публикациях [Головинская, Крестинский, Головинский 2016, с. 78–84; Головинская 2015, с. 6], то видится более рациональным нормативное наделение заявителя совокупностью процессуальных прав, поскольку в уголовно-процессуальном законодательстве часто встречается термин «заявитель», при этом не в полной мере разрешен вопрос о том, является ли он самостоятельным участником уголовного процесса. Согласно ст. 120 и 219 УПК РФ заявитель – это лицо, которое заявило ходатайство. Этот термин упоминается в ст. 124 и 125 УПК РФ о порядке рассмотрения жалоб и обжалования процессуальных действий (бездействия) должностных лиц и решений суда. Встретить данный термин можно в гл. 19 и 20 УПК РФ. Например, в ст. 141 УПК РФ заявителем называется лицо, которое заявило о преступлении, т. е. сообщило первоначальные сведения о нем. Исходя из этих положений, можно предположить, что заявитель выступает как самостоятельный участник уголовного процесса. Однако среди участников уголовного судопроизводства, содержащихся во втором разделе УПК РФ, он не значится. Можно ли его считать в данных обстоятельствах участником уголовного судопроизводства? Дать однозначный ответ не представляется возможным, поскольку правоприменительная практика еще не сформулировала окончательной позиции по данному вопросу. Если рассматривать участников уголовного судопроизводства в аспекте того, что они должны быть указаны во втором разделе УПК РФ, то последует однозначный ответ – «нет». Тем не менее п. 58 ст. 5 УПК РФ гласит, что участниками уголовного судопроизводства являются лица, принимающие участие в уголовном процессе, поэтому данное определение дает возможность причислить к участникам уголовного судопроизводства как заявителя, так и других субъектов, упоминающихся в УПК РФ, но не учтенных во втором разделе УПК РФ.

Названные правовые коллизии УПК РФ создают сложности в верном восприятии его норм. Проблематика полномочий заявителя и потерпевшего неоднократно становилась предметом обсуждения ученых и практиков. Основным аспектом дискуссий являлось то, что правовой статус заявителя значительно уступает по объему прав статусу потерпевшего, что не позволяет лицу, которому преступлением причинен вред, надлежащим образом защищать свои интересы в стадии возбуждения уголовного дела. Действительно, разница в объеме прав потерпевшего и заявителя существенна. По мнению ряда исследователей, факт того, что заявитель не указан во втором разделе УПК РФ как участник уголовного судопроизводства и упоминается только в определенных статьях уголовного закона, не является главной проблемой и не несет серьезных правовых последствий. В то же время этот пробел в праве влияет на единообразное понимание закона и его правоприменение. В связи с этим рационально таким участником уголовного судопроизводства, как заявитель, дополнить второй раздел УПК РФ, определить его правовой статус, предоставив ему права и возложив обязанности.

Надо признать, что в последнее время законодатель существенно пополнил перечень прав потерпевшего принятием федеральных законов от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ и от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ[1]. Вместе с тем еще немало проблем в части реализации прав лица, пострадавшего от преступления, ожидающих своего разрешения. Так, ч. 1 ст. 42 УПК РФ гласит, что решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Если на момент воз-

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора : федер. закон от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ // Российская газета. 2015. 6 апр.

буждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице. При этом термины, подобные термину «незамедлительно», носят всецело субъективный характер, в силу чего могут совершенно произвольно реализовываться правоприменителем. Причин тому немало: большая нагрузка, занятость, личное усмотрение ситуации по конкретному уголовному делу, нежелание разрешать возможные ходатайства лица, которое обретет статус потерпевшего, и т. п. Так или иначе неконкретность правовых норм всегда влечет произвольную практику их применения, дополнительные вопросы и жалобы участников, нарушение их прав.

По-прежнему не однозначно решен вопрос о праве потерпевшего на уведомление его об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, согласно ч. 8 ст. 108 УПК РФ постановление судьи направляется лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, подозреваемому, обвиняемому или потерпевшему и подлежит немедленному исполнению. Как известно, потерпевший и подозреваемый, обвиняемый – участники, имеющие разный интерес в уголовном деле и представляющие соответственно сторону обвинения и защиты. Текстуальное содержание правовой нормы предполагает право суда по собственному усмотрению направлять копию постановления об избрании (отказе в этом, продлении срока задержания) меры пресечения в виде заключения под стражу лишь кому-то одному: либо подозреваемому, обвиняемому либо потерпевшему. Такое положение видится нелогичным. Очевидно, что норма нуждается в правовом редактировании.

Внесенные изменения и дополнения в п. 21.1 ч. 2 и ч. 5.1 ст. 42 и ч. 5 ст. 313 УПК РФ наделяют потерпевшего правом на основании постановления, определения суда, принятого по заявленному до окончания прений сторон ходатайству потерпевшего, его законного представителя, представителя, получать информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, в том числе при перемещении из одного исправительного учреждения в другое, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы, а также быть извещенным о рассмотрении судом связанных с исполнением приговора вопросов об освобождении осужденного от наказания, об отсрочке исполнения приговора или о замене осужденному неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Поддерживая курс законодателя на расширение прав потерпевшего, нельзя не обратить внимание на то, что в указанных выше нормах ключевым является момент подачи потерпевшим ходатайства – «до окончания прений сторон», вследствие чего суд одновременно с постановлением обвинительного приговора выносит постановление, определение об уведомлении потерпевшего или его законного представителя. Подача потерпевшим соответствующего ходатайства до окончания прений сторон и принятие его судом, по сути, предрешают исход уголовного дела: приговор еще не постановлен, вина подсудимого еще не доказана, а потерпевший и суд уже понимают, что подсудимый будет отбывать наказание. Не следует забывать о том, что по итогам рассмотрения уголовного дела суд вправе, кроме обвинительного приговора, постановить оправдательный или прекратить уголовное дело [Головинская 2015, с. 48–54].

Полагаем, что юридически правильным было бы предоставить потерпевшему право подачи соответствующего ходатайства не ранее, чем будет оглашен приговор (допуская такое право до и после вступления приговора в законную силу, в том числе и в период исполнения приговора), тем самым не усматривался бы обвинительный уклон суда, была бы соблюдена последовательность действий участников процесса, остались бы соблюденными права и подсудимого, и потерпевшего, в том числе на обеспечение его безопасности.

До настоящего времени не устранены противоречия в нормах п. 2 ч. 4 ст. 321 и ч. 3 ст. 246 УПК РФ, где в первом случае указано, что обвинение в судебном заседании поддерживают частный обвинитель по уголовным делам частного обвинения, а во втором – по уголовным делам частного обвинения обвинение в судебном заседании поддерживает потерпевший. Как известно, производство по уголовным делам частного обвинения обладает определенными особенностями. Соответственно, указанные нормы со всей очевидностью должны быть скоррелированы.

Актуальной проблемой остается компенсация ущерба жертвам преступлений. Данные официальной статистики главного организационно-аналитического управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации подтверждают, что количество не раскрытых преступлений в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, за 2015 г. значительно больше, чем за аналогичные периоды 2014, 2016, 2017 и 2018 гг. (см. таблицу). Несмотря на то, что с 2016 г. усматривается динамика по снижению числа нераскрытых преступлений, проблема остается не решенной. Статья 52 Конституции Рос-

сийской Федерации гласит: «…Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Если следовать логике законодателя, то выходит, что это обязанность государства. В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2005 г. № 523-О[1] указано, что государство принимает на себя ответственность за действия третьих лиц, выступая в качестве гаранта возмещения ущерба пострадавшим. Однако оно выступает не в качестве причинителя вреда, что могло бы повлечь за собой полное возмещение вреда, а в качестве публичного органа и распорядителя бюджета, который создается и расходуется в общих интересах [Ахмедшина 2015, с. 13]. Попытка решить существующую проблему о том, должно ли государство в полном объеме возмещать ущерб потерпевшим, или должно обеспечить посредством всех законных механизмов такое возмещение виновным в совершении деяния лицом, была предпринята в проекте Федерального закона «О потерпевших от преступлений», подготовленном Следственным комитетом Российской Федерации и опубликованном в 2012 г. Однако данный законопроект не был внесен в Государственную Думу. Идея этого проекта направлена на всемерное и скорое возмещение вреда потерпевшим от преступлений лицам. Предполагалось, что компенсацию потерпевшим будет выплачивать государство, а не осужденный, поскольку процесс возмещения вреда осужденным потерпевшему часто занимает много лет, в то время как средства потерпевшему на лечение, проживание, обеспечение иждивенцев и т. п. нужны практически сразу.

Для обозначенных целей данным законопроектом предусматривалось создание Федерального фонда помощи потерпевшим. В ч. 2 ст. 8 законопроекта указывались средства, за счет которых будет реализована компенсация потерпевшим из Федерального фонда помощи. К ним отнесены: штрафы, которые назначаются в качестве уголовного наказания; государственные средства, полученные от конфискации имущества, от реализации вещественных доказательств; сумм залогов и др. Наряду с первостепенным возмещением государством полагаемых потерпевшему выплат, авторы законопроекта предусмотрели, что суммы выплаченных компенсаций подлежат последующему взысканию с лица, признанного вступившим в законную силу приговором суда виновным в совершении преступления, или в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях с лица, на которое законом возложена материальная ответственность за действия виновного лица, в пределах размера подлежащего возмещению вреда, установленного вступившим в законную силу приговором суда или решением суда, вынесенным в порядке гражданского судопроизводства.

Однако механизм работы Федерального фонда помощи потерпевшим и взыскания государством с виновного средств за причиненный ущерб в проекте Федерального закона не отражен, что может с неизбежностью повлечь новые проблемы в компенсации вреда потерпевшему. Представляется, что с точки зрения содержательной части проект закона, бесспорно, требует самой серьезной и объемной его доработки. Однако, несмотря на то, что сегодня указанный законопроект отсутствует в плане ближайшего рассмотрения законодательным органом, считаем, что заложенная в нем генеральная идея – обязанность государства заботиться о гражданах и возмещать им вред, причиненный преступлением, как следствие того, что не была своевременно и всемерно обеспечена безопасность лица – рано или поздно найдет свое воплощение в уголовно-процессуальном законе и, следовательно, в реальной жизни.

Подводя итог вышеизложенному, видится целесообразным сосредоточить внимание законодателя на решении актуальных проблем правового статуса потерпевших и реализации ими законных прав, в том числе с целью единообразного понимания и правоприменения законодательства и устранения возникающих разногласий по вопросам процессуальных статусов заявителя и потерпевшего дополнить гл. 6 УПК РФ таким участником уголовно-процессуальных отношений, как заявитель, определив его правовой статус; доработать положения проекта Федерального закона «О потерпевших от преступлений», которые помогут реализовать потерпевшему право на возмещение вреда, с последующим принятием указанного закона.

Анализ правовых норм УПК РФ дает основание говорить о необходимости корректировки ряда других норм, не упомянутых в настоящей статье. Однако представляется, что и высказанные предложения по совершенствованию законодательства позволят потерпевшему более эффективно отстаивать свои законные интересы и восстанавливать нарушенные права.

[1] URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27122005-n-523-o-po/ (дата обращения: 12.12.2019).

Список цитируемых источников

Ахмедшина 2015 – *Ахмедшина Н. В.* О потерпевших от преступлений // Виктимология. 2015. № 1(3). С. 11–15.

Власова, Дуэль, Зарина 2011 – *Власова Т. В., Дуэль В. М., Зарина М. А.* Теория государства и права : учеб. пособие. М. : РАН, 2011. 226 с.

Головинская 2015 – *Головинская И. В.* Права потерпевшего: законы приняты, проблемы остались // Вестник Национального института бизнеса. 2015. № 23. С. 48–54.

Головинская, Крестинский, Головинский 2016 – *Головинская И. В., Крестинский М. В., Головинский М. М.* Ретроспектива и перспектива стадии возбуждения уголовного дела // Современное право. 2016. № 11. С. 76–83.

Головинская, Абозин 2012 – *Головинская И. В., Абозин Р. В.* Соотношение процессуальных статусов подсудимого и потерпевшего в уголовном процессе : монография. Владимир : ВИТ-принт, 2012. 170 с.

Ковляшенко 2016 – *Ковляшенко К. В.* Права потерпевшего на стадии досудебного производства // Молодой учёный. 2016. № 23(127). С. 339–342.

Рассказов 2015 – *Рассказов Л. П.* Теория государства и права: углубленный курс : учебник. М. : Инфра-М, 2015. 559 с.

References

Akhmedshina, N. V. (2015), "About crime victims", *Viktimologiya*, no. 1(3), pp. 11–15.

Vlasova, T. V., Duel', V. M. and Zanina, M. A. (2011), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], RAN, Moscow, Russia.

Golovinskaya, I. V. (2015), "Rights of the victim: laws are passed, problems remained", *Vestnik Natsional'nogo instituta biznesa*, no. 23, pp. 48–54.

Golovinskaya, I. V., Krestinsky, M. V. and Golovinsky, M. M. (2016), "Retrospective and prospect of the stage of criminal proceedings", *Sovremennoe pravo,* no. 11, pp. 76–83.

Golovinskaya, I. V. and Abozin, R. B. (2012), *Sootnoshenie protsessual'nykh statusov podsudimogo i poterpevshego v ugolovnom protsesse* [Correlation of the procedural statuses of the defendant and the victim in criminal proceedings], VIT-print, Vladimir, Russia.

Kovlyashenko, K. V. (2016), "Rights of the victim at the pretrial stage", *Molodoi uchenyi,* no. 23(127), pp. 339–342.

Rasskazov, L. P. (2015), *Teoriya gosudarstva i prava: uglublennyi kurs* [Theory of state and law: advanced course], Infra-M, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Головинская Ирина Викторовна,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; irgolovinskaya@yandex.ru

Аристов Алексей Владимирович,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; aristov.95@inbox.ru

Information about the authors

Golovinskaya Irina V.,
Doctor of law, professor, Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; irgolovinskaya@yandex.ru

Aristov Aleksei V.,
Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; aristov.95@inbox.ru

Для цитирования

Головинская И. В., Аристов А. В. Перспективные направления нормотворчества в развитии процессуального статуса у потерпевшего и заявителя // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 39–44.

For citation

Golovinskaya, I. V. and Aristov, A. V. (2020), "Perspective directions of rulemaking in development of the procedural status of the victim and the applicant". *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 39–44.

УДК 343.241

Н. А. Горшкова[1]
А. К. Сигачева[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

N. A. Gorshkova[1]
A. K. Sigacheva[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Реализация принципа гуманизма при назначении наказания: практический аспект

Implementation of the principle of humanism under the assignment of punishment: a practical aspect

Ключевые слова: принцип гуманизма; наказание; назначение наказания; лишение свободы.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности назначения наказания судами общей юрисдикции с точки зрения следования принципу гуманизма, регламентированного ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основе обзора современной правоприменительной практики авторы делают обоснованные выводы о всецелой востребованности принципа гуманизма при назначении наказания.

Key words: principle of humanism; punishment; sentencing; deprivation of liberty.

Abstract. The article discusses the features of sentencing by courts of general jurisdiction in terms of following the principle of humanism, regulated by Art. 7 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the review of contemporary law enforcement practice, the authors make reasonable conclusions about the full relevance of the principle of humanism in sentencing.

Принципы права, являясь основополагающими идеями и началами, а также исходными положениями о том, каким должно быть право, лежат в основе построения соответствующих норм и пронизывают правовую систему в целом. Одним из основополагающих принципов выступает принцип гуманизма (термин «гуманизм» от лат. gumanitas человечный, человеческий). Согласно толковому словарю С. И. Ожегова слово «гуманный» означает «человечный, отзывчивый, культурный»; «гуманизм» – «гуманность, человечность в общественной деятельности, в отношении к людям»[1].

Реализацию принципа гуманного отношения государства к людям можно проследить в первую очередь на примере построения уголовного законодательства и практики применения его норм. Современная правотворческая и правоприменительная деятельность позволяет многим специалистам в области юриспруденции [Дядюн 2017, с. 196–207; Зезюлина, Горшкова 2018, с. 82–85; Ковлер 2019] говорить о том, что уголовная политика идет по пути усиления гуманистических начал. Это проявляется как в смягчении мер уголовной репрессии, так и в экономии ее средств. На наш взгляд, убедиться в правильности такой оценки можно, проанализировав практический аспект, а именно: как реализуется принцип гуманизма при назначение судами Российской Федерации уголовных наказаний и в чем это проявляется?

В ч. 1 ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) закреплено, что уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека. Согласно ч. 2 названной статьи наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Комментируя данные исходные положения, Т. Р. Сабитов отмечает, что «гуманизм как принцип уголовного права распространяется на два аспекта: в отношении человека как наиболее ценного объекта уголовно-правовой охраны (ч. 1 ст. 7 УК РФ) и в отношении лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 7 УК РФ)» [Сабитов 2012, с. 114]. В свою очередь современное обеспечение прав и свобод любых граждан, в том числе совершивших преступление, «требует проявления особого внимания к поиску баланса между гуманным подходом в отношении защиты прав и свобод соблюдающих закон граждан и привлечения к ответственности виновных в совершении преступлений» [Гуманизация законодательства 2015, с. 25–39].

Наиболее ярко, по нашему мнению, реализация принципа гуманизма в этом аспекте проявляется в прикладной деятельности, связанной с правовой оценкой совершенного лицом противоправного деяния и назначением соразмерных мер уголовной ответственности.

Исходные постулаты реализации уголовной ответственности в различных формах, в том числе и

[1] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1986. С. 128.

© Горшкова Н. А., Сигачева А. К., 2020

при назначении наказания, заложены в ст. 43 УК РФ. Законодатель, руководствуясь принципом гуманизма, указанном в ч. 2 ст. 7 УК РФ, ориентирует правоприменителей на то, что наказание не должно трактоваться как кара. Иначе такое понимание, по справедливому мнению Ф. Р. Сундурова, «отбросило бы цивилизованный мир к представлениям, существовавшим в рабовладельческую и феодальную эпохи» [Сундуров 2005, с. 24], а, на взгляд А. Д. Нечаева, послужило бы оценке наказания как явлению, характерному для зачаточных форм правового регулирования [Нечаев 2017, с. 175]. Тем не менее лицо, которому назначается наказание, должно ощущать бремя определенных ограничений и воспринимать их как должное, обусловленное исключительно его противоправным поведением. Такое понимание у субъекта преступления может возникнуть лишь в том случае, если правореализующие органы будут действовать исключительно в рамках норм уголовного закона (юридический критерий реализации принципа гуманизма), а также ставить на первый план заботу о личности (социально-нравственный критерий реализации принципа гуманизма).

Начнем с того, что многие правила назначения наказания, аккумулированные в гл. 10 УК РФ, сами по себе пронизаны идеями гуманизма. К нормам, воплощающим данные идеи, на наш взгляд, можно отнести следующие:

1) общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ);

2) обстоятельства, смягчающие наказание (ст. 61 УК РФ);

3) назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 62 УК РФ);

4) назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ);

5) назначение наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении (ст. 65 УК РФ);

6) назначение наказания за неоконченное преступление (ст. 66 УК РФ);

7) порядок определения сроков наказаний при сложении наказаний (ст. 71 УК РФ);

7) исчисление сроков наказаний и зачет наказания (ст. 72 УК РФ);

8) назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией (ст. 72.1 УК РФ);

9) условное осуждение (ст. 73 УК РФ).

Итак, в УК РФ содержится достаточно большой перечень правил, позволяющих для каждого конкретного субъекта реализовывать наиболее гуманный способ юридической оценки совершенного им преступления.

Гуманное отношение к лицам, совершившим преступления, реализуется также в виде минимизации мер уголовной репрессии и дифференциации ответственности. На практике это означает назначение преимущественно наказаний, не связанных с лишением свободы.

Так, в 2015 г. к наказаниям, не связанным с лишением свободы (в том числе с назначением условного осуждения), было приговорено 522 376 чел., что составило 71,2 % от общего числа осужденных, в 2016 г. – 534 863 чел. (72,1 %), в 2017 г. – 496 764 чел. (71,3 %), в 2018 г. – 467 898 чел. (71,0 %), в первом полугодии 2019 г. – 206 891 чел. (70,9 %)[1].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в более чем 70 % случаев суды назначают наказания, не связанные с лишением свободы на определенный срок или пожизненным лишением свободы. Полагаем, что такие показатели могут, во-первых, коррелировать с общей тенденцией к снижению количества совершаемых тяжких и особо тяжких преступлений, по которым, как правило, назначается наказание в виде реального лишения свободы, и, во-вторых, быть естественным следствием законодательного изменения видов наказания в сторону их расширения и сроков наказания в сторону их сокращения.

В свою очередь, последнее из названных обстоятельств – это еще один аспект реализации принципа гуманизма в правоприменительной деятельности, обусловленный соответствующими законотворческими процессами. Например, Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2] существенно изменил санкции норм статей Особенной части УК РФ. Это позволило судам в последующие годы более избирательно подходить к выбору соответствующего наказания, отдавая предпочтение менее строгим видам. Вследствие упразднения в некоторых санкциях нижней границы наказания в виде лишения свободы судам было предоставлено еще больше возможностей для реализации принципа гуманизма даже в случае назначения самого сурового наказания.

Согласно общим показателям судебной деятельности в 2015 г. на срок от двух месяцев до пяти лет лишения свободы были приговорены 169 229 чел. (или 80,1 % от всего количества осужденных к лишению свободы на определенный срок), в 2016 г. – 164 422 чел. (79,7 %), в 2017 г. – 160 989 чел. (80,4 %), в 2018 г. – 154 306 чел. (81,1 %), за первое полугодие 2019 г. – 69 307 чел. (81,8 %)[3].

Таким образом, в среднем для 80 % лиц, ежегодно осуждаемых к наказанию в виде лишения свободы, суды выбирают наименее длительные сроки – в пределах, не превышающих пяти лет.

---

[1] Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: http:// www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894 (дата обращения: 16.01.2020).

[2] Российская газета. 2011. 9 дек.

[3] Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: http:// www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894 (дата обращения: 16.01.2020).

Проанализированные данные, безусловно, позволяют говорить об углублении позитивного аспекта наказания, связанного с отходом от господствовавшей долгие годы парадигмы его необходимой чрезмерной суровости. Принцип гуманизма, провозглашенный Конституцией Российской Федерации, и воплощенный в ст. 7 УК РФ, действительно оказывает положительное влияние на правоприменительную деятельность. Описанные нами подходы к уголовно-правовой оценке действий лиц, нарушающих уголовный закон, демонстрируют убежденность государства в том, что для достижения своих целей наказание может быть одновременно и минимально необходимым, и максимально достаточным.

Список цитируемых источников

Гуманизация законодательства 2015 – Гуманизация современного уголовного законодательства / под ред. В. П. Кашепова. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2015. 336 с.

Дядюн 2017 – *Дядюн К. В.* Назначение наказания женщинам с точки зрения принципов равенства граждан перед законом, гуманизма и справедливости // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2. С. 196–207.

Зезюлина, Горшкова 2018 – *Зезюлина Т. А., Горшкова Н. А.* Зачет времени содержания под стражей в срок наказания: новеллы уголовного законодательства // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3(48). С. 82–85.

Ковлер 2019 – *Ковлер А. И.* Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации : монография. М. : ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2019. 399 с.

Нечаев 2017 – *Нечаев А. Д.* Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 331 с.

Сабитов 2012 – *Сабитов Т. Р.* Система уголовно-правовых принципов : монография. М. : Проспект, 2012. 240 с.

Сундуров 2005 – *Сундуров Ф. Р.* Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005. 298 с.

References

Dyadyun, K. V. (2017), “The sentence of women in terms of the principles of equality of citizens under the law, humanism and justice”, *Leningradskii yuridicheskii zhurnal,* no. 2, pp. 196–207.

Kashepov, V. P. (ed.) (2015), *Gumanizatsiya sovremennogo ugolovnogo zakonodatel’stva* [Humanization of modern criminal law], NITs INFRA-M, Moscow, Russia.

Kovler, A. I. (2019), *Evropeiskaya konventsiya: problemy tolkovaniya i implementatsii* [European Convention: problems of interpretation and implementation], IZiSP, Norma, INFRA-M, Moscow, Russia.

Nechaev, A. D. (2017), Conceptual foundations and theoretical modeling of criminalization and decriminalization, Ph.D. Thesis, criminal law and criminology, penal law, Saratov State Law Academy, Russia.

Sabitov, T. R. (2012), *Sistema ugolovno-pravovykh printsipov* [The system of criminal law principles], Prospekt, Moscow, Russia.

Sundurov, F. R. (2005), *Nakazanie i al’ternativnye mery v ugolovnom prave* [Punishment and alternative measures in criminal law], Izdatel’stvo Kazanskogo universiteta, Kazan, Russia.

Zezyulina, T. A. and Gorshkova, N. A. (2018), “Set off of the time of detention in custody: novels of the criminal law”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(48), pp. 82–85.

Информация об авторах

Горшкова Наталья Андреевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; natva33@mail.ru

Сигачева Анастасия Константиновна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; anastasiya.sigacheva@mail.ru

Information about the authors

Gorshkova Natal’ya A.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; natva33@mail.ru

Sigacheva Anastasiya K.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; anastasiya.sigacheva@mail.ru

Для цитирования

Горшкова Н. А., Сигачева А. К. Реализация принципа гуманизма при назначении наказания: практический аспект // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 45–47.

For citation

Gorshkova, N. A. and Sigacheva, A. K. (2020), “Implementation of the principle of humanism under the assignment of punishment: a practical aspect”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 45–47.

УДК 342.9

О. Н. Дядькин[1]
А. А. Гофман[2]
[1] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

O. N. Dyad'kin[1]
A. A. Gofman[2]
[1] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Административная ответственность в России: вопросы установления и реализации

Administrative responsibility in Russia: issues of establishing and implementing

Ключевые слова: кодификация норм об административной ответственности; административное правонарушение; административная ответственность; административное наказание; обстоятельства, исключающие административную ответственность.

Аннотация. В статье анализируются этапы кодификации норм об административной ответственности в России. В связи с утверждением Концепции нового российского Кодекса об административных правонарушениях представлена позиция авторов о закреплении в КоАП РФ дефиниций «административная ответственность» и «административное наказание», а также об их сущности и порядке реализации.

Key words: codification of norms on administrative responsibility; administrative offense; administrative responsibility; administrative punishment; circumstances excluding administrative responsibility.

Abstract. The article analyzes the stages of codification of norms on administrative responsibility in Russia. In connection with the approval of the Concept of the new Russian Code of Administrative Offenses, the authors' position on the consolidation of the definitions of "administrative responsibility" and "administrative punishment" in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, as well as their essence and procedure for implementation are presented.

Административная ответственность, традиционно находящаяся в центре внимания административно-правовой науки, в первую очередь призвана обеспечить предупреждение не только административных правонарушений, но и не допустить совершения общественно опасных деяний. Особенно актуальным этот вопрос стал в последнее время, когда в соответствии с Концепцией нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее: КоАП РФ)[1] ведется планомерная работа не только по устранению пробельности и коллизий существующих положений данного нормативного правового акта, но и по включению в него новых глав, которые не были известны отечественному законодательству об административных правонарушениях.

По нашему мнению, среди нововведений особо следует выделить разработку законодательной дефиниции административной ответственности, позволяющей отличить ее от схожих видов юридической ответственности – уголовной, гражданско-правовой, дисциплинарной. Как следствие, авторы Концепции КоАП РФ предлагают закрепить самостоятельную главу об административной ответственности несовершеннолетних лиц. В связи с этим возникает необходимость проанализировать этапы кодификации норм об административной ответственности в отечественном законодательстве.

На протяжении длительного отрезка времени в России предпринимались многочисленные попытки закрепить ответственность за незначительные проступки, которые по своей опасности уступали преступным деяниям. Мы считаем, что первое упоминание об указанных нормах содержалось в Уголовном уложении 1903 г. (далее: Уложение)[2].

[1] Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: http://static.government.ru (дата обращения: 10.06.2019).

© Дядькин О. Н., Гофман А. А., 2020

[2] Новое Уголовное уложение. Высочайше утверждено 22 марта 1903 г. Спб. : Изд. Каменностровецаго юридическаго книжнаго магазина В. П. Анисимова, 1903.

Так, ст. 3 Уложения все существующие общественно опасные деяния разделяла на тяжкие преступления, преступления и проступки. Между собой они различались по санкциям за их совершение. Наиболее созвучным с административно-правовыми деликтами выглядел проступок. Да и санкции за его совершение предусматривали пеню или арест.

Согласно ст. 21 Уложения срок ареста составлял от одного дня до шести месяцев. При анализе схожих наказаний, предусмотренных КоАП РФ и Уголовным кодексом Российской Федерации (далее: УК РФ), становится очевидным, что в настоящее время административный арест устанавливается на срок от одних до пятнадцати суток, а за отдельные деликты – не более тридцати суток. УК РФ закрепил в 1996 г. арест как уголовное наказание, срок которого превышает один месяц, но не может быть свыше шести месяцев.

Статьей 24 Уложения пеня определялась как денежное взыскание и закреплялась в следующих пределах: нижний порог – не менее десяти рублей; верхний – не менее ста рублей.

В советский период истории нашего государства впервые попытка объединить нормы об административной ответственности в один кодифицированный закон была предпринята в 1927 г. Однако этот процесс не затронул всех союзных республик, входящих в СССР. Можно констатировать, что 12 октября 1927 г. Всеукраинский ЦИК своим постановлением утвердил проект Административного кодекса УССР, который чуть позднее, с 1 февраля 1928 г., был введен в действие на территории Украины и Молдавской АССР. В нем, помимо других важных положений, содержался разд. III «Меры административного воздействия», которым устанавливались положения об ответственности за нарушение обязательных постановлений и незначительные правонарушения. Кроме того, в него включались порядок производства по таким делам, требования к процессуальным протоколам и постановлениям, а также права органов и должностных лиц на рассмотрение данных нарушений[1]. При этом в перечень взысканий за нарушения включались: объявление устного или письменного порицания; штраф до ста рублей; принудительные работы, не превышающие одного месяца, и арест не свыше двух недель. Административный кодекс УССР действовал до декабря 1961 г. и утратил силу 15 декабря 1961 г. по причине принятия Президиумом Верховного Совета УССР указа об ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке.

Венцом объединения действующих норм об административных правонарушениях явились Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях, которые включали в себя всего 41 статью, где регулировались вопросы материальной и процессуальной составляющих административной ответственности (далее: Основы)[2]. Основы сыграли важную роль в правовом установлении административной ответственности в союзных республиках. Так, спустя четыре года Верховным Советом РСФСР 20 июня 1984 г. был утвержден КоАП РСФСР, который стал действовать с 1 января 1985 г.[3] КоАП РСФСР прекратил свое действие в связи с вступлением в силу 1 июля 2002 г. современного российского КоАП.

Для определения сущности и значения административной ответственности и форм ее реализации необходимо проанализировать нормы, касающиеся административной ответственности, и основания ее реализации – административного правонарушения.

В соответствии со ст. 10 КоАП РСФСР административным правонарушением (проступком) признавалось «посягающее на государственный или общественный порядок, социалистическую собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность». Обращает на себя внимание тот факт, что отношения, подлежащие охране КоАП РСФСР, были перечислены в дефиниции «административное правонарушение», а в самом его определении перечислялись признаки: противоправность, виновность и наказуемость. При этом не указывалось, какими нормативными правовыми актами закреплялась административная ответственность.

КоАП РФ, по структуре напоминающий КоАП РСФСР 1984 г., в ст. 2.1 закрепил несколько иное определение административного правонарушения, исключив слово-синоним – «проступок»: «административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных

[1] Административный кодекс Украинской ССР. URL: www.osvita-plazain.ua/publ/zmis...ksu/113-1-0-5373 (дата обращения: 22.01.2020).

[2] Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях : [приняты Верхов. Советом СССР 23 окт. 1980 г. № 3145-X] // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1980. № 44, ст. 909.

[3] Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : [утв. Верхов. Советом РСФСР 20 июня 1984 г.] // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1984. № 27, ст. 909.

правонарушениях установлена административная ответственность». Здесь не указываются объекты административно-правовой охраны, конкретизируются субъекты административного правонарушения и законодательно определяются законы, которые могут устанавливать административную ответственность.

Действующий КоАП РФ объекты административно-правовой охраны закрепил в ст. 1.2 «Задачи законодательства об административных правонарушениях», ранее УК РФ 1996 г. таким же образом поступил с общим объектом состава преступления.

В представленных законодательных определениях отсутствует такой признак, как общественная опасность, т. е. можно сделать вывод о том, что такой признак присущ только преступлениям. Вместе с тем с позиции теории права любое правонарушение обладает данным признаком, и только степень общественной опасности может разграничить преступление и иные существующие правонарушения.

По этой причине многие административисты в своих работах при характеристике административно-правового деликта называют такие признаки, как вредоносность, антиобщественность или общественная опасность. Дальше других авторов при определении сущности административного правонарушения пошел Ю. П. Соловей, предложивший в определение административного правонарушения включить признак «общественная безопасность», а слово «противоправность» заменить словосочетанием «запрещенное настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации под угрозой наказания» [Соловей 2013, с. 85].

В свою очередь мы изложим наше видение того, как нужно конкретизировать вышеприведенное определение.

Во-первых, не всегда субъект административного правонарушения и субъект административной ответственности совпадают. Яркой иллюстрацией этого выступает казус с несовершеннолетним правонарушителем, не имеющим самостоятельного дохода, что не позволяет ему, например, оплатить штраф. В таком случае обязанность по исполнению постановления о назначении наказания возлагается на родителей или иных законных представителей правонарушителя в возрасте от 16 до 18 лет. Налицо несовпадение правонарушителя и ответственного субъекта.

Во-вторых, речь пойдет об административной ответственности юридических лиц. Мы не будем затрагивать сложности в определении вины данного субъекта административного правонарушения, а лишь остановимся на реализации санкций административно-правовых норм в отношении юридических лиц. Если такое лицо создается в соответствии с гражданским законодательством (частное юридическое лицо), то оно обладает обособленным имуществом и самостоятельно несет административную ответственность.

Иначе обстоит дело с публичным юридическим лицом (органом государства или местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением). Ни одно административное наказание (кроме самого мягкого – предупреждения) в отношении публичного юридического лица не достигает поставленной цели, поскольку все подобные субъекты правонарушения реально не претерпевают неблагоприятных последствий. В таких случаях взысканный штраф или конфискованные предмет или орудие совершения деликта переходят в собственность соответствующего публичного органа (организации). Административное приостановление деятельности вообще к ним не применимо, так как соответствующие органы или учреждения должны работать постоянно, и что случится, если они не будут функционировать девяносто суток.

В-третьих, чтобы не перегружать определение административного правонарушения излишними словами, целесообразно словосочетание «физическое и юридическое лицо» сократить до одного слова «лицо». В последующих же нормах разъяснить, что административную ответственность несут физическое лицо, достигшее на момент совершения административного правонарушения шестнадцатилетнего возраста, и юридическое лицо, образованное в соответствии с гражданским законодательством (или имеющие обособленное имущество).

В связи с вышеизложенным определение административного правонарушения можно представить в следующей редакции: «Административным правонарушением признается виновно совершенное лицом общественно опасное действие (бездействие), за которое для данного лица настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрено административное наказание».

Другим важным моментом является последствие административно-правового деликта – административная ответственность. На протяжении десятков лет ученые предлагали свои определения данного вида юридической ответственности [Административная ответственность 1988; Бельский 1999; Галаган 1970; Тимошенко 2009 и др.]. Все они заслуживают одобрения, поскольку уточняют и конкретизируют друг друга. Исходя из их сущности, административную ответственность кратко можно представить как: обязанность претерпевать неблагоприятные последствия, негативную

оценку государством неправомерного поведения лица, правоотношение между государством и лицом, совершившим правонарушение, свободу избирать вид и меру собственного поведения, зная о санкциях, и др. Ни в одном кодифицированном нормативном правовом акте России об административных правонарушениях не зафиксировано определения административной ответственности, что представляет определенные сложности для граждан, организаций и правоприменителей.

Следует заметить, что административная ответственность нами рассматривается в ретроспективном виде (в негативном ее аспекте), поскольку мы считаем, что она наступает после совершения лицом противоправного деяния (в ретроспективе) и содержит в себе неблагоприятные последствия для данного лица. В КоАП РФ определение административной ответственности отсутствует, а данный термин употребляется вместе с другими словосочетаниями, например: обстоятельства, смягчающие или отягчающие административную ответственность (ст. 4.2 и 4.3 КоАП РФ); освобождение лица от административной ответственности в силу малозначительности административного правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ) и др.

Вместе с тем ст. 24.5 КоАП РФ закрепляет обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении. Данная норма определяет основания, при наличии которых субъект административной юрисдикции в обязательном порядке выносит постановление о прекращении производства по делу, а вступившее в силу постановление о назначении административного наказания не подлежит исполнению. На наш взгляд, установить данные обстоятельства, исключив производство по делу об административно-правовом деликте, не представляется возможным. В связи с этим предлагаем данные обстоятельства назвать обстоятельствами, исключающими административную ответственность или исключающими административную деликтность, а саму норму из процессуальной части КоАП РФ перенести в гл. 4 «Назначение административного наказания». Примером могут служить нормы, исключающие преступность деяния, содержащиеся в Общей части УК РФ, а не в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Говоря о сущности административной ответственности, считаем необходимым обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, административная ответственность является негативной реакцией государства в лице его полномочных представителей на совершенное лицом противоправное деяние, которое закреплено в КоАП РФ или соответствующем законе субъекта Российской Федерации.

Во-вторых, для правонарушителя она предстает в виде негативных последствий, которые есть не что иное, как правоограничения и запреты.

В-третьих, государственной мерой административной ответственности служит административное наказание, в КоАП РСФСР оно называлось административным взысканием. Цель наказания – в предупреждении административно-правовых деликтов со стороны правонарушителя и других лиц.

В-четвертых, административное наказание не может полностью отождествляться с административной ответственностью, поскольку они соотносятся между собой как часть и целое. Достаточно для такого утверждения привести в качестве примера ст. 4.6 КоАП РФ, которая позволяет считать лицо подвергнутым наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения постановления по делу. В указанный промежуток времени также входит исполнение наказания. Резюмируя данное положение, очевидно, что лицо после исполнения им постановления о назначении административного наказания еще целый год будет считаться подвергнутым административной ответственности. В случае совершения лицом в такой временной отрезок правонарушения, будет иметь место повторность совершения правонарушения (отягчающее обстоятельство) или общественно опасное деяние (административная преюдиция).

В-пятых, административное наказание закрепляется судьей, органом или должностным лицом в единственном процессуальном документе – постановлении о назначении административного наказания, принятым и вступающим в силу в порядке, определяемом КоАП РФ.

На основании сделанных заключений об административной ответственности можно говорить как о претерпевании лицом, совершившим административное правонарушение, правоограничений и запретов, предусмотренных административным наказанием, и неблагоприятных последствий после окончания исполнения такого постановления до окончания срока подвергнутости административной ответственности.

Кроме того, необходимо закрепить и определение административного наказания с учетом действующих норм КоАП РФ в следующей редакции: «Административное наказание является государственной мерой ответственности, назначаемой судьей, органом, должностным лицом и закрепленной в постановлении по делу об административном правонарушении в отношении лица, виновного в совершении административного правонарушения».

Список цитируемых источников

Административная ответственность 1988 – Административная ответственность в СССР / под ред. В. М. Манохина, Ю. С. Адушкина. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1988. 166 с.

Бельский 1999 – *Бельский К. С.* Административная ответственность: генезис, основные признаки, структура // Государство и право. 1999. № 2. С. 12–20.

Галаган 1970 – *Галаган И. А.* Административная ответственность в СССР. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. 252 с.

Соловей 2013 – *Соловей Ю. П.* О законодательном определении понятия административного правонарушения // Теория и практика административного права и процесса : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В. Д. Сорокина (Небугские чтения). В 2 ч. Ч. 1. Краснодар : Изд-во ИП Солодовникова А. Н., 2013. С. 81–87.

Тимошенко 2009 – *Тимошенко И. В.* Понятие административной ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 2. С. 74–79.

References

Bel'sky, K. S. (1999),"Administrative responsibility: genesis, main features, structure", *Gosudarstvo i pravo,* no. 2, pp. 12–20.

Galagan, I. A. (1970), *Administrativnaya otvetstvennost' v SSSR* [Administrative responsibility in the USSR], Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, Voronezh, USSR.

Manokhin, V. M. and Adushkin, Yu. S. (ed.) (1988), *Administrativnaya otvetstvennost' v SSSR* [Administrative responsibility in the USSR], Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saratov, USSR.

Solovei, Yu. P. (2013), "On the legislative definition of the concept of an administrative offense", *O zakonodatel'nom opredelenii ponyatiya administrativnogo pravonarusheniya* v 2 ch., ch. 1 [Theory and practice of administrative law and process, in 2 parts], Izdatel'stvo IP Solodovnikova A. N., Krasnodar, Russia, part 1, pp. 81–87.

Timoshenko, I. V. (2009), "The concept of administrative responsibility", *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik,* no. 2, pp. 74–79.

Информация об авторах

Дядькин Олег Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; krimvggu@mail.ru

Гофман Александр Анатольевич,
доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; gofman.a.a@rambler.ru

Information about the authors

Dyad'kin Oleg N.,
PhD (law), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; krimvggu@mail.ru

Gofman Aleksandr A.,
associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; gofman.a.a@rambler.ru

Для цитирования

Дядькин О. Н., Гофман А. А. Административная ответственность в России: вопросы установления и реализации// Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 48–52.

For citation

Dyad'kin, O. N. and Gofman, A. A. (2020), "Administrative responsibility in Russia: issues of establishing and implementing", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 48–52.

УДК 343.98:347.963

П. И. Иванов[1]
[1] Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

P. I. Ivanov[1]
[1] Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: методы и средства

Prosecutor's supervision over the execution of laws by the bodies that carry out operational investigative activities: methods and means

Ключевые слова: прокурорский надзор; методы и средства; оперативно-розыскная деятельность; органы, ее осуществляющие; исполнение ими законов.

Аннотация. В настоящей статье анализируются методы и средства прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, характеризуются подходы, используемые при изучении прокурорского надзора как многообразного явления.

Key words: prosecutor's supervision; methods and means; crime detection; bodies that carry it out; their enforcement of laws.

Abstract. The article analyzes the methods and means of prosecutorial supervision over the execution of laws by bodies that carry out operational investigative activities, describes the approaches used in the study of prosecutorial supervision as a diverse phenomenon.

Методы и средства в системе прокурорского надзора занимают главенствующее место. С их помощью, по существу, реализуется предмет надзора. Если метод мы рассматриваем как способ проверки уполномоченным прокурором исполнения законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее: прокурорский надзор, надзор за оперативно-розыскной деятельностью), то средства в нашем понимании – это некий механизм устранения допущенных ими нарушений.

Прокурорский надзор как система состоит из взаимосвязанных элементов, а именно: субъектов и объектов (поднадзорные органы, сотрудники и должностные лица, оперативно-служебные документы и материалы); целей, задач, методов, средств и функций; системы и структуры (структурные подразделения органов прокуратуры); механизма реализации законов о прокуратуре[1], об оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД)[2]; поводов и оснований проверок; предмета и предела надзора [Иванов 2019b, с. 139]; условий и требований, предъявляемых к надзору.

Под воздействием внутренних и внешних факторов существующий механизм прокурорского надзора находится в устойчивом динамическом состоянии, а совокупность приемов и средств, с помощью которых реализуется предмет прокурорского надзора, – в диалектической взаимосвязи.

Прокурорский надзор – явление многообразное, к изучению которого следует подойти с разных сторон, применив при этом исторический и системный подходы. Исторический подход учит нас рассматривать прокурорский надзор за определенный отрезок времени, историю его зарождения (генезис) и дальнейшего становления. В свою очередь системный подход рассматривает прокурорский надзор как целостное единство, состоящее из множества взаимосвязанных элементов.

При изучении и анализе прокурорского надзора, наряду с системным методом, целесообразно использовать комплексный подход. При этом нужно иметь в виду, что комплексность и системность, хотя и тесно взаимосвязаны, но не тождественны. Комплексный подход отражает социально значимую направленность прокурорского надзора. Он позволяет изучить прокурорский надзор с качественной стороны – в первую очередь характер и содержание правоотношений, возникающих между оперативными подразделениями органов, осуществляющих ОРД.

[1] О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47, ст. 4472.

[2] Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

© Иванов П. И., 2020

Говоря о методологии любой науки, в первую очередь подразумевают ее метод. Методологическую основу исследования проблем прокурорского надзора прежде всего составляет диалектический метод их познания. При этом важно отметить, что проблемы, связанные с прокурорским надзором, глубоко и достаточно полно могут быть изучены только на основе диалектики – всеобщего метода познания, предполагающего изучение составных его частей в их постоянном развитии, тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Иными словами, данный метод позволяет глубже проникнуть в сущность механизма прокурорского надзора. В теории надзора диалектика является отправной точкой научного его познания.

Наряду с всеобщим методом теория познания прокурорского надзора использует общенаучные и частнонаучные методы. Помимо них, применяются и специальные методики в целях выявления, устранения и предупреждения нарушений законов и способствующих им обстоятельств, установления виновных в этом лиц.

Применительно к методам следует подчеркнуть, что юридическое сообщество еще не выработало единого мнения по поводу ряда понятий, используемых в теории прокурорского надзора, в первую очередь это относится к понятию «средства прокурорского надзора». Не подвергая подробному разбору существующие на данный счет суждения, отметим, что средства надзора – это взятые в единстве полномочия прокурора по осуществлению надзорной функции в сфере ОРД (его права и обязанности) и акты прокурорского надзора (постановления, протесты, представления, предостережения о недопустимости нарушения закона). Такого же мнения придерживаются, например, профессора Л. Л. Тузов и Е. С. Дубоносов [ОРД 2019].

При изучении сущности, понятия и содержания надзора, в частности в сфере ОРД, активно обращаются к общенаучным методам, включающим формальную логику (анализ и синтез, обобщение, выдвижение гипотез).

Так, анализ и синтез позволяют изучить прокурорский надзор как процессы мыслительного разложения его на части и, наоборот, воссоединения целого из составных его частей. Благодаря анализу детально изучаются отдельные элементы надзора.

Новые знания о взаимосвязях и взаимозависимостях элементов прокурорского надзора можно получить с помощью синтеза.

В процессе осуществления прокурором проверок широко применяется такой метод, как обобщение, под которым понимается отражение и формулирование закономерностей [Иванов 2019а, с. 151], лежащих в основе изучаемого вида надзора. К обобщению положительного опыта применения в ходе проверки приемов и способов, например, прибегают с целью его распространения в других органах прокуратуры.

Выдвижение гипотез как метод используется при изучении нарушений законности по заявлениям, жалобам и иным обращениям граждан, когда уполномоченный прокурор выдвигает гипотезу для того, чтобы заблаговременно определить для себя объем предстоящей проверки, вид допускаемого нарушения и возможной ответственности за него.

Из числа частнонаучных методов нередко применяются социологические методы, такие как: наблюдение, анкетирование, интервьюирование, анализ документов.

Наблюдение состоит в непосредственном восприятии самим прокурором порядка соблюдения требований законодательства об ОРД. У него тем самым складывается определенное реальное представление о состоянии законности в данной сфере. Эти знания могут оказать значительную помощь при организации проверок уполномоченным на то прокурором. Тем самым он может заранее определить программу своих действий (иметь четко поставленную цель).

Другим не менее значимым методом является опрос, выступающий в форме двух основных разновидностей: анкетирования и интервьюирования. Данный метод чаще всего используется при углубленном научном исследовании той или иной проблемы, связанной с исполнением законов органами, осуществляющими ОРД.

Анкетный опрос предполагает получение уполномоченным прокурором интересующей его информации посредством формулирования вопросов в виде анкеты.

Интервьюирование, как правило, проводится в форме беседы с руководителем оперативного подразделения полиции (поднадзорного органа, объекта проверки), в процессе которой могут выясняться следующие вопросы: частота осуществления ведомственного контроля, его предмет, состояние законности при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Анализ оперативно-служебных документов позволяет получить прокурору необходимую информацию. Как известно, документ – это средство фиксации сведений о фактах допущенных нарушений законности в любой сфере деятельности. В сфере ОРД такими документами могут быть дела оперативного учета, материалы о проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств, учетно-регистрационная документация, ведомственные нор-

мативные правовые акты (ч. 2 ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ).

Не менее важное место среди множества методов занимает факторный анализ, позволяющий установить существующие зависимости между совокупностью факторов, оказывающих позитивное либо негативное влияние на результаты прокурорской проверки.

В системе методов прокурорского надзора в отдельную группу выделяют так называемые специальные методики [Осипкин 1997, с. 24–26].

Наиболее часто применяемым специальным методом в теории и практике прокурорского надзора является использование статистических данных о количестве проверок и выявленных при этом нарушений законов органами, осуществляющими ОРД (виды, категории нарушителей, причины, меры прокурорского реагирования). На законодательном уровне установлена единая система делопроизводства в органах прокуратуры, порядок формирования отчета о работе прокурора[1].

Уполномоченный прокурор при подготовке к прокурорской проверке уточняет при необходимости ее цель, изучает имеющиеся в прокуратуре материалы по вопросам ОРД. Одновременно он пытается найти ответ для себя, каким же методам отдать предпочтение, чтобы успешно решить поставленные задачи для достижения намеченной цели проверки. Как правило, уполномоченный прокурор стремится использовать комплекс методов (способов), при этом нельзя не учитывать достоинства и недостатки каждого из них.

Многолетняя практика убедительно доказывает, что сегодня не существует универсального способа прокурорской проверки. Имеющиеся для этого в распоряжении приемы дополняют друг друга, но ни в коей мере не взаимоисключаются.

Подводя итог, считаем необходимым отметить следующее.

Во-первых, прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, как вид государственной деятельности, предполагает использование при прокурорской проверке совокупности методов, знание которых обеспечивает оптимальное достижение его цели посредством последовательного решения стоящих перед уполномоченным прокурором задач.

Во-вторых, совокупность методов прокурорского надзора выступает важным инструментом осуществления уполномоченным прокурором надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД.

В-третьих, выбор того или иного приема (способа) в первую очередь зависит от поводов и оснований для прокурорской проверки.

В-четвертых, средства прокурорского надзора тесно связаны с его методами. Они «работают» при проверке во взаимосвязи, что и составляет суть прокурорской проверки.

Список цитируемых источников

Иванов 2019a – *Иванов П. И.* Закономерности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. 2019. № 11. С. 150–152.

Иванов 2019b – *Иванов П. И.* О соотношении предмета и предела прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью оперативных подразделений полиции // Закон и право. 2019. № 12. С. 138–140.

ОРД 2019 – Оперативно-розыскная деятельность / под ред. И. А. Климова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2019. 439 с.

Осипкин 1997 – *Осипкин В. Н.* Организация и методика прокурорского надзора за соблюдением законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие. СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 1997. 36 с.

References

Ivanov, P. I. (2019a), “Regularities of prosecutor’s supervision over the execution of laws by bodies that carry out operational investigative activities”, *Zakon i pravo*, no. 11, pp. 150–152.

Ivanov, P. I. (2019b), “On the relationship between the subject and the limits of prosecutor’s supervision of operational search activities of operational police units”, *Zakon i pravo,* no. 12, pp. 138–140.

Klimov, I. A. (ed.) (2019), *Operativno-rozysknaya deyatel’nost’* [Operational-search activity], Yuniti-Dana, Moscow, Russia.

[1] Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : приказ Генер. прокуратуры Российской Федерации от 15 февр. 2011 г. № 33 // Законность. 2011. № 5.

Osipkin, V. N. (1997), *Organizatsiya i metodika prokurorskogo nadzora za soblyudeniem zakonnosti pri osushchestvlenii operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Organization and methodology of prosecutorial supervision of compliance with the law in the implementation of operational investigative activities], S. Peterburgskii yuridicheskii institut General'noi Prokuratury Rosiiskoi Federatsii, St. Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Иванов Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; Bab13.92Ash@yandex.ru

Information about the author

Ivanov Petr I.,
Doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Bab13.92Ash@yandex.ru

Для цитирования

Иванов П. И. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: методы и средства // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С 53–56.

For citation

Ivanov, P. I. (2020), "Prosecutor's supervision over the execution of laws by the bodies that carry out operational investigative activities: methods and means", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 53–56.

УДК 343.359.2:343.98

П. И. Иванов[1]
А. С. Шитов[1]
[1] *Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

Оперативно-розыскное противодействие налоговой преступности: поисковые признаки и их учет в правоприменительной деятельности

P. I. Ivanov[1]
A. S. Shitov[1]
[1] *Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

Operational-search counteraction to tax crime: search signs and their registration in law enforcement activities

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; органы внутренних дел; подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции;выявление преступлений; налоговые преступления; поисковая работа; поисковые признаки.

Аннотация. Авторы рассматривают приоритетные направления оперативно-розыскной деятельности по выявлению налоговой преступности, формулируют поисковые признаки и приводят их классификацию.

Key words: crime detection; bodies of internal affairs; economic security and anti-corruption units; detection of a crime; tax evasions; search work; search signs.

Abstract. In this article, the authors consider the priority directions of operational investigative activities to identify tax crime, indicate search signs and give their classification.

В условиях усиления существующих и появления новых вызовов и угроз экономической безопасности Российской Федерации как никогда актуальны вопросы повышения эффективности выявления налоговых преступлений. В числе таких вызовов и угроз: усиление структурных дисбалансов в мировой финансовой системе, ограничение доступа к иностранным финансовым ресурсам и современным технологиям, изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, подверженность финансов системы Российской Федерации глобальным рискам, исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития, отсутствие российских несырьевых компаний среди глобальных лидеров мировой экономики, недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики, низкие темпы экономического роста, несбалансированность национальной бюджетной системы. Помимо указанных, существуют и другие, связанные с состоянием криминальной ситуации в стране, – высокий уровень коррупции в экономической сфере, сохранение значительной доли теневой экономики.

Изучение и анализ правоприменительной практики позволили выделить основные способы (схемы) противоправной деятельности лиц, совершающих подобного рода преступления, среди которых: оптимизация налогов с использованием фирм-«однодневок» (совершение фиктивных сделок); искусственное «дробление» бизнеса с целью применения специальных налоговых режимов (схема ухода от налогообложения); применение льготных налоговых ставок; подмена договоров. Помимо названных схем, законодатель прямо в диспозиции отдельных норм Уголовного закона Российской Федерации (далее: УК РФ), например, в диспозиции ст. 199 УК РФ, указал способы уклонения от уплаты налогов: непредставление налоговой декларации (расчета) или иных документов; включение в налоговую декларацию (расчет) или такие документы заведомо ложных сведений.

Знание оперативными сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел (далее: ЭБиПК ОВД) способов совершения налоговых преступлений позволяет правильно осуществить выбор (подбор) тактических приемов по проверке

© Иванов П. И., Шитов А. С., 2020

поступающей оперативно значимой информации о противоправных действиях криминально активных лиц в данной сфере.

Так, согласно сведениям ФГКУ «ГИАЦ МВД России», в 2015 г. органами внутренних дел Российской Федерации выявлено 5 290 налоговых преступлений, в 2016 г. – 5 224, в 2017 г. – 5 235, в 2018 г. – 5 240, в 2019 г. – 3 749. Материальный ущерб от противоправной деятельности в 2015 г. составил более 41 млрд руб., в 2016 г. – более 59 млрд руб., в 2017 г. – более 58 млрд руб., в 2018 г. – более 84 млрд руб., в 2019 г. – более 72 млрд руб.[1]

В качестве характерного примера можно привести факт совершения владельцем сети ресторанов «Корчма “Тарас Бульба”» Юрием Белойваном преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов с организации, совершенное в особо крупном размере». Сумма неуплаченных налогов составила более 650 млн руб. В период с января 2011 г. по март 2014 г. Юрий Белойван, являясь владельцем «Корчмы “Тарас Бульба”», ввел практику отказа от оплаты счетов банковскими картами и непробития кассовых чеков с целью снижения размера ежедневной выручки[2]. После этого в памяти кассовых аппаратов фиксировались заниженные суммы выручки, которые и отражались в бухгалтерской отчетности и налоговых декларациях. По результатам судебного рассмотрения уголовного дела, Юрий Белойван приговорен к двум годам колонии общего режима.

Не менее показательным примером являются факты включения в налоговые декларации заведомо ложных сведений генеральным директором Ростовского электрометаллургического завода. Так, в период с 2014 по 2015 г. он уклонился от уплаты налога на прибыль организации на общую сумму более 490 млн руб. Приговором суда ему назначено наказание – 3 года и 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима[3].

Кроме того, следует заметить, что среди налоговых преступлений, в частности в сфере потребительского рынка, доминируют деяния, совершаемые группой лиц или группой лиц по предварительному сговору, в составе организованной группы, а также носящие межрегиональный характер.

В целях активизации работы по противодействию налоговой преступности руководство МВД России определило следующие приоритетные направления деятельности территориальных органов внутренних дел на региональном уровне:

– обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, обращая внимание в первоочередном порядке на установление бенефициарных владельцев организаций с целью полного возмещения ущерба [Иванов 2016, с. 30–31]. Однако в силу отношений взаимозависимости или аффилированности налогоплательщика с контрагентом, сотрудникам подразделений ЭБиПК ОВД приходится сталкиваться при решении указанной задачи с большими трудностями;

– организация оперативного сопровождения уголовных дел по ст. 174.1 УК РФ[4], предикатными к которым являются налоговые преступления [Иванов, Булдин 2015, с. 89–90; Иванов 2019, с. 44]. При этом должны быть приняты меры по обеспечению наложения ареста на имущество, добровольное погашение, изъятие имущества, денег, ценностей по оконченным уголовным делам о налоговых преступлениях;

– документирование налоговых преступлений с признаками организованных групп и преступных сообществ, фактов уклонения от уплаты налогов с суммой ущерба свыше 100 млн руб. либо незаконного возмещения налогов на сумму свыше 20 млн руб.;

– выявление фактов совершения коррупционных действий должностными лицами налоговых органов, в том числе в особо крупном размере.

При реализации указанных направлений и проверке поступающей оперативно значимой информации органы внутренних дел и их подразделения ЭБиПК ОВД в первую очередь должны обращать особое внимание на следующие обстоятельства, указывающие на совершение налоговых преступлений: получение дохода налогоплательщиком исключительно (преимущественно) за счет налоговой выгоды в отсутствие намерения осуществлять реальную экономическую деятельность; учет налогоплательщиком операций для целей налогообложения не в соответствии с их действительным экономическим смыслом; создание налогоплательщиком фиктивного документооборота с подконтрольными ему обществами в целях получения необоснованной налоговой выгоды; умень-

[1] URL: https://мвд.рф/reports/item/7087734/; 9338947/; 12167987/; 16053092/; 19412450/ (дата обращения: 26.01.2020).

[2] «Тараса Бульбу» отправляют в колонию. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4019801 (дата обращения: 26.01.2020).

[3] Экс-депутат Вадим Варшавский получил 3,5 года за уклонение от уплаты 490 млн руб. налогов. URL: https://news.rambler.ru/crime/43294448-eks-deputat-vadim-varshavskiy-poluchil-3-5-goda-za-uklonenie-ot-uplaty-490-mln-rub-nalogov/ (дата обращения: 26.01.2020).

[4] МВД России обращает особое внимание руководителей территориальных органов внутренних дел на региональном уровне на необходимость в обязательном порядке отработки оперативно-розыскной версии в рамках дела оперативного учета на предмет легализации доходов, полученных вследствие уклонения от уплаты налогов.

шение налогоплательщиком налоговой базы или суммы подлежащего уплате налога в результате искажения сведений о фактах совершенных им хозяйственных операций; изготовление и предоставление налогоплательщиком подложных первичных бухгалтерских документов и налоговых деклараций, содержащих заведомо ложные сведения о праве на возмещение налога.

Особый интерес представляет оперативный поиск информации о противозаконном искусственном «дроблении» бизнеса[1], которое выступает способом совершения налогового преступления. При этом следует учитывать, что искусственное «дробление» бизнеса всегда потенциально грозит не только доначислением налогов, начислением пеней и штрафов, но и влечет за собой возникновение мер государственного принуждения.

Изучение и анализ законодательных и иных нормативных правовых актов, ведомственных и межведомственных документов, правоприменительной практики позволили классифицировать совокупность поисковых признаков, указывающих на искусственное «дробление» бизнеса[2], на общие и специальные.

Первую группу образуют те из них, которые присущи многим видам преступлений в налоговой сфере, причем совершаемых с использованием различных способов. С истечением определенного времени они видоизменяются. Основными признаками данной группы являются:

– предоставление налогоплательщиками «нулевой» налоговой отчетности;

– полное несоответствие произведенной хозяйственной операции ее документальному отражению;

– несоответствие записей в имеющихся первичных, учетных и отчетных документах;

– наличие материальных подлогов в документах, связанных с расчетами величины дохода (прибыли) и сумм налога.

Вторую же группу составляют признаки, которые имеют непосредственное отношение к искусственному «дроблению» бизнеса. Мы их называем специальными. В эту группу, в частности, включаем:

– создание видимости финансово-хозяйственной работы;

– одномоментную передачу основных и оборотных средств во вновь созданные взаимозависимые структуры;

– фактическое перемещение имущества между участниками «раздробленного» бизнеса без надлежащего документального оформления.

В последнее время правоприменительная практика выработала гораздо больше признаков, по которым налоговые органы и арбитражные суды устанавливают факт искусственности «дробления» бизнеса. Данные признаки, по нашему мнению, также целесообразно учитывать в ходе оперативно-розыскной деятельности по выявлению налоговых преступлений. К их числу, в частности, относят: создание и управление группой организаций одними и теми же учредителями, директорами (руководителями), менеджерами; осуществление деятельности по одному адресу; идентичность IP-адресов всех взаимосвязанных организаций; одинаковый (идентичный) вид деятельности; подписание договоров одним лицом по всей группе компаний; общее ведение бухгалтерского учета; наделение правом подписи одних и тех же лиц по распоряжению денежными средствами на расчетных счетах по всем организациям группы; отсутствие документов, подтверждающих движение (перевозку) товара и сырья между организациями группы при исполнении условий сделок; формальный перевод работников во вновь созданную организацию без изменения названия должностей, должностных обязанностей, адреса и места работы, подчинение их тем же лицам, что и у прежнего работодателя; единая кадровая политика (прием на работу осуществляется централизованно, трудовые книжки всех работников хранятся в одном месте)[3].

При осуществлении оперативно-розыскной деятельности по выявлению указанной категории преступлений следует помнить, что не существует какого-либо универсального признака, указывающего на противоправный характер действия хозяйствующего субъекта. На наш взгляд, следует применять системный подход, чтобы недостатки одного признака восполнялись бы достоинствами другого.

---

[1] В настоящее время законодательного закрепления конкретных критериев допустимости минимизации налогообложения при «дроблении» бизнеса нет. Тем самым весьма сложно разграничить искусственное «дробление» бизнеса от реального (легального). Кроме того, сегодня мы не найдем в понятийно-категориальном аппарате ни налогового, ни гражданского законодательства категорию (определение понятия) «дробление» бизнеса.

[2] О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц : письмо ФНС России от 11 авг. 2017 г. № СА-4-7/15895@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.01.2020).

[3] Обзор об организации работы по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых преступлений подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России за 2018 г. (№ 1/5666 от 30 мая 2019 г.). Документ опубликован не был.

Еще одно немаловажное обстоятельство при оперативно-розыскном выявлении налоговых преступлений – практически ни одно такое преступление не может быть совершено без использования реквизитов подставных лиц, которые выступают основной составляющей совершения подобного рода деяний.

В заключение мы пришли к следующему выводу: в настоящее время существует совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения материального ущерба бюджетной системе страны путем уклонения от уплаты налогов и сборов, а также сокрытия доходов, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов. В связи с этим приоритетным направлением деятельности территориальных органов внутренних дел и их подразделений ЭБиПК ОВД выступает разработка на основе результатов мониторинга и оценки состояния криминальной ситуации в указанной сфере комплекса организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на выявление в процессе оперативно-розыскной деятельности налоговой преступности, защиту собственности и экономических интересов добросовестных предпринимателей от преступных посягательств.

Список цитируемых источников

Иванов, Булдин 2015 – *Иванов П. И., Булдин А. Е.* Некоторые особенности оперативно-розыскного сопровождения предварительного разбирательства и судебного разбирательства по делам о легализации доходов, приобретенных преступным путем // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1(19). С. 84–91.

Иванов 2016 – *Иванов П. И.* Оперативно-розыскное обеспечение деятельности по защите бюджетных средств от преступных посягательств // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2(38). С. 29–33.

Иванов 2019 – *Иванов П. И.* Роль оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства в механизме доказывания // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь : Типография «Ариал», 2019. С. 43–45.

References

Ivanov, P. I. and Buldin, A. E. (2015), "Some features of operational and investigative support of preliminary proceedings and court proceedings in cases of legalization of income acquired by criminal means", *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii,* no. 1(19), pp. 84–91.

Ivanov, P. I. (2016), "Operational and investigative support for the protection of budget funds from criminal encroachments", *Trudy Academii upravleniya MVD Rossii,* no. 2(38), pp. 29–33.

Ivanov, P. I. (2019), "The Role of operational and investigative support of preliminary investigation and trial in the mechanism of proof", *Problemy polucheniya i ispol'zovaniya dokazatel'stvennoi i kriminalisticheski znachimoi informatsii* [Problems of obtaining and using evidence – based and criminally significant information], Tipografiya "Arial", Simferopol, pp. 43–45.

Информация об авторах

Иванов Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; Bab13.92Ash@yandex.ru

Шитов Артём Сергеевич,
Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; Bab13.92Ash@gmail.ru

Information about the authors

Ivanov Petr I.,
Doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Bab13.92Ash@yandex.ru

Shitov Artem S.,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Bab13.92Ash@gmail.ru

Для цитирования

Иванов П. И., Шитов А. С. Оперативно-розыскное противодействие налоговой преступности: поисковые признаки и их учет в правоприменительной деятельности// Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 57–60.

For citation

Ivanov, P. I. and Shitov, A. S. (2020), "Operational-search counteraction to tax crime: search signs and their registration in law enforcement activities", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 57–60.

УДК 343.123.3

А. В. Ильин[1]
[1] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

A. V. Il'in[1]
[1] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Примирение по делам частного обвинения: проблемные вопросы содержания и реализации в уголовном судопроизводстве

Reconciliation in private prosecution: problematic issues of content and implementation in criminal proceedings

Ключевые слова: примирение сторон; дела частного обвинения; мировой судья; нереабилитирующие основания; прекращение уголовного дела; отказ от обвинения.

Аннотация. Статья посвящена содержательной стороне примирительных процедур в уголовном судопроизводстве и месту среди них примирению по делам частного обвинения. Автором обосновывается необходимость отнесения такого вида прекращения уголовного дела к числу реабилитирующих оснований, а также вносятся предложения по совершенствованию соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства.

Key words: reconciliation of the parties; private prosecution cases; magistrate; non-rehabilitative grounds; termination of the criminal case; refusal of the prosecution.

Abstract. The article is devoted to the content of conciliation procedures in criminal proceedings and the place among them of reconciliation in cases of private prosecution. The author justifies the need to refer this type of termination of a criminal case to the number of rehabilitating grounds, as well as makes suggestions for improving the relevant norms of criminal procedure legislation.

Сегодня вопрос о применении примирительных процедур в уголовном судопроизводстве имеет неоднозначную оценку со стороны юридического сообщества. С одной стороны, разрешение уголовно-правового конфликта без назначения наказания при одновременном удовлетворении интересов противоборствующих сторон приводит к снижению затрат на уголовное судопроизводство. С другой стороны, это создает объективные предпосылки для формального, необъективного вынесения решения по делу.

Прежде чем относить себя к сторонникам той или иной правовой позиции, нужно обратить внимание на семантику слова «примирение».

Будучи образованным от слова «мир», которое согласно толковому словарю С. И. Ожегова имеет несколько значений, среди которых нас интересуют следующие: согласие, отсутствие вражды, ссоры, войны; соглашение воюющих сторон о прекращении войны[1], – примирение означает достижение согласия, прекращение ссоры между противоборствующими сторонами. Как отмечает Т. В. Чернышова, примирение в узком смысле – это урегулирование конфликта между сторонами путем взаимных уступок и соглашений [Чернышова 2010].

Таким образом, для реализации процедуры примирения необходимо наличие как минимум двух конфликтующих сторон, имеющих разные точки зрения по одному вопросу, выступающему в качестве предмета конфликта. Каждая из сторон конфликта должна быть заинтересована в его разрешении, пойдя для этого на определенные уступки и выполнив определенные действия.

На наш взгляд, в уголовном судопроизводстве ситуация конфликта возможна лишь при совершении такого преступления, когда общественно опасные действия виновного субъекта вызваны неправомерным поведением потерпевшей стороны. При этом юридическая оценка действий потерпевшего так же, как и обвиняемого (подозреваемого), должна указывать на наличие в них признаков правонарушения.

Если же мотивы и цели лица, совершившего преступление, не связаны с противоправными действиями потерпевшего, говорить о существовании конфликта и тем более возможности его разрешения примирением сторон, на наш взгляд, недопустимо. Здесь уместно вести речь о прощении, которое, в отличие от примирения, представ-

[1] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ИТИ Технологии, 2006. 944 с.

© Ильин А. В., 2020

ляет собой одностороннее действие, а именно отказ от возмездия за обиду и нанесенный ущерб[1].

Как считает правозащитник А. Ю. Николаев, прекращение уголовного дела за примирением сторон, по сути, – прощение за совершенное преступление при наличии определенных условий[2].

Ситуация конфликта прямо предусмотрена действующим уголовно-процессуальным законодательством при рассмотрении дел частного обвинения мировым судьей. Так, ч. 3 ст. 321 УПК РФ предоставляет мировому судье право на соединение по делам частного обвинения в одно производство встречного заявления с заявлением, по которому назначено судебное разбирательство.

На наш взгляд, именно такая ситуация и должна служить основанием для реализации процедуры примирения сторон мировым судьей. Однако на настоящий момент действующее законодательство предусматривает различные формы примирения, в том числе и по делам частного обвинения в соответствии со ст. 20 УПК РФ, а также по делам публичного и частно-публичного обвинения, отнесенным к категориям преступлений небольшой и средней тяжести, в соответствии со ст. 25 УПК РФ. Мы считаем целесообразным переименовать подобные основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования, закрепив их в качестве «прощения потерпевшим».

Рассматривая наличие встречных заявлений по делам частного обвинения в качестве исключительного случая для возникновения права на примирение сторон, необходимо обратить внимание и на такую проблему, как отнесение данного основания к числу нереабилитирующих.

Такие основания имеют место при доказанности причастности лица к совершению преступления, но позволяют освободить его от уголовной ответственности либо исключают уголовно-процессуальную деятельность. Они связаны с официальной констатацией факта совершения преступления обвиняемым (подозреваемым) и наличием обстоятельств, указывающих на возможность освобождения его от уголовной ответственности [Артамонов 2018]. Такими полномочиями обладают специально уполномоченные субъекты – представители органов предварительного расследования и суд. По делам частного обвинения предварительное расследование, как правило, не проводится, а предположение потерпевшего о совершении преступления, отображенное им в заявлении, преставляемом в суд, фактически еще не является официально установленным фактом.

В отличие от дел частного обвинения, примирение сторон, применяемое в качестве нереабилитирующего основания прекращения уголовного дела в порядке ст. 25 УПК РФ, допускается при доказанности всех признаков состава преступления в действиях обвиняемого (подозреваемого). Может показаться, что разрешение уголовного дела примирением сторон по делам частного обвинения не создает правовых последствий, ведь стороны разрешили конфликт и претензий друг к другу не имеют. Однако для лица, в отношении которого было подано заявление, это далеко не так. Одним из важных последствий прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию выступают учет лица, освобожденного от уголовной ответственности, как лица, совершившего преступление [Исаев 2017], и, как следствие, серьезные препятствия при трудоустройстве и последующем прохождении службы в правоохранительных органах. Для государственных служащих это является своего рода клеймом на всю оставшуюся жизнь.

Так, в соответствии с п. 4 ч. 5 ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации»[3] гражданин не может быть принят на службу в органы внутренних дел, если он подвергался уголовному преследованию, которое было прекращено в отношении его за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения, прекращенных не менее чем за три года до дня поступления на службу в органы внутренних дел). Подобное положение закреплено и в п. 4 ч. 5 ст. 17 Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”»[4].

Таким образом, в ситуации наличия в уголовном деле встречных заявлений, его прекращение примирением сторон создает негативные последствия для каждой из сторон конфликта как участников еще фактически не установленного состава преступления.

Альтернативная особенность прекращения дел частного обвинения, связанная с неявкой потерпевшего в суд и отказом его от обвинения, выступающая согласно ч. 3 ст. 249, п. 2 ч. 1 ст. 24 и п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ в качестве реабилитирующего основания, позволяет использовать его вместо примирения, сохраняя права и интересы сторон в исходном состоянии, что выглядит и более гуман-

[1] Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8952 (дата обращения: 16.01.2020).

[2] Николаев А. Ю. Прекращение уголовного дела за примирением сторон – двойственность правовых позиций. URL: https://pravorub.ru/articles/23539.html (дата обращения: 16.01.2020).

[3] Российская газета. 2011. 7 дек.

[4] Там же. 2018. 25 июня.

ным, и более разумным. Такое основание не только не связано с судебным усмотрением, но и является более простым в реализации, так как представляет собой одностороннее волеизъявление.

К сожалению, законодательное наделение мирового судьи полномочиями по примирению сторон по делам частного обвинения на практике приводит лишь к вызову сторон в суд и проведению с ними беседы, направленной на склонение к примирению и ликвидации конфликта. Отсутствие у суда обязанности по разъяснению правовых последствий примирения, как и последствий неявки частного обвинителя в суд и его отказа от обвинения, не позволяет обеспечить соблюдение одного из основных принципов уголовного судопроизводства, закрепленного ст.11 УПК РФ – охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Все вышеизложенное обоснованно свидетельствует о необходимости выделения примирения сторон в качестве исключительного реабилитирующего основания прекращения дел частного обвинения при условии соединения в одном производстве встречных заявлений. Остальные существующие в настоящее время основания, связанные с примирением сторон, следует рассматривать в качестве прощения потерпевшим обвиняемого (подозреваемого), признавая их нереабилитирующий характер.

В случае внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство, дела частного обвинения останутся особым видом производства по уголовному делу с индивидуальным самостоятельным способом его разрешения.

Список цитируемых источников

Артамонов 2018 – *Артамонов А. Н.* Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям. URL: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=6848 (дата опубликования: 17.03.2018).

Исаев 2017 – *Исаев И. Д.* Негативные последствия прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Молодой учёный. 2017. № 50. С. 294–296.

Чернышова 2010 – *Чернышова Т. В.* Понятие и виды примирения в праве // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 116–123.

References

Artamonov, A. N. (2018), “Termination of a criminal case (criminal prosecution) on non-rehabilitating grounds”, available at: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=6848 (Accessed 17 March 2018).

Chernyshova, T. V. (2010), “The concept and types of reconciliation in law”, *Zhurnal rossiiskogo prava,* no. 12, pp. 116–123.

Isaev, I. D. (2017), “Negative consequences of termination of a criminal case on non-rehabilitating grounds”, *Molodoi uchenyi,* no. 50, pp. 294–296.

Информация об авторе

Ильин Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; an.iljin-0301@yandex.ru

Information about the author

Il’in Andrei V.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; an.iljin-0301@yandex.ru

Для цитирования

Ильин А. В. Применение по делам частного обвинения: проблемные вопросы содержания и реализации в уголовном судопроизводстве // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 61–63.

For citation

Il’in, A. V. (2020), “Reconciliation in private prosecution: problematic issues of content and implementation in criminal proceedings”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 1(54), pp. 61–63.

УДК 343.123

М. А. Ключникова[1]
Н. М. Никишкин[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

M. A. Klyuchnikova[1]
N. M. Nikishkin[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Пенитенциарное соглашение о сотрудничестве как потенциальный инструмент противодействия преступности

Penitentiary cooperation agreement as a potential tool for combating crime

Ключевые слова: досудебное соглашение; пенитенциарное соглашение; сотрудничество; раскрытие преступлений; осужденный.

Аннотация. В статье авторами обосновывается необходимость внедрения по аналогии с досудебным соглашением о сотрудничестве пенитенциарного соглашения о сотрудничестве с осужденным с предоставлением льготных условий условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Авторами разработаны процессуальный порядок заключения такого соглашения, а также его правовые последствия.

Key words: pre-trial agreement; penitentiary agreement; cooperation; disclosure of crimes; a convicted person.

Abstract. In the article the authors justify the need to introduce a penitentiary agreement on cooperation with a convicted person, similar to a pre-trial agreement on cooperation, with preferential conditions for parole from serving a sentence. The authors have developed a procedural order for concluding such an agreement, as well as its legal consequences.

Противодействие преступности – важнейшая задача любого правового государства. В целях раскрытия и расследования организованной преступной деятельности, коррупционных, нарко- и других трудно выявляемых и доказуемых преступлений чрезвычайно важно предоставлять возможность правоохранительным органам привлекать к сотрудничеству лиц, осведомленных о преступных посягательствах.

В разрешении данной задачи положительно себя зарекомендовал институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Под досудебным соглашением о сотрудничестве понимается предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством соглашение между сторонами защиты и обвинения, предусматривающее выполнение подозреваемым или обвиняемым действий, способствующих раскрытию и расследованию преступлений, на условиях сокращения уголовного наказания и обеспечения мер государственной защиты.

Исходя из вышеприведенного понятия, субъектами рассматриваемого соглашения являются:

1) сторона обвинения в лице прокурора при участии следователя, осуществляющего производство по уголовному делу;

2) сторона защиты в лице подозреваемого или обвиняемого при обязательном участии защитника [Головинский 2011, с. 121].

В предмет досудебного соглашения о сотрудничестве входят:

1) действия, которые обязуется выполнить подозреваемый или обвиняемый в целях оказания содействия следствию в раскрытии и расследовании преступлений, изобличении и осуществлении уголовного преследования в отношении других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате совершения преступления;

2) оценка стороной обвинения условий, предъявляемых стороной защиты, а также дача разъяснений по поводу существенного снижения возможного наказания, назначаемого судом в соответствии с положениями ч. 2 и 4 ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации;

3) предоставление гарантий безопасности подозреваемого или обвиняемого, а также его близких родственников, родственников и близких лиц.

К проблемам заключения досудебного соглашения о сотрудничестве обращались многие авторы. Ученые и практические работники анализировали правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации применительно к порядку заключения досудебного соглашения о сотрудничестве [Александров, Колесник 2013], рассматривали проблемные вопросы участия следователя и прокурора при производстве по уголовному делу при заключении досудебного соглашения о

© Ключникова М. А., Никишкин Н. М., 2020

сотрудничестве [Багаутдинов 2019; Дудина 2019], выделения уголовного дела в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве [Глебов, Костенко 2011], уделяли внимание правовому статусу лиц, с которыми заключены соглашения [Пиюк 2016; Тисен 2015], обосновывали необходимость законодательного распространения возможности применения института досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам в отношении обвиняемых, обладающих ценной для правоохранительных органов информацией о преступлениях, в которых они не принимали участия [Ключникова, Никишкин 2019; Тисен 2016]. Несмотря на значительное количество работ, посвященных проблемам досудебного соглашения, возможность заключения соглашения о сотрудничестве с осужденным в научном сообществе не рассматривалась.

Безусловно, исходя из названия, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым возможно лишь на стадии предварительного расследования. Область применения данного соглашения не затрагивает стадию исполнения приговора. Следовательно, осужденные, обладающие сведениями, изобличающими преступность, и сотрудничающие с правоохранительными органами, не могут рассчитывать на применение в отношении них привилегий, предусмотренных для подозреваемых и обвиняемых. Таким образом, наблюдается явное ущемление прав осужденных.

Так, в Новочеркасске бывшая глава администрации города Порошина А. Ю. была признана виновной в совершении коррупционного преступления, ей было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 8 лет. Столь суровое наказание побудило Порошину, в надежде на смягчение наказания, рассказать правоохранительным органам о получении главой администрации города Зюзиным И. взяток[1]. Однако Порошина А. Ю., несмотря на изобличение преступника, не может рассчитывать на сокращение срока, предусмотренное досудебным соглашением, так как она предоставила информацию уже на стадии исполнения приговора.

Отсутствие у осужденных, желающих оказать содействие, возможности заключать соглашение о сотрудничестве, предполагающее определенные привилегии по уменьшению срока или размера наказания, отрицательно влияет на деятельность правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. На наш взгляд, следует предоставить такое право не только подозреваемым, обвиняемым на стадии предварительного расследования, но и осужденным на стадии исполнения приговора путем внесения изменений в законодательство, предусмотрев возможность заключения пенитенциарного соглашения о сотрудничестве.

На основе анализа правоприменительной практики, а также уголовно-процессуального и уголовного законодательства авторами предпринята попытка разработки процедуры заключения пенитенциарного соглашения.

Для заключения пенитенциарного соглашения о сотрудничестве осужденному с обязательным участием защитника необходимо подать в письменном виде ходатайство прокурору через начальника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы (далее: УИС). В ходатайстве осужденный должен указать перечень действий по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

При поступлении ходатайства начальник органа или учреждения УИС как начальник органа дознания должен провести анализ перспективности сотрудничества правоохранительных органов с данным осужденным и принять одно из решений:

1) вынесение постановления о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с осужденным пенитенциарного соглашения о сотрудничестве;

2) вынесение постановления об отказе в удовлетворении ходатайства.

В случае удовлетворения ходатайства, его вместе с постановлением начальника органа или учреждения УИС следует направить прокурору. Последний аналогично процедуре заключения досудебного соглашения должен принять решение либо об отказе в удовлетворении ходатайства, либо об удовлетворении и заключении пенитенциарного соглашения [Ключникова, Никишкин 2019, с. 31].

Сообщение осужденными информации о готовящихся, совершаемых или совершенных преступлениях, об оказании ими содействия сотрудникам правоохранительных органов в настоящее время является недостаточно мотивированным, хотя данная информация играет большую роль в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений. Мотивировать осведомленных лиц, в отношении которых приговор суда уже вступил в законную силу, на осуществление сотрудничества смогут предусмотренные пенитенциарным соглашением привилегии.

Однако преимущества в рамках заключенного пенитенциарного соглашения на стадии исполне-

[1] Петров И. Психанула и сдала: мэра Новочеркасска Зюзина задержали за старые дела // Известия : [сайт]. URL: https://iz.ru/932924/ivan-petrov/psikhanula-i-sdala-mera-novocherkasska-ziuzina-zaderzhali-za-staryedela (дата обращения: 01.12.2019).

ния приговора должны предоставляться, на наш взгляд, в меньшем объеме, чем при заключении досудебного соглашения на стадии предварительного расследования, чтобы стимулировать лиц к сотрудничеству на более ранних этапах.

Считаем целесообразным при заключении пенитенциарного соглашения применять такой способ поощрения со стороны государства, как условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. При этом данное поощрение должно предоставляться не на общих условиях, а с уменьшением вдвое обязательной части наказания, отбыв которую осужденный, с кем заключено пенитенциарное соглашение о сотрудничестве, может быть освобожден от оставшейся части после обращения с ходатайством об условно-досрочном освобождении. Так, при заключении пенитенциарного соглашения условно-досрочное освобождение возможно, когда отбыта обязательная часть наказания, равная:

1) 1/6 срока за деяния небольшой и средней тяжести;

2) 1/4 срока за тяжкие преступления;

3) 1/3 срока за особо тяжкие преступления или если условно-досрочное освобождение уже применялось, но впоследствии отменялось;

4) 3/8 срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности лиц до 18 лет; за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также за преступления, предусмотренные ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 210 и 361 УК РФ;

5) 2/5 срока за преступления против половой неприкосновенности детей до 14 лет.

Причем отбытое наказание в данном случае не может быть менее трех месяцев.

При рассмотрении в суде вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного, с которым было заключено пенитенциарное соглашение, в обязательном порядке должен участвовать прокурор, которому необходимо предоставить документы, содержащие информацию о результатах оказанного осужденным содействия. К таким документам могут быть отнесены: материалы оперативно-розыскной деятельности, материалы проверки сообщения о преступлении, копии постановлений о возбуждении уголовного дела и (или) о предъявлении обвинения, копии протокола обыска, документа, подтверждающего факт получения потерпевшим похищенного у него имущества, и др.

В ходе судебного заседания, помимо характеристики личности, должны быть исследованы:

1) характер и пределы содействия осужденного в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании участников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления;

2) значение сотрудничества с осужденным для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления;

3) преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с осужденным;

4) степень угрозы личной безопасности, которой подвергались осужденный в результате сотрудничества, его близкие родственники, родственники и близкие лица.

Если будет установлено, что осужденным были предоставлены ложные сведения или сокрыты от правоохранительных органов иные существенные обстоятельства совершения преступления или осужденным не соблюдены все условия и не выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним пенитенциарным соглашением о сотрудничестве, то по представлению прокурора с предварительным согласованием с начальником учреждения, исполняющего наказание, суд должен рассматривать вопрос об отмене условно-досрочного освобождения.

Предоставление информации в рамках заключения пенитенциарного соглашения связано с определенным риском для жизни и здоровья осужденного. В связи с этим необходимо обеспечить применение мер безопасности к лицу, заключившему пенитенциарное соглашение о сотрудничестве. Целесообразно применять в отношении него одновременно несколько либо одну из следующих мер безопасности: обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; замена документов; изменение внешности; временное помещение в безопасное место; применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места отбывания наказания в другое[1].

На применение мер безопасности должны рассчитывать и близкие родственники, родственники и близкие лица осужденного.

В рамках данного исследования было проведено интервьюирование 28 сотрудников оперативных подразделений УФСИН России по Владимирской, Брянской, Орловской областям. Все оперативные уполномоченные утверждали, что внедрение такого правового института, как пенитенци-

[1] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ // Российская газета. 2004. 25 авг.

арное соглашение о сотрудничестве будет способствовать дополнительной мотивации осужденных к содействию в раскрытии и расследовании преступлений, положительно скажется на состоянии преступности в целом.

Таким образом, пенитенциарное соглашение о сотрудничестве – это письменное соглашение между прокурором и осужденным при участии начальника органа или учреждения УИС и защитника, предметом которого является выполнение осужденным действий, направленных на выявление и раскрытие преступлений, на условиях предоставления ему льготных условий условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и обеспечения государственной защитой как самого осужденного, так и его близких родственников, родственников и близких лиц. Данное нововведение станет эффективным инструментом противодействия преступности, будет способствовать выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, а также существенной экономии времени, сил и средств правоохранительных органов.

Список цитируемых источников

Александров, Колесник 2013 – *Александров А. С., Колесник В. В.* Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России // Российский следователь. 2013. № 19. С. 16–22.

Багаутдинов 2019 – *Багаутдинов К. Ф.* Роль и полномочия государственного обвинителя в судебном заседании, проводимом в особом порядке в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Мировой судья. 2019. № 4. С. 24–32.

Глебов, Костенко 2011 – *Глебов В. Г., Костенко Н. С.* Проблемы выделения уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Российский следователь. 2011. № 24. С. 16–18.

Головинский 2011 – *Головинский М. М.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 240 с.

Дудина 2019 – *Дудина Н. А.* Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве – право следователя или прокурора? // Российский следователь. 2019. № 10. С. 13–16.

Ключникова, Никишкин 2019 – *Ключникова М. А., Никишкин Н. М.* Соглашение о сотрудничестве с правоохранительными органами: некоторые вопросы совершенствования форм и направлений // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 4(22). С. 29–33.

Пиюк 2016 – *Пиюк А. В.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы и вопросы совершенствования // Российский следователь. 2016. № 19. С. 12–15.

Тисен 2015 – *Тисен О. Н.* О допустимости и целесообразности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним обвиняемым // Российская юстиция. 2015. № 6. С. 23–26.

Тисен 2016 – *Тисен О. Н.* Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым в единоличных преступлениях в целях раскрытия деяний, в которых он не принимал участия // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 37–40.

References

Aleksandrov, A. S. and Kolesnik, V. V. (2013), “Procedure for concluding a pre-trial agreement on cooperation: legal positions of supreme courts of Russia”, *Rossiiskii sledovatel’,* no. 19, pp. 16–22.

Bagautdinov, K. F. (2019), “The role and powers of the state prosecutor in a court session held in a special order in relation to a person who concluded a pre-trial agreement on cooperation”, *Mirovoi sud’ya,* no. 4, pp. 24–32.

Glebov, V. G. and Kostenko, N. S. (2011), “Problems of selecting a criminal case against a person with whom a pre-trial agreement on cooperation has been concluded”, *Rossiiskii sledovatel’,* no. 24, pp. 16–18.

Golovinsky, M. M. (2011), Pre-trial cooperation agreement: legal regulation and practice of application, Ph.D. Thesis, criminal procedure, criminalistics, forensic examination, crime detection, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia.

Dudina, N. A. (2019), “Conclusion of a pre-trial cooperation agreement – the right of an investigator or a prosecutor?”, *Rossiiskii sledovatel’,* no. 10, pp. 13–16.

Klyuchnikova, M. A. and Nikishkin, N. M. (2019), “Agreement on cooperation with law enforcement agencies: some issues of improving forms and directions”, *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya theoriya i pravoprimenitel’naya praktika,* no. 4(22), pp. 29–33.

Piyuk, A. V. (2016), “Pre-trial cooperation agreement: problems and issues of improvement”, *Rossiiskii sledovatel’,* no. 19, pp. 12–15.

Tisen, O. N. (2015), “On the admissibility and expediency of concluding a pre-trial agreement on cooperation with a minor accused”, *Rossiiskaya yustitsiya,* no. 6, pp. 23–26.

Tisen, O. N. (2016), “Conclusion of a pre-trial agreement on cooperation with the accused in individual crimes in order to disclose acts in which he did not participate”, *Rossiiskaya yustitsiya,* no. 10, pp. 37–40.

Информация об авторах

Ключникова Майя Александровна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; 33-maya@mail.ru
Никишкин Никита Максимович,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; nnikishkin@yandex.ru

Information about the authors

Klyuchnikova Maiya A.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; 33-maya@mail.ru
Nikishkin Nikita M.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; nnikishkin@yandex.ru

Для цитирования

Ключникова М. А., Никишкин Н. М. Пенитенциарное соглашение о сотрудничестве как потенциальный инструмент противодействия преступности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 64–68.

For citation

Klyuchnikova, M. A. and Nikishkin, N. M. (2020), “Penitentiary cooperation agreement as a potential tool for combating crime”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 64–68.

УДК 347.956

В. С. Коблянский[1]
П. Д. Шкурова[1]
[1] *Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Российская Федерация*

V. S. Koblyansky[1]
P. D. Shkurova[1]
[1] *Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russian Federation*

Восстановление срока на подачу апелляционной жалобы в арбитражном процессе

Reinstatement of the time limit for filing an appeal in the arbitration process

Ключевые слова: апелляционная инстанция; апелляционное обжалование; арбитражный процесс; арбитражный суд; пропуск срока; уважительные и неуважительные причины.

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения восстановления срока на подачу апелляционной жалобы в арбитражный суд апелляционной инстанции. Помимо восстановления самих сроков, исследуется уважительность причин, по которым срок на подачу жалобы может быть восстановлен судом, а также анализируются объективность и справедливость уважительности причин для всех лиц, участвующих в процессе. Изучаются целесообразность и практичность списков указанных причин, содержащихся в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 мая 2009 г. № 36. Проводится сравнительный анализ гражданского и арбитражного процессуальных порядков в рассматриваемой специфике общественных отношений. В конце статьи ставится вопрос об их нормативном правовом закреплении, приводятся аргументы в обоснование данной позиции, затрагивающие при этом положения недавно проведенной судебной реформы в Российской Федерации.

Key words: appeal instance; appeal; arbitration process; court of arbitration; missing the deadline; valid and unreasonable excuse.

Abstract. The scientific work discusses the main provisions of the restoration of the deadline for filing an appeal to the arbitration court of appeal. In addition to restoring the deadlines themselves, the author examines the validity of the reasons for which the deadline for filing a complaint can be restored by the court, as well as analyzes their objectivity and fairness for all persons involved in the process. The advisability and practicality of the lists of these reasons contained in the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation 28.05.2009 no. 36 are being studied. A comparative analysis of the civil procedural order and the arbitration procedural order in the specifics of public relations under consideration is carried out. In the end of the study, the question of their normative legal consolidation is raised; arguments are given in substantiating this position, which affect the recent judicial reform in the Russian Federation.

В настоящее время в Российской Федерации осуществлена масштабная судебная реформа. Ее отправной точкой стало вступление в силу Федерального конституционного закона от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»[1] и Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2].

При этом указанные новеллы и изменения, разработанные законодателем, по не вполне понятным причинам не затронули сроков апелляционного обжалования в арбитражном процессе. Между тем данный вопрос, по нашему мнению, актуален для исследования, так как основная проблема заключается в том, что лица довольно часто пропускают законно отведенный срок для апелляционного обжалования судебного акта, не вступившего в законную силу.

Необходимо рассмотреть данную проблематику в свете применения Арбитражного про-

[1] Российская газета. 2018. 31 июля.

© В. С. Коблянский, П. Д. Шкурова, 2020

[2] Там же. 4 дек.

цессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ[1] (далее: АПК РФ).

Согласно АПК РФ, по общему правилу, апелляционная жалоба подается в течение месяца после вынесения арбитражным судом первой инстанции обжалуемого решения, если иной срок не установлен законом. Согласно ч. 2 ст. 259 АПК РФ лицо после истечения месяца для обжалования судебного акта, не вступившего в законную силу, может рассчитывать на восстановление этого срока при условии, что ходатайство будет подано лицом не позднее чем через шесть месяцев со дня принятия окончательного судебного решения. Данное процессуальное действие суд имеет право совершить, если у лица существуют уважительные причины для пропуска. При этом АПК РФ не закрепляет понятие «уважительные причины» и не разъясняет, что под ними следует понимать.

Кроме того, в рассматриваемой норме АПК РФ имеется указание на лицо, которое не участвовало в деле. В этом случае законодатель предоставляет большие правовые возможности данному субъекту, определяя ему на восстановление пропущенного срока по обжалованию судебного акта не конкретный промежуток времени, как указывалось выше, а закрепляя формулировку следующего характера: ходатайство может быть подано лицом, не участвующим в деле, со дня, когда оно узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов обжалуемым судебным актом.

Полагаем, что законодатель в последней формулировке не создает баланс справедливости между лицами, участвующими в процессе, и лицами, не участвующими в нем, но чьи права были нарушены окончательным судебным актом. Наоборот, создается перевес в процессуально-правовых возможностях и правовом положении в целом в пользу последних.

В качестве аргумента вышеизложенной точки зрения можно привести следующее обстоятельство: субъекты отношений, регулируемых АПК РФ, имеют достаточно высокий уровень правосознания, так как экономическая и предпринимательская деятельность предполагает это в силу наличия у этих субъектов, во-первых, повышенных требований к специальным знаниям и, во-вторых, крупных сумм денежных средств.

Необходимо более подробно проанализировать основополагающие аспекты, касающиеся уважительных и неуважительных причин пропуска срока подачи апелляционной жалобы. Как уже было упомянуто выше, нормативного правового закрепления данных определений нет. Они не содержатся ни в процессуальных, ни в материальных источниках.

В ч. 1 ст. 259 АПК РФ отмечается, что апелляционная жалоба может быть подана в течение месяца после принятия арбитражным судом первой инстанции обжалуемого решения, если не установлен иной срок. В ч. 2 этой же статьи уточняется, что срок подачи апелляционной жалобы, пропущенный по причинам, не зависящим от лица, обратившегося с такой жалобой, в том числе в связи с отсутствием у него сведений об обжалуемом судебном акте, по ходатайству указанного лица может быть восстановлен арбитражным судом апелляционной инстанции при условии, что ходатайство подано не позднее чем через шесть месяцев со дня принятия решения.

По этому вопросу имеется мнение Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, отраженное в его постановлении от 28 мая 2009 г. № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции»[2] (далее: Постановление Пленума ВАС РФ). В п. 14 данного документа указываются причины, которые признаются уважительными для того, чтобы лицо имело право подать апелляционную жалобу в арбитражный суд апелляционной инстанции. Это причины, связанные с отсутствием у лиц по обстоятельствам, не зависящим от них, сведений об обжалуемом судебном акте.

При этом важно учитывать, что арбитражный суд апелляционной инстанции проверяет материалы дела на наличие доказательств о надлежащем извещении заявителя о судебном разбирательстве в суде первой инстанции. Если же суд апелляционной инстанции находит такие доказательства в материалах дела, то для этих лиц не будет действовать пресекательный шестимесячный срок, так как в отношении них будет применяться такое пространственно-временное определение, на которое опять же указывалось выше: когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов обжалуемым судебным актом. Напомним, что в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 270 АПК РФ основанием для отмены судебного акта арбитражного суда в любом случае является рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из участвующих в деле лиц, не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания. Данное основание является наиболее частым для отмены судебных актов.

Итак, из вышесказанного следует, что Пленум ВАС РФ достаточно кратко определил уважительность причин для лиц, пропустивших срок на обращение с апелляционной жалобой.

[1] Российская газета. 2002. 27 июля.

[2] Вестник ВАС РФ. 2009. № 8.

Для сравнительного анализа определения уважительных причин можно привести постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции»[1] (далее: Постановление Пленума ВС РФ), которое, как можно понять из названия, регулирует гражданский процессуальный порядок. В Постановлении Пленума ВС РФ, помимо таких же уважительных причин, как и в исследованном выше Постановлении Пленума ВАС РФ, в п. 8 указываются следующие: тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность лица. При этом следует иметь в виду, что список данных причин открытый как в Постановлении Пленума ВС РФ, так и в Постановлении Пленума ВАС РФ.

Таким образом, проанализировав гражданский процессуальный порядок и арбитражный процессуальный порядок, можно заключить, что первый является в данных правоотношениях более проработанным и урегулированным, так как имеется более широкий список уважительных причин для пропуска подачи апелляционной жалобы. Это позволяет суду незамедлительно и без лишних временных и мыслительных затрат определить, является ли обстоятельство, приведенное лицом, уважительным для пропуска срока подачи апелляционной жалобы, или нет.

Имеет смысл в контексте данного исследования проанализировать неуважительные причины пропуска срока апелляционного обжалования в арбитражном процессуальном правопорядке.

В Постановлении Пленума ВАС РФ указывается на ряд следующих неуважительных причин: необходимость согласования с вышестоящим органом (иным лицом) вопроса о подаче апелляционной жалобы, нахождение представителя заявителя в командировке (отпуске), кадровые перестановки, отсутствие в штате организации юриста, смена руководителя (его нахождение в длительной командировке, отпуске), а также иные внутренние организационные проблемы юридического лица, обратившегося с апелляционной жалобой.

На основании приведенного перечня можно выявить, что в свое время ВАС РФ указывал на причины, которые могли возникать только у такого субъекта правоотношений, как юридическое лицо.

Следовательно, в свете развития всех сфер экономики, появления различных новых организационных форм и т. п. необходимо, по нашему мнению, дополнить перечень неуважительных причин пропуска срока апелляционного обжалования обстоятельствами, характерными для индивидуальных предпринимателей. К ним можно отнести: установку и/или перерегистрацию контрольно-кассовой техники, увольнение работников, участие в судебных процессах. Представляется верным, что такое субъектное расширение повысит содержательную составляющую организационного уровня арбитражного процессуального порядка.

Рассмотрев теоретические аспекты регулирования причин пропуска срока для апелляционного обжалования в арбитражном процессе, целесообразно остановиться на вопросе, связанном с тем, как суды действуют на практике, а именно, следуют ли они строго определенным нормам законодательства и единообразной судебной практике, трактуемой Постановлением Пленума ВАС РФ.

Как отмечают практикующие юристы, арбитражные суды апелляционной инстанции в силу неполноты и открытости списка уважительных причин, приведенных в Постановлении Пленума ВАС РФ, придерживаются позиции, которая заключается в следующем: когда судья рассматривает причину пропуска для апелляционного обжалования, предоставленную стороной, и однозначно не может сказать о ее уважительности, при этом в целом ее все-таки можно признать неуважительной, в конечном итоге он восстанавливает такой срок для обжалования [Михайлова 2019].

В данном случае некоторые ученые считают, что в этом и заключается истинное проявление доступности правосудия. Для обратившегося лица с жалобой это, безусловно, так. Однако если рассматривать процессуальное положение лица, которое согласно с законностью и обоснованностью судебного решения, то непроизвольно возникает вопрос: не нарушаются ли, в свою очередь, принципы доступности и справедливости правосудия для последнего?

Как отмечает Т. И. Афанасьева, на настоящий момент предусматривается возможность восстановления пропущенного процессуального срока, не ограниченная отрезком времени. По мнению вышеназванного автора, подобный подход к обеспечению права на судебную защиту вступает в противоречие с основополагающими и общепризнанными принципами цивилистического процесса (правовой определенности и стабильности судебных актов, равноправия и состязательности сторон) и нарушает право на справедливое судебное разбирательство в разумный срок [Афанасьева 2019, с. 48].

По нашему мнению, с закреплением закрытых списков уважительных и неуважительных причин в АПК РФ посредством примечания к статье о сроке апелляционного обжалования исчезла бы проблема о трактовке их уважительности.

[1] Российская газета. 2012. 29 июня.

Помимо этого, дополнительным обоснованием отстаиваемой позиции в настоящей статье может быть еще и тот факт, что судебная реформа частично исключила коллегиальность рассмотрения дел арбитражным судом апелляционной инстанции. Теперь апелляционные жалобы на определения суда первой инстанции рассматриваются единолично. Считаем, что коллегиальный состав суда более полно и объективно определял уважительность причин пропуска подачи жалобы для всех участников процесса. В силу же нововведений в ч. 1 ст. 266 АПК РФ такая возможность в некотором смысле утратила право на существование.

Список цитируемых источников

Афанасьева 2019 – *Афанасьева Т. И.* Восстановление срока для апелляционного обжалования в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. №7. С. 48–53.

Михайлова 2019 – *Михайлова А.* Процессуальный срок: восстановить нельзя пропустить. URL: https://pravo.ru/story/200490/ (дата обращения: 22.11.2019).

References

Afanas'eva, T. I. (2019), "Reinstatement of the term for appeal in civil proceedings", *Arbitrazhnyi i grazhdanskii process,* no. 7, pp. 48–53.

Mikhailova, A. (2019), "Procedural period: restore not to be missed", available at: https://pravo.ru/story/200490/ (Accessed 22 November 2019).

Информация об авторах

Коблянский Виталий Сергеевич,
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Российская Федерация; kobliansky2015@yandex.ru
Шкурова Полина Дмитриевна,
кандидат юридических наук, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Российская Федерация; kleo23@list.ru

Information about the authors

Koblyansky Vitalii S.,
Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russian Federation; kobliansky2015@yandex.ru
Shkurova Polina D.,
PhD (law), Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russian Federation; kleo23@list.ru

Для цитирования

Коблянский В. С., Шкурова П. Д. Восстановление срока на подачу апелляционной жалобы в арбитражном процессе // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 69–72.

For citation

Koblyansky, V. S. and Shkurova, P. D. (2020), "Reinstatement of the time limit for filing an appeal in the arbitration process", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 69–72.

УДК 343.773

В. А. Косых[1]
[1] *Котласский линейный отдел*
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Котлас, Архангельская область, Российская Федерация

V. A. Kosykh[1]
[1] *Kotlas Line Department of the Ministry*
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Kotlas, Arkhangelsk region, Russian Federation

Незаконный оборот леса и лесоматериалов в Российской Федерации: сущность, детерминация и проблемы противодействия

Illegal traffic of forest and timber in the Russian Federation: the nature, determination and problems of counteraction

Ключевые слова: преступность; незаконный оборот леса и лесоматериалов; незаконная рубка лесных насаждений; личность преступника; профилактика незаконного оборота леса и лесоматериалов.

Аннотация. В статье раскрываются сущность и основные особенности незаконного оборота леса и лесоматериалов в Российской Федерации. Среди наиболее характерных особенностей преступности в области лесных отношений выделяются недостатки в материально-техническом и профессионально-компетентном обеспечении деятельности территориальных лесничеств. В статье составлен портрет личности преступника, совершившего преступления в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов, а также определены основные направления предупреждения данных преступлений.

Key words: crime; illegal forest and timber traffic; illegal logging of forest; the identity of an offender; prevention of illegal traffic of forest and timber.

Abstract. The article reveals the essence and main features of illegal traffic of forest and timber in the Russian Federation. Among the most distinguishing features of crime in the field of forest relations are drawbacks in the material, technical and professionally competent support for the activities of territorial forestries. The article contains a portrait of a criminal identity, who committed a crime in the field of illegal forest and timber traffic, as well as the main directions for preventing these crimes have been indicated.

В современных условиях незаконный оборот леса приобретает новые скрытые формы, растет степень коррумпированности в сфере лесных отношений, что дает возможность криминальным структурам получать доступ к необходимой информации о силах и средствах правоохранительных органов, используемых при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконной заготовкой, переработкой, перевозкой и сбытом леса и лесоматериалов. Это приводит к повышению уровня латентности данного рода преступлений. Купля-продажа древесины в течение длительного времени формировалась как прибыльное направление товарооборота, именно поэтому данная область привлекательна для криминальных структур.

Обобщенная модель преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом леса и лесоматериалов, определяется комплексом преступных действий, выполняемых лицами по определенному алгоритму. При этом активно используются пробелы в лесном, гражданском, таможенном, административном, уголовном, налоговом законодательстве.

В последние годы в отечественной криминальной сфере происходит активное наращивание связей с зарубежными криминальными структурами, поскольку на международном уровне речь идет о более существенных нелегальных доходах, возможности получения бóльшей прибыли. Данная тенденция приводит к формированию устойчивых транснациональных преступных сообществ, организованных преступных групп, повышению преступного профессионализма членов сообществ, разрастанию коррупционных связей, а вместе с тем и увеличению возможностей противодействия правоохранительным органам, призванным бороться с преступными проявлениями, в том числе и в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов [Косых 2018, с. 75–76].

Анализируя понятие незаконного оборота леса и лесоматериалов, в первую очередь следует обратиться к термину «оборот», под которым понимается сложный поэтапный процесс, включающий в себя несколько взаимосвязанных действий, направленных на непрерывное достижение конкретного результата[1]. В качестве самостоятельных и

[1] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Мир и образование : Оникс, 2011. С. 170.

© Косых В. А., 2020

одновременно связанных между собой этапов незаконного оборота леса и лесоматериалов принято выделять следующие:

1. Заготовка, переработка и хранение древесины.

2. Оформление фиктивных документов по учету и маркировке древесины, преступные махинации при заключении сделок с лесом и лесоматериалами и договоров купли-продажи.

3. Транспортировка древесины.

4. Реализация незаконно заготовленной древесины.

В настоящее время в следственной практике нередко возникают проблемы квалификации действий лиц при рубке лесных насаждений на землях сельскохозяйственного назначения, не входящих в состав лесного фонда. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» к предмету преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, не относятся лесные насаждения, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения, не входящих в лесной фонд[1]. В свою очередь, в соответствии со ст. 77 Земельного кодекса Российской Федерации «землями сельскохозяйственного назначения признаются земли, находящиеся за границами населенного пункта и предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей»[2]. На наш взгляд, неверным является отграничение лесных насаждений, произрастающих на землях лесного фонда, от лесных насаждений, произрастающих на землях сельскохозяйственного назначения, поскольку по качественному составу они не имеют различий, при этом вред экологии и экономике страны может быть нанесен равнозначный. Лесные насаждения, вне зависимости от места произрастания, обладают высокой ценностью для приобретателей этого товара.

Сегодня отечественная криминальная сфера характеризуется активным наращиванием связей с зарубежными криминальными структурами, что обусловлено возможностью получения большей прибыли. Эта тенденция приводит к формированию организованных преступных групп, повышению преступного профессионализма, как следствие, повышению степени противодействия правоохранительным органам, призванным бороться с преступными проявлениями.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683[3], справедливо отмечено, что на состояние экологической безопасности негативное влияние оказывает большой удельный вес теневой экономики в сфере использования природных ресурсов. Этому способствуют недостаточная эффективность государственного контроля за состоянием окружающей среды и соблюдением экологических нормативов хозяйствующими субъектами, а также низкий уровень экологического образования и экологической культуры населения.

В настоящее время из легального рынка лесоматериалов выходит теневой рынок, уровень оборота в котором сравним с официальными показателями заготовки и реализации древесины и производных материалов [Авдийский, Дадалко 2010, с. 208].

Основным фактором, обусловливающим совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом леса, являются устоявшиеся традиции природопользования, когда граждане, исходя из многолетнего опыта пользования благами окружающей среды, воспринимают рубки леса как средство обеспечения жизни питанием, строительными материалами, а в настоящее время – как основной источник дохода.

Сегодня нелегальный оборот леса и лесоматериалов представляет собой сложную преступную систему, противодействие которой является достаточно серьезной деятельностью с необходимым использованием значительных сил и средств. Именно поэтому на переднем плане предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом леса и лесоматериалов, находится деятельность территориальных органов Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации – территориальных лесничеств. В связи с этим сегодня особое внимание следует уделять таким причинам, как недостатки в материально-техническом и профессионально-компетентном обеспечении деятельности данных территориальных подразделений, которые приводят к снижению возможности своевременного установления незаконных рубок лесных насаждений и являются первоначальным этапом нелегального оборота леса и лесоматериалов. Проблема кадрового обеспечения характеризуется снижением работоспособности в процессе проведения рейдов, а иногда приводит к снижению количества рейдов по землям лесного фонда, проводимых с целью выявления мест незаконных рубок. Среди проблем, сдерживающих развитие лесного комплекса, в Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от

[1] Российская газета. 2012. 31 окт.

[2] Там же. 2001. 30 окт.

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1, ч. II, ст. 212.

20 сентября 2018 г. № 1989-р[1], отмечен недостаточный уровень материально-технического, научного и кадрового обеспечения. Около четверти специалистов не имеют профильного лесохозяйственного образования. Ситуация вызвана низкими уровнями оплаты труда и престижа профессии. Кроме того, практика показывает, что совершение преступлений, связанных с незаконной заготовкой древесины, во многих случаях невозможно без участия представителей органов лесной охраны и сотрудников правоохранительных органов. Отсюда и коррумпированность последних.

На наш взгляд, в основе противодействия незаконному обороту леса и лесоматериалов лежат понимание указанной проблемы и факторов, детерминирующих существование данных преступлений; применение теоретических знаний при противодействии данным преступлениям.

Предупреждение преступлений в первую очередь связано с воздействием на личность, профилактикой преступного поведения человека. В связи с этим крайне важно владеть сведениями об особенностях личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов. Так, согласно проведенному нами анкетированию практических работников[2] основная масса лиц, совершающих незаконную рубку леса, – мужчины в возрасте 30–49 лет. Однако на протяжении последних лет прослеживается омоложение преступности, и в поле зрения правоохранительных органов, занимающихся разрешением материалов и расследованием уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 260 УК РФ, стали попадать молодые люди в возрасте 18–30 лет. При этом следует учитывать особенности личности в зависимости от совершаемого преступления.

Так, личность преступника, совершающего преступления, предусмотренные ст. 260 УК РФ, определяется следующими характеристиками: это мужчина в возрасте от 25 до 40 лет, имеющий среднее профессиональное или общее полное образование, не работающий, ранее судимый, состоящий в браке и имеющий на иждивении детей, обладающий навыками работы по лесозаготовке.

Криминологический портрет личности преступника, совершающего преступления, предусмотренные ст. 191.1 УК РФ, определяется следующими характеристиками: это мужчина 25–50 лет, имеющий среднее профессиональное или высшее образование, индивидуальный предприниматель, в сферу деятельности которого входит заготовка, переработка и продажа древесины и лесопродукции; имеющий лесозаготовительную технику в собственности, а также коррупционные связи в государственных органах исполнительной власти.

Криминологический портрет личности преступника, совершающего преступления, предусмотренные ст. 226.1 УК РФ, определяется следующими характеристиками: это мужчина в возрасте от 25 до 50 лет, имеющий высшее образование, опыт торгово-промышленной деятельности, коррупционные связи в лесопромышленном комплексе, правоохранительных органах, а также торговые связи с отечественными и зарубежными лесоперерабатывающими предприятиями, фирмами, осведомленный об особенностях деятельности в лесопромышленной сфере.

В настоящее время следует отметить, что законодательное регулирование лесопромышленного комплекса в Российской Федерации ориентировано в большей степени на борьбу с уже имеющимися негативными последствиями, а не на их профилактику. Основой общегосударственного уровня профилактики преступности в сфере оборота леса, на наш взгляд, является утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 318 государственная программа «Развитие лесного хозяйства», в которую включены подпрограммы «Обеспечение использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов» и «Стратегическое управление лесным хозяйством»[3]. В рамках ее реализации запланированы меры по сохранению лесного фонда, увеличению количества и объема мониторинговых мероприятий по предотвращению лесных пожаров, приумножение мер по воспроизводству лесов. В части предупреждения преступности в сфере лесозаготовки и лесопользования, на наш взгляд, программа не столь обширна, отсутствует план профилактических мероприятий, направленных на профилактику лесонарушений, связанных с незаконными рубками лесных насаждений. Возникает необходимость разработки дополнительной подпрограммы «Профилактика лесонарушений, связанных с незаконными рубками лесных насаждений», подразумевающей проведение: мониторинговых мероприятий с целью выявления незаконных рубок; межведомственных рейдов по охране лесов от незаконных рубок, выявлению противоправной деятельности юридических лиц, осуществляющих деятельность по заготовке древесины; оперативно-профилактических мероприятий по предотвращению незаконного оборота древесины на территории России.

Особое внимание в процессе исследования проблемы противодействия лесонарушениям в Российской Федерации следует уделить федерально-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 40, ст. 6147.

[2] Опрос проводился в 2016–2018 гг. В нем приняли участие более 80 сотрудников территориальных подразделений органов внутренних дел в Северо-Западном федеральном округе.

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18, ч. II, ст. 2164.

му проекту «Сохранение лесов», разработанному в рамках национального проекта «Экология», утвержденного 21 декабря 2018 г., задачами которого являются формирование нормативно-правовой базы по созданию механизма «компенсационного» лесовосстановления; совершенствование механизмов отнесения земель, предназначенных для лесовосстановления, к землям, занятым лесными насаждениями; обновление информации о наличии земель, не занятых лесными насаждениями и требующих лесовосстановления; обеспечение государственных учреждений лесохозяйственной техникой[1]. Одной из задач также является проведение социологической оценки удовлетворенности населения экологической обстановкой (2019–2024 гг.), что представляет особую значимость в разработке дальнейшей стратегии развития лесного хозяйства, поскольку государственные проекты должны учитывать мнение населения[2].

Помимо реформирования лесного законодательства, важно минимизировать уровень безработицы, пересмотреть систему налогообложения бизнеса и индивидуальных предпринимателей, скорректировать федеральный и региональный бюджеты и сориентировать их на работающее население путем повышения и индексации заработных плат, социальных выплат, поскольку в основе совершения незаконного оборота леса находится неудовлетворенность материальными благами населения страны.

Предупредительная деятельность органов внутренних дел зависит от организации взаимодействия с органами лесного хозяйства. В основном факты незаконных рубок выявляются сотрудниками лесничеств в ходе рейдов в лесные массивы, в соответствии с совместными указаниями Генеральной прокуратуры России, МВД России, Федеральной службы лесного хозяйства от 14 мая 1997 г. № 25/7, 1/8588, ДО-5-27/166 «Об усилении координации взаимодействия в борьбе с нарушениями Федерального лесного законодательства и порядке оформления и передачи материалов о лесонарушениях в правоохранительные органы»[3].

В свою очередь, территориальные подразделения МВД России с целью предупреждения преступлений в лесной сфере осуществляют непосредственное взаимодействие с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями, учреждениями, через средства массовой информации разъясняют населению недопустимость незаконного пользования лесными ресурсами. При этом каждое из подразделений МВД России имеет ряд задач, касающихся их направления работы.

Так, при работе участковых уполномоченных полиции по предупреждению преступлений, связанных с незаконными рубками лесных насаждений, играет роль территория обслуживания: в сельской местности осуществляется проведение совместных с представителями сельских лесничеств рейдов по окрестным лесам с целью выявления лесонарушений, а также работа среди лиц, причастных к совершению незаконных рубок лесных насаждений, лиц, имеющих в собственности лесовозную технику.

Подразделения Государственной инспекции безопасности дорожного движения проверяют по ориентировкам правоохранительных органов транспортные средства, водителей, перевозимые ими грузы и документы на предмет выявления незаконно перевозимых предметов, в частности незаконно заготовленной древесины.

Сотрудники подразделений уголовного розыска проводят комплекс оперативно-розыскных мероприятий по выявлению лиц и фактов незаконных рубок лесных насаждений. Важной задачей сотрудников являются взаимодействие с участковыми уполномоченными полиции и участие в проведении совместных комплексных оперативно-профилактических мероприятий. Последняя функция введена приказом МВД России от 20 января 2016 г. № 33 «О внесении изменений в приказ МВД России от 17 января 2006 года № 19»[4].

3 июля 2017 г. МВД России был подготовлен проект приказа «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия при выявлении, пресечении, расследовании и раскрытии преступлений в сфере лесопользования»[5]. Данный документ был переработан в 2018 г. и направлен в Минюст России для регистрации в качестве приказа Генеральной прокуратуры России № 740, МВД России № 758, МЧС России № 502, Минприроды России № 598, СК России № 104, ФТС России № 1807 от 8 ноября 2018 г. На основании письма Минюста России от 2 апреля 2019 г. № 01/42130-АБ[6] данный приказ был возвращен без государственной регистрации.

Между тем в проекте приказа были предложены следующие важные направления взаимодей-

---

[1] Приложение к Протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Экология» от 21 дек. 2018 г. № 3. URL: www.rosleshoz.ru (дата обращения: 17.05.2019).

[2] Паспорт национального проекта «Экология» : [утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 дек. 2018 г. № 16]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2019).

[3] URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 10.06.2019).

[4] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 10.12.2019).

[6] URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 10.12.2019).

ствия со стороны органов, осуществляющих полномочия в области лесных отношений:

1. Обеспечение незамедлительного оповещения органов внутренних дел, таможенной службы, МЧС России, отрядов государственной противопожарной службы о выявленных нарушениях лесного законодательства.

2. Проведение ежеквартальных сверок переданных материалов совместно с правоохранительными органами.

3. Информирование органов прокуратуры о принятии органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления незаконных нормативных правовых актов или совершении действий, нарушающих федеральное лесное законодательство.

Одним из важных направлений было названо осуществление разъяснительной работы среди населения по предупреждению незаконных рубок и повреждения лесных насаждений, нарушений установленного порядка лесопользования.

Тенденция к формированию многообразных проявлений преступности, связанной с незаконным оборотом леса и лесоматериалов, а также развитие профессиональной преступности обусловливают необходимость утверждения данного нормативного правового акта. Однако его целесообразно дополнить: разделом и системой общих профилактических мероприятий, проводимых при взаимодействии правоохранительных органов и представителей государственных органов, осуществляющих деятельность в сфере лесопользования; разделом, посвященным мерам индивидуальной профилактики среди лиц, причастных к совершению преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, приобретению, хранению, перевозке, переработке в целях сбыта, или сбыту заведомо незаконно заготовленной древесины, контрабанде стратегически важных ресурсов; разделом о взаимодействии аналитических подразделений правоохранительных органов, государственных органов, осуществляющих деятельность в сфере лесопользования, и Федеральной таможенной службы, Федеральной службы безопасности, а также образовательных и научно-исследовательских организаций системы МВД России, осуществляющих статистическую, аналитическую деятельность в сфере противодействия преступности.

Индивидуальная профилактика преступлений в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов представляет собой основное направление профилактической работы правоохранительных органов, поскольку непосредственно внутренние побуждения личности формируют ее криминальное поведение.

Таким образом, в условиях современной криминальной ситуации в лесной сфере существует потребность в совершенствовании единой системы профилактики преступности в сфере незаконного оборота леса и лесоматериалов, основанной на современной адаптированной нормативно-правовой базе, использовании теоретических разработок проблемы незаконного оборота леса и лесоматериалов и применении усовершенствованного материально-технического обеспечения.

Список цитируемых источников

Авдийский, Дадалко 2010 – *Авдийский В. И., Дадалко В. А.* Теневая экономика и экономическая безопасность государства : учеб. пособие. М. : Альфа-М : Инфра-М, 2010. 496 с.

Косых 2018 – *Косых В. А.* Незаконный оборот леса. Сущность и современное состояние // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1(77). С. 73–77.

References

Avdiisky, V. I. and Dadalko, V. A. (2020), *Tenevaya ekonomika i ekonomicheskaya bezopasnost' gosudarstva* [Shadow economy and economic security of the state], Alfa-M, Infra-M, Moscow, Russia.

Kosykh, V. A. (2018), "Illegal traffic of the forest. The essence and current state", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii,* no. 1(77), pp. 73–77.

Информация об авторе

Косых Валерия Александровна,
Котласский линейный отдел Министерства внутренних дел Российской Федерации, Котлас, Архангельская область, Российская Федерация; val-kosykh@yandex.ru

Information about the author

Kosykh Valeriya A.,
Kotlas Line Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Kotlas, Arkhangelsk region, Russian Federation; val-kosykh@yandex.ru

Для цитирования

Косых В. А. Незаконный оборот леса и лесоматериалов в Российской Федерации: сущность, детерминация и проблемы противодействия // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 73–77.

For citation

Kosykh, V. A.(2020), "Illegal traffic of forest and timber in the Russian Federation: the nature, determination and problems of counteraction", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 73–77.

УДК 343.352.4:343.985

А. В. Кудрявцев[1, 2, 3]
Н. В. Зуйкова[4]
[1] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
[3] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация
[4] Центр управления городскими дорогами, Владимир, Российская Федерация

A. V. Kudryavtsev[1, 2, 3]
N. V. Zuikova[4]
[1] Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation
[2] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation
[3] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation
[4] Center for the Management of City Roads, Vladimir, Russian Federation

Некоторые особенности взаимодействия оперативных работников и следователей при выявлении и расследовании коррупционных преступлений должностных лиц органов местного самоуправления

Some features of interaction of operative workers and investigators in identifying and investigating corruption crimes of local government officials

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; взаимодействие; коррупционные преступления; органы местного самоуправления.

Аннотация. В статье поднимается вопрос о значимости процесса взаимодействия оперативных работников и следователей при выявлении и расследовании коррупционных преступлений должностных лиц органов местного самоуправления. Анализируются признаки данной деятельности и проблемы ее осуществления, на основании чего формулируются предложения по повышению эффективности рассматриваемого направления взаимодействия.

Key words: crime detection activity; interaction; corruption crimes; local government bodies.

Abstract. The article raises the question of significance of the process of interaction between operative workers and investigators in identifying and investigating corruption crimes by officials of local government bodies. The signs of this activity and the problems of its implementation are analyzed, on the basis of which proposals to improve the effectiveness of the considered direction of interaction are formulated.

На современном этапе коррупционная преступность представляет серьезную опасность для государства и общества. Ущерб от коррупционных преступлений, в том числе совершаемых муниципальными служащими, является весьма значительным, о чем свидетельствуют данные статистики и резонансные примеры выявления данных преступлений правоохранительными органами[1]. В основном, как показало проведенное нами исследование, данные о коррупционных преступлениях в органах местного самоуправления поступают при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (около 70 % случаев), от контрольно-ревизионных органов (около 20 % случаев), в заявлениях граждан (около 10 % случаев)[2]. В этой связи существенное значение имеет выявление фактов преступной деятельности, а также их документирование и последующее использование на этапе возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Необходимо подчеркнуть, что в рамках выявления и документирования фактов преступлений данного вида особое значение приобретает качество составления документов, отражающих ре-

[1] Суд изъял имущество экс-главы Клинского района на девять миллиардов рублей. URL: https://ria.ru/20190917/1558774537.html (дата обращения: 05.02.2020).

[2] Здесь и далее приводятся данные, полученные в ходе опроса 84 сотрудников органов следствия и оперативных подразделений органов внутренних дел во Владимирской и Ивановской областях в 2018–2019 гг.

© Кудрявцев А. В., Зуйкова Н. В., 2020

зультаты оперативно-розыскной деятельности, а также эффективность взаимодействия оперативных работников со следователями.

В словаре русского языка С. И. Ожегова под взаимодействием понимается: «1) взаимная связь двух явлений; 2) взаимная поддержка»[1].

Проанализировав теоретические источники, мы пришли к выводу, что в большинстве изученных нами научных работ по данной проблематике признаются обязательными те признаки взаимодействия, которые характеризуют его сущность. Так, в качестве наиболее важных из них мы выделяем следующие.

1. Взаимодействие – это «согласованная деятельность» или «совместная деятельность» [Аксёнов 1974, с. 8].

2. Взаимодействие предполагает согласованность действий по целям, месту и времени [Галахов, Копытин, Имаков 2003, с. 114].

3. По мнению Н. П. Фролкина, взаимодействию следственных и оперативно-розыскных подразделений присущи следующие признаки:

1) согласованность деятельности следственных и оперативно-розыскных подразделений по цели – решение задач уголовного судопроизводства (выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступления);

2) подчиненность деятельности следственных и оперативно-розыскных подразделений единому замыслу;

3) базирование деятельности следственных и оперативно-розыскных подразделений на нормах права;

4) оптимальность использования средств и методов, присущих каждому из субъектов взаимодействия [Фролкин 2010, с. 18].

Говоря о важности взаимодействия оперативных и следственных подразделений, А. А. Сумин отмечает, что «большее количество уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности возбуждается по результатам оперативно-розыскной деятельности и в дальнейшем требует активного оперативного сопровождения предварительного следствия» [Сумин 2014, с. 440].

Кроме того, в рамках деятельности оперативных подразделений при выявлении и расследовании коррупционных преступлений (в зависимости от ее этапа) возникают различные ситуации, характеризующие их взаимодействие со следователями.

Так, в рамках расследования фактов коррупционной преступности в органах местного самоуправления основным проблемным вопросом является системное наличие недостатков в действиях оперативных работников, способное повлиять на возможность дальнейшего использования результатов оперативно-розыскной деятельности.

Результаты проведенного А. В. Агарковым и Е. М. Рябковым исследования позволили среди основных проблем на данной стадии выделить следующие:

– недостатки при оформлении документов, отражающих результаты оперативно-розыскных мероприятий, что не позволяет в дальнейшем использовать их в уголовном процессе;

– проведение оперативно-розыскных мероприятий без оснований, закрепленных в законе;

– несоблюдение условий проведения оперативно-розыскного мероприятия;

– наличие элементов провокации при проведении оперативно-розыскного мероприятия;

– нарушение порядка передачи результатов оперативно-розыскной деятельности от оперативных сотрудников следователям [Агарков, Рябков 2018].

В условиях необходимости повышения эффективности выявления преступлений коррупционной направленности особое значение, с учетом специфики данных преступлений, приобретает своевременность передачи результатов оперативно-розыскной деятельности в органы следствия для принятия процессуальных решений при их оценке. Несвоевременность передачи материалов дает подозреваемым возможность предпринимать действия, направленные на сокрытие доказательств и оказание противодействия расследованию.

Несоблюдение своевременности информирования, по мнению А. И. Кривенко, может привести к тому, что ценные данные, полученные одним из субъектов взаимодействия и переданные другому субъекту, не смогут быть использованы последним именно потому, что поступили несвоевременно, с опозданием [Кривенко 2008, с. 72].

Потребность во взаимодействии сохраняется и на этапе предварительного расследования выявленных коррупционных преступлений, совершенных муниципальными служащими. Данное взаимодействие осуществляется в рамках оперативно-розыскного сопровождения, которое представляет комплекс мер организационно-управленческих, оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных, криминалистических и иных мер, направленных на выявление подозреваемых (обвиняемых), свидетелей (очевидцев), имущества, подлежащего конфискации, дополнительных эпизодов преступлений экономической и коррупционной направленности, установление всех соучастников расследуемого преступления, осуществление розыска лиц, скрывшихся от органов следствия и суда [Иванов, Кустов 2017, с. 135–136].

Однако, по нашему мнению, основанному на результатах проведенного исследования, со стороны оперативных сотрудников после выявления факта преступления и подозреваемых нередко

[1] Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 2003. С. 78–79.

интенсивность работы по сопровождению предварительного расследования может значительно снижаться, хотя в основном прекращение активных действий со стороны оперативных сотрудников происходит после окончания предварительного расследования и передачи уголовного дела в суд. Данный подход представляется неверным, поскольку на этапе судебного разбирательства сохраняется необходимость решения целого ряда задач с использованием возможностей оперативных подразделений (например, обеспечение выявления угроз безопасности участников процесса; преодоление криминального противодействия со стороны связей подсудимых на свободе и т. д.).

Данная ситуация связана с тем, что оперативные подразделения ориентированы в большей степени на установление факта преступления и лиц, их совершивших. Именно поэтому дальнейший процесс расследования преступлений рассматриваемого вида порой не обеспечивается соответствующей оперативной поддержкой.

На этапе предварительного расследования оперативно-розыскное сопровождение в основном реализуется посредством выполнения оперативными работниками отдельных поручений субъектов расследования. В этом направлении деятельности также прослеживаются проблемные тенденции.

Так, как отмечает в своем исследовании А. Л. Сергеев, по данным преступлениям следователями в рамках предварительного расследования давались поручения органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, достаточно часто (84 %), однако только 48 % были выполнены в полном объеме [Сергеев 2016, с. 82]. На наш взгляд, основной причиной такой ситуации являются недостатки в организации подготовки следователями поручений, являющихся впоследствии основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Оперативным работникам часто просто не хватает исходной информации для качественного выполнения поручений следователей. Данная информация должна носить конкретный и необходимый с точки зрения объема характер.

В качестве направления повышения эффективности совместной деятельности оперативных работников и следователей по выявлению и раскрытию преступлений коррупционной направленности в органах местного самоуправления мы предлагаем рассматривать организацию данной деятельности руководством оперативных и следственных подразделений. К организационным мерам можно отнести, например, проведение совместных координационных совещаний с обсуждением передового опыта и проблемных моментов.

Таким образом, на основе изложенного можно сделать вывод об исключительной важности взаимодействия оперативных работников и следователей при выявлении и расследовании коррупционных преступлений должностных лиц органов местного самоуправления. На современном этапе реализации данной деятельности существует ряд проблем, носящих, как правило, организационный характер. К ним следует отнести: существенное снижение активности оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства на этапе судебного разбирательства; недостатки выполнения оперативными работниками отдельных поручений субъектов расследования, связанные с недостаточным качеством подготовки заданий, и др.

В настоящей статье мы рассмотрели лишь отдельные аспекты взаимодействия оперативных работников и следователей при выявлении фактов совершения коррупционных преступлений муниципальными служащими, возбуждении по ним уголовных дел и предварительном их расследовании. Безусловно, особенности этой деятельности с учетом ее сложности и многоаспектности последней требуют серьезного изучения в целях выработки путей ее совершенствования.

Список цитируемых источников

Агарков, Рябков 2018 – *Агарков А. В., Рябков Е. М.* Оперативно-розыскное мероприятие «оперативный эксперимент» в деятельности подразделений собственной безопасности и использование его результатов в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика. 2018. № 4(44). С. 67–71.

Аксёнов 1974 – *Аксёнов А. А.* Организация взаимодействия в органах внутренних дел как функция управления : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1974. 18 с.

Галахов, Копытин, Имаков 2003 – *Галахов С. С., Копытин В. Н., Имаков Т. З.* Правовые и организационные основы деятельности подразделений специальных технических мероприятий органов внутренних дел и перспективы их развития : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2003. 126 с.

Иванов, Кустов 2017 – *Иванов П. И., Кустов А. М.* Оперативно-разыскное сопровождение расследования уголовных дел и использование при этом результатов ОРД (организационно-тактический аспект) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4(40). С. 135–140.

Кривенко 2008 – *Кривенко А. И.* Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. М. : Юрлитинформ, 2008. 240 с.

Сергеев 2016 – *Сергеев А. Л.* Криминалистические основы первоначального этапа расследования должностных преступлений, совершаемых в сфере деятельности органов местного самоуправления : дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2016. 234 с.

Сумин 2014 – *Сумин А. А.* Взаимодействие следователя с оперативными подразделениями: некоторые актуальные проблемы теории и практики // Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М. : Акад. След. ком. Рос. Федерации, 2014. С. 440–444.

Фролкин 2010 – *Фролкин Н. П.* К вопросу о понятии взаимодействия следственных и оперативно-разыскных подразделений при расследовании преступлений // Оперативник (сыщик). 2010. № 4(25). С. 16–21.

References

Agarkov, A. V. and Ryabkov, E. M. (2018), "The operational-search event "operational experiment" in the activities of the units of their own security and the use of its results in criminal proceedings", *Yuridicheskaya nauka i praktika,* no. 4(44), pp. 67–71.

Aksenov, A. A. (1974), Organization of interaction in internal affairs bodies as a management function, Ph. D. Thesis, High School of the MIA of the USSR, Moscow, USSR.

Frolkin, N. P. (2010), "To the question of the concept of interaction of investigative and operational-search units in the investigation of crimes", *Operativnik (syshchik),* no. 4(25), pp. 16–21.

Galakhov, S. S., Kopytin, V. N. and Imakov, T. Z. (2003), *Pravovye i organizatsionnye osnovy deyatel'nosti podrazdelenii spetsial'nykh tekhnicheskikh meropriyatii organov vnutrennikh del i perspektivy ikh razvitiya* [Legal and organizational basis of the activities of units of special technical measures of internal affairs bodies and prospects for their development], VNII MVD Rossii, Moscow, Russia.

Ivanov, P. I. and Kustov, A. M. (2017), "Operational-search support for criminal investigations and the use of the results of the ARD (organizational and tactical aspect)", *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii,* no. 4(40), pp. 135–140.

Krivenko, A. I. (2008), *Teoriya i praktika vzaimodeistviya sledovatelya s organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost'* [The theory and practice of interaction of the investigator with the bodies engaged in operational-search activities], Yurlitinform, Moscow, Russia.

Sergeev, A. L. (2016), Forensic principles of the initial stage of an investigation of official crimes committed in the field of activity of local authorities. Ph. D. Thesis, criminalistics, forensic science, crime detection, Bashkir State University, Ufa, Russia.

Sumin, A. A. (2014), "Interaction of the investigator with operational units: some pressing problems of theory and practice", *Vzaimodeistvie organov gosudarstvennoi vlasti pri rassledovanii prestuplenii korruptsionnoi napravlennosti: problemy i puti ikh resheniya* [Interaction of public authorities in the investigation of corruption-related crimes: problems and solutions], Akademiya Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii, Moscow, Russia, pp. 440–444.

Информация об авторах

Кудрявцев Алексей Вадимович,
доктор юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; kudriavcev.ru@mail.ru

Зуйкова Наталья Владимировна,
Центр управления городскими дорогами, Владимир, Российская Федерация; mku.cugd@yandex.ru

Information about the authors

Kudryavtsev Aleksei V.,
Doctor of law, associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; kudriavcev.ru@mail.ru

Zuikova Natalya V.,
Center for the Management of City Roads, Vladimir, Russian Federation; mku.cugd@yandex.ru

Для цитирования

Кудрявцев А. В., Зуйкова Н. В. Некоторые особенности взаимодействия оперативных работников и следователей при выявлении и расследовании коррупционных преступлений должностных лиц органов местного самоуправления// Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 78–81.

For citation

Kudryavtsev, A. V. and Zuikova, N. V. (2020), "Some features of interaction of operative workers and investigators in identifying and investigating corruption crimes of local government officials", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 78–81.

УДК 347.64

А. А. Кулакова[1]
А. Н. Ломакина[2]
О. С. Сизова[1]
[1] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

A. A. Kulakova[1]
A. N. Lomakina[2]
O. S. Sizova[1]
[1] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Правовые проблемы решения вопроса о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей

Legal problems of solving the issue of the child's residence place in case of parents' separation

Ключевые слова: место жительства ребенка; раздельное проживание родителей; органы опеки и попечительства; порядок рассмотрения споров о детях.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы принятия судебного решения о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей. Анализируются обстоятельства, учитываемые судом при принятии обозначенных решений, судебная практика, участие в процессе органов опеки и попечительства и существующие недоработки, назначение судом судебно-психологической, судебно-психиатрической или комплексной судебной экспертизы и вносятся предложения по индивидуализации судебных решений о детях. Авторы делают вывод о необходимости закрепления определенного порядка рассмотрения споров о детях в судах.

Key words: the child's residence place; parents' separation; guardianship authorities; procedure of disputes escalation about children.

Abstract. The article deals with the problems of making a court decision on the child's residence place in case of parents' separation. The circumstances taken into account by the court in making these decisions, judicial practice are analyzed, as well as participation in the process of guardianship authorities and its shortcomings, the court appointment of forensic psychological, forensic psychiatric or complex forensic examination and proposals for the individualization of court decisions about children are made. In conclusion, the authors insist on the necessity to fix a certain order of disputes consideration about children in the courts.

В современной России остро стоит вопрос о разводе семейных пар. Люди заключают браки, создают семьи, но нередко после непродолжительного совместного проживания разводятся. Действительно, если обратиться к официальным статистическим данным, то показатели крайне удручающие. Так, по сведениям Федеральной службы государственной статистики, количество разводов в 2018 г. составило 583 942, а браков за этот год было заключено 893 039[1]. То есть количество разводов составляет практически 2/3 от всех заключенных браков. Если обратиться к более ранней статистике, то ситуация мало чем отличается. Так, в 2015 г. было заключено 1 161 068 браков, при этом было оформлено 611 646 разводов, в 2016 г. было заключено браков 985 836, оформлено 608 336 разводов, в 2017 г. браков заключено 1 049 735, разводов оформлено 611 436[2]. При этом развод является сильнейшим травмирующим фактором не только для супругов, главное – страдают дети. Для ребенка, в жизни которого происходит расставание родителей, рушится привычный ему мир, ломается система представлений о семье, коренным образом изменяется жизненный уклад, что автоматически ведет к тревоге, отчаянию, фобиям [Якушев 2018, с. 124].

Сам по себе развод – это уже конфликтная ситуация, когда сталкиваются мнения двух людей (супругов). Иногда они самостоятельно приходят к кон-

[1] Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://www.gks.ru/folder/12781 (дата обращения: 20.11.2019).

© Кулакова А. А., Ломакина А. Н., Сизова О. С., 2020

[2] Там же.

сенсусу и в мирном порядке оформляют развод, но бывают случаи, когда просто невозможно прийти к соглашению, которое бы устраивало обе стороны, и тогда супруги вынуждены обращаться в суд. В процессе развода у супругов могут возникать споры по разным вопросам, но самым сложным и болезненным является спор о детях, о том, где будет проживать несовершеннолетний после расставания супругов, о порядке общения ребенка с родителем, проживающим отдельно от него, о размере и способе содержания ребенка. Закон предусматривает возможность самостоятельного решения данного вопроса родителями, которые могут заключить соглашение о детях (абз. 1 п. 3 ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации (далее: СК РФ), но, к сожалению, многие пары, в силу нежелания общаться друг с другом или невозможности мирного урегулирования этих сложных проблем самостоятельно, обращаются в суд [Елисеева 2015, с. 7–9].

Споры о месте жительства ребенка после развода родителей традиционно считается самым сложным как с эмоциональной, так и с юридической точки зрения. Вынося решение по обсуждаемым делам, суд руководствуется положениями СК РФ, Гражданского кодекса Российской Федерации (далее: ГК РФ), разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации[1]. Согласно этим правовым источникам можно заключить, что при рассмотрении дел, касающихся вопросов определения места жительства детей при разводе родителей, необходим учет мнения и интересов несовершеннолетних. В то же время в законодательстве нет определения того, что составляет понятие «интересы детей». Такое положение приводит к субъективной трактовке данного положения судьями, принимающими решения по данной категории дел [Ракитина 2010, с. 18–21].

Исследуя правовое положение родителей как субъектов споров об определении места жительства ребенка, можно сделать вывод, что законодатель закрепляет равенство родительских прав и мужчины, и женщины [Дергунова 2016].

В современной России нет официальных сведений о том, с кем из родителей чаще проживают дети. Однако сегодня широко распространена точка зрения, согласно которой при определении места жительства ребенка при разводе родителей негласно приоритет отдается матери ребенка, с отцом же суд может оставить ребенка только при исключительных случаях. К таким случаям, например, относят подтвержденный документально факт алкоголизма или наркомании матери и др. [Зыков 2018, с. 7–10].

Далее перейдем непосредственно к рассмотрению вопроса о том, как в суде определяется место жительства несовершеннолетнего при разводе родителей.

Согласно нормам ГК РФ (ст. 20, п. 2) несовершеннолетние, младше четырнадцати лет, должны проживать со своими родителями или другими законными представителями.

В п. 3 ст. 65 СК РФ указано, что при определении места жительства детей при раздельном проживании их родителей необходимо принимать во внимание ряд обстоятельств, к которым относятся: возраст ребенка; его привязанность к родственникам; личностные качества, характеризующие родителей; отношения между ними и ребенком; возможности родителей по обеспечению условий для всестороннего развития ребенка и его воспитания; обстановка, сложившаяся в месте проживания каждого из родителей, и т. д. В связи с этим мы разделяем мнение Н. А. Колоколова о сложности дел об определении места жительства ребенка по причине необходимости учета комплекса оценочных категорий [Колоколов 2013, с. 2–5].

Принимая во внимание вышеизложенное, тем не менее надо отменить, что суды, решая вопрос об определении места жительства несовершеннолетнего, учитывают и другие условия: степень заботы и внимания, оказываемая каждым из родителей ребенку; наличие у них судимости или административных правонарушений, психоневрологических или наркологических проблем; особенности социального поведения родителей; близость проживания и другие возможности общения ребенка с другими (кроме родителей) родственниками, участвующими в воспитании несовершеннолетнего. Кроме того, необходимо рассматривать: возможность сохранения круга общения, привычного для ребенка, к которому могут относиться его друзья, педагогические работники и т. д., а также своевременного получения требуемой ребенку медицинской помощи; особенности климата в местах пребывания родителей и влияние его на здоровье ребенка; близость и удобство расположения общеобразовательных организаций и организаций, предоставляющих услуги дополнительного образования, которые посещает ребенок. Судом должна также анализироваться и цель предъявления иска[2]. Верховный Суд Российской Федерации определяет, что при принятии судебного решения для суда не может являться безусловным основанием удовлетворения требований в чью-либо пользу факт преимущества в материальном и бытовом положении одного из родителей.

[1] О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 // Курьер. 1998. № 22–23.

[2] Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей : утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 20 июля 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.

В научной литературе отмечается, что в реальных судебных процессах нередко происходит не имеющее действительных причин сужение предмета доказывания. Из поля зрения суда уходят так называемые трудные обстоятельства, которые либо сложно установить в судебном заседании, либо требуют состязательного доказывания (степень привязанности ребенка к родителю, другим членам семьи; личные качества родителя и т. п.). Как правило, в таких случаях решение принимается исходя из шаблона, учитывающего часто немотивированный приоритет прав матери по сравнению с отцом на проживание с малолетним ребенком (при существующем положении о равенстве прав родителей), возраста ребенка и др. [Даниленков 2013; Елисеева 2015]. Полагаем, что суд должен устанавливать такие обстоятельства и отказываться от немотивированных ссылок на них при принятии решений.

В этой связи важное значение для суда имеет обязательное участие в процессе органов опеки и попечительства. Они уполномочены предоставлять в суд акты обследования жилищно-бытовых условий обоих родителей и давать заключение об отношениях в семье, которое в свою очередь является немаловажным доказательством по такого рода делам. Однако в законодательстве не определен список вопросов, которые должны быть раскрыты в заключении сотрудников органов опеки и попечительства, также, как правило, неизвестны или недоступны для оценки диагностическая эффективность и валидность применяемых методик и последовательность действий уполномоченных органов [Смагина 2016]. Заключения органов опеки и попечительства, таким образом, часто носят формальный характер и не выявляют необходимых для суда обстоятельств, что особенно недопустимо, поскольку они обладают соответствующими полномочиями и возможностями для выявления необходимых обстоятельств в условиях непосредственного контакта с ребенком с привлечением специалистов в области педагогики и психологии.

Более того, Президиум Верховного Суда Российской Федерации расширил подход к возможностям диагностики существующих взаимоотношений родителей и ребенка, указав, что выявляться мнение последнего по изучаемому вопросу должны органы опеки и попечительства, воспитатели, педагоги и социальные педагоги образовательных организаций, которые посещает ребенок, инспектора по делам несовершеннолетних. Большое значение также придается назначенной судом судебно-психологической, судебно-психиатрической или комплексной судебной экспертизе[1]. Заключение эксперта является одним из важнейших документов, влияющим на решения по исследуемой категории дел, поскольку организации, имеющие лицензию на их проведение, обеспечивают профессиональную и качественную диагностику межличностных отношений в семье [Кучинская 2016, с. 100]. Мы считаем, что по делам данной категории проведение судебно-психологической, судебно-психиатрической или комплексной судебной экспертизы должно стать обязательным.

Исходя из положений ст. 57 СК РФ, суд обязан учитывать мнение несовершеннолетнего о том, с кем из родителей он хотел бы жить постоянно, если на момент рассмотрения спора он достиг десятилетнего возраста. При этом ребенок, не достигший десятилетнего возраста, не лишается права выразить свое мнение по вопросу, явно затрагивающему его интересы, но в данном случае суд обязательно должен учесть уровень психологического развития несовершеннолетнего.

Мы разделяем мнение А. В. Демкиной о том, что решение суда, принятое без учета реальных желаний ребенка, может стать для него сильным травмирующим фактором [Демкина 2012, с. 80]. В то же время слепое следование за высказанным несовершеннолетним мнением может негативно отразиться на его интересах, еще им не до конца не осознанных или неправильно оцениваемых.

Ребенок по своему желанию имеет право принимать участие в разрешении споров, которые непосредственно касаются его жизни и интересов. В законодательстве не закреплено, в какой форме ребенок может выразить свою позицию по данным вопросам, но он может это сделать как в кругу семьи, так и в судебном заседании [Мамедова, Шейхмурадова, 2015].

Приходится констатировать, что конкретный порядок по выявлению судами мнения ребенка не установлен. Из содержания ряда статей СК РФ следует, что ребенок может быть опрошен только в присутствии психолога (воспитателя, преподавателя, представителя опеки и попечительства). Опрос происходит в обстановке, исключающей какое-либо влияние на несовершеннолетнего со стороны заинтересованных лиц. В этом случае все заинтересованные лица покидают зал судебного заседания на время опроса несовершеннолетнего. Однако нельзя исключать влияния, которое оказывается на ребенка родителями и другими родственниками до судебного разбирательства, поэтому для выявления такого влияния и определения реальной позиции ребенка следует привлекать специалиста, способного учесть все особенности психофизического развития и конкретное состояние несовершеннолетнего[2].

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 : утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 23 дек. 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 9.

[2] Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей.

В ряде случаев для выяснения обстоятельств жизни ребенка и его мнения судом могут быть привлечены и иные специалисты, например, инспектор по делам несовершеннолетних, педагоги, специалисты по охране прав детства, специалисты органов управления образования и некоторые другие.

Все вышеперечисленные действия суда в совокупности должны быть направлены только на соблюдение законных прав и интересов ребенка.

Таким образом, решение вопроса о месте жительства несовершеннолетнего ребенка при раздельном проживании его родителей в судебном порядке не свободно от проблем и должно характеризоваться строго личностным подходом. По нашему мнению, в законодательстве необходимо закрепить определенный порядок рассмотрения споров о детях. Особое внимание следует обратить на расширение гарантий прав ребенка. Суды нуждаются в дополнительных разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, также нельзя забывать об уже сложившейся практике Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека.

Список цитируемых источников

Даниленков 2013 – *Даниленков А. В.* Возрастной ценз ребенка как один из способов неправомерного ограничения прав отцов в РФ // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 7–10.

Демкина 2012 – *Демкина А. В.* Споры о детях: место жительства ребенка и порядок осуществления родительских прав // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 76–85.

Дергунова 2016 – *Дергунова В. А.* Особенности применения судами Декларации прав ребенка при разрешении споров родителей о месте жительства детей // Адвокат. 2016. № 11. С. 50–54.

Елисеева 2015 – *Елисеева А. А.* Место жительства несовершеннолетних: отдельные проблемы судебного определения // Семейное и жилищное право. 2015. № 5. С. 7–9.

Зыков 2018 – *Зыков С. В.* Определение места жительства ребенка: действующие правовые позиции ЕСПЧ и национальное правоприменение // Семейное и жилищное право. 2018. № 3. С. 7–10.

Колоколов 2013 – *Колоколов Н. А.* Определение места жительства ребенка: судебная практика. Статья 1. Требования к родителям // Мировой судья. 2013. № 4. С. 2–5.

Кучинская 2016 – *Кучинская Л. А.* Определение и выявление интересов несовершеннолетних при рассмотрении споров о детях: постановка проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12. С. 93–102.

Мамедова, Шейхмурадова 2015 – *Мамедова М. К., Шейхмурадова П. Г.* Особенности рассмотрения споров об определении места жительства ребенка и принудительного исполнения решений по делам этой категории // Современное право. 2015. № 7. С. 94–99.

Ракитина 2010 – *Ракитина Л. Н.* Обеспечительные меры по судебным спорам о детях // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 2. С. 18–21.

Смагина 2016 – *Смагина Е. С.* Некоторые особенности участия органов опеки и попечительства в спорах об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 23–27.

Якушев 2018 – *Якушев П. А.* Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика : монография. М. : Прогресс, 2018. 124 с.

References

Danilenko, A. V. (2013), “Age limit of the child as one of the ways of illegal restriction of the rights of fathers in the Russian Federation”, *Semeinoe i zhilishchnoe pravo,* no. 2, pp. 7–10.

Demkina, A. V. (2012), “Disputes about children: the child’s place of residence and the procedure for exercising parental rights”, *Zhurnal rossiiskogo prava,* no. 5, pp. 76–85.

Dergunova, V. A. (2016), “Features of application of the declaration of rights of the child by courts when resolving disputes between parents about the place of residence of children”, *Advokat,* no. 11, pp. 50–54.

Eliseeva, A. A. (2015), “Place of residence of minors: some problems of judicial determination”, *Semeinoe i zhilishchnoe pravo,* no. 5, pp. 7–9.

Kolokolov, N. A. (2013), “Determination of the child’s place of residence: judicial practice. Article 1. Requirements for Parents”, *Mirovoi sud’ya,* no. 4, pp. 2–5.

Kuchinskaya, L. A. (2016), “Defining and identifying the interests of minors when considering disputes about children: problem statement”, *Aktual’nye problemy rossiiskogo prava,* no. 12, pp. 93–102.

Mamedova, M. K. and Sheikhmuradova, P. G. (2015), “Features of consideration of disputes on determining the child’s place of residence and enforcement of decisions in cases of this category”, *Sovremennoe pravo,* no. 7, pp. 94–99.

Rakitina, L. N. (2010), “Interim measures for legal disputes about children”, *Arbitrazhhyi i grazhdanskii protsess,* no. 2, pp. 18–21.

Smagina, E. S. (2016), “Some features of the participation of guardianship and guardianship authorities in disputes about determining the child’s place of residence when the parents are separated”, *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika,* no. 8, pp. 23–27.

Yakushev, P. A. (2018), *Spory o detyakh: traditsionnye tsennosti i sudebnaya praktika* [Disputes about children: traditional values and judicial practice], monograph, Progress, Moscow, Russia.

Zykov, S. V. (2018), “Determination of the child’s place of residence: current legal positions of the European Court of Human Rights (ECHR) and national law enforcement”, *Semeinoe i zhilishchnoe pravo,* no. 3, pp. 7–10.

Информация об авторах

Кулакова Анна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; annakulakova33@yandex.ru

Ломакина Анна Николаевна,
кандидат педагогических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; anya-barinova@mail.ru

Сизова Олеся Сергеевна,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; olesya_sizova_99@mail.ru

Information about the authors

Kulakova Anna A.,
PhD (law), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; annakulakova33@yandex.ru

Lomakina Anna N.,
PhD (pedagogy), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; anya-barinova@mail.ru

Sizova O. S.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; olesya_sizova_99@mail.ru

Для цитирования

Кулакова А. А., Ломакина А. Н., Сизова О. С. Правовые проблемы решения вопроса о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 82–86.

For citation

Kulakova, A. A., Lomakina, A. N. and Sizova, O. S. (2020), “Legal problems of solving the issue of the child’s residence place in the case of parents’ separation”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 82–86.

УДК 343.98

К. Н. Курысев[1, 2]
[1] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

K. N. Kurysev[1, 2]
[1] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Некоторые правовые аспекты контроля радиопереговоров в ходе оперативно-розыскной деятельности

Some legal aspects of radio conversations control in the course of crime detection

Ключевые слова: радиопереговоры; радиосвязь; оперативно-розыскные мероприятия; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи.

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты контроля радиопереговоров в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности. В частности, анализируются вопросы соблюдения прав граждан при контроле радиопереговоров в различных условиях и предлагаются правовые пути решения обозначенных проблем.

Key words: radio conversations; radio communications; search operations; telephone tapping; lawful interception of communications.

Abstract. The article deals with the legal aspects of monitoring radio conversations in the course of operational search activities. In particular, it analyzes the issues of compliance with the rights of citizens when monitoring radio conversations in various conditions and offers legal solutions to these problems.

С развитием методов и технических средств передачи и приема информации все больше различных нюансов возникает при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД), в частности при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее: ОРМ), связанных с контролем информации. Актуальность данных проблем объясняется сложностью проведения таких ОРМ, большим количеством технических тонкостей и необходимостью соблюдения прав человека и гражданина. Кроме того, проведение указанных ОРМ четко не регламентируется Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: ФЗ об ОРД)[1].

Так, одной из обозначенных проблем является контроль радиопереговоров в ходе ОРМ.

Под термином «радиопереговоры» мы будем понимать обмен голосовыми сообщениями и иной (в том числе цифровой) информацией посредством передачи и приема радиоволн.

В связи с этим можно выделить следующие виды проведения радиопереговоров и аспекты рассматриваемых проблем:

1. Радиопереговоры ведутся в ходе телефонных переговоров, например, при использовании радиоудлинителя (радиотелефона) или сотовой телефонной связи.

2. Радиопереговоры осуществляются в ходе использования сети «Интернет» в сотовой телефонной связи, а также при обмене короткими сообщениями (SMS, MMS и пр.).

3. Радиопереговоры происходят при использовании радиостанций, не подключенных к иному оконечному оборудованию.

4. Необходимо учитывать, заключен ли договор на предоставление услуг связи при использовании оборудования связи.

Первый аспект связан с проведением ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» (далее: ПТП). Под ПТП понимается ОРМ, осуществляемое на основании судебного решения с использованием специальных технических средств и состоящее в слуховом контроле, а также фиксации разговоров физических лиц (проверяемых, разрабатываемых), ведущихся по телефонным линиям связи. ОРМ ПТП заключается в негласном контроле за речевым общением, осуществляемом посредством проводной и беспроводной телефонной связи путем подключения к станционной аппаратуре

[1] Российская газета. 1995. 18 авг.

© Курысев К. Н., 2020

предприятий, учреждений или организаций связи либо к проводной линии связи или путем сканирования радиосигнала телефона объекта прослушивания [Теория ОРД 2006, с. 353].

Радиопереговоры в данном случае осуществляются при организации беспроводной телефонной связи в рамках применения радиотелефона в качестве беспроводного удлинителя телефонной линии, а также при сканировании радиосигналов сотового телефона.

Ключевым фактором, определяющим принадлежность проводимого контроля к ОРМ ПТП, являются телефонные переговоры, т. е. голосовые сообщения, передаваемые и принимаемые в системе абонентской телефонной связи, организуемой в рамках договоров о предоставлении услуг связи с организациями, предоставляющими услуги связи.

При этом, если контролируются радиосигналы, включающие телефонные переговоры, то их контроль относятся к ОРМ ПТП и, следовательно, должен проводиться с выполнением всех требований ФЗ об ОРД.

Второй аспект связан с проведением ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи» (далее: СИТКС). СИТКС – это ОРМ, осуществляемое на основании судебного решения с использованием специальных технических средств и направленное на негласный контроль и фиксацию открытой информации, передаваемой проверяемыми (разрабатываемыми) лицами по техническим каналам связи (телетайп, компьютерные сети и т. п.) [Теория ОРД 2006, с. 359].

В данном случае весь анализ зависит от понятия «технический канал связи» (далее: ТКС). Как ни странно, законодательно данное понятие не определено. На это указывают многие авторы и предлагают свое видение решения данного вопроса [Вагин, Исиченко, Чечетин 2008; Машков 2015; Теория ОРД 2006].

При этом некоторые из них считают, что «к техническим относятся каналы электросвязи, используемые для передачи и приема знаков, сигналов, письменного текста, изображений, звуков при помощи технических средств по проводной, радио- и другим электромагнитным системам», а снятие информации возможно путем сканирования технического канала, радиоперехвата, копирования и других действий [Теория ОРД 2006, с. 359].

Однако в данном определении не понятен смысл термина «электромагнитные системы», поскольку в учебной литературе по электротехнике такие системы связаны с измерительными приборами, основанными на взаимодействии магнитного поля катушки, по которой протекает измеряемый ток, и подвижного железного сердечника, намагниченного полем катушки [Евсюков 1979, с. 58].

К проблеме формирования определения понятия «технические каналы связи» мы уже обращались [Курысев 2018, с. 93–96] и предлагали сформулировать дефиницию ТКС на основе определения, содержащегося в постановлении ЦИК России от 27 апреля 2016 г. № 5/43-7 «О Порядке и сроках передачи, обработки и использования информации о выборах, переданной по техническим каналам связи при подготовке и проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва на избирательных участках, образованных на судах, которые будут находиться в день голосования в плавании, на полярных станциях, в отдаленных или труднодоступных местностях либо за пределами территории Российской Федерации»[1] в следующем виде: ТКС – это совокупность среды распространения электромагнитных сигналов и технических (программных) средств, используемых при формировании, приеме, обработке, хранении, передаче, доставке любых излучений, знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений [Курысев 2018, с. 95].

Таким образом, исходя из данного определения и определения, предложенного выше, можно заключить, что контроль радиопереговоров относится к ОРМ СИТКС и требует получения судебного решения в соответствии с ФЗ об ОРД. Однако более глубокий анализ приведенных дефиниций обосновывает следующую позицию авторов учебника «Теория оперативно-розыскной деятельности»: проведение ОРМ применительно к неофициальной переписке, телефонным переговорам, почтовым, телеграфным или иным сообщениям в случае их передачи не по сетям электрической и почтовой связи не требует судебного решения на их проведение [Теория ОРД 2006, с. 761]. Это связано с тем, что тайна связи (тайна переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений) относится к сфере деятельности операторов почтовой связи или электросвязи и не подлежит разглашению без согласия пользователя услуг связи[2]. Если передача сообщений или связь не опосредована сферой деятельности операторов почтовой связи или электросвязи, то и соответствующая передача информации не является такой услугой и в соответствии со ст. 63 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»[3] не образует тайны связи и, следовательно, ее нарушения в целом или применительно к отдельным видам.

[1] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О почтовой связи : федер. закон от 17 июня 1999 г. № 776-ФЗ // Российская газета. 1999. 22 июля. Ст. 2, 4, 63.

[3] Парламентская газета. 2003. 10 июля.

В частности, это может относиться к передаче сообщений от радиомикрофона или радиозакладки, а также к переписке посредством использования тайников, услуг частных лиц для передачи письменной информации, использования устройств с целью перемещения письменных текстов от одного лица к другому, общения посредством радиостанций или внутрипроизводственных, технологических или выделенных сетей связи, не имеющих выхода на сеть связи общего пользования, либо организованных между отдельными лицами, и др. [Теория ОРД 2006, с. 761; Вагин, Исиченко, Чечетин 2008].

При этом очевидно, что контроль радиосообщений, формируемых сотовым телефоном при работе с сетью «Интернет», в полной мере относится к ОРМ СИТКС и требует судебного решения для его проведения, поскольку он производится в соответствии с заключенным договором о предоставлении услуг связи.

Помимо вышеизложенного, необходимо отметить противоречия, имеющие место в учебнике «Теория оперативно-розыскной деятельности», где контроль радиопереговоров, осуществляемых без использования сетей связи общего пользования, проведенный в рамках оперативного радиоперехвата с помощью всеволнового приемника, относится к ОРМ СИТКС [Теория ОРД 2006, с. 584]. И здесь, на наш взгляд, существует пробел в ФЗ об ОРД, заключающийся в том, что ОРМ ПТП и СИТКС должны проводиться только по судебному решению, даже если контролируются сообщения, передаваемые не по сетям связи общего пользования и без заключения договора на предоставление услуг связи.

Завершая статью, считаем целесообразным обратить внимание на следующие положения.

1. Необходимо уточнить определения ОРМ ПТП и СИТКС путем конкретизации способа организации передачи сообщений – через операторов связи (с которыми заключен договор на предоставление услуг связи).

2. В соответствии с вышеуказанным п. 1 в ФЗ об ОРД следует внести изменения, конкретизирующие условия проведения ОРМ ПТП и СИТКС, если они проводятся в случаях, не опосредованных сферой деятельности операторов связи.

3. Требует своего уточнения в ФЗ об ОРД и норма, касающаяся контроля радиосообщений, формируемых вне сферы действия операторов связи, не составляет ОРМ ПТП или СИТКС и не требует получения судебных решений.

4. В качестве варианта осуществления контроля радиосообщений, формируемых без участия операторов связи, можно предложить ОРМ «Наблюдение», т. е. контроль радиопереговоров проводить в рамках ОРМ «Наблюдение».

Список цитируемых источников

Вагин, Исиченко, Чечетин 2008 – *Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е.* Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). М. : Деловой двор, 2008. 136 с.

Евсюков 1979 – *Евсюков А. А.* Электротехника. М. : Просвещение, 1979. 248 с.

Курысев 2018 – *Курысев К. Н.* Понятие «технические каналы связи»: проблема определения и его роль при выявлении особенностей оперативно-розыскных мероприятий, связанных с получением информации // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3(48). С. 93–96.

Машков 2015 – *Машков С. А.* Актуальные наименования технических оперативно-розыскных мероприятий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. Иркутск : БГУЭП, 2015. Вып. 2(8). С. 174–181.

Теория ОРД 2006 – Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М. : ИНФРА-М, 2006. 832 с.

References

Evsyukov, A. A. (1979), *Elektrotekhnika* [Electrical Engineering], Prosveshchenie, Moscow, USSR.

Goryainov, K. K., Ovchinsky, V. S. and Sinilov, G. K. (2006), *Teoriya operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [The theory of operational investigative activity], INFRA-M, Moscow, Russia.

Kurysev, K. N. (2018), "The concept of "technical communication channels": the problem of definition and its role in identifying the features of operational-search measures related to obtaining information", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(48), pp. 93–96.

Mashkov, S. A. (2015), "Current names of technical operational-search measures", *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian criminal procedure and forensic readings], BGUEP, Irkutsk, Russia, issue 2(8), pp. 174–181.

Vagin, O. A., Isichenko, A. P. and Chechetin, A. E. (2008), *Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti» (postateinyi)* [Commentary to the Federal Law of August 12, 1995 No. 144-ФЗ «On the operational-search activity» (itemized)], Delovoi dvor, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Курысев Константин Николаевич,
кандидат технических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; kkn124@bk.ru

Для цитирования

Курысев К. Н. Некоторые правовые аспекты контроля радиопереговоров в ходе оперативно-розыскной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 87–90.

Information about the author

Kurysev Konstantin N.,
PhD (technology), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; kkn124@bk.ru

For citation

Kurysev, K. N. (2020), "Some legal aspects of radio conversations control in the course of crime detection", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 87–90.

УДК 343.98

Л. В. Лазарева[1, 2]
[1] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация

L. V. Lazareva[1, 2]
[1] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation
[2] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

Участие специалиста в правоприменительной деятельности по уголовным делам

Specialist participation in criminal law enforcement

Ключевые слова: уголовный процесс; правоприменительная деятельность; специалист; специальные знания; заключение специалиста; показания специалиста.

Аннотация. Статья посвящена анализу участия специалиста в формировании доказательств по уголовным делам. Предпринята попытка восполнить пробелы в организационно-методическом обеспечении правоприменительной деятельности в указанном направлении, а также сформулировать конкретные рекомендации по вопросам использования специальных знаний в процессе доказывания. Исследуется процессуальный порядок получения заключения и показаний специалиста, рассматриваются возможности стороны защиты в этом направлении.

Key words: criminal procedure; law enforcement; specialist; special knowledge; expert opinion; expert testimony.

Abstract. The article is devoted to the analysis of a specialist's participation in the formation of evidence in criminal cases. This study attempts to fill the gaps in the organizational and methodological support of law enforcement in this direction, as well as to formulate specific recommendations on the use of special knowledge in the process of proof. The procedural procedure of obtaining a conclusion and testimony of a specialist is examined; the possibilities of the defense in this direction are examined.

Вопросы участия специалиста в правоприменительной деятельности были и остаются сегодня предметом бурных дискуссий как в научных кругах, так и среди практиков. И в этом нет ничего удивительного, поскольку в качестве доминирующих факторов, предопределивших возникновение и становление института специальных знаний, лежит общественный прогресс. В конечном счете и «законодательство», и «особенности развития наук» – всего лишь его производные. Очевидно, что по мере развития общества и роста его осознанной потребности в обеспечении своей безопасности от преступности и произвола властей в нем формировались убежденность в необходимости создания более действенной и гуманной системы судопроизводства, элементом которой и стал институт специальных знаний. Такая потребность реализовывалась при использовании достижений естественных и технических наук.

Общественный прогресс и его составляющие (идеология, политика, экономика, наука, право, искусство, литература и т. д. и т. п.) имеют свои исторически обусловленные особенности, которые в свою очередь определяют специфику возникновения и развития таких социально-правовых явлений, как институт специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Этим, по нашему мнению, объясняются те различия в формах реализации возможностей научно-технических достижений в борьбе с преступностью и в системе судопроизводства, которые наблюдаются, например, в нашем государстве и в так называемых цивилизованных западноевропейских странах.

Использование специальных знаний в расследовании преступлений является средством познавательной деятельности, поскольку специалист оказывает содействие органам предварительного расследования в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Правовую основу деятельности специалиста в правоприменительной практике по уголовным делам прежде всего составляют Конституция Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее: УПК РФ). При использовании специальных знаний в различных формах, в том числе и в форме судебной экспертизы, следует учитывать положения феде-

© Лазарева Л. В., 2020

ральных законов, регламентирующих организацию и производство судебной экспертизы. Наиболее тщательному изучению подлежит Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[1].

Анализ законодательных норм, научной литературы и правоприменительной практики свидетельствует о том, что до настоящего времени не достигнуто общее понимание по поводу процессуального статуса специалиста и порядка его участия в уголовном деле, а также отсутствует общепризнанность заключения и показаний специалиста как средств доказывания. Именно поэтому не удивительно, что в правоприменительной практике наблюдаются серьезные затруднения по привлечению специалиста к участию в уголовном деле, использованию в процессе доказывания его заключения и показаний.

Несмотря на то, что различные аспекты использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве являлись и продолжают оставаться предметом научных дискуссий, до сих пор в отечественной уголовно-процессуальной доктрине так и не сложилось единого мнения относительно их понятия, форм использования и ряда других, связанных с ними, вопросов.

Недостаточная регламентация процессуального статуса специалиста создавала практические проблемы по его привлечению к участию в следственных действиях. Ситуация изменилась в связи с принятием УПК РФ в 2001 г., в котором специалист значился как самостоятельный участник уголовного процесса (ст. 58 УПК РФ). Данная норма неоднократно подвергалась изменениям и до сих пор остается предметом научных дискуссий.

Появление самостоятельной нормы о специалисте (ст. 58 УПК РФ) можно считать закономерным итогом развития учения о сведущих лицах в уголовном судопроизводстве, а также объективных процессов на фоне развития кибернестических и специальных знаний в рамках правоприменительной деятельности.

Становится очевидным, что требуются новые подходы к пониманию сущности специалиста и правовому регулированию его деятельности, что позволит шире использовать возможности специальных знаний и повысит эффективность правоприменительной деятельности.

Как справедливо отмечал Р. Д. Рахунов, «уголовно-процессуальная деятельность характеризуется тем, что ее участники: а) действуют на основе уголовно-процессуального закона; б) имеют определенные обязанности и права; в) вступают в уголовно-процессуальные отношения с другими участниками процесса» [Рахунов 1961, с. 19].

Специалист, вовлекаясь в уголовно-процессуальную деятельность, одновременно выполняет обязанности по представлению таких доказательств, как заключение и показания специалиста и оказывает содействие в проведении следственных действий.

Методологически отталкиваясь от традиционного представления о специальных знаниях и лицах, ими обладающих, в настоящее время наибольшие усилия в этом сегменте уголовно-процессуальной науки, на наш взгляд, целесообразнее направить на рассмотрение и исследование вопросов, связанных с правовым регулированием процессуального положения специалиста в уголовном деле, что имеет большую практическую востребованность. Данная проблема является одной из важнейших для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства в условиях усиления состязательности вообще и в области доказательственного права, в частности.

Оставаясь в большинстве случаев техническим помощником следователя, специалист сегодня является еще и посредником в познавательной деятельности субъектов доказывания. Поскольку эта деятельность связана с восприятием объектов материального мира, то субъекты доказывания взаимодействуют с информацией, извлекаемой из сознания специалистов. В свою очередь специалист также выступает субъектом познания, взаимодействуя тем или иным образом с обстоятельствами, подлежащими доказыванию.

Из содержания ст. 58 УПК РФ можно предположить, что участие специалиста является не столько его правом, сколько обязанностью, а это ставит его реализацию в зависимость от усмотрения лиц, в чьем производстве находится уголовное дело. В результате у практических работников складывается самое разное представление о круге процессуальных обязанностей специалиста.

В этой связи следует обратить внимание на то, что законодатель, закрепляя права и обязанности участников уголовного процесса, в целом отступил от традиционного способа их формирования, исключил слово «обязан», заменив его на «не вправе».

Кстати, регламентируя свободу на труд, ст. 37 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду. Запрет на принудительный труд содержится также в ст. 4 Трудового кодекса Российской Федерации.

Напомним, что ранее мы предлагали один из вариантов решения проблемы, который предполагал получение согласия специалиста [Лазарева

[1] Российская газета. 2001. 5 июня.

2011b, с. 129], который, на наш взгляд, будет способствовать не только возможности реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве, но и обеспечению права специалиста на свободный труд в случае, если выполнение его процессуальных обязанностей выходит за рамки должностных. Однако подобные идеи не получили пока законодательной поддержки.

Весьма неоднозначен и одновременно важен для осуществления правоприменительной деятельности вопрос о процессуальной регламентации получения заключения и показаний специалиста в уголовном деле. Тот факт, что законодатель уклоняется от формализации процедуры получения заключения и показаний специалиста, следует расценивать как недоработку самого законодателя. Безусловно, установленная законом регламентация получения доказательств придает процессу доказывания стабильность, необходимую для достижения его целей и задач.

В этой связи следует обратить внимание на различную степень формализации самих доказательств. В отношении некоторых из них предусмотрены достаточно конкретные способы собирания. Например, при назначении и проведении судебной экспертизы, результатом которой является заключение эксперта, законодатель регламентирует буквально каждый шаг правоприменителя. Тогда как происхождение заключения специалиста носит более неопределенный характер, подчиняясь общим правилам проведения следственных действий.

Для определения процессуального порядка вовлечения специалиста законодатель использует следующую формулировку: «Вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяются статьями 168 и 270 настоящего Кодекса» (ч. 2 ст. 58 УПК РФ). Статья 168 УПК РФ в свою очередь перенаправляет к ст. 164 УПК РФ. Буквальная ее трактовка означает всего лишь возможность привлечения специалиста, не уточняя ее процедуры.

Рассматривая деятельность специалиста как субъекта правоприменительной деятельности, следует обратить внимание ее на двусторонний характер. Однако сторона защиты ограничена в использовании специальных знаний посредством специалиста. К сожалению, следователи, как и судьи, прибегают к возможности получения доказательственной информации из такого источника не так часто, как хотелось бы. С точки зрения сбалансированности прав и обязанностей сторон в уголовном процессе заключение специалиста чаще используется стороной защиты. Это не вина защиты, а беда нашего уголовного судопроизводства. Как известно, формирование доказательств в уголовном судопроизводстве осуществляется должностным лицом или органом, ведущим производство по делу. В этой связи представляется не вполне корректным утверждение законодателя, что специалист привлекается для разъяснения сторонам вопросов, входящих в его компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Таким образом, получается, что допуск специалиста к делу всецело зависит от усмотрения органа уголовного преследования (суда). Тем не менее данная норма конкурирует с положением п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, согласно которому и защитник с момента его допуска к делу вправе «привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 настоящего Кодекса». Изучение специальной литературы позволяет констатировать, что ученые в большинстве согласны с возможностью привлечения специалиста стороной защиты. В частности, Т. В. Аверьянова отмечает, что «сторона защиты, не согласная с заключением эксперта или не получившая положительного решения об удовлетворении ходатайства о назначении экспертизы (первичной, дополнительной, повторной), может обратиться непосредственно к специалисту для получения его заключения» [Аверьянова 2017, с. 174].

Действующая редакция ст. 58 УПК РФ, а именно ч. 2.1, предоставляет стороне защиты право требовать удовлетворения своего ходатайства о привлечении специалиста к участию в деле и не может получить отказ в этом.

В случае необходимости обращения за помощью к специалисту с целью получения его заключения защитник руководствуется Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[1]. Согласно п. 4 ч. 3 ст. 6 названного закона адвокат вправе привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи.

Однако имеют место случаи, когда некоторые правоприменители полагают, что если в законе не закреплен порядок привлечения специалиста, то реализация им своих функций невозможна. Это заблуждение приводит к тому, что следователи отказывают в удовлетворении ходатайства стороны защиты в привлечении специалиста к участию в процессуальных действиях [Галинская 2017, с. 68–72].

Между тем участники, заинтересованные в разрешении уголовного дела (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и пр.), вообще не имеют возможности воспользоваться таким инструментом для отстаивания своих интересов, поскольку их обращение за консультацией к специалисту не регламентировано действующим законодательством. Заключение специалиста, подготовленное

[1] Российская газета. 2002. 5 июня.

по инициативе лица, не обладающего властно-распорядительными полномочиями, может быть признано недопустимым доказательством по причине его получения непроцессуальным путем.

В свою очередь, ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ обязывает органы предварительного расследования удовлетворить ходатайства подозреваемого или обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей о приобщении к материалам уголовного дела заключений специалистов, «если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами».

Осуществление правоприменительной деятельности по делам публичного обвинения не должно нарушать права и свободы иных лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Полагаем, что в правоприменительной деятельности одинаково непозволительны две крайности: произвол должностных лиц, наделенных властно-распорядительными полномочиями, и вседозволенность лиц, имеющих личную заинтересованность в разрешении дела.

Специалист, вовлеченный в уголовный процесс по инициативе защитника, может принести существенную пользу в процессе формирования доказательств. Все большее распространение в деятельности адвоката по защите подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе получают консультации со специалистом, представленные в последующем в письменной форме.

Один из вариантов решения проблемы о признании полученного защитником заключения специалиста доказательством принадлежит А. А. Тарасову, который предлагает обязательный допрос такого специалиста следователем и судом [Тарасов 2014, с. 156].

Весьма уместное предложение, представляющее не только научный, но и практический интерес, выдвинуто Ф. Г. Аминевым, согласно которому следует «взять все прогрессивное, что имеется в УПК зарубежных стран, адаптировать, закрепить в УПК РФ и применить на практике, а именно, ввести в УПК РФ ст. 204.1 “Заключение специалиста”» [Аминев 2015, с. 28]. Подобная позиция высказывалась ранее и нами [Лазарева 2017, с. 108–112].

Подобные идеи уже получили воплощение в некоторых государствах на постсоветском пространстве. В частности, ст. 117 УПК Республики Казахстан называется «Заключение и показания специалиста»[1]. И хотя процессуальный порядок получения данного доказательства выглядит поверхностным, по крайней мере, в статье определены его структура и содержание.

В настоящее время в уголовно-процессуальной доктрине существует позиция, заслуживающая внимания, согласно которой заключение специалиста предстает перед следователем в готовом виде и никакому процессуальному формированию не подлежит. В этой связи отпадает необходимость специальных процессуальных процедур, направленных на формирование этого доказательства. Как справедливо отмечает С. Б. Россинский, речь следует вести о его процессуальной легализации, введении в уголовное дело посредством представления, истребования или изъятия как элемента некоторых следственных действий [Россинский 2018, с. 28–29].

Ранее мы неоднократно высказывались по этому поводу и предлагали решение данной проблемы посредством включения самостоятельной нормы в УПК РФ, регламентирующей указанную процедуру как более логичную и отвечающую современным подходам к методологии процессуального доказывания [Лазарева 2011а, с. 185–187].

Кроме того, не нужно оставлять без внимания еще один вопрос: кем определяется тот факт, что лицо является специалистом? Этот, казалось бы, простой вопрос вызывает сложности на практике, чаще всего судебной. До сих пор имеют место случаи, когда судьи отклоняли ходатайства защитников о вызове на допрос специалиста по причине непризнания лица сведущим в той или иной области знаний. Данный вопрос, являясь предметом научных дискуссий, также на протяжении многих лет входил в круг наших научных изысканий и неоднократно освещался нами в специальной литературе. Не видим надобности приводить новые аргументы. По нашему глубокому убеждению, решать вопрос о том, является ли вызванное или приглашенное лицо специалистом, должна исключительно сторона, инициирующая вызов (приглашение) данного лица.

Принимая во внимание вышеприведенные, а также другие высказывания по обозначенным вопросам, можно сделать вывод, что устранить пробельные предписания уголовно-процессуального законодательства, порождающие трудности в правоприменительной практике, можно только путем дальнейшего совершенствования закона с целью оптимизации участия специалиста в правоприменительной деятельности. Полагаем, что законодателю следует при формулировании дополнительных норм в рассматриваемом сегменте, о которых упоминалось выше, стремиться отразить в них возможность реализации своих функций не только специалистом, но и другими заинтересованными участниками процесса, что позволит не только сохранить, но и усилить состязательность уголовного процесса. В условиях существующей неопределенности правового регулирования участия специалиста предложенные варианты позво-

[1] URL: online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852 (дата обращения: 15.01.2020).

лят упростить порядок обращения сторон за помощью к лицу, обладающему специальными знаниями, обеспечивая защиту прав и свобод личности современными инструментами.

Список цитируемых источников

Аверьянова 2017 – *Аверьянова Т. В.* Проблемы теории и практики судебной экспертизы // Вопросы экспертной практики. 2017. № S1. С. 1–8.

Аминев 2015 – *Аминев Ф. Г.* Теория и практика использования специальных знаний в расследовании преступлений. Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. 166 с.

Галинская 2017 – *Галинская А. Е.* Использование специальных знаний в судопроизводстве сторонами и их представителями : дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 158 с.

Лазарева 2011a – *Лазарева Л. В.* К вопросу о доказательственном значении заключения и показаний специалиста в уголовном процессе // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : сб. науч. тр. М. : Элит, 2011. С. 185–187.

Лазарева 2011b – *Лазарева Л. В.* Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. 470 с.

Лазарева 2017 – *Лазарева Л. В.* Собирание доказательств посредством использования специальных знаний // Библиотека криминалиста. 2017. № 1(30). С. 108–112.

Рахунов 1961 – *Рахунов Р. Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности. М. : Госюриздат, 1961. 277 с.

Россинский 2018 – *Россинский С. Б.* Следственные действия. М. : Норма, 2018. 240 с.

Тарасов 2014 – *Тарасов А. А.* Эксперт и специалист в уголовном процессе России. Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. 184 с.

References

Aver'yanova, T. V. (2017), "Problems of theory and practice of forensics", *Voprosy ekspertnoi praktiki,* no. S1, pp. 1–8.

Aminev, F. G. (2015), *Teoriya i praktika ispol'zovaniya spetsial'nykh znanii v rassledovanii prestuplenii* [Theory and practice of using special knowledge in crime investigation], RITS BashGU, Ufa, Russia.

Galinskaya, A. E. (2017), The use of special knowledge in legal proceedings by the parties and their representatives, Ph. D. Thesis, forensic, forensic activities, crime detection, RUDN, Moscow, Russia.

Lazareva, L. V. (2011a), "On the evidentiary value of the conclusion and testimony of a specialist in criminal proceedings", *Dokazyvanie i prinyatie reshenii v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve* [Evidence and decision-making in modern criminal proceedings], Elit, Moscow, Russia, pp. 185–187.

Lazareva, L. V. (2011b), Conceptual framework for the use of special knowledge in Russian criminal proceedings, D. Sc. Thesis, criminal procedure, forensic, crime detection, VLI of the FPS of Russia, Vladimir, Russia.

Lazareva, L. V. (2017), "The collection of evidence through the use of special knowledge", *Biblioteka kriminalista,* no. 1(30), pp. 108–112.

Rakhunov, R. D. (1961), *Uchastniki ugolovno-protsessual'noi deyatel'nosti* [Participants in the criminal procedure], Gosyurizdat, Moscow, Russia.

Rossinsky, S. B. (2018), *Sledstvennye deistviya* [Investigative actions], Norma, Moscow, Russia.

Tarasov, A. A. (2014), *Ekspert i spetsialist v ugolovnom protsesse Rossii* [An expert and a specialist in the criminal process of Russia], RITS BashGU, Ufa, Russia.

Информация об авторе

Лазарева Лариса Владимировна,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; larisa_vui@mail.ru

Information about the author

Lazareva Larisa V.,
Doctor of law, professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; larisa_vui@mail.ru

Для цитирования

Лазарева Л. В. Участие специалиста в правоприменительной деятельности по уголовным делам // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 91–95.

For citation

Lazareva, L. V. (2020), "Specialist participation in criminal law enforcement", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 91–95.

УДК 347.939.3

Ю. В. Миронова[1]
[1] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

Yu. V. Mironova[1]
[1] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Система видеоконференц-связи как эффективное средство реализации межотраслевых принципов процессуальной деятельности в России

Video conferencing system as an effective means of implementing inter-industry principles of procedural activity in Russia

Ключевые слова: видеоконференц-связь; межотраслевые принципы; гражданский процесс; уголовный процесс; арбитражный процесс; административный процесс.

Аннотация. Статья посвящена исследованию межотраслевых принципов процессуальных отраслей права. Особое внимание уделено анализу эффективности использования систем видеоконференц-связи и их влиянию на реализацию принципов в гражданском, уголовном, арбитражном и административном процессах.

Key words: video conferencing; inter-industry principles; civil process; criminal process; arbitration process; administrative process.

Abstract. The article is devoted to the study of inter-industry principles of procedural branches of law. Special attention is paid to the analysis of the effectiveness of video conferencing systems and their impact on the implementation of the principles in civil, criminal, arbitration and administrative processes.

В теории права существует достаточно большое количество классификаций отраслей, одна из которых делит отрасли на материальные и процессуальные. Основанием данной классификации служит форма реализации норм права, при которой материальные отрасли устанавливают базовые основы правового регулирования, а процессуальные разрабатывают механизм и процедуру реализации положений материальных отраслей. Кроме того, объединяющим фактором выделенных групп, несомненно, выступают межотраслевые принципы, реализуемые во всех процессуальных и материальных отраслях права в качестве руководящих начал, на которых строится их правовой фундамент.

К таким межотраслевым принципам процессуальных отраслей права традиционно относят: законность, доступность правосудия, гласность, свободу обжалования и др.

Если располагать иными объединяющими факторами процессуальных отраслей, то, исходя из общих принципов регулирования, такие отрасли, как: гражданское процессуальное, уголовное процессуальное, арбитражное процессуальное и административное процессуальное право, – используют схожие средства для достижения общей цели системы правосудия – справедливого и полного рассмотрения дела по существу.

Сегодня в России активно разрабатывается механизм реализации принципов межотраслевого характера, и, что примечательно, нередко, отталкиваясь от общности принципов, средствами такого процесса в различных отраслях судопроизводства выступают одни и те же источники. Не стала исключением и система видеоконференц-связи (далее: ВКС), которая в настоящее время активно применяется во всех видах судопроизводства и выступает одним из важнейших информационно-технических средств реализации достаточно большого многообразия межотраслевых принципов процессуальных отраслей права.

Так, одними из наиболее важных принципов уголовного процесса, реализуемых посредством применения ВКС, выступают принципы: уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ); охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ); разумности уголовного процесса (ст. 6.1 УПК РФ); состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ).

Несомненно, сегодня применение системы ВКС в уголовном процессе позволяет реализовать ряд межотраслевых принципов, которые актуализированы и для других видов процессуальных отраслей права.

Например, принцип охраны прав и свобод человека и гражданина исключает возможность по-

© Миронова Ю. В., 2020

бега из-под стражи подследственных, что является актуальным не только для уголовных, но и гражданских дел, где осужденные выступают сторонами или иными заинтересованными лицами, а также предстает надежным средством обеспечения безопасности лиц, участвующих в производстве следственных и процессуальных действий [Щерба, Архипова 2014].

Однако и в гражданском процессе вопрос обеспечения безопасности участников также имеет право на существование. Так, не нужно исключать случаи шантажа, угроз и просто психической зависимости одного лица от другого (например, при лишении родительских прав, когда ребенок боится своего родителя, осуществляющего физическое насилие над ним).

Именно поэтому даже достижение цели обеспечения безопасности участников с использованием систем ВКС также может носить схожие черты как для уголовного, так и гражданского процессов.

Еще одним принципом, реализация которого осуществляется за счет применения систем ВКС как в уголовном процессе, так и в иных процессуальных отраслях, выступает принцип процессуальной экономии, выраженный в том, что система ВКС предоставляет возможность не только сократить, но и исключить приостановление процессуальных сроков, а также позволяет сократить сроки исполнения запросов о правовой помощи по уголовным и иным категориям дел на территории как России, так и иностранных государств. Кроме того, специфика уголовно-процессуальной деятельности такова, что процедура привлечения лиц к уголовной ответственности, требующая неуклонного соблюдения прав осужденных, существенно упрощается и удешевляется при совершении отдельных процессуальных действий посредством ВКС.

Акцентируют свое внимание на возможности процессуальной экономии посредством ВКС и ученые-административисты, которые утверждают, что за счет организации видеоконференций образуется значительная экономия бюджетных средств, выделяемых на проведение судебного процесса, так как нет необходимости в доставлении правонарушителя в суд; высвобождаются сотрудники полиции [Багаутдинов, Маратканова 2015, с. 41].

Однако на практике суды не всегда руководствуются указанным особым назначением ВКС. Так, в постановлениях Второго арбитражного апелляционного суда от 27 апреля 2011 г. по делу № А29-4520/2009, Пятого арбитражного апелляционного суда от 7 сентября 2011 г. по делу № А51-9641/2010 приводится ситуация, когда одна из сторон ссылалась на неразумность судебных расходов на проезд ввиду возможности участия в судебном заседании с использованием системы ВКС, а суды не согласились с позицией этой стороны [Лейба 2013, с. 7]. В данном случае, как представляется, дополнительно закрепляя и реализуя принцип диспозитивности гражданского процесса, следует внести положение в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее: ГПК РФ), указывающее на возможность для сторон выбора способа участия в судебном заседании, естественно, исходя из принципа разумности, а также на то, что наличие ВКС не должно быть предопределяющим при решении вопроса участия кого-либо из лиц в деле. Исключения здесь могут быть предоставлены только при наличии уважительных причин невозможности участия сторон в судопроизводстве, таких, например, как нахождение одной из сторон в местах лишения свободы, стационарном лечебном заведении, длительной служебной командировке.

Кроме прочего, во всех процессуальных отраслях российского права действует принцип разумности, позволяющий наиболее эффективно, в сжатые сроки реализовывать правосудие в различных сферах общественной жизни. Так, в приведенном выше примере принцип разумности реализуется при выборе способа дачи показаний различными участниками процесса, когда вопрос, связанный с ускорением процесса, экономией и целесообразностью, имеет возможность быть решенным посредством ВКС.

Крайне важным аспектом правового регулирования использования ВКС в рамках реализации принципа доступности правосудия является следующий: нередко суды в вопросе предоставления возможности сторонам участвовать в судебном заседании с применением систем ВКС склоняются к тому, что принятие положительного решения – это право, а не обязанность суда. При этом в любом процессуальном законе отсутствует перечень оснований для отказа суда в удовлетворении ходатайства лица о ВКС. Например, традиционно суды в рамках гражданского судопроизводства отталкиваются от двух оснований: 1) отсутствие технической возможности для участия в судебном заседании с использованием систем ВКС; 2) осуществление разбирательства дела в закрытом судебном заседании [Романова 2013].

В теории процессуальных отраслей права принцип доступности правосудия часто опосредован смежным с ним принципом свободы обжалования. Однако при применении систем ВКС в этом плане существует достаточно серьезная проблема. Так, ни в одной из процессуальных отраслей, анализируемых нами, не содержится положение о возможности обжалования определения суда

об отказе в использовании системы ВКС. И если в ГПК РФ это положение не предусмотрено, то в арбитражном процессе наложен прямой запрет на данное действие[1]. Здесь логика Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации также не совсем ясна в части аргументации того, почему многие из определений суда допускаются к обжалованию, а именно определения по участию с использованием ВКС – нет.

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что судьи не предпринимают попытки обсудить со сторонами вопрос удобства проведения судебного заседания и, кроме того, вообще не обязаны отчитываться о причинах отказа перед сторонами. Далее, постановление суда об отказе в использовании ВКС на судебном заседании, как уже было отмечено нами выше, обжалованию не подлежит. Таким образом, отказ в использовании ВКС является окончательным, а с учетом диспозитивного характера удовлетворения данного ходатайства стороны вообще могут не получить его удовлетворения от суда без объяснения причин для такого отказа.

Примечательно, что в этой ситуации может возникнуть другая ситуация. Так, ряд авторов полагают, что значительным пробелом в законодательстве является отсутствие указания в законе на возможность участников гражданского процесса отказаться участвовать в судебном заседании посредством ВКС [Черных 2011]. Отсюда возникает вопрос: не нарушает ли данный пробел законодательства принцип равноправия сторон?

На наш взгляд, ответ очевиден. Мы позволим себе частично не согласиться с указанной позицией ввиду того, что в процессе гражданского судопроизводства у лиц, содействующих осуществлению правосудия (свидетелей, экспертов, специалистов и проч.), в принципе нет права отказаться от участия в процессе, а значит, и в случае применения в нем ВКС. Не случайно положение о возможности последующего отказа от участия в гражданском разбирательстве дела распространяется только на лиц, заинтересованных в деле. При этом, если, например, для осужденного, отбывающего наказание в местах лишения свободы, применение ВКС является единственным шансом участвовать в процессе (отсутствие денег на представителя, потеря социальных связей с родственниками), то возможность отказа у другой стороны, находящейся на свободе, от участия в процессе с использованием ВКС вообще является нецелесообразной и несправедливой.

Большинство ученых, затрагивающих тему обжалования решения суда о ВКС, активно дискутируют по поводу определения суда об отказе в применении ВКС. Однако здесь следует обратить внимание и на право обжалования определения о применении ВКС, ведь лица, участвующие в деле, также могут посчитать указанную систему как препятствующую объективному рассмотрению дела, положив в основу своей жалобы индивидуальные психологические особенности лиц, опрашиваемых посредством ВКС и стесняющихся видеокамеры. В связи с вышесказанным, резюмируя проблемы обжалования использования системы ВКС при проведении судебного заседания, представляется необходимым установить на уровне законодательства вышеуказанные положения о праве участвующих в деле лиц обжаловать определение суда об отказе в проведении судебного заседания посредством ВКС, о проведении судебного заседания посредством ВКС, а также об отсутствии возможности лиц, содействующих осуществлению правосудия, отказываться или подавать жалобы на участие в гражданском судопроизводстве посредством ВКС, что, несомненно, будет способствовать не только реализации принципа доступности правосудия, но и одного из основополагающих конституционных принципов – равноправия сторон.

Примечательно, что в ГПК РФ отсутствует указание на то, в какой момент сторонам может быть предоставлена возможность подать ходатайство о необходимости рассмотрения дела с использованием систем ВКС. На наш взгляд, в данном случае законодатель сознательно не стал ограничиваться рамками определенных условий, предоставляя возможность сторонам в полном объеме реализовать декларируемый принцип диспозитивности и доступности правосудия на любой стадии гражданского процесса.

Для исследования также представляет интерес и возможность реализации принципа непосредственности с помощью ВКС в различных процессуально-правовых отраслях российского права. Примечательно то, что данный принцип по-разному трактуется. Так, в уголовном процессе он скорее предполагает возможность стороны, особенно стороны защиты, непосредственно участвовать во всех процессуальных действиях. И здесь, как мы уже указывали выше, система ВКС имеет довольно большое значение. Говоря об иных процессуальных отраслях, нужно понимать, что в большей мере это относится не к участвующим в деле лицам, а к суду, который должен максимально возможными способами непосредственно изучить представленные доказательства, в том числе опро-

[1] О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»: постановление Пленума Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации от 17 февр. 2011 г. № 12 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

сить стороны, свидетелей. Несомненно, и в этом случае одним из наиболее эффективных средств реализации указанного принципа выступает система ВКС, позволяющая организовать такое исследование даже в удаленном режиме.

Однако и действие принципа непосредственности через ВКС имеет свои отличительные признаки для каждой отрасли.

Так, в соответствии с ГПК РФ организация судебного заседания посредством систем ВКС возможна только при наличии у судов технических средств, которые, по общим правилам процессуального регулирования, устанавливает не заявитель, а суд, рассматривающий дело по существу, что главным образом отличает данную процедуру от аналогичной и закрепленной в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее: АПК РФ). В данном случае, на наш взгляд, можно предположить, что это обусловливается более высокой степенью юридической грамотности субъектов арбитражного процесса и позволяет реализовать принцип диспозитивности более широко.

Так, по сравнению со ст. 155.1 ГПК РФ, в арбитраже ходатайство об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС подается в суд первой инстанции до назначения дела к судебному разбирательству, в том числе одновременно с подачей искового заявления или направления отзыва на исковое заявление. При этом в суд апелляционной или кассационной инстанции такое ходатайство может быть подано и после вынесения определения о принятии апелляционной (кассационной) жалобы, в котором указаны время и место проведения судебного заседания по рассмотрению жалобы [Кондюрина 2013]. Примечательно, что АПК РФ содержит положение, согласно которому использование ВКС возможно только по инициативе сторон. При этом инициатором использования ВКС суд быть не может, что отличает данную норму от аналогичной нормы, предусмотренной ГПК РФ, и, на наш взгляд, в этом существенно ей уступает.

Согласно требованиям ст. 155.1 ГПК РФ сеанс ВКС обеспечивается судом, рассматривающим дело по существу, и судом, непосредственно организующим проведение ВКС по территории пребывания участвующего в судебном заседании лица. В качестве взаимосвязи гражданского и арбитражного процессов в вопросе применения ВКС выступает особенность привлечения суда общей юрисдикции в качестве суда – исполнителя поручения о проведении заседания с помощью ВКС. По смыслу п. 2.1 ст. 153.1 АПК РФ определено, что в таком случае суд общей юрисдикции обеспечивает проведение судебного заседания путем использования систем ВКС в соответствии со ст. 155.1 ГПК РФ.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 576-О-П[1], положения ст. 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации предусматривают обязанность суда, решающего вопрос о личном участии осужденного к лишению свободы в судебном заседании, проводимом по его жалобе или по его гражданскому делу, учитывать все обстоятельства дела, в том числе характер затрагиваемых конституционных прав, необходимость дачи осужденным показаний в судебном заседании, и принять обоснованное и мотивированное решение о форме участия осужденного в судебном разбирательстве.

Судебная коллегия, исходя из положений ст. 155.1 ГПК РФ, характера спора, фактических обстоятельств по делу, существа апелляционной жалобы, характера затрагиваемых конституционных прав истца, не усматривает необходимости в обеспечении участия истца в судебном заседании первой инстанции путем использования систем ВКС, что не нарушает его права на судебную защиту, поскольку реализовать свои процессуальные права и обязанности, с учетом отбывания им наказания в местах лишения свободы, он может иными способами, в том числе через представителя, путем дачи письменных объяснений по делу, заявления письменных ходатайств [Беспалов 2016].

Подводя итог проведенному анализу реализации отдельных межотраслевых принципов процессуальных отраслей права при использовании систем ВКС, следует отметить, что законодатель уделяет особое внимание представленному институту в любой процессуальной деятельности. И это не случайно, ведь в современном мире информационные технологии проникают во все сферы общественной жизни, что неуклонно влечет за собой обильное финансирование данного процесса из средств федерального бюджета. Кроме того, настоящее исследование позволяет определить родство между представленными видами судопроизводств, выраженное в межотраслевых принципах, таких как: равноправие и состязательность сторон, равенство граждан перед законом и судом, процессуальная экономия, гласность и открытость судебного разбирательства, разумность, непосредственность и прочее, – наиболее эффективно реализуемых на современном этапе посредством использования систем ВКС.

[1] URL: legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19052009-n-576-o-p-po (дата обращения: 14.01.2020).

Список цитируемых источников

Багаутдинов, Маратканова 2015 – *Багаутдинов Ф. Н., Маратканова В. А.* Видеоконференц-связь в административном судопроизводстве // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 40–42.

Беспалов 2016 – *Беспалов Ю. Ф.* Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный научно-практический). М. : Проспект, 2016. 768 с.

Кондюрина 2013 – *Кондюрина Ю. А.* Правовая природа института применения систем видеоконференц-связи // Вестник арбитражной практики. 2013. № 5. С. 55–58.

Лейба 2013 – *Лейба А.* Видеоконференц-связь: недостатки и неполадки // ЭЖ-Юрист. 2013. № 27. С. 7.

Романова 2013 – *Романова Ю. А.* Некоторые вопросы правовой регламентации судебного заседания арбитражного суда с использованием систем видеоконференц-связи // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1(7). С. 114–119.

Черных 2011 – *Черных И. И.* Использование видеоконференц-связи в арбитражном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 10. С. 32–36.

Щерба, Архипова 2014 – *Щерба С., Архипова Е.* Правовые основы применения видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования // Уголовное право. 2014. № 4. С. 109–117.

References

Bagautdinov, F. N. and Maratkanova, V. A. (2015), “Video conferencing in administrative proceedings”, *Rossiiskaya yustitsiya,* no. 5, pp. 40–42.

Bespalov, Yu. F. (2016), *Kommentarii k Kodeksu administrativnogo sudoproizvodstva Rossiiskoi Federatsii (postateinyi nauchno-prakticheskii)* [Comment to the Code of administrative procedure of the Russian Federation (article-by-article scientific and practical)], Prospekt, Moscow, Russia.

Kondyurina, Yu. A. (2013), “The legal nature of the institute of systems applications video conferencing”, *Vestnik arbitrazhnoi praktiki,* no. 5, pp. 55–58.

Leiba, A. (2013), “Video conferencing: shortcomings and problems”, *EZh-Yurist,* no. 27, p. 7.

Romanova, Yu. A. (2013), “Some issues of legal regulation of the court session of the arbitration court using video conferencing systems”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo,* no. 1(7), pp. 114–119.

Chernykh, I. I. (2011), “The use of video conferencing in the arbitration process”, *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika,* no. 10, pp. 32–36.

Shcherba, S. and Arkhipova, E. (2014), “Legal bases of video conferencing in criminal proceedings in Russia and prospects for their improvement”, *Ugolovnoe pravo,* no. 14, pp. 109–117.

Информация об авторе

Миронова Юлия Владимировна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Juliamironova07@mail.ru

Information about the author

Mironova Yuliya V.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation;
Juliamironova07@mail.ru

Для цитирования

Миронова Ю. В. Система видеоконференц-связи как эффективное средство реализации межотраслевых принципов процессуальной деятельности в России // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 96–100.

For citation

Mironova, Yu. V. (2020), “Video conferencing system as an effective means of implementing inter-industry principles of procedural activity in Russia”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 96–100.

УДК 343.13

М. И. Николаева[1]
В. В. Рябчиков[2]
[1] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

M. I. Nikolaeva[1]
V. V. Ryabchikov[2]
[1] Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Понятийный аппарат уголовно-процессуального закона: проблемные и дискуссионные вопросы

The conceptual apparatus of the criminal procedure law: problematic and debatable issues

Ключевые слова: уголовный процесс; основные понятия; задержание; момент фактического задержания; доказательства; доказывание.

Аннотация. В статье анализируются отдельные понятия, сформулированные в уголовно-процессуальном законодательстве, в том числе в ст. 5 УПК РФ. С позиций системного толкования закона и взаимосвязи норм рассмотрены понятия «задержание подозреваемого», «момент фактического задержания», «процессуальное решение», «доказательства» и ряд других. Выявлены проблемные и дискуссионные аспекты применения отдельных норм УПК РФ и предложены пути их решения.

Key words: criminal trial; basic concepts; detention; moment of actual detention; evidence; proof.

Abstract. The article analyzes individual concepts formulated in the criminal procedure legislation, including art. 5 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. From the perspective of a systematic interpretation of the law and the relationship of norms, the concepts of “detention of a suspect”, “moment of actual detention”, “procedural decision”, “evidence” and several others are considered. The problematic and debatable aspects of the application of certain norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are identified and the ways to solve them are proposed.

В настоящее время законодатель продолжает с завидной регулярностью вносить отдельные точечные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее: УПК РФ, Кодекс)[1]. Так, только 27 декабря 2019 г. были приняты сразу три федеральных закона (№ 498-ФЗ, 499-ФЗ, 500-ФЗ)[2], посредством которых дополнениям подверглись нормы института возбуждения уголовного дела, прекращения уголовного дела, подследственности, подсудности, института участников уголовного судопроизводства.

Однако ожидаемый положительный эффект всех этих изменений, даже весьма позитивных, актуальных и своевременных, разбивается о несовершенство понятийно-категориального аппарата. В этой связи в настоящей статье мы проанализируем с позиции системного толкования и во взаимосвязи с другими нормами уголовно-процессуального закона положения ст. 5 УПК РФ, содержащей перечень основных понятий, упоминаемых в Кодексе.

Даже краткий анализ нормы вызывает ряд вопросов и критических замечаний как относительно целесообразности отнесения отдельных понятий к числу основных, так и юридической чистоты и качества формулировок действительно важных понятий уголовного судопроизводства, а также необходимости включения в ст. 5 УПК РФ, безусловно, значимых понятий, в настоящее время в ней отсутствующих.

Начнем с самого первого пункта, в котором трактуется понятие «алиби» как нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте. Анализ текста УПК РФ позволяет утверждать, что термин «алиби», за исключением самой ст. 5 УПК РФ, в Кодек-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I, ст. 4921.

[2] Российская газета. 2019. 30, 31 дек.

© Николаева М. И., Рябчиков В. В., 2020

се не встречается ни разу. Ранее, до 2004 г., термин «алиби» упоминался в ч. 6 ст. 234 УПК РФ, регулировавшей вопрос, связанный с заявлением ходатайства стороной защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого и предусматривавшей возможность удовлетворения этого ходатайства лишь в том случае, если оно заявлялось в ходе предварительного расследования и было отклонено дознавателем, следователем или прокурором. Данное ходатайство могло быть удовлетворено также в случае, если о наличии такого свидетеля стало известно после окончания предварительного расследования. Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»[1] посчитал положения ч. 6 ст. 234 УПК РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации, в частности, ее ст. 45 (ч. 2), 46 (ч. 1) и 49 (ч. 2), в той мере, в какой содержащейся в ней нормой исключается возможность удовлетворения судом ходатайства стороны защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого, если, несмотря на то, что о наличии такого свидетеля ей было известно в период предварительного расследования, соответствующее ходатайство в этот период не заявлялось и не было отклонено дознавателем, следователем, прокурором. Федеральным законом от 3 июня 2006 г. № 72-ФЗ «О признании утратившей силу части шестой статьи 234 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[2] нормы уголовно-процессуального закона приведены в соответствие с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, в результате термин «алиби» в нормах УПК РФ больше не упоминается. В связи с этим возникает вопрос: так ли нужны в уголовно-процессуальном законе ставшие неактуальными понятия, положения, нормы? Если из УПК РФ удаляются целые главы, то о корректировке отдельных норм также не следует забывать. Кроме того, понятие «алиби» еще и весьма противоречиво сформулировано именно с уголовно-процессуальной точки зрения. Наши многолетние исследования проблем заявления и проверки алиби также позволяют утверждать о большей значимости алиби как криминалистического, нежели уголовно-процессуального понятия.

Массу критических замечаний вызывает п. 11 ст. 5 УПК РФ, раскрывающий содержание понятия «задержание подозреваемого»: *задержание подозреваемого – мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 ч с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления.* Предложенная законодателем формулировка не только не дает полного, четкого, исчерпывающего представления о такой мере процессуального принуждения, как задержание, но и, более того, вводит в заблуждение относительно ряда важных моментов, например, о сроках задержания. При анализе текста п. 11 ст. 5 УПК РФ создается впечатление (особенно у лиц, не имеющих юридического образования и не изучавших уголовно-процессуальное право), что предельный срок задержания – 48 ч, однако согласно п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ при рассмотрении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, судье предоставлено право вынести одно из нескольких постановлений, в том числе о продлении срока задержания. Продление срока задержания допускается при условии признания судом задержания законным и обоснованным на срок не более 72 ч с момента вынесения судебного решения по ходатайству одной из сторон для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Кроме того, в ст. 29 УПК РФ «Полномочия суда» перечень этих полномочий также не содержит указания на возможность продления срока задержания судом. Полагаем, что понятие задержания, сформулированное в п. 11 ст. 5 УПК РФ, должно быть полным и содержать указание не только на конституционно установленный предельно возможный срок задержания, но и отражать возможность продления этой меры процессуального принуждения по судебному решению.

Далее, сформулированное в п. 11 ст. 5 УПК РФ понятие «задержание подозреваемого» не соответствует уголовно-процессуальному законодательству в его системном толковании по ряду причин. В УПК РФ подозреваемый – это лицо с определенным процессуальным статусом, который в соответствии со ст. 46 УПК РФ участник уголовного судопроизводства со стороны защиты приобретает в четко определенных законом случаях: 1) если в отношении лица возбуждено уголовное дело публичного обвинения; 2) если лицо задержано в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ; 3) если к лицу применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ; 4) если лицо уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ.

Рассмотрим ситуацию приобретения процессуального статуса подозреваемого в связи с приме-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27, ст. 2804.

[2] Российская газета. 2006. 8 июня.

нением оснований, предусмотренных ст. 91 УПК РФ. Название ст. 91 УПК РФ сформулировано как «Основания задержания подозреваемого». Из этого следует, что задержание подозреваемого согласно ст. 91 УПК РФ – это задержание лица, уже имеющего данный процессуальный статус. Однако в диспозиции ст. 91 УПК РФ законодатель оперирует формулировкой «задержать лицо по подозрению в совершении преступления». Очевидно, что «подозреваемый» и «лицо, подозреваемое в совершении преступления» – понятия не тождественные. В то же время, судя по всему, законодатель употребляет эти формулировки, не вдаваясь в тонкости уголовно-процессуальной терминологии.

Полагаем, что п. 11 ст. 5 УПК РФ раскрывается понятие «задержание», а не «задержание подозреваемого». Еще в 1966 г. профессор А. М. Ларин отмечал: «Не следует смешивать подозреваемого с заподозренным, т. е. с лицом, которого в чем-то заподозрил потерпевший или следователь. Подозревать в совершении определенного преступления следователь может иногда и широкий круг лиц. Но подозреваемым в процессуальном смысле становится лишь тот, кто задержан или подвергнут одной из мер пресечения до предъявления обвинения» [Ларин 1966, с. 146–147].

Современные авторы также считают, что «словосочетание “задержание подозреваемого”, используемое в ст. 91, 92 УПК РФ в определенной ситуации (когда уголовное дело возбуждено, что называется, “по факту обнаружения признаков преступления” или вообще еще не возбуждено и юридически еще нет подозреваемого как участника уголовного процесса), надо понимать как задержание лица по подозрению в совершении преступления. Подозреваемый появляется в результате самого задержания» [Чеботарёва 2011, с. 9–13].

Считаем, что ст. 91 УПК РФ, учитывая смысл излагаемых в ней положений, должна называться «Основания задержания лица по подозрению в совершении преступления». Задержание именно подозреваемого может относиться, пожалуй, только к последнему из оснований, указанных в ч. 2 ст. 91 УПК РФ: *если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.* Все остальные основания, предусмотренные ст. 91 УПК РФ, относятся лишь к задержанию лица по подозрению в совершении преступления.

Продолжая анализ понятия «задержание» (именно «задержание», а не «задержание подозреваемого»), неизбежно обращаемся к тесно связанному с ним и раскрытому в п. 11 ст. 5 УПК РФ понятию «момент фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления» и рассмотрим его с позиций системного толкования норм УПК РФ.

Пункт 15 ст. 5 УПК РФ определяет «момент фактического задержания» как момент производимого в порядке, установленном Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. По нашему мнению, формулировка небезупречна как с теоретических позиций, так и при ее практическом применении. Например, неясно, что собой представляет порядок «лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления». Какими нормами УПК РФ он установлен?

Изучение судебных решений свидетельствует о том, что момент фактического задержания трактуется неоднозначно в следственной и судебной практике. Приведем лишь несколько примеров, иллюстрирующих противоречивость позиций правоприменителя по рассматриваемому вопросу. Так, «судом апелляционной инстанции установлено, что фактически В. был задержан 22 мая 2018 г., а не 23 мая 2018 г., как указано в протоколе задержания, поскольку действия по даче взятки, являющиеся предметом расследования по настоящему уголовному делу, имели место 22 мая 2018 г. В этот же день В. был задержан в административном порядке в связи с правонарушением, предусмотренным ч. 1 ст. 18.8 КоАП РФ. Из материала также следовало, что уже во время административного задержания 22 мая 2018 г. органы предварительного следствия подозревали В. в мелком взяточничестве и в связи с этим в период административного задержания были осуществлены действия, связанные с возбуждением уголовного дела. Поскольку административный арест заключается в содержании нарушителя в условиях изоляции от общества и связан с лишением свободы, суд апелляционной инстанции изменил постановление районного суда, уточнив его резолютивную часть указанием о том, что мера пресечения в виде заключения под стражу избрана в отношении В. сроком на 2 месяца, то есть до 21 июля 2018 г.»[1].

Другое отмененное решение суда первой инстанции также иллюстрирует признание судом момента фактического задержания по уголовному делу на основании административного законо-

[1] Обобщение судебной практики применения районными судами Орловской области меры пресечения в виде заключения под стражу (продления срока содержания под стражей) за 9 месяцев 2018 года. URL: https://internet.garant.ru/#/document/45069320/paragraph/47/doclist/73445/selflink//highlight/:5 (дата обращения: 20.01.2020).

дательства: из представленных суду материалов и пояснений обвиняемого следовало, что фактически А. был задержан 7 марта 2018 г. в Твери сотрудниками полиции после совершения административного правонарушения, связанного с нарушением правил дорожного движения.

И еще одно решение для полноты картины: «…из представленного в рамках проводимого обобщения материала об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Е., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ (Железнодорожный районный суд г. Орла), усматривается, что согласно имеющемуся протоколу ее задержание произведено в 17 часов 30 минут 20 июля 2018 г. В то же время в материале имеются копии протокола осмотра места происшествия, протокола об административном правонарушении, объяснений и иных материалов, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, датированных 19 июля 2018 г. и свидетельствующих о том, что фактически задержание Е., являющейся гражданкой Украины, не имеющей на территории Российской Федерации постоянного или временного места жительства, следовавшей в качестве пассажира в вагоне поезда № 73 сообщением «Москва – Кривой Рог», было произведено 19 июля 2018 г., а не 20 июля 2018 г., как указано в протоколе задержания, в связи с чем судом неверно определена дата, до которой действует избранная мера пресечения»[1].

Справедливо замечание С. Б. Россинского о том, что фактическое задержание по своей правовой природе не вписывается в процессуальную орбиту, противоречит общепринятой архитектуре процессуальных действий и носит скорее «предпроцессуальный» или «околопроцессуальный» характер [Россинский 2018, с. 68–80]. Приведенные примеры судебной практики также отнюдь не свидетельствуют о том, что момент фактического задержания определяется фактическим лишением свободы передвижения лица, производимого в порядке, установленном УПК РФ, напротив, речь во всех трех решениях идет о задержании в соответствии с КоАП РФ, что вступает в явное противоречие с положениями п. 15 ст. 5 УПК РФ.

Ясности и единообразия в решении рассматриваемого вопроса можно было бы достигнуть, исключив указание на нормы УПК РФ из формулировки п. 15 ст. 5 УПК РФ: момент фактического задержания – момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Таким образом, п. 11 и 15 ст. 5 УПК РФ подлежат корректировке и могут быть сформулированы следующим образом: «задержание – мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, может быть продлена только по судебному решению»; «момент фактического задержания – момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления».

Рассматривая вопросы, связанные с задержанием, проанализируем также ст. 91 УПК РФ «Основания задержания подозреваемого». Одним из оснований задержания УПК РФ называет ситуацию, когда лицо «задержано на месте преступления». Риторический вопрос: кто решил, что это место преступления? В юриспруденции преступление – это понятие уголовно-правовое, имеющее конкретно определенное содержание, сформулированное в ч. 1 ст. 14 УК РФ: *преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим УК РФ под угрозой наказания.* Из данного определения несложно выделить признаки, обязательные для преступления: деяние, общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость. Как минимум на месте задержания лица неизвестно, виновно ли оно совершило деяние, или нет, и совершило ли оно его вообще, может быть, человек просто находился на месте происшествия.

К описанию следующего основания (п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ): *потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление,* – возникают аналогичные вопросы. Учитывая приведенные выше аргументы, полагаем, что потерпевший тем более не вправе давать оценку деянию как преступлению. В уголовном судопроизводстве решение вопроса о наличии в деянии признаков преступления решается как в стадии возбуждения уголовного дела, так и на последующих стадиях, поэтому предрешать вопрос о наличии в деянии признаков конкретного преступления и относить деяние к преступлению преждевременно. Целесообразно в ст. 91 УПК РФ формулировку «преступление» заменить на «происшествие» по аналогии с описанием в ст. 176 УПК РФ одного из видов следственного осмотра – осмотра места происшествия или использовать понятие «деяние».

В рассматриваемом основании задержания – п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ – снова допущено, на наш

[1] Обобщение судебной практики применения районными судами Орловской области меры пресечения в виде заключения под стражу (продления срока содержания под стражей) за 9 месяцев 2018 года. URL: https://internet.garant.ru/#/document/45069320/paragraph/47/doclist/73445/selflink//highlight/:5 (дата обращения: 20.01.2020).

взгляд, непозволительное для уровня федерального закона смешение понятий процессуальных и их общеупотребительных, бытовых аналогов. Почему в одном ряду стоят потерпевшие и очевидцы, т. е. лица с конкретным процессуальным статусом и лица, чьи права и обязанности в УПК РФ не определены? Следуя элементарной логике, положение закона должно содержать сочетание либо «потерпевшие и свидетели», либо «пострадавшие и очевидцы». Более того, потерпевшим согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ является *физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда.* Всегда ли лицо, которому причиняется вред, признается потерпевшим, т. е. приобретает соответствующий статус к моменту задержания лица по подозрению в совершении преступления? Однако еще менее понятно использование, наряду с потерпевшим, понятия «очевидец». Почему потерпевший уже успел получить процессуальный статус, а очевидец еще нет? Логичнее было бы сформулировать основание задержания следующим образом: пострадавшие и очевидцы указали на данное лицо, как на совершившее деяние.

Однако вернемся к ст. 5 УПК РФ и анализу отдельных понятий. В п. 27 данной статьи определено представление – *это акт реагирования прокурора на судебное решение, вносимый в порядке, установленном настоящим Кодексом.* Создается впечатление, исходя из приведенной формулировки, что представление является только актом прокурорского реагирования. В то же время ч. 2 ст. 158 УПК РФ предусматривает следующее: *установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу* ***представление*** (выделено нами. – *М. Н., В. Р.*) о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона.

Далее, в п. 33 ст. 5 УПК РФ раскрывается содержание понятия «процессуальное решение»: *решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем в порядке, установленном настоящим Кодексом.* Неясно, какими аргументами руководствовался законодатель, не указав в перечне участников руководителя следственного органа, который, например, в соответствии со ст. 39 УПК РФ принимает процессуальные решения о создании следственной группы, изменении ее состава, продлении срока предварительного расследования, отмене незаконных или необоснованных постановлений следователя и проч. Кроме того, руководителя следственного органа законодатель «забыл» указать среди участников: 1) которые не вправе применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ; 2) нарушение норм УПК РФ которыми в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств; 3) чьи решения должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ст. 7 УПК РФ).

Еще одним значимым для уголовного процесса является сформулированное в ч. 1 ст. 74 УПК РФ понятие доказательства: *доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.* Из приведенной формулировки следует, что именно вышеуказанные лица принимают решение об использовании тех или иных сведений в качестве доказательств.

Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ *собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ.* В то же время в ч. 3 этой же статьи защитнику также предоставлено право собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций.

Очевидно, что процессуальный порядок собирания доказательств лицами, осуществляющими производство по делу (следователь, дознаватель), и защитником существенно различается, однако формально, с точки зрения закона будет являться доказательством и допрос – следственное действие, проводимое следователем, и опрос лица с его согласия, осуществленный защитником. Однако справедливо ли это с точки зрения оценки доказательств? Можно ли приравнять показания, данные следователю, и опрос лица адвокатом?

Согласно ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для

разрешения уголовного дела. Критерии относимости и достаточности у нас вопросов не вызывают. Допустимость предполагает получение доказательств в соответствии с УПК РФ, формально доказательства, собранные защитником путем опроса, получения предметов, истребования документов и прочее, несмотря на различие процедур проведения следственных и процессуальных действий, этому требованию отвечают.

Спорным остается вопрос о соответствии доказательств, полученных защитником, требованию достоверности. Лицо, которое с его согласия опрашивает защитник, как минимум не предупреждается об уголовной ответственности в соответствии со ст. 307 УК РФ, следовательно, доказательством с определенной долей вероятности могут стать заведомо ложные сведения. Безусловно, доказательства можно проверить, в том числе согласно ст. 87 УПК РФ, путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников и таким образом устранить возможные негативные правовые последствия. А если представлено не одно доказательство, а целая совокупность недостоверных доказательств, которая внутренне стройна и непротиворечива? Совокупность полученных таким образом защитником доказательств может сформировать необъективное представление о существовании обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, хотя юридически это будет соответствовать действующему законодательству.

Действующие формулировки закона противоречивы и не логичны. Например, неясно, почему в ч. 2 ст. 86 УПК РФ участники уголовного судопроизводства (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители) вправе представлять предметы и документы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств, а если те же сведения собирает защитник – это уже доказательства. Получается, что одни и те же сведения, если они представлены лицами, указанными в ч. 2 ст. 86 УПК РФ, являются только предметами и документами, а если они собраны защитником, то автоматически считаются доказательствами.

Поразмышляем еще и о предусмотренной действующими нормами УПК РФ процедуре появления в уголовном деле собранных защитником доказательств (опроса лиц, истребованных предметов и проч.). Пунктом 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ предусмотрено право защитника собирать и представлять доказательства, однако неясно, в какой форме защитник их представляет следователю. Пункт 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ отсылает нас к ч. 3 ст. 86 УПК РФ, однако в ней ничего не говорится о процедуре представления. Вероятно, защитник представляет собранные материалы посредством заявления ходатайства (п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ) о приобщении к материалам уголовного дела предметов, документов и др. Предположим, что следователь не будет использовать доказательства, представленные защитником, например, откажет в удовлетворении ходатайства защитника о приобщении каких-либо предметов или документов к уголовному делу. Значит, эти сведения уже не будут считаться доказательством?

Действующие формулировки закона таковы, что у правоприменителей вопросов больше, чем ответов на них. Именно поэтому в целях устранения выявленных противоречий предлагаем в ч. 3 ст. 86 УПК РФ слово «доказательства» заменить на «сведения». По нашему мнению, право собирать доказательства должно быть предоставлено лишь соответствующим участникам уголовного судопроизводства: следователю, дознавателю, суду. Справедливости ради следует отметить и дискуссионность положения о возможности собирания доказательств прокурором, предусмотренного действующим законодательством, например ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Вероятно, эта норма не была изменена в 2007 г. после перераспределения процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, а в настоящее время прокурор не обладает полномочиями по собиранию доказательств в ходе уголовного судопроизводства.

Полномочия же защитника и других участников, указанных в ч. 2 ст. 86 УПК РФ (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители), в процессе доказывания должны быть ограничены возможностью представлять сведения для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств.

К доказательствам в современном уголовном судопроизводстве предъявляются достаточно жесткие требования, поэтому нельзя ставить знак равенства между доказательствами, полученными субъектами расследования, и сведениями, которые представлены другими участниками в упрощенной процедуре.

Если же законодатель все-таки признает полноценную возможность собирания доказательств защитником, то в ч. 1 ст. 74 УПК РФ «Доказательства» следует назвать и защитника, соответственно, в законе должна быть предусмотрена и процедура параллельного адвокатского расследования, и механизмы оценки собранных доказательств с позиции относимости, достоверности, допустимости и достаточности.

Еще один неоднозначный аспект процесса доказывания связан с возможностью использова-

ния в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД). Так, согласно ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ. Однако результаты ОРД априори не могут отвечать требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к доказательствам, поскольку получены не в соответствии с УПК РФ, а в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1998 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[1]. Полагаем, что именно неудачное построение фразы в ст. 89 УПК РФ до неузнаваемости изменило смысл целой нормы. В качестве основы для дальнейшей разработки и уточнения формулировки ст. 89 УПК РФ можно предложить, например, следующее: «Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в доказывании: 1) в качестве сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и указывающих на источник получения доказательств; 2) в качестве доказательств, если они проверены следователем в соответствии со ст. 87 настоящего Кодекса».

Неоднозначно с позиций доказывания и применение предусмотренных ст. 90 УПК РФ «Преюдиция» положений о том, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. Безусловно, появление преюдиции в российском законодательстве заслуживает поддержки и одобрения, но следует помнить, что арбитражный, гражданский и административный процессы построены на других принципах и процедурах, нежели уголовный процесс, следовательно, вопрос о достоверности такого рода доказательств, которые не требуют проверки, остается открытым.

В нормах УПК РФ имеются и другие многочисленные противоречия и пробелы, которые обозначим лишь фрагментарно, поскольку эти вопросы требуют самостоятельного и глубокого исследования.

Так, п. 46 ст. 5 УПК РФ определяет, что стороной защиты считается обвиняемый, а также его законный представитель, защитник, гражданский ответчик, его законный представитель и представитель. Неясно, почему в этом перечне участников нет подозреваемого, хотя гл. 7 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты» начинается именно ст. 46 УПК РФ «Подозреваемый».

До настоящего времени остается неразрешенным и противоречие, касающееся возможности применения одной или нескольких мер пресечения одновременно. Ранее мы обращали внимание на рассогласование (даже противоречие), содержащееся в ч. 1 и 1.1 ст. 97 УПК РФ [Николаева 2018, с. 118–119]. Так, в ч. 1 ст. 97 УПК РФ субъекту расследования и суду предоставляется право избрать одну из мер пресечения, а в следующей далее структурной единице статьи, т. е. в ч. 1.1, суду уже разрешается при избрании меры пресечения в виде залога и домашнего ареста возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению одного или нескольких запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Иными словами, допускается комбинация из мер пресечения. Проблема законодателем не устранена до настоящего времени.

Понятийный аппарат уголовно-процессуального закона, по нашему мнению, кроме корректировки формулировок, нуждается и в дополнении, например, понятиями «следственные действия», «судебные действия».

В рамках настоящей статьи мы рассмотрели только некоторые понятия УПК РФ, но остались и другие вопросы, требующие отдельного глубокого осмысления. Возможно, рассматриваемые вопросы покажутся оппонентам несущественными, но ведь речь идет о чистоте и четкости формулировок закона, который предусматривает нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина. Четкость формулировок в законе – залог его правильного применения.

Подводя итоги далеко не полного анализа качества предложенных законодателем формулировок, отметим необходимость и актуальность серьезной ревизии как ст. 5 УПК РФ (исключить из нее неиспользуемые понятия; дополнить теми, в которых появилась потребность; усовершенствовать имеющееся формулировки), так и положений других норм, содержащих ключевые понятия уголовного процесса, устранить противоречия, мешающие единообразному и однозначному пониманию закона. При этом совсем необязательно детально регламентировать все процедуры уголовного судопроизводства, превращая уголовно-процессуальный закон в подобие ведомственной инструкции. Устранить недостаточную определенность и двусмысленность можно только за счет использования более строгих и четких, однозначно трактуемых формулировок.

[1] Российская газета. 1998. 18 авг.

Список цитируемых источников

Ларин 1966 – *Ларин А. М.* Работа следователя с доказательствами. М. : Юрид. лит., 1966. 155 с.

Николаева 2018 – *Николаева М. И.* Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2(47). С. 117–123.

Россинский 2018 – *Россинский С. Б.* Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого // Lex Russica. 2018. № 8. С. 68–80.

Чеботарёва 2011 – *Чеботарёва И. Н.* Право на защиту лица, задержанного по подозрению в совершении преступления // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 9–13.

References

Chebotareva, I. N. (2011), "The right to protection of a person detained on suspicion of committing a crime", *Ugolovnoe sudoproizvodstvo,* no. 1, pp. 9–13.

Larin, A. M. (1966), *Rabota sledovatelya s dokazatel'stvami* [The work of the investigator with evidence], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Nikolaeva, M. I. (2018), "A new preventive measure "prohibition of certain actions" in the criminal process of Russia", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(47), pp. 117–123.

Rossinsky, S. B. (2018), "Reflections on the legal nature of the actual detention and delivery of the suspect", *Lex Russica,* no. 8, pp. 68–80.

Информация об авторах

Николаева Марина Игоревна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; mar_niko@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; 9040315660@mail.ru

Information about the authors

Nikolaeva Marina I.,
PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; mar_niko@mail.ru

Ryabchikov Vadim V.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; 9040315660@mail.ru

Для цитирования

Николаева М. И., Рябчиков В. В. Понятийный аппарат уголовно-процессуального закона: проблемные и дискуссионные вопросы // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 101–108.

For citation

Nikolaeva, M. I. and Ryabchikov, V. V. (2020), "The conceptual apparatus of the criminal procedure law: problematic and debatable issues", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 101–108.

УДК 343.268

А. А. Савин[1, 2]
[1] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация

A. A. Savin [1, 2]
[1] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation
[2] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

Принудительные меры медицинского характера, соединенные с наказаниями без изоляции от общества: общие начала их реализации

Compulsory measures of medical nature combined with punishment without isolation from society: general beginnings of their implementation

Ключевые слова: уголовно-правовая мера; принудительная мера медицинского характера; осужденный; правовое регулирование; исполнение.

Аннотация. В статье анализируется вопрос назначения и исполнения принудительных мер медицинского характера. Автор акцентировал внимание на проблеме правового обеспечения данного процесса, т. е. проблеме наличия соответствующих законодательных рычагов и их качества в части указанных мер. В результате проведения исследования был выявлен ряд проблем и законодательных пробелов, состоящих в отсутствии порядка исполнения данных уголовно-правовых мер, совмещенных с исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы. Кроме того, внесено на рассмотрение авторское мнение по поводу их разработки.

Key words: criminal-legal measures; coercive measure of medical character; a convict; legal regulation; execution.

Abstract. The article deals with the issue of prescribing and executing compulsory medical measures. The author focuses his attention on the issue of legal support of this process, i.e. the availability of appropriate legislative levers and their quality in terms of these measures. The result of the study revealed a number of problems and legislative gaps, consisting in the lack of order enforcement data criminal-legal measures combined with execution of criminal measures not related to deprivation of liberty. In addition, the author's opinion on their development was submitted for consideration.

Согласно ст. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ)[1] уголовно-правовые меры могут быть применены только на основании уголовного закона. Последний содержит довольно объемный перечень норм, предусматривающих основания и условия назначения вида уголовно-правовой меры, а также ее размер и срок. Кроме того, закон содержит и обширный перечень оснований применения принудительных медицинских мер, которые можно разделить на виды (общие, специальные и индивидуальные).

Всем без исключения уголовно-правовым мерам свойственны общие основания. Так, специальные меры применяются при назначении наказания без изоляции от общества, индивидуальные отражают особенности применения отдельных уголовно-правовых мер. Подобное разделение необходимо, во-первых, для объективного достижения целей наказания, во-вторых, для обеспечения объективности назначения уголовно-правовой меры и одновременно уменьшения формализации назначения судом наказания в виде санкций соответствующих статей, предусмотренных Особенной частью УК РФ.

Принудительные уголовно-правовые меры, как правило, назначаются при особых основаниях и, в частности, в случае совершения противоправного деяния. Данное основание закреплено в ст. 8 УК РФ. Фактически с этого момента можно гово-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

© Савин А. А., 2020

рить о законодательной возможности назначения рассматриваемых мер на общих основаниях, однако это не исключает последующего изменения меры с учетом психического состояния лица. Здесь мы соглашаемся с С. Е. Вициным, который говорит о первичности излечения перед самим наказанием [Вицин 1970, с. 6].

Уголовное законодательство включает в себя большое количество видов наказаний и из них шесть не связаны с лишением свободы.

Принудительные меры медицинского характера могут применяться вместе с наказаниями, не связанными с лишением свободы, что закреплено рядом норм УК РФ, в частности, ч. 2 ст. 97 и ч. 1 ст. 104. Следует обратить внимание на то, что применима может быть только одна мера, из предусмотренных ч. 1 ст. 99 УК РФ, и на это указывает ч. 1 ст. 102 УК РФ. К таким мерам относятся принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях. При этом возможность назначения принудительной медицинской меры при назначении наказания без фактической изоляции от общества закреплена только в уголовном законодательстве, а уголовно-исполнительное право ее не предусматривает. Часть 1 ст. 18 Уголовно-исполнительного кодекса (далее: УИК РФ)[1], по сути, ограничивает указанное применение меры.

Согласно ч. 2 ст. 18 УИК РФ принудительные меры медицинского характера применяются при исполнении приговора суда в случае, если у осужденного обнаружено психическое расстройство, не исключающее вменяемости. При выявлении такого факта администрация исправительного учреждения обращается в суд для применения медицинских мер, и основанием для этого служит только заключение медицинской комиссии. Необходимо отметить, что назначение рассматриваемой меры возможно в отношении осужденных к принудительным работам, аресту и т. д. По отношению к осужденным, отбывающим условные наказания без изоляции от общества, такая процедура не предусмотрена уголовным законодательством. Это является пробелом в действующем законе и создает некоторую путаницу по причине того, что согласно ч. 3 ст. 97 УК РФ порядок исполнения принудительных мер медицинского характера определяется уголовно-исполнительным законодательством, которое в свою очередь регулирует исключительно вопросы исполнения наказаний, соединенных с реальной изоляцией осужденных.

С учетом наличия данного пробела полагаем необходимым расширить перечень наказаний, которые указаны в ч. 1 ст. 18 УИК РФ, однако для достижения этой цели нужно принять во внимание сами уголовные наказания и рассмотреть целесообразность их соединения с принудительными мерами медицинского характера.

Соединение указанных мер с наказаниями, не предусматривающими изоляцию (штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные и исправительные работы и т. д.), не вызывает каких-либо трудностей, так как они могут быть назначены судом в качестве основных мер и, что очевидно, единственных.

Не может быть назначено в качестве такового лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, поскольку применяться оно может только как дополнительное. Учитывая, что нами в настоящей статье анализируется вопрос применения принудительных мер медицинского характера при их соединении с другой группой уголовных наказаний, изменения в ч. 1 ст. 18 УИК РФ необходимы. В этой группе уголовных наказаний принудительные работы и арест прописаны буквально, а другие, связанные с лишением свободы, подлежат анализу. Так, термин «лишение свободы» использован законодателем в УИК РФ в широком смысле. В уголовном же законе закреплено два конкретных вида наказаний с такой формулировкой, однако данный вопрос в рамках настоящей статьи нами не рассматривается.

Очевидно, что применение принудительных мер медицинского характера по отношению к лицам, осужденным к определенному сроку наказания, не оспаривается, следовательно, и в отношении пожизненно осужденных такое лечение также востребовано.

Несмотря на гуманизм применения рассматриваемой меры к указанным категориям осужденных, в этом есть и практическая необходимость, которая состоит в возможной перспективе условно-досрочного освобождения, а также недопущения прогрессирования заболевания, так как в противоположном случае это не приведет к достижению целей назначенного наказания.

Итак, очевидно, что все основные уголовные наказания должны иметь возможность быть соединенными с принудительными мерами медицинского характера при наличии такой необходимости.

Исключение хотя бы одного наказания не будет целесообразным, поскольку при назначении основного наказания дополнением к нему будет именно принудительная медицинская мера. Одновременно следует принимать во внимание факт постоянного развивающегося законодательства, и при оставлении в действующем уголовном за-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2, ст. 198.

коне термина «уголовно-правовая мера» может произойти существенное изменение его содержательной стороны. Подобное уже происходило. Так, в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ[1] уголовное наказание в виде ограничения свободы существенно поменяло свою сущность и фактически перешло из категории наказаний, предусматривающих хоть и частичную, но изоляцию от общества, в группу наказаний, не предусматривающих помещения осужденного в специализированное учреждение.

Учитывая вышеприведенные доводы, полагаем возможным в рамках ч. 1 ст. 18 УИК РФ не указывать конкретные виды уголовных наказаний, что, безусловно, повлечет внесение изменений и в другие нормы уголовно-исполнительного законодательства, на которых подробно в рамках настоящей статьи останавливаться мы не будем.

Необходимость применения принудительных мер медицинского характера обосновывается и состоит, по мнению Э. Т. Шакарова и П. А. Колмакова, в двух аспектах: охрана лица, преступившего закон, от посягательства других лиц, а также охрана от своих деяний, способных нанести вред самому себе [Шакаров 1989, с. 13; Колмаков 2000, с. 22]. Закон прямо указывает на данные основания при рассмотрении вопроса их применения. Данный довод не вызывает сомнений, хотя и по нему остаются вопросы.

В соответствии со ст. 29 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1[2] основаниями принудительного оказания психиатрической помощи являются опасность для себя или окружающих, беспомощность и иные, совпадающие с указанными в ч. 2 ст. 97 УК РФ, основания. Однако ст. 29 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 включает случаи применения принудительных медицинских мер и в гражданско-правовом порядке, когда нельзя обойтись амбулаторными условиями оказания психиатрической медицинской помощи.

На основании анализа правовой базы можно говорить о наличии несогласованности и противоречий между уголовным законодательством и законодательством об оказании психиатрической помощи.

Вышеизложенное требует приведения в соответствие положений уголовного законодательства с законодательством об оказании психиатрической помощи, а именно внесения изменений в п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ – исключить слова «наблюдение и».

Немаловажным является вопрос об условиях назначения принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях, учитывая, что ч. 2 ст. 97 УК РФ предопределяет помещение лица в стационарные условия по причине отсутствия возможности амбулаторного наблюдения, несмотря на то, что вероятность совмещения такого вида мер и уголовных наказаний допустима, о чем говорится в ч. 2 ст. 99 УК РФ.

Здесь необходимо указать на наличие противоречий между нормами уголовного права и законодательства в сфере охраны здоровья, которые требуют правового разрешения в связи с тем, что являются основанием неприменения принудительных мер медицинского характера, совмещенных с уголовными наказаниями, в том числе и без изоляции от общества. Не следует забывать, что задачами уголовного законодательства, помимо прочего, является предупреждение преступлений, а это предполагает не только общую, но и частную превенцию. Совершенное преступление всегда взаимосвязано с личностью человека, его совершившего, в частности, с его психическим состоянием, несмотря на то, умышленное это преступление или нет. Именно поэтому считаем, что порядок применения принудительных мер медицинского характера в отношении осужденных должен быть обязательным и при наличии на то оснований – подтверждения имеющегося психического заболевания. При этом в гражданско-правовом порядке медицинские меры принудительными быть не должны. На фоне указанного полагаем возможным урегулировать имеющийся пробел уголовно-правовыми нормами. Статья 2 УК РФ в ч. 2 как раз и предусматривает применение уголовно-правовых мер, куда включены и медицинские.

Принудительные меры медицинского характера назначаются в целях, закрепленных в ст. 98 УК РФ, однако просто ссылки на данную норму при их назначении недостаточно, требуется фактическая достижимость целей. По этой причине необходимо принять во внимание сам факт обеспечения оказания психиатрической помощи. Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 указывает на то, что психиатрическая помощь включает в себя обследование, освидетельствование, профилактику и диагностику лиц, страдающих психическими расстройствами. Данные

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : федер. закон от 27 дек. 2009 г. № 377-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 52, ч. 1, ст. 6453.

[2] О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : закон Рос. Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 33, ст. 1913.

процедуры проводятся в соответствии с нормой ст. 10 вышеуказанного закона при выявлении психического заболевания. При этом содержание положений уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства подразумевает только лечение, а реабилитация не отражена ни в одной норме. Однако применение указанных выше процедур не исключается с учетом того, что ч. 2 ст. 102 УК РФ предусматривает освидетельствование не реже одного раза в шесть месяцев.

Итак, в связи с тем, что принудительные меры медицинского характера представляют собой комплекс медицинских услуг, действующее уголовное законодательство подлежит дополнению в части указания на его связь с отечественным законодательством об оказании психиатрической помощи в вопросах применения принудительных мер медицинского характера.

Заканчивая рассмотрение общих вопросов о необходимости назначения принудительных мер медицинского характера, соединенных с наказаниями без изоляции от общества, нужно отметить, что они существенно ограничивают в правах лиц, в отношении которых применяются, и в этой связи требуется точное, четкое и понятное регулирование как процедуры назначения такой меры, так и ее продления и прекращения. Сравнительный анализ норм действующего уголовного законодательства и иных законов, регулирующих данные вопросы, свидетельствует об очевидном наличии противоречий, подлежащих устранению.

Список цитируемых источников

Вицин 1970 – *Вицин С. Е.* Принудительные меры медицинского характера: понятие, основания и порядок применения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1970. 16 с.

Колмаков 2000 – *Колмаков П. А.* Проблемы правового регулирования принудительных мер медицинского характера : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 30 с.

Шакаров 1989 – *Шакаров Э. Т.* Принудительные меры медицинского характера по делам о невменяемых : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ташкент, 1989. 22 с.

References

Kolmakov, P. A. (2000), Problems of legal regulation of compulsory medical measures, Abstract of D. Sc. dissertation, criminal procedure, forensics, theory of operational investigative activity, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Shakarov, E. T. (1989), Compulsory medical measures in cases of insane. Abstract of Ph.D. dissertation, criminal procedure, forensics, theory of operational investigative activity, Lenin Tashkent State University, Tashkent, USSR.

Vitsin, S. E. (1970), Forced measures of a medical nature: concept, grounds and procedure for application, Abstract of Ph.D. dissertation, criminal law, criminal procedure, criminology, High School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Савин Андрей Александрович,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; Aasavin33@mail.ru

Information about the author

Savin Andrei A.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; Aasavin33@mail.ru

Для цитирования

Савин А. А. Принудительные меры медицинского характера, соединенные с наказаниями без изоляции от общества: общие начала их реализации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 109–112.

For citation

Savin, A. A. (2020), “Compulsory measures of medical nature combined with punishment without isolation from society: general beginnings of their implementation”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 109–112.

УДК 343.3/37.014.5

О. Н. Семёнова[1, 2]
С. Н. Ушаков[2]
[1] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация

O. N. Semenova[1, 2]
S. N. Ushakov[2]
[1] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation

Антикоррупционное образование: стандарты ООН и практика их реализации

Anti-corruption education: UN standards and practice of their implementation

Ключевые слова: коррупция; антикоррупционное образование; противодействие коррупции; зарубежный опыт; Организация Объединенных Наций.

Аннотация. В статье авторы рассматривают опыт зарубежных стран по организации антикоррупционного образования с целью выявления лучших практик для последующего заимствования в российскую правовую систему.

Key words: corruption; anti-corruption education; anti-corruption; foreign experience; United Nations.

Abstract. In the article the authors consider the experience of foreign countries in the organization of anti-corruption education in order to identify the best practices for subsequent borrowing in the Russian legal system.

В современном мире коррупция представляет серьезную и насущную проблему практически для всех государств. Опасность коррупции заключается не только в экономических потерях, снижающих качество жизни населения, но и в негативном воздействии на эффективность работы государственного аппарата по управлению обществом, государством, геополитическое положение страны. Она разрушает государство как суверенную единицу. Не случайно коррупцию, коррупционную преступность воспринимают как одну из угроз национальной безопасности страны [Сенатов, Сучков 2016, с. 83].

Одним из направлений противодействия коррупции в Российской Федерации является деятельность уполномоченных лиц по ее предупреждению, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции)[1].

Российская Федерация как член Организации Объединенных Наций (далее: ООН) обязана исполнять добровольно принятые на себя обязательства после подписания и ратификации[2] Конвенции ООН против коррупции (далее: Конвенция)[3]. В соответствии со ст. 13 Конвенции государства-участники должны принимать надлежащие меры, в пределах своих возможностей и в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства, для содействия активному участию отдельных лиц и групп за пределами публичного сектора в предупреждении коррупции и борьбе с ней и для углубления понимания обществом факта существования, причин и опасного характера коррупции, а также создаваемых ею угроз. В подп. «с» п. 1 ст. 13 Конвенции говорится, что это участие можно укреплять с помощью программ публичного образования, включая учебные программы в школах и университетах.

Россия последовательно исполняет добровольно принятые международные обязательства по этому пункту договора. Так, повышение эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в об-

[1] О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 дек.

[2] О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции : федер. закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ // Российская газета. 2006. 21 марта.

[3] Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : [принята в г. Нью-Йорке 31 окт. 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленар. заседании 58-й сессии Генер. Ассамблеи ООН] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26, ст. 2780.

© Семёнова О. Н., Ушаков С. Н., 2020

ществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания, получило отражение в Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы[1]. В этом документе предусматривается, что для реализации задуманного требуется обеспечить включение в федеральные государственные образовательные стандарты общего образования, среднего профессионального и высшего образования положений, предусматривающих формирование у обучающихся компетенции, позволяющей выработать нетерпимое отношение к коррупционному поведению, а в профессиональной деятельности – содействовать пресечению такого поведения; обеспечить утверждение и реализацию программы по антикоррупционному просвещению обучающихся на 2018–2020 гг.

В чем же кроется причина столь пристального внимания государства и мирового сообщества к совершенствованию системы образования в части включения антикоррупционных практик? По мнению представителей научного сообщества, предупреждение проблемы всегда предпочтительнее ее решения. Именно поэтому антикоррупционное образование традиционно считается одним из ключевых инструментов предотвращения коррупционных преступлений и разрушения общественных отношений, построенных с нарушением социальной справедливости и ущемлением прав и свобод граждан [Николаев 2014]. Главная цель антикоррупционной деятельности в школе – воспитание ценностных личностных установок неприятия коррупции, развитие способностей, необходимых для формирования у подрастающего поколения здоровой гражданской позиции по отношению к различного рода коррупционным проявлениям [Идиятова 2014, с. 73].

Такой подход получил отражение в большинстве законодательств других государств. Так, в Бразилии на государственном уровне утвердилось мнение, что свободное от коррупции общество может быть построено только в том случае, если граждане с юного возраста воспитываются в духе этических норм, моральных ценностей, гражданской ответственности и честности и остаются приверженными этим ценностям. Такого же подхода придерживается Китай: антикоррупционное образование и привитие честности играют решающую роль в формировании общества, свободного от коррупции, и поэтому такое образование является частью национальной образовательной политики. При этом в Австрии антикоррупционное образование имеет важнейшее значение именно в средних школах, поскольку к этому времени учащиеся обычно достигают того возраста, когда формируются их характер и ценности[2].

Признание мировым сообществом антикоррупционного образования как эффективного средства противодействия коррупции повлекло за собой необходимость обсуждения практик его организации в странах, входящих в ООН.

В начальных и средних школах большинства государств–участников ООН, давших согласие на исполнение Конвенции, проблемы борьбы с коррупцией изучаются в контексте преподавания норм этики, уроков по гражданской ответственности или аналогичных программ, которые разработаны на основе ценностного подхода и ориентированы на привитие навыков, а не просто на приобретение знаний. Например, в школах Норвегии проблемы коррупции изучаются в рамках предметов по этике, гражданским правам и обязанностям, а также основам экономики. Предупреждение коррупции осуществляется также путем формирования у учащихся критического мышления и этичного поведения, как того требует норвежское законодательство об образовании.

В Панаме такие ценности, как честность и неподкупность прививаются учащимся на уроках гражданской ответственности с 7-го по 9-й класс и в рамках предмета «Этика, мораль, ценности и отношения между людьми» в 10–11-м классах. В Гондурасе также антикоррупционное образование в стране проводится в рамках предмета по гражданской ответственности и этическим и моральным ценностям, который включен в учебную программу первых девяти классов.

Армения рассматривает антикоррупционное образование как неотъемлемую часть занятий, посвященных свободе, справедливости, равенству, ответственности и толерантности, т. е. тем ценностям, которые отражены в учебниках для средней школы по общественным наукам и изучаются на уроках, касающихся здорового образа жизни. В Китае антикоррупционное образование и привитие честности и неподкупности осуществляются в рамках изучения китайского языка, истории и норм этики. Например, в учебной программе по китайскому языку с 1-го по 9-й класс классическая поэзия, где отражены этические проблемы, включена в список поэтических произведений, которые следует выучить наизусть. В список произведений, которые учащиеся старших классов должны обязательно прочитать, включены литературные произведения, оперные либретто и другие тексты, посвященные нравственным проблемам.

[1] О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы : указ Президента Рос. Федерации от 29 июня 2018 г. № 378. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.06.2019).

[2] Education in schools and universities on anti-corruption efforts (article 13, para. 1 (c) of the United Nations Convention against corruption). URL: https://documents.un.org/prod/ods.nsf/xpSearchResultsM.xsp (дата обращения: 01.02.2020).

В Словении проблемы коррупции, как правило, не включены в учебники, учителя освещают связанные с этим темы на уроках по гражданской ответственности (которые проводятся в 7–8-х классах начальной школы) и обществоведению (одногодичный обязательный предмет средней школы). Для учителей вопрос о противодействии коррупции является трудной темой, в связи с чем антикоррупционный орган страны разработал учебные материалы по коррупции, которые учителя могут использовать на уроках по гражданской ответственности и социологии.

В Германии формы и последствия коррупции рассматриваются на уроках по этике, которые проводятся в 5–10-х классах и охватывают вопросы права, справедливости и морали, а также на уроках обществоведения, экономики и истории. Кроме того, в Германии в профессионально-технических училищах проводятся уроки по противодействию коррупции, например, в рамках программ по экономике и этике.

В Малайзии проблемы коррупции рассматриваются в школьных учебниках по религиозному и нравственному образованию. В Словакии все учащиеся в возрасте от 11 до 19 лет обязаны изучить документ под названием «Национальный стандарт финансовой грамотности», в котором освещены вопросы, связанные с коррупцией, и содержится методическое пособие с инструкциями относительно методов обучения в зависимости от возраста. В Чехии в школьную программу были добавлены уроки по финансовой грамотности, на которых рассматриваются такие темы, как честность и неподкупность, справедливость, гражданские права и обязанности, а также этические принципы.

В Республике Корея антикоррупционное образование осуществляется в рамках уроков по этике, которые входят в учебную программу для всех классов как начальной, так и средней школы. В начальной школе, для того чтобы детям было легче усвоить значение понятий «неподкупность» и «коррупция», в учебниках по этике эти термины рассматриваются не непосредственно, а через такие понятия, как: «честность», «ответственность», «правдивость», «умение владеть собой», «самоуважение», «соблюдение закона и подзаконных актов», «патриотизм», «справедливость», «чувство общности» и «гражданский долг». В младших классах средней школы учащиеся изучают причины и последствия коррупции и обсуждают возможные решения проблем, связанных с коррупцией. В старших классах средней школы в учебниках по этике проблемы коррупции рассматриваются более предметно в отношении государственного и частного секторов и проводятся различные занятия, которые побуждают учащихся подумать о способах борьбы с коррупцией и важности таких понятий, как «честность» и «неподкупность».

Следует отметить, что многие государства предпринимают усилия по непосредственному вовлечению детских и молодежных организаций в осуществление на национальном уровне мероприятий по предупреждению коррупции и распространению среди этих организаций соответствующей информации[1]. В частности, в Боливарианской Республике Венесуэла начиная с 2003 г. реализуется программа, получившая название «Контролер приходит в школу», в рамках которой учащиеся обязаны осуществлять контроль и надзор в отношении правильного использования школьных ресурсов. Эта программа преследует цель привлечь внимание учащихся к основным коррупционным рискам, которые существуют в школах, и к мерам противодействия таким рискам.

В Нигерии Независимая комиссия по борьбе с коррупционной практикой и другими связанными с ней преступлениями в сотрудничестве с Национальным советом по вопросам развития образования и научных исследований инициировали разработку «учебных планов по продвижению национальных ценностей», направленных на внедрение основных антикоррупционных этических норм и ценностей в рамках национальной системы образования. Эта тематика была включена в программы школьного обучения на всех уровнях, а также в программу политехнических школ и университетов. К числу дополнительных мероприятий относится создание «антикоррупционных клубов» в средних школах, которые стали форумом для обсуждения учащимися последствий коррупционных проявлений в Нигерии.

В рамках осуществляемой в Эквадоре программы «Бригады транспарентности» студенты университетов во взаимодействии с местными органами власти оценивают уровень транспарентности в государственных службах. В частности, студенты проводят мониторинг соблюдения законодательства с целью обеспечения доступа к информации и способствуют его выполнению, проводят исследования и выступают с предложениями относительно обеспечения прозрачности и соблюдения норм этики в государственных органах, а также помогают составить карты коррупционных рисков для местных органов власти.

В Сербии на юридическом факультете Белградского университета функционирует юридическая консультация по вопросам противодействия коррупции, которая помогает студентам приобрести практические навыки работы юриста в области борьбы с коррупцией. Антикоррупционное агентство Сербии оказывает поддержку этой консультации путем организации лекций специалистов,

[1] Mandates of anti-corruption body or bodies in respect of prevention (article 6 of the United Nations Convention against corruption). URL: https://documents.un.org/prod/ods.nsf/xpSearchResultsM.xsp (дата обращения: 01.01.2020).

предоставления необходимой литературы и юридической помощи ее клиентам.

В некоторых странах создаются «Клубы честности». Так, в Саудовской Аравии, Китае в университетах и колледжах созданы такие клубы, в которых на положительных примерах честности и неподкупности у студентов формируется антикоррупционное сознание. В Маврикии в рамках деятельности клуба студенты могут разработать инициативы по противодействию коррупции в своих институтах.

В других государствах, включая Афганистан, Бразилию, Маврикий, Саудовскую Аравию, Сербию и Словению, органами по борьбе с коррупцией организовываются конкурсы для учащихся с целью повышения уровня их информированности в таких вопросах, как общественный контроль, этические нормы, гражданственность и честность. Соревнования проводятся в форме конкурсов на лучшее эссе и рисунок, лучшие журналистские статьи, лозунги, плакаты, эмблемы, художественное оформление, очерки, аудиовизуальные произведения, изображения на футболках и киноролики.

В Маврикии, Саудовской Аравии, Словении и на Ямайке органы по борьбе с коррупцией организовывают специальные молодежные мероприятия, такие как ярмарки, выставки и симпозиумы по вопросам, связанным с коррупцией. В Панаме каждый год учителя и учащиеся отмечают «Неделю ценностей», в рамках которой организуются шествия с участием всех школ.

Таким образом, анализ зарубежного опыта реализации ст. 13 Конвенции в части вовлечения граждан в антикоррупционную деятельность, в том числе путем включения вопросов противодействия коррупции в образовательные программы, позволил сделать следующие выводы, определив направления по совершенствованию антикоррупционного образования в Российской Федерации:

1) свободное от коррупции общество может быть построено только в том случае, если граждане с юного возраста воспитываются в духе этических норм, моральных ценностей, гражданской ответственности и честности и остаются в течение всей жизни приверженными этим ценностям. По этой причине антикоррупционное образование должно получить отражение на всех этапах обучения, начиная со школы и заканчивая образовательными организациями высшего образования. Упор на формирование антикоррупционного мировоззрения во многих странах делается именно в школе. При этом целесообразно, с учетом возрастных особенностей обучающихся, описывать коррупцию и ее проявления через такие понятия, как: «честность», «ответственность», «правдивость», «умение владеть собой», «самоуважение», «соблюдение закона и подзаконных актов», «патриотизм», «справедливость», «чувство общности» и «гражданский долг»;

2) в зарубежных странах в основном изучение вопросов противодействия коррупции получило отражение в учебных планах в рамках предметов по гражданской ответственности и этическим и моральным ценностям, истории, социологии. В Российской Федерации формирование антикоррупционного мировоззрения у обучающихся общеобразовательных организаций и профессиональных образовательных организаций предусмотрено в рамках предметов «Всеобщая история», «История России», «Обществознание», «Право». Говоря о деятельности образовательных организаций высшего образования, то, по заключению М. М. Магизова, практически во всех федеральных государственных образовательных стандартах не содержится никаких указаний на обязательность включения в учебные планы по направлениям подготовки (специальностям) дисциплин антикоррупционной составляющей. Более того, согласно действующему законодательству набор дисциплин, относящихся даже к базовой части программы, образовательная организация определяет самостоятельно [Магизов 2019, с. 140–141];

3) в связи с тем, что в некоторых странах изучение вопросов противодействия коррупции вызывает сложности у преподавателей образовательных организаций, так как для этого необходима должная правовая, этическая и тому подобная подготовка, программы с включением вопросов противодействия коррупции разработаны соответствующими специалистами. В Российской Федерации в нормативных правовых актах федерального уровня предусмотрено, что педагогические кадры, которые будут осуществлять антикоррупционное воспитание и просвещение, обязаны пройти обучение в этой сфере;

4) во многих странах, помимо включения вопросов противодействия коррупции, в учебных программах получил отражение деятельностный подход в обучении: требуется создание антикоррупционных клубов, групп в образовательных организациях и т. д. с наделением участников полномочиями, направленными на формирование у них нужных умений и навыков, компетенций в сфере противодействия коррупции.

В Российской Федерации, как отмечают отдельные исследователи, в силу отсутствия обязательных требований к содержанию, структуре, набору компетенций дисциплин антикоррупционной направленности преподаватели образовательных организаций высшего образования при разработке рабочих программ дисциплин самостоятельно определяют обозначенные элементы, выбирают образовательные технологии и фонды оценочных средств. Как следствие, в рабочих программах дисциплин не отражено наличие ролевых игр и моделирование ситуаций, связанных с коррупцией. Оценка знаний

обучающихся сводится к итогам тестирования и ответам на вопросы. Именно поэтому М. М. Магизов приходит к выводу о наличии бессистемности внедрения элементов антикоррупционного поведения в образовательный процесс и об отсутствии единой концепции образовательной антикоррупционной политики государства [Магизов 2019, с. 141].

Вместе с тем, в отличие от образовательных организаций высшего образования, разработана Примерная основная образовательная программа среднего общего образования (одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 28 июня 2016 г. № 2/16-з). То есть уместно говорить о том, что формированию антикоррупционного мировоззрения в Российской Федерации, как и в зарубежных странах, уделяется пристальное внимание именно в школах.

И в этом аспекте опыт стран–членов ООН может быть крайне полезным.

Список цитируемых источников

Идиятова 2014 – *Идиятова А. В.* Внедрение антикоррупционного образования школьников в практику работы образовательных организаций // Наука и современность. 2014. № 33. С. 72–75.

Магизов 2019 – *Магизов М. М.* Проблемы антикоррупционного образования в образовательных учреждениях высшего образования // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования / отв. ред. И. А. Дамм, Е. А. Акунченко. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. С. 136–142.

Николаев 2014 – *Николаев С. М.* Системный подход организации специального антикоррупционного образования // Науковедение. 2014. № 2(21). URL: https://znanium.com/catalog/product/479962 (дата обращения: 01.02.2020).

Сенатов, Сучков 2016 – *Сенатов А. В., Сучков Р. Н.* Профилактика коррупционной преступности в уголовно-исполнительной системе: криминологический и оперативно-розыскной аспекты // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2016. № 2(8). С. 83–88.

References

Idiyatova, A. V. (2014), “Introduction of anti-corruption education of schoolchildren in practice of educational organizations”, *Nauka i sovremennost’,* no. 33, pp. 72–75.

Magizov, M. M. (2019), “Problems of anti-corruption education in educational institutions of higher education”, *Aktual’nye voprosy protivodeistviya korruptsii v sfere obrazovaniya* [Actual issues of combating corruption in the field of education], in Damm, I. A. and Akunchenko, E. A. (ed.), Sibirskij federal’nyi universitet, Krasnoyarsk, Russia, pp. 136–142.

Nikolaev, S. M. (2014), “System approach of the organization of special anti-corruption education”, *Naukovedenie,* no. 2(21), available at: https://znanium.com/catalog/product/479962 (Accessed 1 February 2020).

Senatov, A. V. and Suchkov, R. N. (2016), “Prevention of corruption crime in the penal system: criminological and operational-investigative aspects”, *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya theoriya i pravoprimenitel’naya praktika,* no. 2(8), pp. 83–88.

Информация об авторах

Семёнова Оксана Николаевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; mercury06@inbox.ru
Ушаков Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; ushakov13.03.2011@mail.ru

Information about the authors

Semenova Oksana N.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; mercury06@inbox.ru
Ushakov Sergei N.,
PhD (law), Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; ushakov13.03.2011@mail.ru

Для цитирования

Семёнова О. Н., Ушаков С. Н. Антикоррупционное образование: стандарты ООН и практика их реализации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 113–117.

For citation

Semenova, O. N. and Ushakov, S. N. (2020), “Anti-corruption education: UN standards and practices their implementation”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 113–117.

УДК 343.98

Т. А. Ткачук[1, 2]
К. А. Ерина[1]
[1] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация

T. A. Tkachuk[1, 2]
K. A. Erina[1]
[1] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation
[2] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

Некоторые вопросы процессуального обеспечения использования специальных знаний при расследовании преступлений коррупционной направленности в уголовно-исполнительной системе

Some issues of procedural support for the use of special knowledge in the investigation of corruption crimes in the penal system

Ключевые слова: коррупционные преступления; уголовно-исполнительная система; расследование преступлений; исследование; экспертиза; специальные знания.

Аннотация. В статье анализируются проблемы раскрытия коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Авторы аргументируют свою точку зрения о необходимости внесения изменений в УПК РФ с целью закрепления процедуры использования специальных знаний в процессе доказывания рассматриваемой группы преступлений.

Key words: corruption crimes; penal system; investigation of crimes; research; expertise; special knowledge.

Abstract. The article analyzes the problems of revealing corruption crimes committed by the employees of the penal system. The authors argue their point of view on the need to amend the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in order to consolidate the procedure for using special knowledge in the process of proving the considered group of crimes.

Борьба с коррупционными проявлениями остается одной из главных задач органов государственной власти. Так, на одной из последних ежегодных специальных программ «Прямая линия» глава государства В. В. Путин констатировал, что снижение коррупционных преступлений в значительной степени зависит от «последовательных и бескомпромиссных действий»[1]. Последние, на наш взгляд, во многом зависят от деятельности правоохранительных структур, в полномочия которых входят своевременное и эффективное выявление, раскрытие и расследование правонарушений и преступлений коррупционной направленности.

Противодействие коррупционным проявлениям требует от органов внутренних дел, Следственного комитета Российской Федерации, а также Федеральной службы безопасности не только беспрекословного соблюдения уголовного и уголовно-процессуального закона, установленных сроков расследования, процедуры производства следственных действий, не нарушая при этом права и законные интересы участников процесса[2], но и в целом эффективного наращивания потенциала по борьбе с преступностью путем повышения уровня использования специальных познаний.

Исследование общих направлений применения специальных знаний в расследовании преступлений широко освещены в учебной и научной литературе [Глазырин 1978, Пастухов 2011, Ростовцев 2016, Телегина 2011]. При этом такие актуальные вопросы в теоретическом и практическом отношении, как анализ использования специальных знаний в процессе уголовного судопроизводства отдельных групп преступлений, например, в области коррупционных преступлений, совершаемых в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС), хотя и освещаются [Кубанов 2019], но, по нашему мнению, в недостаточной степени.

[1] О чем рассказал Владимир Путин во время «Прямой линии» // Российская газета. 2019. 20 июня. URL: https://rg.ru/2019/06/20/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-vo-vremia-priamoj-linij.html (дата обращения: 25.02.2020).

[2] Президент поручил прокуратуре вести жесткий контроль расходов на нацпроекты // Российская газета. 2019. 11 апр. URL: https://rg.ru/2019/04/11/prezident-poruchil-prokurature-vesti-zhestkij-kontrol-rashodov-na-nacproekty.html (дата обращения: 25.02.2020).

© Ткачук Т. А., Ерина К. А., 2020

Во-первых, персональная подследственность, закрепленная в содержании ст. 151 УПК РФ, свидетельствует о том, что основным субъектом расследования рассматриваемой группы преступлений являются следователи Следственного комитета Российской Федерации (далее: СК РФ). Анализ статистических данных говорит о том, что за период с 2011 по 2019 г. следователями СК РФ в суды было направлено свыше 70 тыс. уголовных дел о коррупции[1]. За 2019 г. для разрешения по существу в суд направлено свыше 6,4 тыс. уголовных дел в отношении почти 7 тыс. обвиняемых, среди которых 181 сотрудник ФСИН России, что в свою очередь более чем в 2 раза превышает количество обвиняемых среди сотрудников ФССП России, в 3,5 раза – сотрудников МЧС России, в 5 раз – сотрудников ФТС России, в 20 раз – работников прокуратуры[2].

Во-вторых, экспертное сопровождение расследования коррупционных преступлений в УИС требует от СК РФ соответствующего кадрового обеспечения. В этой связи безусловным законодательным «прорывом» является введение в действие Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" и Федеральный закон "О Следственном комитете Российской Федерации"»[3], который подразумевает возможность создания в штатной структуре СК РФ государственных судебно-экспертных учреждений (экспертных подразделений). Указанный нормативный акт свидетельствует о потенциальной возможности своевременного проведения любого рода (вида) судебной экспертизы «собственными силами». Представляя очевидными масштабы и спектр расследуемых преступлений, отметим, что по состоянию на октябрь 2019 г. в СК РФ проводили 100 % полиграфных экспертных исследований, 80 % налоговых и бухгалтерских экспертиз, около 40 % фоноскопических и компьютерных, а также порядка 20 % генно-молекулярных экспертиз[4]. Приведенные данные, а также анализ правоприменительной практики говорят о том, что экспертное сопровождение осуществляется в своей основе по таким группам преступлений, как преступления против личности, включая насильственные преступления и преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, преступления в сфере экономической деятельности, в частности налоговые преступления. То есть можно говорить об отсутствии достаточной возможности использования специальных экспертных знаний в процессе расследования коррупционных преступлений в УИС.

Отметим, что, наряду с двумя основными и традиционными формами использования специальных знаний – назначение судебной экспертизы и привлечение специалистов при реализации следственных и иных процессуальных действий, в целях расследования коррупционных преступлений, совершаемых в УИС, получила распространение такая форма использования специальных знаний, как проведение специалистом исследований. Это связано с наличием определенных условий, препятствующих процессу формирования самостоятельной экспертной службы на местах, а именно:

– выделение малого количества штатных должностей эксперта при территориальных органах (как правило, их 2-3 на следственное управление);

– неукомплектованность штата экспертов;

– отсутствие материальной базы для обеспечения производства отдельных родов (видов) экспертиз (лабораторий, кабинетов, экспертного оборудования и т. д.);

– обязательность процедуры лицензирования экспертной деятельности.

Несмотря на признание заключений специалиста и эксперта в соответствии с п. 3 и п. 3.1 ст. 74 УПК РФ в качестве равноправных источников доказательств, анализ мнений ученых и исследователей говорит о том, что традиционно основной функцией специалиста до введения в действие Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[5] оставалось оказание научно-технической, информационной, справочной, консультационной помощи следователю [Глазырин 1978, с. 5]. В настоящее же время, с учетом нагрузки на сотрудников следственных подразделений, в частности СК РФ, получение заключения специалиста по отдельным вопросам совершения коррупционных преступлений является основной (нередко и единственной) формой получения оперативных доказательств при активном использовании специальных знаний.

---

[1] Следствие ведут знатоки // Российская газета. 2019. 8 апр. URL: https://rg.ru/2019/04/08/bastrykin-segodnia-v-sk-delaiut-samye-slozhnye-issledovaniia-liubojtehniki.html (дата обращения: 25.02.2020).

[2] В СК России проанализирована практика расследования коррупционных преступлений // Следственный комитет Российской Федерации : [сайт]. URL: https://sledcom.ru/news/item/1417917/ (дата обращения: 25.02.2020).

[3] Российская газета. 2019. 31 июля.

[4] Интервью руководителя Главного управления криминалистики СК России Зигмунда Ложиса газете «Коммерсант» // Следственный комитет Российской Федерации : [сайт]. URL: http://sledcom.ru/press/interview/item/1400098/ (дата обращения: 25.02.2020).

[5] Российская газета. 2003. 10–11 июля.

Анализ практики расследования преступлений коррупционной направленности говорит о так называемой подмене процедуры проведения судебной экспертизы, в частности товароведческой, процедурой получения заключения специалиста и о том, что действия следователя сводятся к двум алгоритмам:

1. Вынесение следователем поручения специалисту для производства исследования; производство исследования; дача заключения специалистом.

2. Вынесение следователем постановления о допуске специалиста; дача показаний специалистом при производстве допроса.

При структурном анализе первого алгоритма действий следует усматривать отсутствие в содержании ст. 38 УПК РФ полномочий следователя на дачу поручений именно специалисту, при этом говорится о формулировке дачи письменных поручений лишь органу дознания.

В структуре второго алгоритма обнаруживается отсутствие заключения специалиста в качестве письменного суждения (вывода) по вопросам, поставленным на разрешение перед ним следователем, а также утрата процедуры производства самого исследования специалистом как такового. Указанная процедура противоречит содержанию п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»[1], который требует обязательной денежной оценки предмета коррупционного преступления, в качестве которого могут выступать: имущество, имущественные права, услуги имущественного характера, имущественная выгода, освобождение от имущественных обязательств, различного рода доходы от бездокументарных ценных бумаг и цифровых прав (криптовалюта, ее форки и аналоги: биткоины, пиркоины, неймкоины).

Адаптируя указанную процедуру к вопросу расследования коррупционных преступлений в УИС, отметим, что алгоритм оценки предмета противоправного деяния обусловливает либо необходимость обязательного предоставления заключения товароведческой (бухгалтерской) экспертизы, либо заключение специалиста. Последнее требует внесения соответствующих поправок в действующее уголовно-процессуальное законодательство, а именно в ст. 80 УПК РФ, изложив ч. 1 этой статьи в следующей редакции: «Заключение специалиста – представленное в письменном виде суждение по вопросам, указанным в постановлении следователя (дознавателя), а также вопросам, поставленным перед ним сторонами на основании соответствующего ходатайства».

Указанная формулировка позволит оптимизировать процессуальную деятельность по использованию специальных знаний, в том числе и при расследовании преступлений коррупционной направленности в УИС.

Список цитируемых источников

Глазырин 1978 – Использование специальных познаний при расследовании преступлений : учеб. пособие / отв. ред. Ф. В. Глазырин. Свердловск : УрГУ, 1978. 80 с.

Кубанов 2019 – *Кубанов В. В.* Использование специальных знаний в расследовании преступлений коррупционной направленности, совершаемых в условиях, обеспечивающих изоляцию от общества // Юридическая наука и практика : альм. науч. тр. Самарского юрид. ин-та ФСИН России. Самара : СЮИ ФСИН России, 2019. С. 135–138.

Пастухов 2014 – *Пастухов П. С.* Роль и значение специальных знаний в информационно-техническим обеспечении уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1(23). С. 298–304.

Ростовцев 2016 – *Ростовцев А. С.* Использование специальных знаний для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 218–221.

Телегина 2011 – *Телегина Т. Д.* Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений : монография. М. : Юрлитинформ, 2011. 148 с.

References

Glazyrin, F. V. (1978), *Ispol'zovanie spetsial'nykh poznanii pri rassledovanii prestuplenii* [The use of special knowledge in the investigation of crimes], UrGU, Sverdlovsk, USSR.

Kubanov, V. V. (2019), "The use of special knowledge in the investigation of corruption-related crimes committed in conditions that ensure isolation from society", *Yuridicheskaya nauka i praktika* [Jurisprudence and practice], SYuI FSIN Rossii, Samara, Russia, pp. 135–138.

[1] Российская газета. 2013. 17 июля.

Pastukhov, P. S. (2014), “The role and importance of special knowledge in the information technology support of criminal procedure evidence”, *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki,* no. 1(23), pp. 298–304.

Rostovtsev, A. S. (2016), “Use of specialized knowledge for the prevention, disclosure and investigation of crimes”, *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti,* no. 1, pp. 218–221.

Telegina, T. D. (2011), *Ispol’zovanie spetsial’nykh znanii v sovremennoi praktike rassledovaniya prestuplenii* [The use of specialized knowledge in modern crime investigation practice], Yurlitinform, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Ткачук Татьяна Алексеевна,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; tatkachyk@mail.ru

Ерина Ксения Александровна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; whatisboris@rambler.ru

Information about the authors

Tkachuk Tat’yana A.,
Doctor of law, professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; tatkachyk@mail.ru

Erina Kseniya A.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; whatisboris@rambler.ru

Для цитирования

Ткачук Т. А., Ерина К. А. Некоторые вопросы процессуального обеспечения использования специальных знаний при расследовании преступлений коррупционной направленности в уголовно-исполнительной системе // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 118–121.

For citation

Tkachuk, T. A. and Erina, K. A. (2020), “Some issues of procedural support for the use of special knowledge in the investigation of corruption crimes in the penal system”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 118–121.

УДК 349.98

М. В. Трелин[1]
[1]Прокуратура Палехского района,
Палех, Ивановская область, Российская Федерация

M. V. Trelin[1]
[1]Prosecutor's office of the Palekh district,
Palekh, Ivanovo region, Russian Federation

Некоторые вопросы выявления нарушений в ходе прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности

Some issues of detecting violations during a prosecutorial supervision of the observance of human and civil rights and freedoms in the course of crime detection

Ключевые слова: прокурорский надзор; оперативно-розыскная деятельность; выявление; права и свободы человека.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности осуществления прокурорского надзора по выявлению нарушений прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскной деятельности. Автором выделяются основные группы нарушений, встречающихся в деятельности оперативных подразделений. Сделан вывод о том, что надзирающим прокурорам целесообразно ориентироваться на выявленные группы нарушений в части установления нарушений закона, допускаемых при решении вопроса о проведении, а также в ходе непосредственного проведения оперативно-розыскных мероприятий; при документировании результатов оперативно-розыскной деятельности; при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Key words: prosecutor's supervision; crime detection; identification; human rights and freedoms.

Abstract. The article discusses the features of prosecutorial oversight to identify violations of the rights and freedoms of a man and a citizen in implementation of operational search activities. Based on the study, the author identifies the main groups of violations encountered in the activities of operational units. It is concluded that supervising prosecutors should focus on the revealed groups of violations in terms of identifying violations of the law that are allowed when deciding on the conduct and immediate conduct of operational-search measures; when documenting the results of operational search activities; when using the results of operational investigative activities in criminal proceedings.

На современном этапе развития общества и государства проблемы прав и свобод человека и гражданина являются исключительно злободневными и социально значимыми.

«Общеизвестно, что законность является неотъемлемой составляющей правового государства и гарантией его развития. Соблюдение законности обеспечивает верховенство закона, закрепляет принципы и формы деятельности государственного аппарата и главную общественную ценность – права и свободы человека и гражданина. Принцип законности требует безусловного соблюдения законодательства всеми элементами государственного механизма и общества, а также является приоритетным конституционным принципом оперативно-розыскной деятельности» [Гузова 2012, с. 89].

Происходившие в конце XX – начале XXI в. в мире и в России изменения качественных характеристик преступности, выразившиеся в нарастании ее организованности и профессионализации, актуализировали востребованность возможностей оперативно-розыскной деятельности в борьбе с ней. Это нашло отражение в принятых в данный период международных правовых документах, ратифицированных Российской Федерацией (например, ст. 20 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, заключенной 15 ноября 2000 г. в Нью-Йорке[1], и ст. 50 Конвенции ООН против коррупции, заключенной также в Нью-Йорке 31 октября 2003 г.[2]).

© Трелин М. В., 2020

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40, ст. 3882.

[2] Там же. 2006. № 26, ст. 2780.

Существенное развитие в данной сфере получило и отечественное законодательство.

Так, в Российской Федерации сначала вступил в действие Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»[1], а затем сменивший его Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[2].

Проблема соблюдения прав человека в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности оперативными подразделениями правоохранительных органов довольно часто возникает в связи со спецификой оперативно-розыскной деятельности и проводимыми в ходе ее осуществления оперативно-розыскными мероприятиями, проведение ряда которых связано с ограничениями конституционных прав граждан. В связи с этим повысились роль и значение прокурорского надзора за исполнением законов при ее осуществлении.

Принятый Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в ст. 29 определил содержание единого предмета прокурорского надзора в сфере соблюдения законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Важнейшей составной частью этого предмета надзора законодатель назвал соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Деятельность по осуществлению прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью предполагает эффективное выявление нарушений в данной сфере. При этом качество выявления нарушений прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности требует наличия знаний у надзирающего прокурора групп типовых нарушений, которые встречаются в деятельности оперативных подразделений.

Практика прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности позволяет выделить типичные нарушения законов.

1. Нарушения, связанные с принятием решения о проведении, а также в рамках непосредственного проведения оперативно-розыскных мероприятий[3].

В настоящее время отсутствуют нормативные определения понятия «оперативно-розыскное мероприятие», равно как и определения конкретных оперативно-розыскных мероприятий, в связи с этим существуют различные подходы к пониманию их содержания, что отрицательно сказывается на эффективности прокурорского надзора.

Именно поэтому следует согласиться с мнением А. В. Кудрявцева, согласно которому в тексте Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» должны найти отражение определения понятий оперативно-розыскных мероприятий как основных действий, посредством которых осуществляется оперативно-розыскная деятельность [Кудрявцев 2013, с. 144].

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что с этим согласны 69 % опрошенных уполномоченных прокуроров[4]. Аналогичной позиции придерживаются и оперативные работники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

При этом следует отметить, что в настоящее время выявляются отдельные факты проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан без судебного разрешения. В результате проведенного исследования установлено, что такие факты выявляли 29 % опрошенных нами уполномоченных прокуроров.

Подобные факты также имеют место и при проведении оперативно-розыскных мероприятий, требующих ведомственного санкционирования.

Выявлены случаи санкционирования проведения оперативно-розыскных мероприятий не уполномоченными на то должностными лицами. В связи с этим представляется, что уполномоченному прокурору необходимо знать персонально всех должностных лиц поднадзорного органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в компетенцию которых входит решение данного вопроса.

2. Нарушения закона, допускаемые в рамках документирования результатов оперативно-розыскной деятельности[5].

При документировании результатов оперативно-розыскной деятельности допускается отсутствие материальных носителей информации, полученной в рамках данной деятельности. С такими фактами сталкивались 36 % опрошенных уполномоченных прокуроров.

Кроме того, нередко уполномоченные прокуроры выявляют факты необоснованного заведения

[1] Российская газета. 1992. 29 апр.

[2] Там же. 1995. 18 авг.

[3] Подпункты «а», «в», «ж», «и», «л» п. 6 приказа Генпрокуратуры России от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» (Законность. 2011. № 5).

[4] Здесь и далее используются данные, полученные в рамках анкетирования 155 прокурорских работников, осуществляющих надзор за оперативно-розыскной деятельностью в четырех регионах Российской Федерации (Ивановская, Костромская, Владимирская, Ярославская области).

[5] Подпункты «б», «з» п. 6 приказа Генпрокуратуры России от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности».

или прекращения дел оперативного учета, а также неиспользования всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий, необходимых в рамках работы по делу.

Значительное внимание уполномоченный прокурор должен уделять выявлению укрытых от учета преступлений, фактов неправомерного освобождения от уголовного преследования, фальсификации сведений о наличии оснований и условий проведения конкретных оперативно-розыскных мероприятий, а также фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности.

Так, на факты фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности указали 24 % опрошенных уполномоченных прокуроров.

3. Нарушения законов при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве[1].

В частности, это может проявляться в получении оперативно значимой информации, которая впоследствии не используется при проведении последующих оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Итак, нами отмечены только основные группы нарушений, выявляемых в ходе прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Однако прокурорам при осуществлении надзора данного вида следует в значительной степени ориентироваться на них. В целях повышения эффективности деятельности надзирающих прокуроров целесообразно их ориентирование в части выявления нарушений закона, допускаемых при решении вопроса о проведении, а также в ходе непосредственного проведения оперативно-розыскных мероприятий; при документировании результатов оперативно-розыскной деятельности; при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Список цитируемых источников

Гузова 2012 – *Гузова А. С.* Некоторые проблемы соблюдения законности в оперативно-розыскной деятельности при реализации функции прокурорского надзора // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 2(20). С. 89–92.

Кудрявцев 2013 – *Кудрявцев А. В.* Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе России : монография. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2013. 331 с.

References

Guzova, A. S. (2012), “Some problems of compliance with the law in operational and investigative activities in implementation of the function of a Prosecutor’s supervision”, *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal,* no. 2(20), pp. 89–92.

Kudryavtsev, A. V. (2013), *Nekotorye problemy soblyudeniya zakonnosti v operativno-rozysknoi deyatel’nosti pri realizatsii funktsii prokurorskogo nadzora* [Theoretical and applied problems of crime detection in the penal system of Russia], VYuI FSIN Rossii, Vladimir, Russia.

Информация об авторе

Трелин Максим Валерьевич,
прокуратура Палехского района, Палех, Ивановская область, Российская Федерация;
Bacs-37@yandex.ru

Information about the author

Trelin Maksim V.,
Prosecutor’s office of the Palekh district, Palekh, Ivanovo region, Russian Federation; Bacs-37@yandex.ru

Для цитирования

Трелин М. В. Некоторые вопросы выявления нарушений в ходе прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 122–124.

For citation

Trelin, M. V. (2020), “Some issues of detecting violations during prosecutorial supervision of the observance of human and civil rights and freedoms in the course of crime detection”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 122–124.

[1] Пункт 8 приказа Генпрокуратуры России от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности».

УДК 343.918; 159.99

А. А. Чекушов[1]
Е. И. Гордеевцев[1]
М. А. Чирков[2]
М. С. Чистяков[1]
[1] Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация
[2] Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

A. A. Chekushov[1]
E. I. Gordeevtsev[1]
M. A. Chirkov[2]
M. S. Chistyakov[1]
[1] Vladimir branch, Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation
[2] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Преступность в цифровой среде как фактор, ограничивающий развитие информационных технологий

Crime in the digital environment as a factor limiting the development of information technologies

Ключевые слова: шестой технологический уклад; изменения в технологической сфере; деятельность в информационной среде; фиатные деньги; цифровые технологии; многостороннее партнерство; развитие узкопрофильных специализаций.

Аннотация. Авторы диагностируют определенную диспропорциональную разобщенность противодействия цифровой преступности на международном и национальном уровнях. Предпринимается попытка объяснить процессы, происходящие в цифровой среде, в том числе действия «цифрового криминалитета». Анализируется проблема психологического характера «погружение в цифровую среду», что является катализатором отрицания традиционной культуры и ценностей, деструктивной дисгармонией личности и социума.

Key words: the sixth technological order; technological changes; activities in the information environment; fiat money; digital technology; multilateral partnerships; development of narrow profile specializations.

Abstract. The authors diagnose a certain disproportionate disunity in countering digital crime at the international and national levels. An attempt is made to explain the processes taking place in the digital environment, including the actions of “digital crime”. The article analyzes the problem of psychological nature “immersion in the digital environment”, which is a catalyst for denial of traditional culture and values, destructive disharmony of the individual and society.

Современная цивилизация является свидетелем поистине судьбоносных изменений в технологической сфере, которые преобразуют течение геополитических и геоэкономических процессов существующего мирового устройства. Данная тенденция полностью коррелирует с теорией академика С. Ю. Глазьева, согласно которой активно происходит нарастание шестого технологического уклада, чье ядро формируют нанотехнологии, принципиально видоизменяющие и повышающие эффективность эволюции цифровой экономики [Глазьев 2005].

В то же время параллельно с этими революционными технологическими преобразованиями, повлекшими развитие цифровой индустрии и информационно-коммуникационных технологий, произошли процессы, которые способствовали эволюционным преобразованиям криминальной направленности не только отдельных государств, но и всего цивилизованного мира. Безграничные просторы информационного латентного пространства взяли на вооружение преступные элементы в качестве среды (пространства) и средства совершения различных противоправных деяний. К таковым необходимо отнести манипуляции от традиционных мошеннических действий и посягательств на имущество до высокотехнологичных и многоэпизодных приемов (завуалированное вымогательство, продажа и распространение конфиденциальной информации, мошеннические схемы в «геймеровской» индустрии, оборот товаров и услуг, являющиеся нон-грата в легальном правовом обороте). С точки зрения юридического аспекта особую тревогу вызывают нарастающая тенденция к

© Чекушов А. А., Гордеевцев Е. И., Чирков М. А., Чистяков М. С., 2020

росту киберэкстремизма и особо крайняя ее форма – кибертерроризм [Бражников, Шиян 2016, с. 42].

Основополагающим фактором перечисленных криминальных проявлений выступает отсутствие институционального регулятора в виде социального контроля глобального интернет-пространства, поскольку регламентирующие механизмы контроля деятельности в информационной среде находятся в зачаточном состоянии. Как следствие, в юридической практике прослеживается низкая степень выверенных приемов и инструментов регулирования относительно нового для юриспруденции вида общественных (общественно-информационных) отношений. Интернет-пространство является глобальной формой существования общественных коммуникаций, в которой процессы протекают на платформе автономности и саморегуляции. Необходимо озвучить и отсутствие должного уровня культуры нахождения в глобальном информационном пространстве, которое провоцирует правовой нигилизм, крайне низкую степень защиты пользователей сети, что является криминогенным фактором роста и распространения преступности в цифровой среде [Осипенко 2009, с. 17].

По оценкам экспертов, ежегодно в Интернете совершается свыше 3 млн правонарушений (из них 850 тыс. – преступления сексуального характера, 144,5 тыс. связаны со взломом компьютеров, 207 тыс. – с финансовыми манипуляциями) [Комаров 2011, с. 6], что, по мнению различных специалистов, может причинить существенный вред не только экономическим, но и государственным интересам [Лапшин 2004, с. 3–4]. Отмечается, что уровень преступности в информационном пространстве во многом определяется спецификой уголовного законодательства конкретного государства, зависит от деятельности в данном направлении и возможностей органов правопорядка реализовывать мероприятия по противодействию криминалитету. Траспарентность информационной среды позволяет преступникам осуществлять свои деяния в рамках правовой среды государства, которая в наибольшей степени соответствует криминальным намерениям и оптимизирует их манипуляции по реализации запланированных противоправных действий, отвечающих их целям с наименьшими возможными негативными для них последствиями. Так называемые информационные гавани (убежища) являются сдерживающим элементом по противодействию преступности в цифровом пространстве, что является следствием ингибирования всестороннего развития и трансфера в правовом поле высоких технологий.

В данном ракурсе Российская Федерация находится в ряду государств, недостаточно защищенных от угроз информационно-агрессивного характера. Российская правовая система в целом и законодательство, в частности, слабо адаптированы к противостоянию киберпреступности и вызовам «цифровой эпохи» в силу недостаточного внимания к регламентации и координации охраны общественных отношений в информационно-коммуникационной плоскости. Данные обстоятельства привели к низкой резистентности национального законодательства к новым противоправным проявлениям с использованием информационно-коммуникационных технологий. Ответственность за них предусмотрена: гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» (ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации», ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» и ст. 274 УК РФ «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей»), ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» и ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей» [Гончарова 2017, с. 202]. Анализ законодательной базы квалификации деяний в сфере киберпреступности свидетельствует о том, что под эти деяния подпадает малый диапазон корыстных манипуляций в сфере информационно-коммуникационных отношений. Статистика киберпреступности представлена в таблице.

Динамика киберпреступлений в России в 2010–2016 гг.[1]

Совершенные преступления, предусмотренные УК РФ	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Гл. 28	7 398	2 698	2 820	2 563	1 736	2 377	2 570
в том числе:							
ст. 272	6 309	2 005	1 930	1 799	1 150	1 395	1 443
ст. 273	1 089	693	889	764	583	970	1 124
ст. 274	0	0	1	0	1	13	3
Ст. 159.6	–	–	–	693	993	5442	5380
Ст. 187	–	–	–	–	–	–	234
Всего совершено уголовных преступлений	2 628 799	2 404 807	2 302 168	2 206 249	2 190 158	2 388 476	2 160 063

[1] URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 20.01.2020).

Исследователи отмечают, что прослеживается стойкая тенденция к увеличению количества уголовных производств по ст. 159.6 УК РФ, свидетельствующая о наличии и проявлении серьезных противоречий при расследовании преступных деяний, совершенных с задействованием технологий информационно-коммуникационного формата.

Современное развитие науки и технологий подразумевает и совершенствование подходов к совершению преступных деяний в экономической сфере. В уголовной статистике с начала 2017 г. практикуется дифференциация преступлений экономической направленности. Отдельной строкой выделяются криминальные манипуляции, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий. Так, в период с января по март 2017 г. таковых было выявлено 2 572. Однако данный показатель в полном объеме не дает представления об объективном реальном масштабе исследуемого явления в силу высокого порога латентности, объясняемого, в частности, юридической неграмотностью, пассивностью и инертностью жертв преступлений [Медведкина, Спасенников 2017, с. 36].

Проникновение информационно-коммуникационных технологий в экономику спровоцировало необходимость обеспечения защиты коммерческой, банковской и корпоративной тайны, а также персональных данных, несущих конфиденциальное наполнение. В данном контексте необходимо упомянуть об инсайдерской информации, оборот которой регламентируется определенным правовым режимом. Причем, предоставляя такой информации уголовно-правовую защиту, законодатель либо прямо предусматривает как криминообрующий признак использование для ее распространения или передачи электронных, информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет (ст. 185.3 УК РФ), либо презюмирует такую возможность, прибегая к менее казуистичному способу изложения диспозиции нормы (ст. 185.6 УК РФ). Тем не менее информация, которая размещена на открытых информационных ресурсах, также представляет ценность для криминальных структур. Например, сведения, которые могут быть извлечены из реестра юридических лиц или с сайта службы судебных приставов, могут быть использованы при подготовке и осуществлении рейдерских захватов [Суходолов, Колпакова, Спасенников 2017, с. 260]. Отметим, что применение с коммерческой целью типичных маркетинговых операций в глобальной сети «Интернет», таких как исследование текущего положения социального коммерческого поиска, комбрендинг, стратегический маркетинг и прочее [Hajli, Featherman 2017], – все способствует их частому использованию в мошеннических схемах.

Вызывает определенную трудность квалификация преступлений в цифровой среде, что связано со спецификой цифровых технологий, находящихся в состоянии перманентного модификационного развития, а также узконаправленной универсальностью по сферам применения. Необходимо отметить наличие посреднического звена при оказании информационно-коммуникационных услуг, что ведет к сложностям в дифференциации ответственности и ее распределении по всей цепочке резидентов, вовлеченных в данные правоотношения. Анонимность и неограниченное количество пользователей цифровых технологий спровоцировали появление неперсонифицированного оферента. В обиход прочно вошла практика совершения сделок посредством электронного документооборота и факсимильных подписей (electronic data interchange) или же при помощи протокола TCP/IP, позволяющего унифицировать «язык взаимодействия» в сети [Weigand, Heuvel 2001]. При этом само бизнес-общение может строиться по поводу так называемых неовеществленных, а иногда и виртуальных объектов при использовании электронных как фиатных (фидуциарных) (выраженных в государственной валюте, например, PayPal, Visa Cash), так и нефиатных (представленных негосударственными платежными сервисами WebMoney, «Яндекс.Деньги», RBK Money, Bitcoin, Etherium и др.) денег. Однако, в отличие от расчетов с помощью традиционных банковских платежных карт и систем интернет-банкинга, расчеты электронными деньгами чаще всего являются неперсонифицированными, что выступает самостоятельным криминологически важным фактором [Суходолов, Колпакова, Спасенников 2017, с. 263].

В качестве виктимного провоцирующего формата киберпреступлений необходимо отметить так называемую цифровую беспризорность (безнадзорность). «Цифровая беспризорность» – новая метафора, которая позволяет озвучить полноту угрозы информационной и национальной безопасности через раскрытие механизма протекающих во «Всемирной паутине» процессов. «Цифровая беспризорность» несет в себе опасность десоциализации и деструкции личности, инволюции (редукции), ускоренного взросления и психологического старения в результате хронологического диспропорционального вхождения в информационные ресурсы, предназначенные для иной возрастной аудитории. Общество в результате низкой «цифровой культуры» столкнулось с проявлениями «цифровой зависимости», «киберхондрии», «цифрового слабоумия» и т. п. Лоскутное сознание, формируемое цифровым миром (цифровой реальностью), становится фундаментом мозаичной идентичности, что приводит к пробелам и разрывам осознания личности

в мировой цивилизационной структуре общества, потенциальной способности стать первоисточником конфликтных ситуаций и проблем взаимоотношений индивидуума и общества в эпоху цифровых трансформационных изменений.

П. Г. Вельским в 20-е гг. XX в. были отмечены доминирование у беспризорников примитивных потребностей («гиперэмоций») и преобладание нравственно-этических мотивов [Арпентьева 2017, с. 103]. Одним из проявлений психосоциального неблагополучия считается самовольный уход из семьи или образовательной организации с последующим бродяжничеством. Побег в «цифровую среду» является вариацией отстранения от острой конфликтной психологической ситуации, нередко осложняющейся психогенными явлениями, в специфическую среду бродяжничества, со своими правилами и законами, обычаями, нормами и ценностями. В такой среде человек подвержен психологической и нравственно-этической трансформации. Он склонен менять субъектов идентификации, что влечет за собой смещение в системе нравственных ценностных ориентиров и правовых норм. Возрастает риск утраты отождествления себя с реальным миром в естественных очертаниях и проявлений асоциальных форм поведения с последующей их фиксацией. Индивидуум все больше в состоянии хронической фрустрации стремится к сиюминутным удовольствиям и удовлетворению примитивных (древних) инстинктов, в нем проявляются черты лживости, агрессии, отрицаются любые формы регламентации. Утрачиваются способность к эмпатии и стремление устанавливать продолжительные и прочные отношения. Взамен им приходят поверхностные случайные контакты, что увеличивает виктимологические риски. Параллельно с данными проявлениями развивается чувство пустоты и бесцельного существования. Возрастает риск замещения усиливающегося чувства одиночества и непризнанности алкоголем и психоактивными веществами. По мере нарастания зависимости от виртуальной реальности так же, как и у обычных беспризорников, аугментируются лживость, скрытность, необязательность с одновременным расширением прагматичности и формированием навыков выживания в «цифровой среде», насыщенной проявлениями кибербуллинга [Blankenship 1986, p. 3].

Одной из характерных черт современного этапа развития цифровых технологий является именно информационное воздействие на общественное и индивидуальное сознание, в том числе в наиболее агрессивных формах — вплоть до открытых и скрытых информационный войн.

Информационно-коммуникационная среда в современной действительности является инструментом внедрения идеологий и технологий глобализации в качестве основных векторов последующей эволюции мирового социума [Минигалиева 2001].

Социальная инженерия как один из инструментов влияния на психику в цифровую эпоху является аггрегированным синтезом различных методов воздействия на человека с целью несанкционированного проникновения в защищенную информационную среду. Действительно, в эпоху всевозрастающего развития цифровых технологий информация является дорогостоящим и стратегическим ресурсом, привлекающим к себе внимание со стороны коррумпированной части сообщества.

В подтверждение данному факту в своей книге «Искусство обмана» эксперт в сфере информационной и компьютерной безопасности и бывший хакер Кевин Митник пишет, что намного проще получить доступ, воздействуя на людей, чем пытаться взломать систему [Митник 2004].

Групповая преступность в синергии с информационными технологиями приобретает уникальные, свойственные цифровой среде, свойства и формы. Среди зарубежных ученых преобладает мнение, что у данных групп регрессирует признак сплоченности. Взамен ему в цифровом пространстве формируется эфемерная конфигурация взаимодействия – криминальные мегасети. В качестве действующих резидентов в них вовлекаются посетители форумов, социальных сетей, чатов, завуалированных онлайн-сообществ [Broadhurst, Grabosky, Alazab, Chan 2004]. Однако для того чтобы войти в данную общность, необходимо приобрести доверие ее членов. Кроме того, желательно наличие статусного положения и репутации, рекомендаций. В связи с этим не совсем ясно, является ли функционирование подобного рода виртуальной преступной конфигурации менее устойчивым, чем контакты в криминальном сообществе классического типа [Leukfeidt 2015].

Проблематика «интернет-аддикации», или интернет-зависимости (internet addiction disorder), которую описал А. Голдберг, а затем изучали Т. Ю. Больбот, А. Е. Войскунский, Е. Н. Волкова, А. Е. Жичкина, В. В. Зайонц, Г. Г. Почепцов, Ш. Текл, М. Шоттон, К. Янг [Арпентьева 2017, с. 105], тесно связана с информационной безопасностью в общем контексте сохранения национального суверенитета государства. Проблема «интернетомании», которая является провоцирующим виктимологическим фактором, наряду с другими зависимостями («телемания»; «игромания», включая гемблиг, и т. п.), должна находиться под надзорно-аналитическим контролем соответствующих государственных служб и общественных организаций, поскольку несет угрозу для здоровья

нации, а значит, представляет опасность для национального самосохранения государства. Надзорно-контрольные мероприятия позволят противодействовать значительному и стремительному критическому распространению пагубной цифровой депенденции.

Формирование и развитие цифровой зависимости связаны не только с востребованностью иной идентичной реальности, но и с совокупностью индивидуальных особенностей личности. Среди цифровой аддикции выделяют: навязчивый интернет-серфинг (постоянный поиск информации в Интернете), виртуальное общение и киберсекс (зависимость от порносайтов), страсть к биржевым интернет-торгам и азартным играм онлайн, компьютерные сетевые игры [Арпентьева 2017, с. 105]. Цифровое пространство, которое «несет» в повседневную жизнь массу преимуществ, является «гаванью» латентных угроз, источником снижения резистентности к габитуации (привыканию), к аддикциям различного формата (характера), которые в свою очередь являются элементом триггерного механизма последствий виктимного порядка.

Проблемное поле противодействия цифровой преступности тесно переплетается с вопросами кибертерроризма и кибербуллинга. Кибербуллинг идентифицируют как агрессивный характер действий преднамеренной направленности с целью причинить психологический или иной вред пользователю информационной сети, а также через сеть мобильных операторов. В 80-е гг. XX в. Б. Коллин предложил ввести в научный оборот новую дефиницию понятия «компьютерный или кибернетический терроризм», который в своей основе предполагает использование высоких цифровых технологий в целях террористического назначения. Наиболее подвержены террористическим киберугрозам государства с высокой степенью развития высоких цифровых и компьютерных технологий, а также учреждения, использующие с наибольшей интенсивностью в повседневной обыденности «продукты цифрового формата» современного цивилизационного развития [Стивенсон 2000].

Активизм рассматривается как «правомерное» использование цифрового пространства в целях пропаганды различных идей и установок, а также в финансово-экономической плоскости для собственного обогащения и наживы, для манипуляций с последующим привлечением новых сторонников.

Хакеризм (хактивизм) представляет собой хакерские атаки, проводимые для нанесения функционального ущерба информационным и компьютерным сетям с целью сделать транспарентным доступ к конфиденциальной информации для дальнейший преступных деяний в виде информационных хищений, а также распространения дезинформации в цифровой среде.

Под *кибертерроризмом* понимают манипуляции, цель которых – нанести максимальный ущерб стратегически значимым объектам инфраструктуры цифрового формата.

Поскольку подавляющая часть экономических преступлений совершается в так называемом межстрановом пространстве – во всемирной интернет-сети, то преступные деяния в цифровой экономике представляют собой формат трансграничных процессов. В связи с этим целесообразно развивать наднациональное сотрудничество в сфере противостояния расширению влияния цифровой преступности. В противодействие киберпреступности международный подход предусматривает консолидацию усилий правоохранительных структур различных государств, формирование специальных подразделений, деятельность которых направлена на борьбу с преступлениями в цифровом пространстве. Специфика кибермошенничества предполагает не изолированное государственное противостояние в решении всенарастающей проблемы цифровой преступности, а эффективное ему противодействие при активации международного сотрудничества и совместных усилий различных организаций. Борьбу с киберпреступностью в современной действительности осуществляют следующие структуры:

1. Международное многостороннее партнерство против киберугроз (далее: IMPACT) – является исполнительным органом в области кибербезопасности специализированного учреждения ООН, объединяющим усилия многих государств, неправительственных организаций, а также экспертов в сфере информационной безопасности.

2. Международный альянс обеспечения кибербезопасности, объединяющий правоохранительные органы, включая Европол, международный бизнес и правительства многих государств мира (Австралия, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, США и др.).

3. Международная организация уголовной полиции (Интерпол), которая обеспечивает быстрый и эффективный механизм коммуникационной координации между государствами, самим Интерполом в процессе осуществления международных мероприятий по розыску, идентификации и регистрации преступных элементов и пр.

Деятельность данных организаций направлена на выработку стандартов кибердеяний единого международного формата, которые должны быть подвергнуты криминализации и имеющие в различных государствах существенные специфические различия; формирование единого терминологического аппарата и понятийного инструментария; содействие в оказании консульта-

тивной помощи на национальном уровне [Мороз 2011, с. 147].

В качестве структурного подразделения Европола с 2013 г. в Гааге (Нидерланды) действует Европейский центр по борьбе с киберпреступностью. Усилия центра направлены на создание оперативного и аналитического потенциалов, которые необходимы для быстрого проявления резистентности на преступления в цифровой среде. Кроме того, центр координирует взаимодействие официальных ведомств Европейского союза, европейских государств с международными союзниками по противодействию киберпреступности.

В данном направлении, пусть и с опозданием, действует и Российская Федерация. Центральный банк России в 2015 г. по поручению Совета безопасности Российской Федерации организовал Центр борьбы с киберугрозами финансового характера. Функционал данной структуры направлен на аккумулирование информации о кибератаках на финансово-кредитные организации и их клиентов, в том числе о потенциальных киберугрозах с целью противодействия им. Собранная и проанализированная информация должна доводиться до сведения банков. С 1 октября 2016 г. 90 банков из 716, функционирующих в России, добровольно предоставляют информацию о хищениях денежных средств со счетов клиентов [Гончарова 2017, с. 204].

Современная международная практика противодействия цифровой преступности представлена значительными вариациями сотрудничества. Необходимо упомянуть, что имеющиеся соглашения в данной сфере относимы к формам так называемого мягкого права, которые, в силу объективных причин, не способны влиять на разрешение возникающих юридических коллизий. На данном обстоятельстве неоднократно акцентировали внимание отечественные и зарубежные ученые [Наумов, 2002; Wilske, Schiller 1997].

Следует отметить некоторую разобщенность в деятельности субъектов сферы предупреждения цифровой преступности, что объясняется: спецификой обеспечения национальной безопасности и суверенитета государств; различиями в законодательстве, в том числе в правовом сопровождении деятельности структур в направлении охраны кибербезопасности, организации противодействия цифровому произволу; различным финансово-экономическим и технологическим потенциалом государств и т. п. Определенную «лепту» вносят политические разногласия и геополитическое противостояние России и государств «англосаксонского мира». Разрозненность в данном аспекте является весомым фактором в противодействии распространению киберугроз национальной безопасности государств.

Принятие Конвенции Совета Европы о киберпреступности от 30 мая 2002 г., регламентирующей различные аспекты материального и процессуального характера, стало шагом в достижении унификации правовой определенности в процессе противодействия цифровой преступности, использующей в корыстных целях технологии цифрового и телекоммуникационного назначения. Россия в 2005 г. ратифицировала данный документ, однако в дальнейшем все же отказалась от участия в нем в силу наличия в нем положений (прежде всего ст. 32), представляющих угрозу для сохранности национальной безопасности[1]. Мы солидарны с мнением аналитиков, которые считают более приемлемым и перспективным для Российской Федерации сотрудничество в рамках IMPACT в силу специфики данной структуры, предусматривающей техническую поддержку Глобального центра реагирования, ориентированного на сетевую систему раннего предупреждения угроз и располагающего ресурсом электронной защищенной прикладной платформы взаимодействия экспертов, с общей и постоянно обновляемой базой знаний по вопросам обеспечения кибербезопасности[2].

Международный подход подразумевает задействование и правового механизма, подразумевающего совершенствование и верификацию юридических механизмов национального и международного уровней по противодействию деяниям в сфере цифровых коммуникаций. В связи с этим необходим комплекс мер межгосударственного характера по организации и осуществлению мероприятий, направленных на нивелирование киберпосягательств и их последствий:

1. Унифицированное согласование национальных законодательств о преступлениях в цифровой сфере.

2. Формирование на межгосударственном уровне с последующей имплементацией на внутригосударственный формат процессуального инструментария, который позволил бы консолидированно и эффективно проводить следственные действия по факту совершенных преступных деяний в цифровом пространстве.

3. Развитие практики оперативного реагирования на международном уровне в ответ на дей-

[1] О подписании Конвенции о киберпреступности : распоряжение Президента Рос. Федерации от 15 нояб. 2005 г. № 557-рп // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 47, ст. 4929; О признании утратившим силу Распоряжения Президента РФ от 15.11.2005 г. «О подписании Конвенции о киберпреступности» : распоряжение Президента Рос. Федерации от 22 марта 2008 г. № 144-рп // Там же. 2008. № 13, ст. 1295.

[2] ИМПАКТ воздействует на глобальную кибербезопасность. URL: https://www.itu.int/net/itunews/issues/2009/08/pdf/200908_22-ru.pdf (дата обращения: 03.08.2018).

ствия преступной направленности в информационных сетях.

4. Выверенный механизм рассмотрения и решения вопросов, относимых к различным юрисдикциям, что необходимо для осуществления действий относительно совершенных киберпреступлений.

Тем самым мероприятия в данном сегменте юриспруденции в международном формате являются определяющим фактором минимизации правовых пробелов, которые образовались в результате асинхронности в развитии цифровых технологий и резистентного на них реагирования законодательных актов.

Национальный уровень также предполагает совершенствование правовых норм противодействия преступности цифрового формата. Указ Президента Российской Федерации от 12 декабря 2014 г. № К 1274 «О Концепции государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации»[1] определяет назначение государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак. Указанная система представляет собой единый централизованный, территориально распределительный комплекс, включающий силы и средства обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры России (подразделения ФСБ России). Кроме того, Концепция предполагает создание системы специальных центров по обеспечению кибербезопасности, включающей главный и региональные центры, а также центры органов государственной власти России и субъектов Российской Федерации. Таким образом, на государственном уровне создается система защиты органов государственной власти и финансовых учреждений от киберугроз.

Технический подход предполагает предотвращение киберпреступлений за счет осуществления мероприятий технического характера, обеспечивающих безопасность в информационной сфере, а также формирование материально-технической базы подразделений по борьбе с киберпреступностью, исходя их принципа «самая современная» [Романенко 2015, с. 188].

Профилактика цифровой преступности должна включать комплекс мер виктимологического характера в различных возрастных группах и слоях населения. Необходимо осуществлять развитие узкопрофильных специализаций юридических и экономических вузов, в особенности образовательных организаций силовых министерств и ведомств. Целесообразно направить усилия: на выявление виктимологических закономерностей осуществления киберпреступлений с целью выявления, во-первых, объективных тенденций и особенностей реализации противоправных деяний, направленных в том числе и на незащищенные слои населения, во-вторых, факторов, провоцирующих на осуществление незаконных действий с использованием цифровых технологий; дифференциацию определенных типов личности преступных элементов, а также на разработку и усовершенствование дополнительных механизмов обеспечения цифровой безопасности.

Общность проблем противостояния цифровой преступности в России и за рубежом позволяет предположить необходимость мероприятий по анализу, обобщению и аккумулированию позитивного опыта государств высокотехнологичного развития (Великобритания, Германия Дания, Норвегия, Швейцария и др.), которые преуспели не только в развитии инновационной экономики, но и имеют значительные достижения в предотвращении использования высоких технологий для противозаконного корыстного использования.

Список цитируемых источников

Арпентьева 2017 – *Арпентьева М. Р.* Проблемы безопасности в Интернете: цифровая беспризорность как причина цифровой зависимости и цифровой преступности // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 3(78). С. 99–110.

Бражников, Шиян 2016 – *Бражников Д. А., Шиян В. И.* Основные криминальные угрозы государственной и общественной безопасности // Расследование преступлений: проблемы и пути решения. 2016. № 4. С. 41–46.

Глазьев 2005 – *Глазьев С. В.* Выбор будущего. М. : Алгоритм, 2005. 350 с.

Гончарова 2017 – *Гончарова М. В.* Проблемы предупреждения киберпреступности // Уголовная ответственность и наказание / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань : АПУ ФСИН России, 2017. С. 200–206.

Комаров 2011 – *Комаров А. А.* Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети «Интернет» : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 262 с.

[1] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Лапшин 2004 – *Лапшин В. Ф.* Преступления в сфере распределения финансовых ресурсов: вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2004. 24 с.

Медведкина, Спасенников 2017 – *Медведкина Л. В., Спасенников Б. А.* Криминологические проблемы в сфере экономики // Актуальные вопросы образования и науки. 2017. № 4(62). С. 35–40.

Минигалиева 2001 – *Минигалиева М. Р.* Гендерные проблемы взрослости // Психология зрелости и старения. 2001. № 2. С. 42–61.

Митник 2004 – *Митник К.* Искусство обмана. М. : АйТи, 2004. 359 с.

Мороз 2011 – *Мороз Н. О.* Деятельность Интерпола по координации сотрудничества в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. «Экономические и юридические науки». 2011. № 14. С. 143–148.

Наумов 2002 – *Наумов В. Б.* Право и Интернет: очерки теории и практики. М. : Кн. дом «Университет», 2002. 432 с.

Осипенко 2009 – *Осипенко А. Л.* Сетевая компьютерная преступность. Теория и практика борьбы. Омск : Омская акад. МВД России, 2009. 480 с.

Романенко 2015 – *Романенко А. С.* Некоторые аспекты борьбы с киберпреступностью // Актуальные проблемы права, экономики и управления. 2015. Вып. XI. С. 187–188.

Стивенсон 2000 – *Стивенсон С. А.* Уличные дети и теневые городские сообщества // Социологический журнал. 2000. № 3-4. С. 87–97.

Суходолов, Колпакова, Спасенников 2017 – *Суходолов А. П., Колпакова Л. А., Спасенников Б. А.* Проблемы противодействия преступности в сфере цифровой экономики // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 2. С. 258–267.

Blankenship 1986 – *Blankenship L.* (The Mentor). The conscience of a hacker // Phrack. 1986. No. 1(7). P. 3.

Broadhurst, Grabosky, Alazab, Chan 2004 – *Broadhurst R., Grabosky P., Alazab M., Chan S.* Organizations and cyber crime: an analysis of the nature of engaged in cyber crime // International Journal of Cyber Criminology. 2004. Vol. 8, iss. 1. P. 1–20.

Hajli, Featherman 2017 – *Hajli N., Featherman M. S.* Social commerce and new development in e-commerce technologies // International Journal of Information Management. 2017. No. 37. P. 177–178.

Leukfeidt 2015 – *Leukfeidt E. R.* Organised cybercrime and social opportunity structures: a proposal for future research directions // The European Review of Organized Crime. 2015. No. 2. P. 91–103.

Weigand, Heuvel 2001 – *Weigand H., Heuvel W.-J. van den.* Trust in Electronic Commerce // Trust and Deception in Virtual Societies / ed. by C. Castelfranchi and Ya.-H. Tan. Dordrecht : Springer Science + Business Media, 2001. P. 237–257.

Wilske, Schiller 1997 – *Wilske S., Schiller T.* International jurisdiction in cyberspace: which states may regulate the Internet? // Federal Communications Law Journal. 1997. Vol. 50, iss. 1. P. 117–178.

References

Arpent'eva, M. R. (2017), "Security issues in the Internet: digital homelessness as a cause of digital addiction and digital crime", *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta,* no. 3(78), pp. 99–110.

Blankenship, L. (The Mentor) (1986), "The Conscience of a hacker", *Phrack,* no. 1(7), p. 3.

Brazhnikov, D. A. and Shiyan, V. I. (2016), "The Main criminal threats to state and public security", *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti resheniya,* no. 4, pp. 41–46.

Broadhurst, R., Grabosky, P., Alazab, M. and Chan, S. (2004), "Organizations and cybercrime: an analysis of the nature of engaged in cybercrime", *International Journal of Cyber Criminology,* vol. 8, issue 1, pp. 1–20.

Glaz'ev, S. V. (2005), *Vybor budushchego* [Future choice], Algoritm, Moscow, Russia.

Goncharova, M. V. (2017), "Prevention of cybercrime", in Lapshin, V. F. (ed.), *Problemy preduprezhdeniya kiberprestupnosti* [Criminal liability and punishment], APU FSIN Rossii, Ryazan, Russia, pp. 200–206.

Hajli, N. and Featherman, M. S. (2017), "Social commerce and new development in e-commerce technologies", *International Journal of Information Management,* no. 37, pp. 177–178.

Komarov, A. A. (2011), Criminological aspects of fraud in the global Internet, Ph.D. Thesis, criminal law and criminology, penal law, Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia.

Lapshin, V. F. (2004), Crimes in the sphere of distribution of financial resources: issues of differentiation of liability and legislative techniques, Ph.D. dissertation, criminal law and criminology, penal law, Ul'yanov-Lenin Kazan State University, Kazan, Russia.

Leukfeidt, E. R. (2015), "Organised cybercrime and social opportunity structures: a proposal for future research directions", *The European Review of Organised Crime,* no. 2, pp. 91–103.

Medvedkina, L. V. and Spasennikov, B. A. (2017), "Criminological issues in the sphere of economy", *Aktual'nye problemy obrazovaniya i nauki,* no. 4(62), pp. 35–40.

Minigalieva, M. R. (2001), "Gender problems of adulthood", *Psikhologiya zrelosti i stareniya,* no. 2, pp. 42–61.

Mitnik, K. (2004), *Iskusstvo obmana* [The Art of deception], AiTi, Moscow, Russia.

Moroz, N. O. (2011), "Activities of Interpol to coordinate cooperation in the fight against crime in the field of high technology", *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta,* no. 14, pp. 143–148.

Naumov, V. B. (2002), *Pravo i Internet: ocherki teorii i praktiki* [Law and the Internet: essays on theory and practice], Universitet, Moscow, Russia.

Osipenko, L. (2009), *Setevaya komp'yuternaya prestupnost'. Teoriya i praktika bor'by* [Network computer crime. Theory and practice of struggle], Omskaya Akademiya MVD Rossii, Omsk, Russia.

Romanenko, A. S. (2015), "Some aspects of the fight against cybercrime", *Aktual'nye problemy prava, ekonomiki i upravleniya,* vol. XI, pp. 187–188.

Stevenson, A. C. (2000), "Street children and the informal urban communities", *Sociologicheskii Zhurnal,* no. 3-4, pp. 87–97.

Sukhodolov, A. P., Kolpakova, L. A. and Spasennikov, B. A. (2017), "Problems of combating crime in the sphere of digital economy", *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal,* vol. 11, no. 2, pp. 258–267.

Weigan, H. and Heuvel, W.-J. van den (2001), "Trust in Electronic Commerce", in Castelfranchi, C. and Tan, Ya.-H. (eds.), *Trust and Deception in Virtual Societies,* Springer Science + Business Media, Dordrecht, Netherlands, pp. 237–257.

Wilske, S. and Schiller, T. (1997), "International jurisdiction in cyberspace: which states may regulate the Internet?", *Federal Communications Law Journal,* vol. 50, issue 1, pp. 117–178.

Информация об авторах

Чекушов Андрей Александрович,
кандидат философских наук, доцент, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; AACHerkushov@fa.ru

Гордеевцев Евгений Иванович,
кандидат политических наук, доцент, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; EIGordeevtsev@fa.ru

Чирков Максим Андреевич,
кандидат экономических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; mospil@mail.ru

Чистяков Максим Сергеевич,
Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; MSChistyakov@fa.ru

Information about the authors

Chekushov Andrei A.,
PhD (philosophy), associate professor, Vladimir branch, Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation; AACHerkushov@fa.ru

Gordeevtsev Evgenii I.,
PhD (politica), associate professor, Vladimir branch, Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation; EIGordeevtsev@fa.ru

Chirkov Maksim A.,
PhD (economy), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; mospil@mail.ru

Chistyakov Maksim S.,
Vladimir branch, Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation; MSChistyakov@fa.ru

Для цитирования

Преступность в цифровой среде как фактор, ограничивающий развитие информационных технологий / А. А. Чекушов [и др.] // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 125–133.

For citation

Chekushov, A. A., Gordeevtsev, E. I., Chirkov, M. A. and Chistyakov, M. S. (2020), "Crime in the digital environment as a factor limiting the development of information technologies", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 125–133.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

УДК 342(09)

О. С. Амосова[1]
[1] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

O. S. Amosova[1]
[1] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Правовой статус инородцев в Российской империи в XIX – начале XX вв.: опыт историко-юридического анализа

Legal status of foreigners in the Russian Empire in the XIX – early XX centuries: experience of historical and legal analysis

Ключевые слова: межнациональная политика; генезис; инородцы; иноверцы; этнос; правовой статус; народности.

Аннотация. Статья посвящена проблемам межнациональной политики России в отношении инородцев. В центре внимания автора онтогенез и генеалогия инородцев Российской империи, а также вопросы их правового статуса.

Key words: interethnic policy; genesis; foreigners; gentiles; ethnos; legal status; nationalities.

Abstract. This article raises the issues of interethnic policy of Russia towards foreigners. In the focus of attention of the author there is the ontogenesis and genealogy of foreigners of the Russian Empire, as well as the issues of their legal status.

Российская Федерация – одно из крупнейших в мире многонациональных государств, на территории которого проживает более 200 народов, каждый из которых обладает неповторимой материальной и духовной культурой.

Согласно толковому словарю В. И. Даля народ – это «люд, народившийся на известном пространстве, люди вообще: язык, племя… жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управлением»[1]. Имеется в виду, что данному «люду» можно дать количественную и качественную характеристики, представив его как народ, разделенный по вере, языку и образу жизни.

Самым многочисленным народом в Российской империи являлись россияне, или русские, исповедующие православие. Среди населения были и представители неправославного вероисповедания, получившие в Российской империи название «иноверцы» (люди иной веры), или «инородцы» (люди иного рода). Они составляли примерно 1/3 народонаселения страны и вели свой особый образ жизни.

В дореволюционной литературе, посвященной населению Российской империи, нет однозначного и единого определения такой категории, как «инородцы». Так, Н. Ф. Рождественский к инородцам относил тех лиц, права которых «по их состоянию определялись особыми положениями» [Рождественский 1851, с. 277]. А. Д. Градовский определял инородцев как «племена, поставленные по их правам состояния и управлению ими в особое положение», как «лиц нерусского происхождения, подвластных России» [Градовский 2006, с. 408]. Б. Н. Чичерин к инородцам относил «полных подданных, имевших только особенные права и обязанности вследствие происхождения и образа жизни» [Чичерин 2006, с. 211]. Н. М. Коркунов к инородцам относил «племена, не подчинявшиеся общему законодательству или пользовавшиеся особым управлением» [Коркунов 1909, с. 355]. Таким образом, на основании вышеприведенных точек зрения ученых XIX в. можно сделать вывод, что отсутствие единого мнения по этому поводу затрудняло определение правового статуса инородцев. Решить данную проблему поможет анализ законодательных актов, содержащих сведения об инородцах.

Инородцы, являясь российским «людом», отличались друг от друга внешним видом, верой и языком. Согласно этнографической карте Российской империи инородцы группами или сплошной массой занимали обширные области Кавказа, Средней Азии, Финляндии, Сибири, Дальнего Востока и др. Российский историк, этнограф А. Е. Алекторов разделял все племена, проживающие в Российской империи, на две человеческие расы: кавказскую и монгольскую. Монгольская, в свою очередь, была у него представлена четырьмя больши-

[1] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М. : Цитадель, 1998. Т. 2. 2030 с.

© Амосова О. С., 2020

ми группами: турецко-татарской, финской, монгольско-маньчжурской и полярной. Народы кавказской расы делились на славянские и неславянские племена. И те, и другие – либо первобытные жители русской территории, либо переселенцы [Алекторов 1906].

В своих трудах российский государствовед Н. М. Коркунов делил инородцев на евреев и восточных инородцев [Коркунов 1909, с. 302]. По его мнению, главенствующую роль в принадлежности к еврейскому сообществу играла религия, оставляя этнические признаки на втором месте. Законодательство Российской империи определяло, что принявший христианство еврей, записывался христианином, теряя статус и еврея, и инородца. В основе положения восточных инородцев лежало племенное происхождение, поэтому при смене веры (принятие христианства) они оставались инородцами. Профессор Н. Ф. Рождественский относил к инородцам пять разрядов населения империи: сибирские инородцы, ясачные, кочевавшие инородцы Кавказа, калмыки и евреи [Рождественский 1851, с. 277]. Профессор права А. Д. Градовский делил инородцев на две группы: к первой относил монгольские, тюркские и финские племена востока и севера России, а ко второй – евреев.

В обыденной же жизни инородцами называли всех подданных Российской империи, имеющих неславянское происхождение, однако по закону к инородцам были отнесены только этнические группы (в основном азиатского происхождения).

Несмотря на то, что на протяжение всей своей истории Россия присоединяла к себе новые территории вместе с народами, на них проживавшими, население страны официально не разделялось правительством на коренное и некоренное, а правовой статус этих категорий населения устанавливался указами и распоряжениями государя Российской империи. Перед русским правительством стояла очень непростая задача – создать крепкую империю из совершенно разных между собой в быту и по мировоззрению людей.

Как писал в своей работе известный русский историк и этнограф А. Е. Алекторов, «наша политика по отношению к завоеванным народам была не только всегда политикой братства и равноправия, но и политикой самопожертвования. Это мы осознаем и этим имеем полное право гордиться перед многими другими народами» [Алекторов 1906, с. 70]. Благодаря объединяющей роли преобладающего русского народа на территории России сохранялись уникальное многообразие и союз различных народов.

В Соборном уложении 1649 г.[1], изданном при царе Алексее Михайловиче, специальная комиссия во главе с князем Н. И. Одоевским впервые попыталась систематизировать законодательство об инородцах, где «не русские люди», не славяне и не православные стали именоваться «иноверцами», «татарами», «ясачными людьми» и т. д. Позднее выходили разного рода уставы и регламенты в отношении инородцев, предназначавшиеся чиновникам исключительно для служебного пользования. Население же России в XVIII в. в силу своей малограмотности имело низкую правовую культуру и не было знакомо с такого рода законами. Для того чтобы упрочить внутреннюю и духовную связь между русским населением и инородцами, необходимо было создать упорядоченное законодательство об инородцах, что и было впервые сделано в «Высочайше Утвержденном Уставе об управлении инородцев», разработанном М. М. Сперанским и принятом 22 июля 1822 г. (далее: Устав 1822 г.)[2]. Этим документом объединялись ранее изданные законы об инородцах, давалась их четкая характеристика. Согласно первому параграфу Устава 1822 г. инородцами юридически признавались сибирские народы, а не все неславянские люди. Их подразделили на оседлых, живших селениями и обрабатывавших землю, кочевых, упорядоченно переселявшихся с места на место, и бродячих, которые, в отличие от последних, странствовали, не придерживаясь конкретных мест обитания. В основу данного деления были положены образование и образ жизни. Под образом жизни законодатель понимал прежде всего род занятий и места обитания, а под образованием – уровень общественного развития, что, однако, не являлось четким понятием.

Первым Устав 1822 г. закреплял правовой статус оседлых инородцев (торговых и оседлых иноверцев) и почти во всех правах и обязанностях приравнивал их к государственным крестьянам. Согласно закону такая категория инородцев теряла юридические различия с россиянами при принятии первыми православия. Кочевые инородцы наделялись Уставом 1822 г. особым правовым статусом: им даровалось «степное управление». Они сохраняли свои исконные права, им выделялись земли для кочевья, они могли самостоятельно определять род занятия: промысел или земледелие. Права таких инородцев сохранялись и при принятии ими оседлого образа жизни. Кочевые инородцы освобождались от рекрутской повинности, но несли все бремя податей и повинностей по общим законам, для чего среди них проводилась подушная перепись. Они имели полную свободу вероисповеда-

[1] Соборное уложение 1649 г. : текст, комментарии. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 448 с.

[2] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1-е. Спб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества, 1830. Т. 38, № 29126. С. 394–417.

ния, могли придерживаться традиционных верований, принимать православие и, в дополнение к прежним правам, получать новые права как христиане. Государство должно было разъяснять инородцам их правовой статус и устранять любые неправомерные действия, направленные против них.

Согласно Уставу 1822 г. к бродячим инородцам применялись такие же правила, как и для кочевых, однако были и свои особенности. Например, им выделялись незаселенные бесхозные пространства, где они могли свободно передвигаться, и освобождались от разного рода земских денежных повинностей.

В части первой Устава 1822 г. «Права инородцев» упоминаются инородцы, не зависящие от правительства. Несомненно, законодатель имел в виду кочующие племена на пограничных территориях (бассейн Амура, пустыни Средней Азии), которые обращались к России за помощью, если возникала такая необходимость. Данной категории инородцев разрешалась беспошлинная торговля и давалось право выбирать место поселения на территории России с разрешения местного губернского начальства.

Часть вторая Устава 1822 г. «Состав управления инородцами» была посвящена составу управления инородцами, а также общинам, создаваемым инородцами. Статьи Устава 1822 г. последовательно закрепляли порядок отношений между местной инородческой властью и государством.

Часть третья Устава 1822 г. «Наказ управлениями инородцами» содержала императивные предписания губернским и земским властям в отношении инородцев, где последовательно разъяснялись их полномочия и особый правовой статус.

Часть четвертая Устава 1822 г. «О порядке сборов податей и повинностей с инородцев» посвящалась порядку налогообложения. Для инородцев устанавливались следующие виды сборов: казенные подати, земские повинности и повинности внутренние на содержание степного управления.

Итак, проанализировав текст Устава 1822 г., можно сделать вывод, что задачей его составителей было четко классифицировать инородцев и юридически обеспечить им возможности для сохранения своей самобытной культуры.

Таким образом, можно заключить, что права инородцев по состоянию на 1822 г. были достаточно широкими, доходя во внутренних вопросах до полной автономии. Устав 1822 г. позволял инородцам сохранять их самобытные обычаи, традиции и образ жизни в целом. Правительство принимало по инородцам множество узаконений, которые носили преимущественно частный характер, но главенствующую роль в определении их правового статуса играл общеимперский Устав 1822 г.

Значимым законодательным актом, принятым после Устава 1822 г., стал Устав о сибирских киргизах[1], принятый 22 июля 1822 г. императором Александром I и вводивший для киргиз-кайсаков (казахов) систему управления, самоуправления и суда по общероссийскому образцу, а также Рекрутский устав 1831 г.[2], Положение об инородцах 1892 г. (далее: Положение 1892 г.)[3] и «Законы о состояниях» в редакциях 1832, 1876 и 1899 гг.[4] «Рекрутский устав» 1831 г. подтвердил отсутствие у инородцев общей рекрутской повинности, которая все же устанавливалась для последующих поколений инородцев, принявших православие.

Эволюцию разделения инородцев на разряды можно проследить при сравнении Устава 1822 г. и Положения 1892 г. Положение 1892 г., в отличие от Устава 1822 г., значительно расширило критерии разделения населения на инородцев и четко обозначило признаки каждого разряда. «Законы о состояниях» также внесли изменения в правовой статус инородцев. Так, «Законы о состояниях» в редакции 1832 г. впервые законодательно закрепили перечень народов, причислявшихся к инородцам. Последующие редакции дополнили новые категории инородцев и исключили из данного списка часть старых.

Российское правительство продолжало последовательно проводить позитивную политику в отношении инородцев. Стараясь сохранить здоровье и навести порядок среди инородцев, были приняты правовые акты в отношении торговли, где запрещалось распространение среди инородцев алкоголя. Законодательно устанавливался особый порядок взимания налогов для разных областей и категорий лиц. Инородцы наделялись правом занимать выборные должности, им предоставлялись и большие льготы в социальной области. Правительство дарило им земельные участки, подробно регламентировало вопросы военной службы и образования.

Цель, которую преследовало правительство, наделяя инородцев определенными правами, – это вовлечь их в жизнь общества, продемонстрировать уважительное к ним отношение и желание России наладить культурные и религиозные связи между разными национальностями. В то же время законодатель пытался дать инородцам больше

---

[1] ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Спб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества, 1830. Т. 38, № 29127. С. 417–433.

[2] Там же. Собр. 2-е. Спб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества, 1832. Т. 6, отд. I, № 4677. С. 301–657.

[3] Свод законов Российской империи. Спб. : Общ. польза, 1897. Т. 2, ч. 1. С. 303–338.

[4] Свод законов Российской империи. Том девятый: Законы о состояниях. М. : Кн. по требованию, 2012. 572 с.

возможностей для самовыражения, но не в ущерб русскому населению, и создать разумный правовой режим сосуществования инородцев с русским большинством.

Таким образом, главная особенность правового статуса инородцев в Российской империи заключалась в их образе жизни и особой культуре, что нашло свое отражение в Уставе 1822 г. и других узаконениях Российской империи. Анализ данных законодательных актов показывает, что законодатель стремился к консолидации инородцев с русским населением и органами власти. С одной стороны, к ассимиляции инородцев россиянами правительство относилось благосклонно, а с другой – принимало необходимые меры по сохранению самобытности данных народов.

Говоря об инородцах в Российской империи, невозможно обойти стороной вопрос об их отношении к русскому правительству и русскому народу. Проводя даже поверхностный анализ законодательства Российской империи в отношении инородцев, можно отметить, что русское правительство придерживалось достаточно либеральной политики по отношению ко всем народам, входящим в состав государства. Казалось бы, инородцы должны были быть благодарны русскому правительству за те права и привилегии, которые им были предоставлены. Но как на самом деле развивались эти отношения? Существуют разные точки зрения по данному вопросу. С одной стороны, об этом можно судить, изучив работы таких дореволюционных государствоведов, представляющих официальную государственную идеологию, как А. Е. Алекторов и В. В. Добромыслов [Алекторов 1906, Добромыслов 2011]. Они много писали на эту тему, занимаясь непосредственно вопросами образования и культуры инородцев, взаимоотношений разных народов, входящих в состав России, с русским правительством и непосредственно с самим русским народом. Коротко остановимся на том, как эти взаимоотношения оценивались вышеуказанными и другими авторами.

Итак, *финны*. Финляндия отошла России после войны со Швецией (Фридрихсгамский мирный договор 1809 г.) и бывший в то время император Александр I пообещал финскому сейму сохранить Конституцию Финляндии и их законы, что и было сделано. На такую благожелательность со стороны России финны ответили пропагандой о «свержении русского ига», которая велась десятки лет; постоянными забастовками с лозунгами «Долой Россию! Долой русскую тиранию!» и убийствами русских губернаторов. Высочайший манифест 22 октября 1905 г. «О преобразовании основных законов Финляндии» отменил все, что было направлено на сближение России с Финляндией, в результате чего все управление Финляндией было передано финнам.

Поляки. Все, что происходило в Финляндии, происходило и в Польше, только в более концентрированном виде. А. Е. Алекторов, описывая события, происходящие в Польше, писал: «Русские люди находятся буквально в осаде, а правительство расстреливается» [Алекторов 1906]. В. В. Добромыслов в свою очередь отмечал: «…чем хуже у нас, тем для них лучше… Мечта поляков – воссоздание Польши в первоначальных ее границах, а это русские земли половины Европейской России, Киев, Одесса, Смоленск. А пока поляки выживают русских из Польши: убивают, производят возмутительные насилия, избивают русских учителей и детей в школах, сжигают русские флаги, уничтожают русские вывески…» [Добромыслов 2011, с. 5].

Немцы. От германских границ и в глубь новой России, по мнению А. Е. Алекторова, происходят немецкие захваты русских земель, «скупают немцы русские земли и ждут войны России и Германии». Путь для немцев в Россию открыт: по дороге немецких колонистов, которые снабдят немецкую армию всем необходимым, а «армяне, греки и крымские татары не очень яро будут отстаивать русскую власть» [Алекторов 1906, с. 36].

Евреи. Это «самое больное место нашего отечества», – полагал А. Е. Алекторов [Алекторов 1906, с. 37]. Евреи проживают во всех государствах Европы, за исключением Норвегии, и ждут наступления царства, когда им будут подчинены все народы. Евреи «ожидают истребления христиан и господства над всем миром» [Алекторов 1906, с. 38]. Он считал, что любая, даже самая развитая страна, предоставляя в ней евреям полные права, теряет свою индивидуальность, так как евреи забирают в свои руки все: власть, богатство, подчиняют себе волю народа. Это уже случилось с Францией, Германией, Австрией, Венгрией и Польшей. Евреи пришли в Россию вместе с Польшей. Российский историк и этнограф Н. Я. Марр так оценил отношения евреев и России: «Только Россия, хотя и осаждается со всех сторон евреями, стоит, однако же, незыблемо. Но рано или поздно она будет взята. Евреи ворвутся туда окончательно, и тогда сорвут с петель христианскую цивилизацию» [Марр 1933, с. 69].

Белоруссия. На территории Белой Руси, как ее называли, проживало чисто русское православное население с русским языком, немного видоизмененным польскими словами. Соединение Белоруссии с Великим княжеством Литовским явилось благодатным времен для Белоруссии. Однако после объединения Литвы с Польшей в Белоруссию пришли евреи, что, как считал А. Е. Алекторов, и

«погубило» это государство. «Страшный был это подарок! Как капустный червь… съел еврей все благосостояние края» [Алекторов 1906, с. 45]. После возвращения Белоруссии России при Екатерине II, по мнению историка, в Белоруссии можно было наблюдать страшную картину в виде засилья евреев во всех областях жизни. Кроме того, по мнению этого ученого, тотальное распространение евреев с юга на восток, господство их в Одессе, Киеве, Кавказе, на Волге, в Сибири и Бухаре заставило правительство Финляндии пойти на некоторые ограничения еврейских прав, касающихся, например, места жительства, заключения брака с коренным население, получения паспорта. В России же таких законов было немного и ограничения прав евреев можно назвать ничтожными. Заключались они прежде всего в еврейской оседлости (селиться евреям было разрешено в 15 губерниях). Несмотря на столь толерантное отношение русского правительства к еврейскому народу, евреи были крайне недовольны своим положением в России, поскольку стремились исключительно к господствующему положению.

Армяне. Говоря об этом народе, А. Е. Алекторов по характеру и деятельности приравнивает его к евреям. Мечтой армян он называет экономическое порабощение всего Кавказа и Закавказья. По мнению историка, Россия принесла в Закавказье и Кавказ только благо. По сравнению с русскими крестьянами, кавказские подданные платили незначительные налоги и несли менее обременительные повинности, обладали более широкими правами по самоуправлению. Включив в состав своих земель земли с некультурным народом, Россия пыталась развить в народе Кавказа лучшие человеческие способности, дав ему достойное образование. «Если бы в такой же степени озаботились мы о самих себе, Россия была бы давно уже одним из самых образованных государств» [Алекторов 1906, с. 64].

Таким образом, рассмотрев взаимоотношения Российской империи с покоренными народами, включенными в ее состав, оценка которых содержится в вышеприведенных исследованиях, можно было бы сделать вывод, что, несмотря на политику «самопожертвования» со стороны России, в ответ от таких подданных она получала лишь «насмешку, презрение, ненависть ко всему русскому». Однако делать такой вывод, опираясь только на мнение историков, активно пропагандирующих официальную политику русского царя, было бы не правильным. Безусловно, изучать данные труды познавательно и интересно. Доля правды в них есть. Ограничивая правовой статус инородцев, по сравнению с русским народом, царское правительство невольно вызывало их недовольство. Но, как говорил Оноре де Бальзак, «есть две истории: официальная, лживая история, которую преподают в школе, и история тайная, раскрывающая истинные причины событий…»[1]. Видимо, в такой тайной истории Российской империи следует искать истинные причины современных взаимоотношений России с разными государствами.

Вопрос взаимоотношений русского правительства и инородцев можно рассмотреть и с другой стороны, используя официальную статистику государства. Определяющую роль в развитии российской государственности играли русские, которые расселялись по всей стране и, имея миролюбивый характер, могли мирно сосуществовать с местными народами. Согласно статистическим данным вымирания инородцев в России отмечено не было, и население ее национальных регионов неуклонно увеличивалось. Так, в 1622 г. в Сибири проживало 173 тыс. чел., в 1858 г. – 648 тыс., по переписи населения в 1897 г. – 871 тыс. и в 1911 г. – 973 тыс. чел. [Зиновьев 2009, с. 208].

Все народы России имели статус подданных царя, поэтому имперское законодательство было для всех одинаковым. Различие народов заключалось только в отношении к религии: 76 % (87,1 млн) были православными, остальные относились к мусульманам (13, 9 млн, или 11,9 %), иудеям (3,6 млн, или 3,1 %), католикам (1,5 млн, или 1,2 %), протестантам (2,4 млн, или 2 %) и лишь небольшая часть исповедовала буддизм, шаманизм, конфуцианство, старообрядчество и др. [Тетуев 2016, с. 22–46]. Всего инородцев насчитывалось 6 %, и их правовой статус до конца существования империи определялся Уставом 1822 г.

К началу XX в. образование единой Российской империи в основном было завершено. Миграция населения в России привела к смешению этносов и многочисленным этническим бракам. Экономическое и культурное развитие национальных окраин и рост национальной самобытности требовали от правительства принятия более гибкой национальной политики и расширения прав национальностей, особенно в области культуры. Польские, финские и западноукраинские сепаратисты выступали за отделение от России.

Манифест 17 октября 1905 г. провозгласил свободу вероисповедания. Православная церковь являлась главенствующей и официально поддерживалась правительством, но существовала веротерпимость по отношению к другим религиям. Государство не признавало некоторые секты, а для лиц еврейской веры существовали специальные законы. Россия не ограничивала мусульман, позволяя им сохранить свои традиционные формы правле-

[1] *Бальзак О. де* Утраченные иллюзии. М. : Азбука, 2014. С. 233.

ния. В повседневной жизни мусульмане руководствовались шариатом. Российское правительство не тронуло вакфов и освободило мусульман от военной службы. Религиозных столкновений между мусульманами и православными не было.

В начале XX в. обострился еврейский вопрос из-за принятых правительством узаконений, касающихся расселения евреев (государство устанавливало перечень губерний для их расселения) и их обучения в высших и средних учебных заведениях (были установлены процентные нормы для поступающих на учебу евреев). Эти ограничения носили религиозный характер, поскольку распространялись только на лиц иудейского вероисповедания.

К этому времени количество богатых евреев возросло и стало изменяться их положение как в черте оседлости, так и за ее пределами. Евреи с высшим образованием, приписанные к купцам I гильдии, имеющие медицинское образование, мастера и ремесленники получили право жить вне черты оседлости. Многие получали дворянство (за заслуги в развитии промышленности, торговли, благотворительности и т. д.). Богатый еврей мог купить себе за деньги принадлежность к I гильдии или приписаться к кому-нибудь из крупных торговцев. Так как евреи, получившие высшее образование, имели право переехать в столицу, их стремление поступить в университеты было понятно и оправдано. Русская интеллигенция поддерживала их в этом вопросе и была недовольна процентными ограничениями на поступление в высшие учебные заведения, наложенными на евреев в XIX в. В большинстве случаев эти стандарты не соблюдались, и все больше евреев обучалось в университетах.

Постепенно евреи стали замещать большинство лиц свободных профессий, занимать ведущие позиции в банковском и биржевом деле, торговле, промышленности и прессе. Укрепившееся в обществе и государстве положение евреев позволило им открыто выражать недовольство всеми ограничениями, установленными для них государством, и бороться за их отмену, приняв широкое участие в революционном и оппозиционном движении. В 1903 г. в беседе с Т. Герцлем председатель Комитета министров С. Ю. Витте указывал на то, что евреи составляют около половины численности революционных партий, хотя их всего 6 млн в 136-миллионном населении России [Будницкий 1996].

Таким образом, в России и для русских, и для иных народов не существовало разных законов. Отдельное законодательство об инородцах объяснялось особенностями их экономического развития и кочевого быта. Польша, Литва, Финляндия и Прибалтика получили некоторые самостоятельные права, касающиеся управления своими территориями, свои органы управления, право преподавания на национальных языках и т. д. Несмотря на недостатки в религиозной и национальной политике, проводимой русским имперским правительством, все народы России развивались, сохраняя свой язык, культуру, имели свою богатую элиту, свою церковь, многие создали свою интеллигенцию. Однако только русский народ, по нашему мнению, нес основные тяготы и повинности с момента образования Русского государства, не пользуясь никакими привилегиями.

В целом отношения России с проживающими в ней народами, с нашей точки зрения, наиболее точно оценил А. Е. Алекторов: «Нет в мире ни одного государства, кроме Британской империи, столь разнообразного в этнографическом отношении как Россия. Нужен был огромный разум правительства, чтобы из совершенно несходных между собой ни в быту, ни в мировоззрении разнообразных народностей образовать крепкую империю. Но сделать надо в этом направлении еще много: упрочить между русским народом и инородцами внутреннюю, духовную связь, чтобы закончить строительство государства» [Алекторов 1906, с. 36].

Крушение Российской империи, Февральская и Октябрьская революции не позволили законодателю доработать законы в отношении инородцев и внести в них соответствующие дополнения. Несмотря на это, российское законодательство в отношении инородцев являлось достаточно толерантным при установлении правового статуса данной категории населения. Большим недостатком можно назвать отсутствие качественного механизма реализации законов в отношении инородцев и невозможности их полного применения в реальной жизни. Правительство не всегда учитывало менталитет всех своих народов, их традиции, обычаи и религиозные верования. Отдельные законы об инородцах, принятые русским правительством, попросту ущемляли права инородцев, что влекло за собой протестные меры в виде отдельных революционных выступлений. Тем не менее правительство Российской империи старалось создать все необходимые условия для сохранения самобытности своих народов, развивать их культуру и правосознание. Инородцы принимали такую политику, что подтверждается множественными примерами. Все народы империи добровольно встали под русские знамена и сражались против наполеоновских войск в 1812 г. Показательным является пример созданной по приказу русского царя в 1814 г. так называемой Дикой дивизии. Эта кавалерийская дивизия входила в состав Русской императорской армии и на 90 % состояла из добровольцев-мусуль-

ман, которые по законодательству Российской империи не подлежали призыву на военную службу. Награждали горцев (нехристианского вероисповедания) наградами с изображениями Святого Георгия, Святого Владимира, которых они почтительно называли «джигитами». Заслуживает уважения и такой факт, что во время Первой мировой войны российские мусульмане пели «Боже, Царя храни!», хотя в то время это была молитва русского народа.

Список цитируемых источников

Алекторов 1906 – *Алекторов А. Е.* Инородцы в России. Спб. : Тип. И. В. Леонтьева, 1906. 134 с.

Будницкий 1996 – *Будницкий О.* В чужом пиру похмелье (Евреи и русская революция) // Вестник ЕУМ. 1996. № 3(13). URL: ldn-knigi.lib.ru/JUDAICA/Evr3Stat.htm (дата обращения: 15.12.2019).

Градовский 2006 – *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права : в 2 т. М. : Зерцало, 2006. Т. 1. 470 с.

Добромыслов 2011 – *Добромыслов В. В.* Инородцы в России. М. : Кн. по требованию, 2011. 19 с.

Зиновьев 2009 – *Зиновьев В. П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – XX в. Томск : Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2009. 336 с.

Коркунов 1909 – *Коркунов Н. М.* Русское государственное право : в 2 т. / под ред. Н. Б. Горенберга. 6-е изд. Спб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. Т. 1. 623 с.

Марр 1933 – *Марр Н. Я.* Избранные работы : в 5 т. Л. : ГАИМК, 1933. Т. 1. 400 с.

Рождественский 1851 – Руководство к Российским законам, составленное Н. Рождественским. 4-е изд., доп. Спб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. 716 с.

Тетуев 2016 – *Тетуев А. И.* Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность. Нальчик : Печатный двор, 2016. 192 с.

Чичерин 2006 – *Чичерин Б. Н.* Общее государственное право / под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2006. 536 с.

References

Alektorov, A. E. (1906), *Inorodtsy v Rossii* [Foreigners in Russia], Tipografiya I. V. Leont'eva, St. Petersburg, Russia.

Budnitsky, O. (1996), "In a strange feast hangover (Jews and the Russian Revolution)", *Vestnik EUM,* no. 3(13), avaible at: ldn-knigi.lib.ru/JUDAICA/Evr3Stat.htm (Accessed 15 December 2019).

Chicherin, B. N. (2006), *Obshchee gosudarstvennoe pravo* [General state law], in Tomsinov, V. A. (ed.), Zertsalo, Moscow, Russia.

Dobromyslov, V. V. (2011), *Inorodtsy v Rossii* [Foreigners in Russia], Kniga po trebovaniyu, Moscow, Russia.

Gradovsky, A. D. (2006), *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava* [The beginning of Russian state law], in 2 vol., Zertsalo, Moscow, Russia, vol. 1.

Korkunov, N. M. (1909), *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian state law], in Gorenberg N. B. (ed.), 6 ed., Tipografiya M. M. Stasyulevicha, St. Petersburg, Russia,

Marr, N. I. (1933), *Izbrannye raboty* [Selected works], in 5 vol., GAIMK, Leningrad, USSR, vol. 1.

Rozhdestvensky, N. (1851), *Rukovodstvo k Rossiiskim zakonam* [Guide to Russian laws], 4 ed., enl., Tipografiya Eduarda Pratsa, St. Petersburg, Russian Empire.

Tetuev, A. I. (2016), *Zarubezhnaya diaspora karachaevtsev i balkartsev: istoriya i sovremennost'* [Foreign diaspora of karachais and balkars: history and present], Pechatnyi dvor, Nal'chik, Russia.

Zinov'ev, V. P. (2009), *Ocherki sotsial'noi istorii industrial'noi Sibiri. XIX – XX v.* [Essays on the social history of industrial Siberia. XIX – XX centuries], Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, Tomsk, Russia.

Информация об авторе

Амосова Оксана Сергеевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Amosova.o.s.@mail.ru

Information about the author

Amosova Oksana S.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; Amosova.o.s.@mail.ru

Для цитирования

Амосова О. С. Правовой статус инородцев в Российской империи в XIX – начале XX вв.: опыт историко-юридического анализа // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 137–143.

For citation

Amosova, O. S. (2020), "Legal status of foreigners in the Russian Empire in the XIX – early XX centuries: experience of historical and legal analysis", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 137–143.

УДК 347.965

А. А. Ашин[1]
Е. П. Потапова[1]
О. В. Котлярова[1]
[1] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация

A. A. Ashin[1]
E. P. Potapova[1]
O. V. Kotlyarova[1]
[1] Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation

Коммуникативные тактики как инструмент публичной профессиональной деятельности адвокатов

Communicative tactics as an instrument of public professional activity of lawyers

Ключевые слова: коммуникативные тактики; юридический дискурс; речь адвокатов; публичное выступление; воздействие на аудиторию.

Аннотация. Коммуникативные тактики, применяемые адвокатами в своей публичной деятельности, выступают в качестве инструмента реализации правоприменительной практики и оказывают серьезное влияние на совершенствование деятельности адвокатского сообщества на современном этапе. Статья представляет собой анализ речевых адвокатских практик с позиций лингвистики и с позиций феноменологии указанных практик как синкретических, соединяющих в себе различные стили изложения. В качестве эмпирического материала использованы не только современные коммуникативные тактики, но и тактики, применявшиеся адвокатами в XIX–XX вв. во время произнесения публичных речей в зале суда. Основная функция подобной коммуникации – эмоционально-аргументированное, логически выстроенное воздействие на аудиторию в судебном процессе.

Key words: communication tactics; legal discourse; speech of lawyers; public speaking; impact on the audience.

Abstract. Communicative tactics used by lawyers in their public activities, act as a tool for implementing law enforcement practice and have a serious impact on improving the activities of the lawyer community at the present stage. The article is an analysis of speech advocacy practices from the perspective of linguistics and from the perspective of the phenomenology of these practices as syncretic, combining various presentation styles. As empirical material, not only modern communicative tactics were used, but also the tactics used by lawyers in the 19th – 20th centuries during public speeches in the courtroom. The main function of such communication is an emotionally-reasoned, logically structured impact on the audience in the lawsuit.

Юридический дискурс обслуживается официально-деловым стилем речи и имеет ряд специфических характеристик. В статье под термином «юридический дискурс» мы будем подразумевать коммуникативное пространство, формируемое представителями юридических профессий, прежде всего адвокатами. Юридический дискурс публичной речевой практики адвокатов представляет собой динамичную систему, особыми характеристиками которой считаются: 1) специфичная лексика; 2) особый строй грамматических конструкций; 3) вербальные дополнительные средства выразительности речи (метафора, сравнение, олицетворение, ирония, гипербола и т. д.); 4) иные невербальные средства влияния на оппонентов. Представители юридических профессий обязаны постоянно совершенствовать и развивать индивидуальные речевые навыки в связи со значимостью и ответственностью выполняемой профессиональной деятельности. Вместе с тем неорганически сочетающая в себе как официально-деловой, так и публицистический стиль изложения речь адвокатов в содержательном и формальном плане выступает в качестве речевого образца для других представителей юридической профессии и влияет на формирование и развитие правоприменительной практики. Специфика эмоционального воздействия тесно связана с ментальными характеристиками российского общества. Используя

© Ашин А. А., Потапова Е. П., Котлярова О. В., 2020

коммуникативные тактики, адвокаты не только оказывают на аудиторию эмоциональное и интеллектуальное воздействие, но и стимулируют динамику совершенствования, а иногда и деградации ценностной системы субъектов российского общества.

Учитывая количество указанных выразительных средств, речь адвоката представляет собой синтез официально-делового и публицистического стилей, т. е. является синкретичной.

Синкретичность публичной речевой коммуникации адвокатов выражается, в частности, в том, что происходит своего рода наложение различных смыслов, которые, как представляется, могут нести совершенно разную смысловую нагрузку для аудитории, присяжных, подзащитного, всех тех, кто может ознакомиться с публичной речью в суде. Адвокат, произнося публичную речь, как субъект коммуникации, обращающийся к другим субъектам, формирует определенный коммуникативный смысл того, о чем он говорит. Наличие в официально-деловом стиле публичных выступлений элементов разговорного и публицистического стилей может привести к улавливанию именно «встроенных», иных смыслов, нежели тех, которые изначально проектировал при подготовке своего выступления адвокат.

Недостаточная развитость публичной культуры современного российского общества, формирующего на самых обширных общественных платформах понимание и смысл глубинных ценностей, которые востребованы российским обществом, создает принципиально новый контент, требующий серьезного анализа и исследований. Статья является попыткой осмысления конкретной деятельностно-коммуникационной ситуации публичной практики адвокатов с точки зрения возможностей проектирования более органичных взаимоотношений субъектов российского общества внутри и вовне правоприменительной практики.

Синкретичность публичных стилей выступлений адвокатов, являясь одной из современных особенностей речи правозащитников, отражает в определенной степени актуальное состояние самой «публичности», именно открытость, беспристрастность и гуманистичность риторики адвоката сегодня, как никогда, открыта навстречу новым возможностям.

Согласимся с мнением Ю. С. Пилипенко о том, что «к работникам некоторых профессий предъявляются повышенные моральные требования, что объясняется их особым статусом в обществе и ответственным характером выполняемых ими функций» [Пилипенко 2016, с. 4]. Мы считаем, что повышенная моральная ответственность лежит в основе и речевой культуры адвокатов. Адвокаты в качестве профессиональных ораторов воздействуют на мнение аудитории, перед которой выступают. По мнению И. В. Решетниковой, «для обеспечения нейтральности судьи мало законодательного закрепления соответствующих правил, требуются соответствующий уровень представительства в суде и переосмысление роли суда» [Решетникова 2019]. Целенаправленное воздействие на аудиторию предполагает безупречное соблюдение нравственно-этических норм, а также грамотное использование в речи широкого спектра языковых средств, помогающих добиваться коммуникативной цели.

Эмпирическим материалом для настоящего исследования послужили наиболее выразительные в речевом плане и эффектные выступления известных адвокатов. Нами были классифицированы и проанализированы коммуникативные тактики, наиболее часто используемые российскими адвокатами. Такие коммуникативные тактики выступают в качестве серьезного инструмента воздействия на оппонентов, аудиторию.

Исследовательский интерес к ораторскому искусству в области юриспруденции не угасает до сих пор. В числе основных содержательных направлений в изучении языка и речи юристов можно назвать такие, как:

– изучение особой юридической логики и однозначности аргументации, исследования структурирования траектории защиты, а также следование разработанной траектории, ведение дискуссии и споров, отстаивание собственного мнения посредством безапелляционной аргументации [Баишева 2019; Власов 2012; Володина 2013; Землякова, Гарбовская 2018; Калинкина 2019; Канафина 2015; Панченко 2017];

– исследования системности применения навыков профессионального мастерства адвокатов с точки зрения результативности их речевой деятельности [Адвокат 2006; Багаев, Иванов, Верещагин 2019; Власов, Рахимов 2018; Маслова 2015a; Никулина 2014];

– изучение специфики юридического дискурса с точки зрения интралингвистических и экстралингвистических особенностей, формирование особого кодекса адвокатской этики, регламентация и контроль этичной коммуникации [Ветров 2018; Кургаева 2018; Мазуренко 2011; Маслова 2015b; Никифорова 2012; Новиков 2015; Пилипенко 2016];

– исследование негативных последствий неграмотной речи юристов, анализ наиболее распространенных ошибок, речевых рисков юридического дискурса и технологии профилактики, устранения неэффективных и опасных речевых практик [Ватлецов 2019; Володина 2009; Грачев 2018; Забирова, Шрепп 2017; Конин 2018].

Особенности построения грамматических конструкций, предпочтение определенных морфоло-

гических форм, а также лексическая специфика определяют системные отличия речи юристов от речи представителей других профессий.

Отнюдь не случайно международные исследования ораторского стиля адвокатов, а также влияния на принятие судебных решений таких личностных характеристик адвокатов и присяжных заседателей занимают большое место в объеме исследований публичной адвокатской практики в демократических странах. Внеюридические характеристики адвокатов, по мнению Питера Хана и Сюзан Клейтон [Hahn, Clayton 1996], могут играть важную роль в процессе принятия решений присяжными. Ораторский стиль адвоката, по мнению данных ученых, – один из факторов, которому юристы суда уделяют серьезное внимание. Таким образом, внимательное изучение ораторских практик, применяемых стилей речевых практик имеют и будут иметь важное значение в функционировании и реализации правоприменительной практики в сегменте публичности рассмотрения дел и продуманности ораторского стиля адвокатского сообщества.

Нами были проанализированы коммуникативные тактики, применяемые адвокатами во время произнесения защитительных речей. К актуальным и активно применяемым на практике коммуникативным тактикам мы относим следующие.

1. Тактика *прямого утверждения*. Одной из прямых тактик воздействия оратора-адвоката на аудиторию является тактика безапелляционного утверждения. Адвокат может избрать стратегию защиты, используя различные языковые средства для аргументации (сравнение, метафора, аллегория, гипербола), а также различные психологические приемы воздействия. Однако не менее действенным является применение тактики прямого безапелляционного утверждения. Традиционно подобные высказывания однозначны. Авторитет адвоката, эмоциональный посыл речи, утверждающая восклицательная интонация, а также четкая, грамотная речь позволяют достичь эффекта воздействия на публику, убедить в правоте стороны защиты или, по крайней мере, поколебать уверенность публики в правоте обвинителя. Это прямая демонстрация защиты. В качестве примера приведем отрывки из речей: С. А. Андреевского по делу братьев Келеш: «Я говорю “несчастье”, потому что удар этот для них случайный и решительно не заслуженный, в чем вы легко убедитесь, если сколько-нибудь спокойно отнесетесь к делу» [Истина и закон 2013, с. 57]; П. А. Александрова по делу Засулич: «…дело это просто по своим обстоятельствам, до того просто, что если ограничиться одним только событием 24 января, тогда почти и рассуждать не придется» [Судебные речи 2011, с. 240]. Тактика прямого утверждения подразумевает открытое высказывание позиции адвоката и активное эмоциональное убеждение аудитории в собственной правоте.

2. Тактика *призыва к логике, рассудительности, системности оценивания*. Адвокаты часто используют эту тактику, основываясь на мнении о том, что индивид может совершить ошибку, но при вынесении решения необходимо учитывать весь спектр его характеристик и не игнорировать положительные действия. Пример: речь В. И. Сергеева по делу Л. С. Маевского: «Господа! Мне поручено представлять интересы уважаемого в научном мире и известного не только в нашей стране, но и за рубежом гражданина России доктора технических наук, профессора Маевского Леонида Станиславовича» [Сергеев 2007]; речь Г. К. Шарова в защиту Т. Р. Суринова: «Казалось бы, при недоказанности обвинения, тем более при отсутствии события преступления, характеристика личности не имеет значения. Но все же приятнее защищать не бомжа или законченного злодея, а интеллигентного отца троих сыновей, кандидата экономических наук» [Шаров 2014].

3. Тактика *«Я-суждение»*. Официально-деловой стиль речи, обслуживающий в том числе сферу судопроизводства, не подразумевает использование «Я-суждений». Адвокат – лицо официальное. Судебное заседание предполагает атмосферу профессионального общения, характеризуемую беспристрастностью, отсутствием личного мнения, субъективности или индивидуальной оценки. «Я-суждения» демонстрируют субъективную точку зрения, позицию конкретного индивида. Личное мнение адвоката в действительности не должно иметь значение для судей и аудитории. Адвокат руководствуется законностью, логикой, справедливостью. Однако использование «Я-суждений» в качестве тактики воздействия на публику можно считать уместным и действующим речевым приемом. Они используются адвокатом для того, чтобы высказать критичную мысль, которую он не может себе позволить в качестве официального лица. Такие суждения чаще всего могут быть оспорены. Употребление местоимений 1-го лица *я* или *мы* позволяет говорящему подчеркнуть субъективность и личную значимость суждения. Такое мнение не логично оспаривать, потому что оно заранее субъективно. Применение тактики «Я-суждения» имеет действительное воздействие на аудиторию по причине смелости и критичности высказываемых суждений. Кроме того, особое эмоциональное значение имеют авторитет говорящего, его профессиональный опыт и конкретность высказываемой позиции. С содержательной точки зрения чаще всего «Я-суждения» имеют целью дискредитировать сторону обвине-

ния. Приведем примеры из речей: А. И. Урусова по делу Волоховой: «Я в своем возражении пойду шаг за шагом, вслед за товарищем прокурора» [Судебные речи 2011, с. 14]; С. А. Андреевского по делу о краже изумрудной брошки: «Для меня, например, совершенно ясно, что М-ва никакой брошки у Елагиной не похищала. А затем, вопрос о том, кто же собственно украл эту брошку, меня нисколько не интересует» [Истина и закон 2013, с. 61]; Шэ д'Эст Анжа по делу де ла Ронсьера: «Никто не переживал их чаще меня, и никто не увлекался искреннее» [Истина и закон 2013, с. 9]. Применение тактики «Я-суждение» иногда не имеет целью демонстрацию авторского мнения, а употребление личных местоимений используется лишь для передачи индивидуального опыта для того, чтобы показать реальность, действительность событий.

4. Тактика *психологического аргументирования*. Ораторская техника адвокатов основывается на эмоциональном воздействии на публику. Искусство убеждения основано на двух равноправных способах аргументирования: логической и психологической аргументации. С точки зрения психологии под сомнение ставится объективность любой оценки. Индивид в принципе не может принять то или иное решение, основываясь на процессах логики. Большинство исследователей указывают на прямую связь лимбической системы и когнитивных процессов. Мышление и проявление эмоции выступают взаимообусловленными процессами, поэтому обращение к чувствам аудитории предстает мощным коммуникативным инструментом. Адвокаты часто пользуются таким приемом и апеллируют к лучшим качествам и высоким чувствам аудитории. Обращение к системе моральных ценностей дает возможность защитнику вызвать сильные положительные эмоции у слушателей, а также показывает справедливость судейства, направленного на достижение справедливости. Пример: отрывок из речи А. И. Урусова по делу Луи и Сурина: «Но такое признание налагает на совесть слишком большую ответственность. Что будет с Аркадием Суриным, если вы его осудите? Он попадет в среду людей испорченных и должен будет переживать целый ряд унизительных и жестоких испытаний» [Судебные речи 2011, с. 93].

5. Тактика *метафоричности (использование выразительных средств речи)*. Несмотря на то, что юридический дискурс подразумевает использование официально-делового стиля речи, которому не свойственны эмоциональность и оценочность, многочисленные сравнения, эпитеты, метафоры, олицетворения и другие средства выразительности речи являются часто используемыми тактиками речи адвокатов. Такие приемы эмоционального воздействия повышают эффективность ораторского влияния на аудиторию. Речи адвокатского сообщества структурируются таким образом, чтобы воздействовать не только на когнитивные процессы логического мышления, но и на воображение слушателей. Наиболее часто используется метафора, т. е. образное сравнение. Посредством использования тактики метафоричности оратор добивается создания ментального яркого образа в индивидуальном сознании представителей аудитории. В качестве примера приведем отрывки из речей: А. И. Урусова по делу Морозкина: «Вот оно, безмолвное, трепетное подчинение, крепкое задним умом, распростертое плашмя!» [Судебные речи 2011, с. 25]; Н. П. Карабчевского по делу о крушении теплохода «Владимир»: «Здесь немало было употреблено усилий на то, чтобы грубыми мазками, вместо красок, при помощи искусственного освещения, представить вам иллюзию истины, но не самую истину. Это была какая-то торопливая и грубая работа импрессионистов, не желавших считаться ни с натурой, ни с сочетанием красок, ни с исторической и бытовой правдой, которую открыло нам судебное следствие» [Истина и закон 2013, с. 69].

6. Тактика *призыва к объективному судейству*. Данная тактика заключается в намеренном акцентировании внимания на профессионализме и беспристрастности присутствующих судей. Применение данной тактики подразумевает призыв к добросовестному выполнению судейского профессионального долга. Обращение гипертрофированного внимания к справедливости, беспристрастности, логичности, рассудительности судей, с акцентом на их опыт и профессиональный потенциал, вынуждает присутствующих в зале наиболее внимательно выслушать аргументацию защитника и объективно оценить ситуацию. Ярким примером данной тактики является речь А. И. Урусова по делу о 53 крестьянах села Хрущевки барона Медема: «Никто не может сказать, что ваш приговор несправедлив. Вы послушаете нас и тогда увидите сами, на чьей стороне правда, а смущаться нашими или чьими-то ни было словами, значило бы и саму присягу нарушить и пойти против совести. Давайте же рассмотрим внимательно все дело и обсудим его» [Судебные речи 2011, с. 32].

7. Тактика *удивления*. Данная коммуникативная тактика используется адвокатами для того, чтобы выразить завуалированное несогласие с судейскими решениями. Адвокат не имеет возможности заявить, что он не разделяет те или иные решения и действия. Посредством задаваемых вопросов и псевдоудивления адвокат демонстрирует неодобрение конкретной ситуации и делает попытки ее изменить. Примером использования такой тактики является речь А. И. Урусова

по делу Волоховой: «Признаюсь, я не ожидал, что нравственные качества человека можно было поставить ему в вину» [Судебные речи 2011, с. 18].

8. Тактика *иронии*. Адвокаты часто прибегают к ироничным высказываниям для достижения эффекта абсурдности, смехотворности ситуации, критики позиции обвинителя. При применении тактики иронии часто используются элементы языковой игры, а также средства выразительности речи (метафора, сравнение, гипербола и т. д.). Характерными примерами применения данной тактики являются: речь Шэ д'Эст Анжа по делу де ла Ронсьера: «Офицер живет с любовницей! Пусть отымет жену у соседа, обольстит дочь приятеля – это принято, но пусть не делает историй!» [Истина и закон 2013, с. 11]; речь Н. П. Карабчевского по делу о крушении парохода «Владимир»: «Привлечены Криун и Пеше в качестве каких-то ответственных редакторов катастрофы с забвением основного юридического положения, что в делах уголовных каждый отвечает только за самого себя, за свои личные действия и упущения» [Истина и закон 2013, с. 71]; речь П. А. Александрова в деле Засулич: «С прокурором мы расходимся лишь в весьма немногом, но тем не менее задача моя после речи господина прокурора не оказалась облегченной» [Мазуренко 2011, с. 70].

9. Тактика *обвинения*, заключающаяся в намеренном акцентировании внимания на несовершенстве работы правоохранительной системы, что прежде всего связано с недобросовестным выполнением своих профессиональных обязанностей сотрудниками правоохранительных органов. Поднимаются вопросы коррупционной составляющей, личной заинтересованности, фальсификации доказательств, искажении фактов, т. е. вопросы нарушения закона конкретными представителями властных структур. В качестве примера приведем речь в защиту Т. Р. Суринова в Басманном районном суде г. Москвы 24 ноября 2006 г.: «…Обвинение в самоуправстве предъявлено Суринову вовсе не потому, что он его совершил. Порочная практика следствия добавить к серьезному обвинению что-нибудь мелкое "впрок" известна. А вдруг большое заказное обвинение зашатается или заказчик передумает, так будет чем оправдать содержание обвиняемого под стражей. Но и обвинение в самоуправстве оказалось пустышкой» [Шаров 2014].

10. Тактика *использования фразеологизмов, или устойчивых словосочетаний*. Применение обсуждаемой практики позволяет сделать речь адвоката наиболее образной и эмоциональной. Использование устойчивых словосочетаний также позволяет достичь эффекта объединения, близости с аудиторий. Не всегда употребление фразеологизмов оправдано и уместно, поскольку подобные лексические единицы снижают качество юридического дискурса, что в результате негативно влияет на имидж адвоката. Однако профессионализм наиболее талантливых адвокатов позволяет использовать фразеологизмы в качестве дополнительного средства выразительности речи. Ярким примером тому может служить речь Н. И. Холева по делу Максименко: «Закон местной подсудности служит краеугольным камнем, опорой принципа, положенного в основу нового процесса» [Судебные речи 2011, с. 647].

В заключение отметим, что юридический дискурс имеет и положительные, и отрицательные тенденции, однако общий вектор развития речевой специфики основан на поддержании законной, грамотной, корректной речи. Адвокат посредством публичного выступления влияет на аудиторию, именно поэтому от качественных аспектов его речи зависит исход дела. В коммуникативном плане адвокат должен стремиться к точности, логичности, краткости, аргументированности речи. Слова, произнесенные перед аудиторией, не могут быть многозначными и трактоваться по-разному. Речь адвокатов имеет концептуальное значение для понимания истинности и беспристрастности судейства. С этой точки зрения изучение коммуникативных тактик, используемых адвокатами, является перспективным и значимым.

Развитие российской юридической науки подразумевает непрерывное совершенствование и использование лучших примеров речевой практики с учетом всестороннего рассмотрения складывающейся динамики общественно-правовых институтов нашего общества. Адвокаты осознанно (порой сознательно идя на смешение применяемых стилей публичных выступлений) отбирают и используют различные речевые тактики для достижения коммуникативной цели профессиональной публичной деятельности. С этой точки зрения речевые тактики, определяемые совокупностью современных лексических и грамматических языковых средств, а также исторически накопленным инструментарием публичных адвокатских выступлений прошлых столетий (активно осваиваемым в процессе обучения современным адвокатским сообществом России), являются мощным инструментом, позволяющим формировать парадигму юридического дискурса, влиять на оппонентов или слушателей и достигать поставленных целей коммуникации.

Список цитируемых источников

Адвокат 2006 – Адвокат: навыки профессионального мастерства / Е. Ю. Булакова [и др.] ; под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. М. : Волтерс Клувер, 2006. 592 с.

Багаев, Иванов, Верещагин 2019 – *Багаев В., Иванов А., Верещагин А.* Искусственный интеллект вытеснит широкий пласт юристов [Интервью с Л. Лессигом] // Закон. 2019. № 5. С. 8–30.

Баишева 2019 – *Баишева З. В.* Аргументация в речи юриста // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 102–107.

Ватлецов 2019 – *Ватлецов С. Г.* Риск формирования юридического языка // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 10–15.

Ветров 2018 – *Ветров Э. П.* Профессионализмы в речи юристов: перечень слов, причины появления, проблемы кодификации // Проблемы становления гражданского общества : сб. ст. VI Междунар. науч. студен. конф. : в 3 ч. Иркутск : ИЮИ (фил.) Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2018. Ч. II. С. 225–228.

Власов 2012 – *Власов А. А.* Значение судебной речи в адвокатской деятельности // Адвокатская практика. 2012. № 4. С. 34–36.

Власов, Рахимов 2018 – *Власов А. А., Рахимов Ю. И.* Адвокат и защита им прав и законных интересов участников рынка ценных бумаг : монография. М. : Прометей, 2018. 356 с.

Володина 2009 – *Володина С. И.* Речь адвоката – глазами судей // Адвокатская практика. 2009. № 2. С. 16–18.

Володина 2013 – *Володина С. И.* Этос в судебной речи адвоката // Адвокатская практика. 2013. № 1. С. 2–5.

Грачев 2018 – *Грачев М. А.* Проблемы повышения коммуникативных качеств речи юриста // Государство и право в изменяющемся мире: новые векторы судебной реформы : материалы III науч.-практ. конф. с междунар. участием. Н. Новгород : РГУП, 2018. С. 415–419.

Забирова, Шрепп 2017 – *Забирова М. Э., Шрепп В. В.* Проблемы ораторского искусства и композиции в юридической речи // World science: problems and innovations : сб. ст. победителей VII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2017. С. 175–177.

Землякова, Гарбовская 2018 – *Землякова Н. В., Гарбовская Н. Б.* Образные средства языка в выступлениях судебных ораторов как один из приемов эффективной коммуникации // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6. С. 95–99.

Истина и закон 2013 – Истина и закон. Судебные речи известных российских и зарубежных адвокатов : в 2 кн. СПб. : Юрид. центр, 2013. Кн. 2. 85 с.

Калинкина 2019 – *Калинкина Л. Д.* Размышления по поводу речи адвоката в одно предложение // Адвокатская практика. 2019. № 1. С. 25–29.

Канафина 2015 – *Канафина М. А.* Профессиональная речь юриста // Наука и современность. 2015. № 36. С. 154–157.

Конин 2018 – *Конин В. В.* Принятие стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве как попытка преодолеть пассивность при осуществлении функции защиты // Современное право. 2018. № 1. С. 110–114.

Кургаева 2018 – *Кургаева О. Л.* Особенности юридического дискурса и его динамические параметры // KANT. 2018. № 1(26). С. 61–64.

Мазуренко 2011 – *Мазуренко М. А.* Судебная речь адвоката П. А. Александрова по делу В. И. Засулич (1878 г.) и ее влияние на вердикт суда присяжных заседателей // Общество и право. 2011. № 4. С. 68–71.

Маслова 2015a – *Маслова М. В.* Речь защитника в прениях и репликах сторон // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3. С. 144–158.

Маслова 2015b – *Маслова М. В.* Морально-нравственные аспекты выступления защитника в суде // Современное право. 2015. № 8. С. 89–94.

Никифорова 2012 – *Никифорова Э. Ш.* Основные характеристики аргументативно-суггестивных текстов (на примере текстов судебной риторики) // Гуманитарный вектор. Серия «Филология, востоковедение». 2012. № 4. С. 61–67.

Никулина 2014 – *Никулина И. А.* Речевое взаимодействие адвоката-посредника и сторон конфликта в процедуре медиации // Адвокатская практика. 2014. № 1. С. 52–56.

Новиков 2015 – *Новиков В.* Генри Резник: восемь – семь [Интервью с Г. Резником] // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 1. С. 84–98.

Панченко 2017 – *Панченко С. В.* Развитие критического мышления и логичности речи в рамках дисциплины «Культура речи юриста» // Актуальные вопросы современного поликультурного образова-

ния : материалы Междунар. круглого стола к 80-летию каф. рус., иностр. яз. и культуры речи. Екатеринбург : УГЮУ, 2017. С. 202–208.

Пилипенко 2016 – *Пилипенко Ю. С.* Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2016. 576 с.

Решетникова 2019 – *Решетникова И. В.* Размышляя о судопроизводстве: избранное. М. : Статут, 2019. 510 с.

Сергеев 2007 – *Сергеев В. И.* Ученый реабилитирован (о необычном процессе, где адвокат отстоял научную репутацию российского профессора, которого злопыхатели намеревались лишить ученой степени) // Адвокатская практика. 2007. № 5. С. 46–48.

Судебные речи 2011 – Судебные речи известных русских юристов : сборник : в 2 т. М. : Юрайт, 2011. 2 т.

Шаров 2014 – *Шаров Г. К.* Речь в защиту Т. Р. Суринова в Басманном районном суде г. Москвы 24 ноября 2006 г. // Адвокат. 2014. № 10. С. 51–81.

Hahn, Clayton 1996 – *Hahn P. W., Clayton S. D.* The effects of attorney presentation style, attorney gender, and juror gender on juror decisions // Law and Human Behavior. 1996. Vol. 20, no. 5. P. 533–534. URL: https://doi.org/10.1007/BF01499040 (дата обращения: 22.01.2020).

References

Bagaev, V., Ivanov, A. and Vereshchagin, A. (2019), “Artificial intelligence will supplant a wide layer of lawyers”, *Zakon*, no. 5, pp. 8–30.

Baisheva, Z. V. (2019), “Argumentation in a lawyer speech”, *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii,* no. 1, pp. 102–107.

Grachev, M. A. (2018), “Problems of increasing the communicative qualities of a lawyer speech”, *Gosudarstvo i pravo v izmenyayushchemsya mire: novye vektory sudebnoi reformy* [State and law in the changing world: new vectors of judicial reform], RGUP, Nizhny Novgorod, Russia.

Hahn, P. W. and Clayton, S. D. (1996), “The effects of attorney presentation style, attorney gender and juror gender on juror decisions”, *Law and Human Behavior,* vol. 20, no. 5, pp. 533–534, available at: https://doi.org/10.1007/BF01499040 (Accessed 22 January 2020).

Istina i zakon. Sudebnye rechi izvestnykh rossiiskikh i zarubezhnykh advokatov (2013) [Truth and law. Judicial speeches of famous Russian and foreign lawyers], in 2 books, Yuridicheskii centr, St. Petersburg, Russia.

Kalinkina, L. D. (2019), “Reflections on the lawyer’s speech in one sentence”, *Advokatskaya praktika,* no. 1, pp. 25–29.

Kanafina, M. A. (2015), “Professional lawyer’s speech”, *Nauka i sovremennost’,* no. 36, pp. 154–157.

Konin, V. V. (2018), “Adoption of a standard for defense counsel in criminal proceedings as an attempt to overcome passivity in the exercise of the defense function”, *Sovremennoe pravo,* no. 1, pp. 110–114.

Kurgaeva, O. L. (2018), “Features of legal discourse and its dynamic parameters”, *KANT*, no. 1(26), pp. 61–64.

Maslova, M. V. (2015a), “Defender’s speech in the debate and remarks of the parties”, *Leningradskii yuridicheskii zhurnal,* no. 3, pp. 144–158.

Maslova, M. V. (2015b), “Moral and moral aspects of the defense counsel’s appearance in court”, *Sovremennoe pravo,* no. 8, pp. 89–94.

Mazurenko, M. A. (2011), “The judicial speech of the lawyer P. A. Aleksandrov in the case of V. I. Zasulich (1878) and its influence on the verdict of the jury”, *Obshchestvo i pravo,* no. 4, pp. 68–71.

Nikiforova, E. Sh. (2012), “Main characteristics of argumentative suggestive texts (for example, texts of judicial rhetoric)”, *Gumanitarnyi vektor. Seriya “Filologiya, vostokovedenie”,* no. 4, pp. 61–67.

Nikulina, I. A. (2014), “Speech interaction of a mediator and parties to the conflict in the mediation process”, *Advokatskaya praktika,* no. 1, pp. 52–56.

Novikov, V. (2015), “Genri Reznik: eight – seven [Interview with G. Reznik]”, *Vestnik Federal’noi palaty advokatov RF,* no. 1, pp. 84–98.

Panchenko, S. V. (2017), “The development of critical thinking and speech logic within the discipline «Lawyer speech culture»”, *Aktual’nye voprosy sovremennogo polikul’turnogo obrazovaniya* [Actual issues of modern multicultural education], UGYuU, Ekaterinburg, Russia, pp. 202–208.

Pilipenko, Yu. S. (2016), *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Kodeksu professional’noi etiki advokata (postateinyi),* 3-e izd., pererab. i dop. [Scientific and practical commentary on the Code of Professional Ethics of a Lawyer (itemized)], 3rd ed., rev. and enl., Norma, Moscow, Russia.

Reshetnikova, I. V. (2019), *Razmyshlyaya o sudoproizvodstve: izbrannoe* [Reflecting on the legal proceedings: favorites], Statut, Moscow, Russia.

Sergeev, V. I. (2007), "The scientist has been rehabilitated (about an unusual process where the lawyer defended the scientific reputation of the Russian professor, whom the vindicators intended to deprive of a scientific degree)", *Advokatskaya praktika,* no. 5, pp. 46–48.

Sharov, G. K. (2014), "Speech in defense of T. R. Surinov at the Basmanny District Court of Moscow on November 24, 2006", *Advokat*, no. 10, pp. 51–81.

Sudebnye rechi izvestnykh russkikh yuristov, v 2 t. (2011) [Judicial speeches of famous Russian lawyers], in 2 vol., Yurait, Moscow, Russia.

Vatletsov, S. G. (2019), "Legal language risk", *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii,* no. 1, pp. 102–107.

Vetrov, E. P. (2018), "Professionalism in the speech of lawyers: a list of words, causes, problems of codification", *Problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva* [Problems of formation of civil society], in 3 parts, IYuI (filial) Akademii General'noi Prokuratury Rossijskoi Federatsii, Irkutsk, part II, pp. 225–228.

Vlasov, A. A. (2012), "The importance of judicial speech in advocacy", *Advokatskaya praktika,* no. 4, pp. 34–36.

Vlasov, A. A. and Rakhimov, Yu. I. (2018), *Advokat i zashchita im prav i zakonnykh interesov uchastnikov rynka tsennykh bumag* [Lawyer and protection of the rights and legitimate interests of securities market participants], Prometei, Moscow, Russia.

Volodina, S. I. (2009), "Speech of a lawyer – through the eyes of judges", *Advokatskaya praktika,* no. 2, pp. 16–18.

Volodina, S. I. (2013), "Ethos in a lawyer court speech", *Advokatskaya praktika,* no. 1, pp. 2–5.

Voskobitova, L. A., Luk'yanova, I. N. and Mikhailova, L. P. (ed.) (2006), *Advokat: navyki professional'nogo masterstva* [Lawyer: Professional Skills], Volters Kluver, Moscow, Russia.

Zabirova, M. E. and Shrepp, V. V. (2017), "Problems of oratory and composition in legal speech", *Mirovaya nauka: problemy i innovatsii* [World science: problems and innovations], Nauka i Prosveshchenie, Penza, Russia, pp. 175–177.

Zemlyakova, N. V. and Garbovskaya, N. B. (2018), "Figurative means of language in the speeches of judicial speakers as one of the methods of effective communication", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya,* no. 6, pp. 95–99.

Информация об авторах

Ашин Андрей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; andrey09122004@mail.ru

Потапова Елена Петровна,
кандидат философских наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; knowledge2016@inbox.ru

Котлярова Ольга Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; olya-apriori@yandex.ru

Information about the authors

Ashin Andrei A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; andrey09122004@mail.ru

Potapova Elena P.,
PhD (philosophy), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; knowledge2016@inbox.ru

Kotlyarova Ol'ga V.,
PhD (philology), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; olya-apriori@yandex.ru

Для цитирования

Ашин А. А., Потапова Е. П., Котлярова О. В. Коммуникативные тактики как инструмент публичной профессиональной деятельности адвокатов // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 144–151.

For citation

Ashin, A. A., Potapova, E. P. and Kotlyarova, O. V. (2020), "Communicative tactics as an instrument of public professional activity of lawyers", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 144–151.

УДК 340.1

Б. Б. Бидова[1]
[1] Чеченский государственный университет, Грозный, Российская Федерация

Теория уголовной политики: вопросы становления

B. B. Bidova[1]
[1] Chechen State University, Grozny, Russian Federation

Theory of criminal policy: questions of formation

Ключевые слова: теория; уголовная политика; уголовная политология; профилактика; противодействие преступности.

Аннотация. Автор анализирует этапы формирования теории уголовной политики государства, взгляды ученых по этому вопросу и приводит свое суждение о ее развитии в современном мире, рассматривает принципы выработки уголовной политики как системного правового феномена, в котором составляющие научных сведений тесно и диалектично переплетаются с составляющими общественной практики, именуемой уголовной политикой в общем своем значении. Автор приходит к выводу о том, что теоретическая база отечественной уголовной стратегии строится как на фактических исторических обстоятельствах, имеющих отношение к уголовной политике России, так и на высказанных мнениях о них, на стабильных режимах и институтах государственного правления, на логичных комбинациях единовременных последовательностей в форме опосредованных «уголовно-юридических структур», которым свойственна «собственная» уголовная политика, подходящая политической верхушке, обществу.

Key words: theory; criminal policy; criminal political science; prevention; counteraction to crime.

Abstract. The author analyzes the stages of formation of theory of criminal policy of the state, the views of scientists and expresses his judgment about its development in the modern world; examines the principles of criminal policy as a systemic legal phenomenon, in which the components of scientific information are closely, dialectically intertwined with the components of public practice, called criminal policy in its general meaning. It is concluded that the theoretical basis of the domestic criminal strategy is based on both actual historical circumstances related to the criminal policy of Russia, and on the opinions expressed about them, on stable regimes and institutions of the state government, recreating information about the criminal, on logical combinations of one-time sequences-in the form of mediated “criminal-legal structures”, which are characterized by their “own” criminal policy, suitable for the political elite, society.

Проблематика уголовной политики занимает основные позиции в системе отраслевых наук противокриминальной направленности, прежде всего в науке о преступлениях и уголовном праве. Анализ позиций ученых, представителей разных эпох, по этому вопросу позволяет ощутить интеллектуальный дух выстраивания интересующего нас явления с принятием во внимание эволюции государственно-юридических понятий и образований в течение довольно продолжительного с точки зрения истории времени. Это говорит также о том, что исследователи состоялись в научном отношении и имели свое независимое мнение, несмотря на ту политическую обстановку, которая существовала в их время [Лесников 2005, с. 27]. Наша позиция заключается в стремлении установить историческое происхождение категориально-терминологического аппарата уголовной политики с учетом сопровождающих его уголовно-юридических, криминологических и иных концепций, доктрин, учений.

Основоположник традиционной концепции об уголовной политике Ф. Лист говорил о непреложности «всеохватывающего и точного понимания фактических обстоятельств» [Гилинский 2013, с. 15]. Традиционные научные знания об уголовном праве, науке о преступлениях опираются и отталкиваются от того, что уголовная политика является неким ответом государства (элиты) на вызовы, угрозы, исходящие от криминальных кругов. Мы считаем, что все это нельзя назвать всей правдой, а только ее частью. Появление преступности обусловлено конкретной уголовной политикой.

© Бидова Б. Б., 2020

Подобно тому, как в какой-то степени преступное деяние является следствием уголовной нормы, так и преступность образуется под влиянием уголовной стратегии власти, принципиально заинтересованной в некоей пропорциональности соблюдения и несоблюдения законов. Отправной точкой являются содержание уголовного кодекса и уголовная стратегия по его толкованию и использованию, т. е. содержание и полемика (политическая, судебная, научная, правоприменительная, идеологическая, статистическая) – это исходный элемент, а конечный – объективная реальность в формате преступности и правонарушителей. Преступным выступает деяние, которое попирает уголовную норму. «И в данном контексте основным и единственным основанием преступного деяния есть, собственно, норма (закон)» [Конструирование девиантности 2011, с. 112]. «Преступное деяние» и «преступность» представляют собой политико-социальные продукты, создаваемые уголовной политикой или не создаваемые, если к этому нет интереса со стороны субъекта уголовной политики. Интерес политической власти заключается в некоем понимании преступного и построении некоей политики регулирования преступности в собственных меркантильных интересах. Тот правовой порядок, в котором мы живем, элементом которого предстает и преступность, в современном капиталистическом обществе является системой, выстроенной капиталистами в целях достижения собственных интересов. Они заинтересованы в том, чтобы преступность существовала, правда, в строго установленной степени, иначе говоря, в определенных отраслях экономики (в строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, где используют труд нелегалов), в конкретных своих проявлениях (разновидности мошенничества, касающиеся присвоения казенных средств, «налоговой оптимизации» и т. д.). Уголовная стратегия – деятельность не только по купированию, надзору за преступностью (здесь речь идет о преступности в сфере народного хозяйства), но и по регулированию преступности, применению ее в определенных экономических целях. Избирательность уголовной политики не случайна, а вполне закономерна. И так было, видимо, всегда, хотя в современную эпоху эти ее свойства стали системны и практически не скрываемы. Таким образом, мы предполагаем, что субъекты уголовной политики тесно связаны с преступностью, подобно тому, как связаны между собой сообщающиеся сосуды в части обмена ресурсами, энергией. Конечно, эти скрытые отношения не являются однолинейными, однообразными. Они цикличны, обсуждаемы, разновекторны. Ряд профильных ученых уже практически признали эту закономерность [Бабаев, Пудовочкин 2014, с. 7]. Более радикально настроенные политологи, занимающиеся криминалистикой, постулируют конец традиционного научного знания (науки о преступлениях) и прогнозируют возникновение новой, постмодернистской науки о преступлениях. Такие же процессы происходят и в уголовной политической науке, вполне обоснованно связываемой многими с наукой о преступлениях (криминологией). Мы уже подошли к пониманию неизбежности отрыва от традиционного, положительного восприятия уголовной политики и признаем обоснованность перехода теоретической уголовной политики на постмодернистский уровень.

Нами осуществлены попытки осмысления хода эволюции современной теории уголовной политики, трансформации ее социального значения – взаимных отношений с происходящими в обществе процессами и общественными институтами, права, политики в качестве общественной практики по приспосабливанию социума к внешним обстоятельствам. Подчеркнем, что историзм и дискурсивность уголовной политики как явления политического миропонимания, представляющего собой не столько итог общественно-экономической эволюции, сколько феномен, влияющий на существующую в социуме реальность и в определенной степени формирующий ее. Существует общественно-правовая действительность, в которой присутствует позитивное право, также существует обратная сторона данной действительности, ее отражение в личном правосознании. Говоря о правовом сознании, имеем в виду концепцию уголовной политики, которая в свою очередь продуцирует государственную идеологию, претворяемую в законодательной и правоприменительной сферах имеющими соответствующие полномочия субъектами.

Об истории уголовной политики можно сказать, что она состоит из истории концепций об объективных взаимоотношениях власти и преступности, и их взаимодействии. «Археология» уголовной политики заключается в поиске воздействий и правопреемстве в эволюционировании познаний относительно уголовной политики как общественно-правового феномена, служащего местом проявления некоей модели. Довольно дискуссионной представляется мысль о том, что уголовная политика – доминирующая модель противодействия преступности. Какова структура этой модели, кто участвует в ее формировании? В чем заключается сущность современной модели уголовной стратегии в части преступных деяний экономического и коррупционного характера?

Н. А. Лопашенко полагает, что отсутствие единства среди теоретиков при формулировке уголов-

ной политики объясняется множественностью накопленных к настоящему времени интерпретаций ее содержательного наполнения [Лопашенко 2009, с. 28]. Есть ли смысл в приведении еще одного варианта толкования данного явления? В этом нет, как представляется, ничего сложного. Однако, может быть, целесообразнее и намного увлекательнее сделать ревизию уже существующих толкований и определить ход рассуждений в их становлении, логичность эволюционирования теории, учения, определяющего энный подход к пониманию преступности и методов борьбы с ней.

Сначала кратко охарактеризуем отправную (маркерную) точку (совокупность таких точек) выстраивания собственной схемы видений уголовной политики. Представление об этом явлении составляется на основе понимания сути и особенностей таких понятий, как «политика», «преступление», «преступник», «наказание». Понятие «политика» встречалось в лексиконе еще древнегреческих и древнеримских мыслителей. Однако начало его истории, скорее всего, можно отнести к временам Н. Макиавелли, ставшего первым реальным «правовым инструменталистом» и первым просветителем по уголовной стратегии, увидевшего в праве способ реализации цели. Ученый сформировал и развил последовательную концепцию о политике, определяющуюся фразой: «Цель оправдывает средства». Он ценил в политике прежде всего результативность. Прагматическое и безыллюзорное отношение Н. Макиавелли к естеству человека и к тому, что движет человеком в его действиях («человеческая природа плоха по своей сути, поэтому человек прибегает к добру только в случае неизбежной необходимости»), было использовано большевиками в их реальной уголовно-социальной практике. В целом уголовная стратегия представляет собой процесс принуждения к общественному спокойствию и согласию через призму угрозы наказания тех, кто стремится нарушить это спокойствие. Уголовная политика является знаниями о преступных деяниях и наказаниях в работе уголовного правосудия и прочих отраслей. Такова изначальная суть данного явления, но при условии наличия полного, всеохватывающего, авторитарного правления. При демократическом режиме и плюрализме мнений отсутствуют противоборствующие антикриминальные политики. Однако интерес как таковой не утрачивает своей силы. Начало уголовной политике дает определенный интерес, ей свойственна целесообразность и чрезвычайная заинтересованность в получении некоего результата. Первое, о чем может подумать тот, кто изучает древние источники, посвященные политике и уголовной политике, так это о приспособленности, практичности, прагматизме. Уголовную политику можно назвать таковой только в случае ее целесообразности, иначе говоря, в случае наличия у власти осмысленности цели и воли ее осуществления. Подобное представление об интересующем нас явлении существовало довольно давно. Так, в первой половине прошлого столетия Г. Ю. Маннс указывал, что отсутствуют постоянные цели, стоящие перед одной, постоянной уголовной политикой. Данные цели, точно так же, как формы и смысловое наполнение преступлений и наказаний, развиваются по ходу истории и находятся в зависимости от особенностей социальных отношений конкретного исторического периода [Маннс 1926, с. 19]. Этот взгляд на уголовную политику в определенном смысле поддерживается и сегодня, реализуясь в ряде актуальных дефиниций, в которых отмечается, что уголовная стратегия – целенаправленная деятельность ее сообразных субъектов, базирующаяся на теоретически доказанных постулатах о противодействии преступности в ту или иную пору государственного устройства. Несмотря на то, что такой научный довод делает скорее сокрытой, а не открытой суть уголовной политики, его общественная полезность, действительно, не подлежит сомнению, так как политика предполагает скрытность намерений.

Мы считаем, что уголовная политика берет свое начало в том месте и в то время, когда власть осмысленно реформирует уголовное право, чтобы решить те или иные общественно важные задачи. «Граждане и раньше, и сейчас, и скорее всего в будущем будут становиться глупыми жертвами обмана и сами будут обманываться в политике до тех пор, пока не поймут, что за всеми высказываниями, обещаниями, заявлениями духовно-нравственного, политического, общественного характера стоят интересы конкретных классов»[1]. По аналогии с этим утверждением и нам необходимо видеть за елейными фразами об уголовной политике того, кому они приносят выгоду, вуалируя с помощью красивых фраз о правах человека, гуманистических и либеральных ценностях симулирование борьбы с организованной экономической преступностью и вершинной коррупцией.

Истинный ученый-правовед должен находиться на расстоянии от власти, а не делать так, чтобы его связывали с ней, чего обычно старается достичь большая часть наших политологов-экспертов. Лишь в последние несколько лет мы стали замечать тенденцию к обособлению и критичному отношению к уголовной политике в научной полемике, а не желание быть сопричастным ей.

[1] Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма // Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат, 1972. Т. 23. С. 40–48.

В процессе осмысления того, что собой представляет уголовная политика, необходимо научиться понимать, где есть знания, а где – реальность. Считаем недопустимым противопоставлять эти составляющие друг другу или ограничивать уголовную политику лишь одним из них. Для политолога-эксперта уголовная политика в одинаковой степени состоит из положительного права, правоприменения и мнений о первом и втором, облеченных в некие интеллектуальные модели. С точки зрения исследователей, правовая политика есть совокупность теорий, мер, целей, задач, планов, способов, приемов, осуществляемых в области функционирования права и через призму права.

В нашем понимании уголовная политика является совокупностью, системой, архитектурой отношений. Основное в ней – это данная системность, структурированность. Если эти свойства отсутствуют, то уголовная политика не может функционировать. Она является неким общим курсом, стратегией, красной нитью проходящей даже через, как нам видится, алогичные установки власти и законодательной, и судебной. Она всегда существует (успешная или неуспешная), если существует осмысленная политическим классом насущность.

Предполагаем, что те или иные уголовно-юридические формации взаимно влияют друг на друга вплоть до происходящих в каждой из них кардинальных изменений, и происходят эти процессы вследствие изменения направления уголовной стратегии. Мы уже говорили выше, что из-за определенных обстоятельств (реально происходящих в сфере экономики, социальной жизни и пр.) происходит рост уровня тех или иных типов преступности, угроз с их стороны. И как раз на это, прежде всего, государство должно давать соответственный ответ, осуществляемый посредством инструментария уголовной политики. Этому виду политики свойственны избирательность, поиск и устранение самого опасного «врага социума», который представляет собой наибольшую угрозу безопасности (социума, правящего истэблишмента).

Конечно, категория «уголовная политика» находится в зависимости от некоего представления о существе права. В силу этого основополагающее отличие разных ее толкований заключается в отличиях между правовыми учениями (школами). В этом контексте мы можем отметить, что возникновение уголовного права связано с появлением государства. Уголовная стратегия появилась в то время, когда власть стала намеренно и упорядоченно пользоваться определенными компонентами уголовно-правового механизма, чтобы достичь стоящих перед ней на тот момент целей. Мы уже знаем, что уголовное право представляет собой инструмент управления социальными отношениями, а вот уголовная политика – это узаконивание уголовного права – «уголовной нормы – в действии» в этом месте и в данный момент или, иными словами, «уголовного права – здесь» [Александров, Александрова, Круглов 2006, с. 92].

Уголовной политике свойственна практичность. Она является уголовным правом в действии, намерением достичь правового порядка с некритичным количеством и качеством нарушений закона для приемлемого генерирования и воспроизведения социальных отношений того или иного вида.

Данное явление есть не только, а в определенном значении и не столько кодекс конкретных правил. Основное в нем – практическое воплощение, затруднительность и многовекторность смыслового наполнения которого обусловливают уместность использования в данном случае категории «политика» как искусства управления. Причем речь идет не только об управлении деятельностью по борьбе с преступностью, иначе говоря, организации правовой охраны, но и об управлении, собственно, преступностью.

Можно поддержать мнение о том, что проблематика теоретической аргументации базиса уголовной политики находится в тесной связи с осознанием, формулированием сути преступности как родственного предмета и объекта. С точки зрения традиционной уголовной политической науки преступность – это фатальный, неминуемый феномен, поэтому противодействие ему также перманентно. Для преступности, являющейся общественным феноменом и элементом социума, свойственно адаптироваться, мимикрировать одновременно с его эволюцией. Это оставляет свой след на процессе создания и осуществления уголовной политики, задачей которой является борьба с преступностью и достижение правового порядка. Не понимая такое явление, как преступность, нельзя выстроить результативную схему уголовной стратегии. В качестве «объекта» или «предмета» (не имеет особого значения, какой из этих терминов употреблять) преступность выступает в паре с такой категорией, как «субъект уголовной политики», подразумевающей госорганы, ведущие борьбу с ней.

Имеет значение то, что изменение политики взаимоотношений субъекта и объекта уголовной стратегии находится в зависимости от эволюционирования антропологии. Под воздействием науки о человеке уголовная политика переходит от одной разновидности к другой. В частности, появление нового восприятия значения человеческого фактора в конфликтных ситуациях обусловли-

вает необходимость отступления учеными от ранее применяемой методологии, уже не дающей существенного эффекта. Исследователи находятся в поиске новых идей в отношении уголовной стратегии и даже находят их, например, с точки зрения теоретического обоснования конфликта или иной концепции. То есть уголовная политология эволюционирует следом за эволюционированием наук, и свежие модели уголовной стратегии зарождаются после научных революций.

Список цитируемых источников

Александров, Александрова, Круглов 2006 – *Александров А. С., Александрова И. А., Круглов И. В.* Назначение уголовного судопроизводства и наказания. Н. Новгород : Нижегор. правовая акад., 2006. 159 с.

Бабаев, Пудовочкин 2014 – *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Проблемы российской уголовной политики. М. : Проспект, 2014. 296 с.

Гилинский 2013 – *Гилинский Я.* Некоторые тенденции мировой криминологии // Российский ежегодник уголовного права. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. ун-та, 2013. № 6. С. 8–31.

Конструирование девиантности 2011 – Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. СПб. : ДЕАН, 2011. 219 с.

Лесников 2005 – *Лесников Г. Ю.* К вопросу о понятии уголовной политики // Российский следователь. 2005. № 6. С. 25–29.

Лопашенко 2009 – *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. 579 с.

Маннс 1926 – *Маннс Г. Ю.* Общее и специальное предупреждение в уголовном праве. Иркутск : Власть труда, 1926. 72 с.

References

Aleksandrov, A. S., Aleksandrova, I. A. and Kruglov, I. V. (2006), *Naznachenie ugolovnogo sudoproizvodstva i nakazaniya* [Appointment of criminal proceedings and punishment], Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, Nizhny Novgorod, Russia.

Babaev, M. M. and Pudovochkin, Yu. E. (2014), *Problemy rossiiskoi ugolovnoi politiki* [Problems of Russian criminal policy], Prospekt, Moscow, Russia.

Gilinsky, Ya. (ed.) (2011), *Konstruirovanie deviantnosti* [The construction of deviance], DEAN, St. Petersburg, Russia.

Gilinsky, Ya. (2013), "Some trends in world criminology", *Rossiiskii ezhegodnik ugolovnogo prava,* SPbGU, St. Petersburg, no. 6, pp. 8–31.

Lesnikov, G. Yu. (2005), "On the concept of criminal policy", *Rossiiskij sledovatel',* no. 6, pp. 25–29.

Lopashenko, N. A. (2009), *Ugolovnaya politika* [Criminal policy], Volters Kluver, Moscow, Russia.

Manns, G. Yu. (1926), *Obshchee i special'noe preduprezhdenie v ugolovnom prave* [General and special warning in criminal law], Vlast' truda, Irkutsk, USSR.

Информация об авторе

Бидова Бэла Бертовна,
кандидат юридических наук, доцент, Чеченский государственный университет, Грозный, Российская Федерация; bela_007@bk.ru

Information about the author

Bidova Bela B.,
PhD (law), associate professor, Chechen State University, Grozny, Russian Federation; bela_007@bk.ru

Для цитирования

Бидова Б. Б. Теория уголовной политики: вопросы становления // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 152–156.

For citation

Bidova, B. B. (2020), "Theory of criminal policy: questions of formation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 152–156.

УДК 347. 965

Н. И. Биюшкина[1]
С. В. Остроумов[1]
М. А. Тюленева[1]
[1] *Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация*

N. I. Biyushkina[1]
S. V. Ostroumov[1]
M. A. Tyuleneva[1]
[1] *Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Эволюция нравственно-этических принципов адвокатской деятельности в России (на основе анализа взглядов В. Д. Спасовича)

The evolution of the moral and ethical principles of advocacy in Russia (based on the analysis of views of V. D. Spasovich)

Ключевые слова: принципы; адвокатская деятельность; этика; судебная реформа.

Аннотация. В статье анализируется эволюция нравственно-этических принципов адвокатской деятельности в России, характеризующих взаимоотношения адвоката и клиента. Предметом изучения выступают основополагающие начала функционирования адвокатуры, сформированные в результате проведения судебной реформы 1864 г. Анализ указанных принципов произведен на основе взглядов выдающегося ученого и судебного оратора XIX в. В. Д. Спасовича.

Key words: principles; advocacy; ethics; a judicial reform.

Abstract. The article analyzes the evolution of the moral and ethical principles of advocacy in Russia that characterize the relationship between a lawyer and a client. The subject of the study is the fundamental principles of the functioning of the bar formed as a result of the Judicial Reform of 1864. The analysis of these principles was made on the basis of views of the outstanding scientist and judicial speaker of the XIX century V. D. Spasovich.

Соблюдение нравственно-этических принципов является основой осуществления любого вида деятельности, особенно связанной с профессиональной защитой прав личности.

С момента возникновения в результате проведения судебной реформы 1864 г. и до настоящего времени институт адвокатуры в России является одним из основных институтов, осуществляющих правозащитную функцию в государстве. В настоящее время в Российской Федерации проводится реформирование юридической деятельности, направленное на закрепление в законодательстве принципа исключительно профессионального представительства в судах. В процессе данных преобразований к числу представителей адвокатского сообщества в перспективе будут причислены и не имевшие ранее адвокатского статуса частнопрактикующие юристы, в результате чего могут возникнуть некоторые сложности с соблюдением этических принципов профессиональной деятельности, на которых уже полтора века основывается институт адвокатуры в России.

© Биюшкина Н. И., Остроумов С. В., Тюленева М. А., 2020

В связи с этим определенный интерес представляет обращение к истокам формирования нравственно-этических принципов профессиональной деятельности адвокатов. Владимир Данилович Спасович, вошедший в число 27 первых присяжных поверенных в день торжественного открытия новых судов, учрежденных Судебными уставами 1864 г. [Григорьев 1870, с. 3], является одним из основоположников теории адвокатской деятельности в России. Многие известные правоведы в различные периоды уделяли внимание отдельным аспектам многоплановой деятельности В. Д. Спасовича. Одна группа состояла из авторов, которые анализировали адвокатскую деятельность В. Д. Спасовича [Винавер 1902; Кони 1914; Ляховецкий 1897; Скрипилев 1999]. Другая группа авторов рассматривала деятельность В. Д. Спасовича с позиций его вклада в юридическую науку [Арсеньев 1906; Кистяковский 1863; Смолярчук 1982]. Авторы, составляющие третью группу, исследовали преподавательскую деятельность В. Д. Спасовича [Григорьев 1870; Пантелеев 1958; Чучаев 2006].

Исследование формирования и эволюции нравственно-этических принципов деятельности присяжных поверенных будет осуществляться нами на основе взглядов именно В. Д. Спасовича, поскольку он одним из первых выступал за разработку и внедрение в практическую деятельность присяжных поверенных принципа сохранения адвокатской тайны, а также необходимости участия защиты на стадии предварительного расследования. В. Д. Спасович, в отличие от других сторонников судебной реформы 1864 г., одним из первых предложил научному сообществу и юридической общественности дефиницию ограниченной вменяемости, институт условно-досрочного освобождения и другие правовые инструменты, направленные на защиту прав и свобод.

В целях регулирования порядка адвокатской деятельности и надлежащей защиты прав граждан первым советам присяжных поверенных пришлось вырабатывать не только приемы адвокатской техники, но и правила адвокатской этики. Адвокатские нравы, по мнению В. Д. Спасовича, составляли самое дорогое и ценное, что охраняет чистоту, честь, достоинство и добропорядочность адвокатского звания [Спасович 1896, с. 6].

В речи на общем собрании петербургских присяжных поверенных 8 сентября 1876 г. В. Д. Спасович, анализируя назначение института адвокатуры, отмечал: «Наша профессия состоит в том, чтобы помогать обращающимся к нам лицам юридическим знанием нашим, острым словом, пером и речью. Слово есть оружие сильное, могущественное» [Гессен 1914, с. 222]. Ученый сравнивал адвокатскую деятельность с литературной и парламентской, указывая на то, что результаты адвокатской деятельности более блестящи, но в связи с этим у адвокатов больше завистников, чем у представителей других профессий.

В одной из застольных речей, произнесенной на обеде 30 апреля 1878 г., В. Д. Спасович сказал: «Мы, господа, не судьи, мы только защитники противоположных сталкивающихся интересов. Наша роль скромнее, и требования, к нам обращаемые, должны быть меньше. Эти меньшие требования мы точно исполняли. Их собственно три: 1. стараться отыскать в защищаемом интересе сторону положительную; 2. говорить все, что можно сказать в пользу этого интереса (не всю может быть правду, но одну только правду), наконец 3. не держать язык за зубами “страха ради иудейска”, а резать правду прямо в глаза, не боясь сильных мира сего, не сгибая шеи, не понижая голоса, ратуя смело, решительно, свободно» [Спасович 1903, с. 18].

Адвокатская деятельность В. Д. Спасовича содействовала выработке профессиональных принципов функционирования адвокатуры, основанных как на букве закона, так и на этических правилах, свойственных именно защитительной направленности института адвокатуры. Он призывал своих коллег высоко держать знамя адвокатской профессиональной чести. А. Ф. Кони, говоря о значительном вкладе в формирование адвокатской этики В. Д. Спасовича, отмечал: «Я был свидетелем его трудов и горячо приветствовал те основы судебной этики, которые закладывались им и в судебных прениях, и в определениях совета присяжных поверенных» [Кони 1968, с. 113].

Принципы адвокатской деятельности, в разработке которых активное участие принимал В. Д. Спасович, можно условно систематизировать следующим образом. Первую группу составляют принципы взаимоотношений адвоката и клиента; вторую группу – принципы взаимоотношений адвоката, суда и других государственных органов; третью группу – принципы отношений адвокатов между собой.

В рамках настоящей статьи мы подробно рассмотрим принципы, характеризующие взаимоотношения адвоката и клиента. Эти основополагающие начала неразрывно связаны:

1) с надлежащим исполнением профессиональных обязанностей, независимо от того, осуществляется защита по соглашению или назначению;

2) со строгой этической разборчивостью в выборе принимаемых на себя поручений;

3) с добросовестным отношением к выполнению обязанностей при оказании безвозмездной профессиональной помощи нуждающимся;

4) с неприкосновенностью сведений, составляющих адвокатскую тайну.

Раскрывая содержание каждого принципа, следует уточнить, что наиболее значимыми представляются следующие аспекты:

– установление пределов допустимого с этической точки зрения поведения адвокатов;

– добросовестность и объективность в осуществлении профессиональной юридической защиты, независимо от финансовых аспектов;

– соблюдение принципа законности при осуществлении профессиональной деятельности;

– обязанность сохранения профессиональной тайны.

При рассмотрении содержания ***принципа надлежащего исполнения профессиональных обязанностей, независимо от того, осуществляется защита по соглашению или назначению,*** остро встает вопрос по поводу гонорара за работу адвоката. Данный вопрос являлся одним из проблемных во взаимоотношениях адвоката и клиента, и нередко приобретает этическую окраску при осуществлении защиты по назначению.

Как указывал И. В. Гессен со ссылкой на Журнал заседания петербургского Совета присяжных

поверенных от 8 октября 1872 г., «одна из существенных и главнейших обязанностей присяжных поверенных заключается в защите подсудимых по назначению председателя; присяжный поверенный должен строго исполнять эту повинность» [Гессен 1914, с. 186]. В. Д. Спасович считал, что бесплатная защита – «это такая же повинность адвокатского звания, как повинность священника похоронить нищего или повинность лекаря оказать помощь умирающему, хотя бы этот умирающий не мог ему дать ни копейки» [Спасович 1890, с. 262–263]. Следует также отметить тот факт, что В. Д. Спасович, сравнивая работу адвоката по уголовным и гражданским делам, указывал на то, что наиболее прибыльным занятием являлись именно гражданские дела. Он объяснял данный факт следующим образом: «Только процесс гражданский, в котором решаются столкновения в правах имущественных зажиточнейших классов общества, может дать средства к существованию особому сословию судебных ходатаев. Труды адвокатуры в процессе уголовном – это большею частию даровая лепта, платимая адвокатами в пользу страждущего человечества, потому что значительное большинство подсудимых исходит из низших и беднейших слоев общества» [Спасович 1890, с. 263].

В. Д. Спасович считал, что добросовестный адвокат не должен относиться к своим обязанностям в зависимости от того, осуществляется ли защита по соглашению, или по назначению. Наиболее наглядно приверженность данному принципу В. Д. Спасович продемонстрировал при защите по назначению банкира С. А. Кронеберга, в процессе которой присяжный поверенный профессионально защищал обвиняемого, несмотря на отрицательное отношение к данному делу со стороны общественности и даже в условиях подрыва репутации самого В. Д. Спасовича [Спасович 1903, с. 49–71].

В. Д. Спасович определял принцип ***строгой этической разборчивости в выборе принимаемых на себя поручений*** как ***«строгую нетерпимость этическую»***, которая, с его точки зрения, может трактоваться как: «а) разборчивость в выборе принимаемых на себя дел и б) наибольшая деликатность и щепетильная брезгливость при изыскании средств к наживе» [Спасович 1903, с. 43–44].

В застольной речи на обеде в честь В. Н. Герарда 16 марта 1893 г. В. Д. Спасович отмечал: «Благородство адвоката проявляется еще в строгом выборе защит, в том, чтобы брать дела только честные, сторониться от тех, которые бы могли присвоить защитнику неприятную кличку: “прелюбодей мысли”» [18, с. 97–98].

В данном случае принципиальным становится вопрос о праве адвоката отказаться от принятия защиты в случае, когда поручение имеет, например, явно незаконное основание. Разрешение указанного вопроса было осуществлено Советом присяжных поверенных, который на основании доклада В. Д. Спасовича по результатам рассмотрения вопроса об обязанности ведения дел по праву бедности резюмировал, что «назначение поверенного безразлично по всякому делу, по которому выдано свидетельство на право бедности, может привести не столько к ограничению прав лиц действительно бедных, сколько к размножению ябеднических исков, и что присяжным поверенным следовало бы предоставить право отказываться от ведения возложенных на них дел, если они, очевидно, лишены всякого юридического основания и смысла» [Гессен 1914, с. 161–162].

Таким образом, действие ***принципа добросовестного отношения к выполнению обязанностей при оказании безвозмездной профессиональной помощи нуждающимся*** не исключало для адвоката возможности отказывать в защите по данной категории дел при наличии объективных причин.

Завершая анализ основных этических принципов взаимоотношений адвокатов и клиентов, необходимо остановиться на разборе одного из основополагающих принципов, а именно ***на принципе неприкосновенности сведений, составляющих адвокатскую тайну.*** Данный принцип, на наш взгляд, относится и к порядку взаимоотношений адвоката и клиента, и к порядку взаимоотношений адвоката, суда и других государственных органов. Содержание данного принципа разрабатывалось петербургским Советом присяжных поверенных в 1881 г.

Советом признавалось, что «первая обязанность защитника не раскрывать, даже по требованию суда, того, что он узнал от самого подсудимого или от других лиц по поручению подсудимого, под условием тайны. Все остальное, сообщенное защитнику как защитнику подсудимым или другими лицами, по поручению или без поручения подсудимого, или замеченное самим защитником, при исправлении им своих обязанностей (напр., смущение подсудимого при названии известного имени или факта) должно быть хранимо им в тайне, насколько это необходимо в интересах защиты; другими словами, раскрытие того, что одним из этих путей сделалось известным защитнику, позволительно только тогда, когда, по убеждению защитника, оно не может повредить подсудимому. Определять, что именно было вверено защитнику под условием тайны, разглашение чего именно было бы вредно для подсудимого, может только сам защитник, по внутреннему убеждению, основанному на знакомстве с делом, и с оправданиями, которые будет на суде представлять подсудимый» [Владимиров 1911, с.73].

Важным моментом в соблюдении принципа адвокатской тайны являлось разрешение вопроса о праве адвоката выступать свидетелем по делу.

Петербургский Совет присяжных поверенных пришел к выводу о том, что лицо, допрошенное в качестве свидетеля по конкретному делу, не может быть защитником по этому делу.

Однако по вопросу о том, вправе ли защитник выступать свидетелем по делу, в котором он участвует, среди членов Совета возникли разногласия. По мнению восьми членов Совета, в том числе Н. С. Таганцева и В. Д. Спасовича, законодательно «устраняя защитника от дачи показания, правосудие лишается, без достаточных оснований, существенного свидетеля во всех тех случаях, когда, например, защитник, или по просьбе своего клиента, или по соображениям, вытекающим из необходимости предупредить судебную ошибку, решится обнаружить профессиональную тайну. В подобных случаях не следовало бы стеснять лицо, исполнявшее обязанности защитника, ввиду чего представлялось бы желательным, подобно многим западноевропейским законодательствам, предоставить означенному лицу право отказываться, по своему усмотрению, от дачи показания по поводу признания, сделанного его клиентом, не обязывая его к тому законом» [Владимиров 1911, с. 74]. В результате данной полемики одержало верх мнение остальных членов Совета, заботившихся о том, чтобы не подрывать доверия подсудимых к защитникам, и считавших, что защитник не может давать свидетельские показания по делу, в котором он участвует.

Согласно журналам заседаний III отдела Комиссии по пересмотру законоположений о судебной части за 1896–1897 гг. «6 членов отдела (К. К. Арсеньев, В. М. Владимиров, А. Е. Кигин, П. В. Макалинский, А. Н. Познанский и В. Д. Спасовчи) признали, что защитники должны обязательно отказываться от дачи показания и что только согласие клиента освобождает их от сохранения тайны»[1].

В ходе революционных преобразований февраля – октября 1917 г. многие достижения российской юридической науки и практики были преданы забвению. В частности, институт адвокатуры как профессиональное самоуправляющееся корпоративное сообщество, основанное на нравственно-этических принципах деятельности, прекратил свое существование.

После упразднения института адвокатуры в 1917 г. Наркомюстом РСФСР 5 июля 1922 г. было утверждено Положение о коллегии защитников[2], которое закрепляло правовой статус защитников. Однако нравственно-этическим принципам деятельности защитников в указанном нормативном правовом акте не уделялось должного внимания.

Вместе с тем необходимо отметить, что советская адвокатура не повторяла в своих основополагающих началах принципы и иные особенности, отличавшие деятельность дореволюционных адвокатов. В сущности, советские адвокаты представляли собой штат чиновников, нацеленных в рамках революционного правосознания, сменившегося позднее социальной законностью, осуществлять профессиональную судебную защиту. Советские адвокаты в своей деятельности были обязаны прежде всего отстаивать интересы Советского государства, его идеологические приоритеты. Представляется, что это объясняется существовавшей в стране политической обстановкой, приведшей к подмене понятия общечеловеческой этики на революционную совесть и пролетарское сознание. С принятием Положения об адвокатуре РСФСР 25 июля 1962 г.[3] права и обязанности адвокатов, в том числе и этические, были конкретизированы и систематизированы в единую главу. Кроме того, ст. 2 указанного Положения предусматривала, что коллегии адвокатов призваны содействовать охране прав и законных интересов граждан, предприятий, учреждений, организаций и колхозов, соблюдению и укреплению социалистической законности, осуществлению правосудия.

Говоря о преемственности проанализированных нравственно-этических принципов, следует отметить, что в законодательстве советского периода принцип неприкосновенности сведений, составляющих адвокатскую тайну, был закреплен ст. 33 Положения об адвокатуре РСФСР. В данном нормативном правовом акте определялось, что адвокат не должен разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием юридической помощи по данному делу, а также не может быть допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах дела, которые стали ему известны в связи с выполнением обязанностей защитника по данному делу.

Следует отметить, что в дореволюционном законодательстве и законодательстве советского периода отсутствует предметная конкретизация информации, которая составляет понятие адвокатской тайны.

Другой чертой, характеризующей определенную преемственность, свойственную правовой регламентации института пореформенной советской адвокатуры, следует назвать бесплатную юридическую помощь населению, которую адвокаты должны были оказывать как в дореволюционной, так и в советской России.

[1] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 515. Л. 93.

[2] Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922–1928 гг. М. : Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1926.

[3] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 29, ст. 450.

В законодательстве советского периода право граждан на бесплатную юридическую помощь было закреплено в ст. 11 Закона СССР от 30 ноября 1979 г. «Об адвокатуре в СССР»[1].

В законодательстве современного периода анализируемые нравственно-этические принципы получили свое дальнейшее развитие.

Так, в действующем в настоящее время Кодексе профессиональной этики адвоката, принятом 31 января 2003 г.[2], подробно раскрываются сведения, которые составляют адвокатскую тайну. Следует отметить, что в данном документе указанные сведения более конкретизированы, чем в законодательстве прошлых лет, но и это представляется недостаточным. Тот факт, что перечень сведений, составляющих адвокатскую тайну, носит не исчерпывающий характер, на практике приводит к возникновениям трудностей в уяснении буквального смысла, содержащегося в определении таких сведений. Возможность расширительного толкования данного перечня может привести к злоупотреблениям как со стороны защиты, так и со стороны правоохранительных органов. В связи с этим представляется целесообразным в процессе дальнейшего развития данного принципа наиболее четко и полно конкретизировать перечень сведений, составляющих адвокатскую тайну.

Говоря о преемственности на современном этапе принципа добросовестного отношения к выполнению обязанностей при оказании безвозмездной профессиональной помощи нуждающимся, необходимо отметить, что именно организации надлежащего оказания бесплатной юридической помощи по гражданским делам уделяется в настоящее время особое внимание. В 2011 г. был принят Федеральный закон от 21 ноября № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», которым регламентирован порядок оказания бесплатной юридической помощи нуждающимся категориям граждан[3]. Данный закон в первую очередь направлен на защиту прав и свобод социально незащищенных граждан путем реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи. Следствием реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи является повышение уровня социальной защищенности граждан, что в конечном итоге формирует состояние социальной стабильности в государстве.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующий вывод: на всем протяжении своего развития основные этические начала адвокатской деятельности привлекали к себе особое внимание правоведов. Изучение этических принципов правозащитной деятельности является актуальным на любом этапе исторического развития государства. Проведенное нами исследование подтверждает определенную преемственность в развитии дореволюционного, советского и современного законодательства об адвокатуре. Анализ эволюции некоторых рассмотренных нами этических принципов адвокатской деятельности демонстрирует факт не только заимствования сущности основных начал, установленных при проведении реформы 1864 г., в законодательстве последующих периодов, но и иллюстрирует качественное изменение и дополнение смысла указанных принципов. Данный факт подтверждает возможность и необходимость дальнейшего совершенствования основных этических принципов адвокатской деятельности, возникших при проведении судебной реформы 1864 г. и существующих в настоящее время.

Список цитируемых источников

Арсеньев 1906 – *Арсеньев К. К.* Спасович в юридическом обществе // Вестник права. 1906. Кн. 4. С. 492–498.

Винавер 1902 – *Винавер М. М.* Очерки об адвокатуре. Спб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 218 с.

Владимиров 1911 – *Владимиров Л. Е.* Advocatusmiles. Пособие для уголовной защиты. Спб. : Изд. кн. магазина и юрид. изд-ва Ив. Ив. Зубкова под фирмой «Законоведение», 1911. 252 с.

Гессен 1914 – *Гессен И. В.* История русской адвокатуры : в 3 т. Т. 1 : Адвокатура, общество и государство, 1864–1914 гг. М. : Изд. Советов присяжных поверенных, 1914. 672 с.

Григорьев 1870 – *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Спб. : Тип. В. Безобразова, 1870. 433 с.

Кистяковский 1863 – *Кистяковский А. Ф.* [Рецензия] Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. 1, вып. 1-й // Журнал Министерства юстиции. 1863. № 7. С. 193–210.

Кони 1914 – *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетию Судебных Уставов). М. : Изд-во журн. «Русская мысль», 1914. 349 с.

Кони 1968 – *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. Т. 5. М. : Юрид. лит., 1968. 536 с.

[1] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1979. № 49, ст. 846.

[2] Российская газета. 2005. 5 окт.

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48, ст. 6725.

Ляховецкий 1897 – *Ляховецкий Л. Д.* Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. Спб. : «Центральная» Типо-Литография М. Я. Минкова, 1897. 325 с.

Пантелеев 1958 – *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М. : Гослитиздат, 1958. 848 с.

Скрипилев 1999 – *Скрипилев Е. А.* В. Д. Спасович – король русской адвокатуры. М. : Республика, 1999. 210 с.

Смолярчук 1982 – *Смолярчук В. И.* В. Д. Спасович: ученый-юрист, литератор, судебный оратор // Советское государство и право. 1982. № 10. С. 93–99.

Спасович 1903 – *Спасович В. Д.* Застольные речи в собраниях сословия присяжных поверенных округа С.-Петербургской судебной палаты (1873–1901). Лейпциг : ДиВельт, 1903. 104 с.

Спасович 1890 – *Спасович В. Д.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3 : Статьи, диссертации, лекции юридического содержания. Спб. : Тип. Ф. Сущинского, 1890. 544 с.

Спасович 1896 – *Спасович В. Д.* Об организации адвокатуры // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 3. С. 1–20.

Спасович 1894 – *Спасович В. Д.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6 : Судебные речи (1875–1882). Спб. : Книжный магазин Бр. Рымович, 1894. 378 с.

Чучаев 2006 – *Чучаев А.* В. Д. Спасович – ученый, педагог, судебный оратор // Законность. 2006. № 10. С. 60–62.

References

Arsen'ev, K. K. (1906), "Spasovich in the legal society", *Vestnik prava,* book 4, pp. 492–498.

Vinaver, M. M. (1902), *Ocherki ob advokature* [Essays on the bar], Tipografiya M. M. Stasyulevicha, St. Petersburg, Russian Empire.

Vladimirov, L. E. (1911), *Advocatusmiles. Posobie dlya ugolovnoi zashchity* [Advocatusmiles. Manual for criminal defense], Izdanie knizhnogo magazina i yuridicheskogo izdatel'stva I. I. Zubkova pod firmoj "Zakonovedenie", St. Petersburg, Russian Empire.

Gessen, I. V. (1914), *Istoriya russkoi advokatury* [The history of Russian advocacy, in 3 vol., Vol. 1 Advocacy, society and the state, 1864–1914], Izdanie Sovetov prisyazhnykh poverennykh, Moscow, Russian Empire.

Grigor'ev, V. V. (1870), *Imperatorskii S.-Peterburgskii universitet v techenie pervykh pyatidesyati let ego sushchestvovaniya* [Imperial St.-Petersburg University during the first fifty years of its existence], Tipografiya V. Bezobrazova, St. Petersburg, Russian Empire.

Kistyakovsky, A. F. (1863), "Textbook of criminal law, compiled by V. Spasovich, vol. 1, issue 1", *Zhurnal Ministerstva yustitsii,* no. 7, pp. 193–210.

Koni, A. F. (1914), *Ottsy i deti sudebnoi reformy (k pyatidesyatiletiyu Sudebnykh Ustavov)* [Fathers and children of judicial reform (on the occasion of the fiftieth anniversary of the Judicial Statutes)], Izdatel'stvo zhurnala "Russkaya mysl'", Moscow, Russian Empire.

Koni, A. F. (1968), *Sobranie sochinenii* : v 8 t., t. 5 [Collected works, in 8 vol., vol. 5], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Lyakhovetsky, L. D. (1897), *Kharakteristika izvestnykh russkikh sudebnykh oratorov s prilozheniem izbrannoi rechi kazhdogo iz nikh* [Description of famous Russian judicial speakers with the application of the selected speech of each of them], "Tsentral'naya" Tipo-Litographiya M. Ya. Minkova, St. Petersburg, Russian Empire.

Panteleev, L. F. (1958), *Vospominaniya* [Memoirs], Goslitizdat, Moscow, USSR.

Skripilev, E. A. (1999), *V. D. Spasovich – korol' russkoi advokatury* [V. D. Spasovich – king of the Russian bar], Respublika, Moscow, Russia.

Smolyarchuk, V. I. (1982), "V. D. Spasovich: legal scholar, writer, judicial speaker", *Sovetskoe gosudarstvo i pravo,* no. 10, pp. 93–99.

Spasovich, V. D. (1903), *Zastol'nye rechi v sobraniyakh sosloviya prisyazhnykh poverennykh okruga S.-Peterburgskoi sudebnoi palaty (1873–1901)* [Table speeches in the collections of the estate of jurors of the district of the St. Petersburg Judicial Chamber (1873–1901)], DiVel't, Leipzig, Germany.

Spasovich, V. D. (1890), *Sobranie sochinenii : v 10 t. T. 3 : Stat'i, dissertatsii, lektsii yuridicheskogo soderzhaniya* [Collected works, in 10 vol., vol. 3 Articles, dissertations, lectures of legal content], Tipografiya F. Sushchinskogo, St. Petersburg, Russian Empire.

Spasovich, V. D. (1896), "About the organization of the legal profession", *Zhurnal Ministerstva yustitsii,* no. 3, pp. 1–20.

Spasovich, V. D. (1894), *Sobranie sochinenii : v 10 t. T. 6 : Sudebnye rechi (1875–1882)* [Collected works, in 10 vol., vol. 6 Judicial speeches (1875–1882)], Knizhnyi magazin Br. Rymovich, St. Petersburg, Russian Empire.

Chuchaev, A. (2006), "V. D. Spasovich – scientist, teacher, judicial speaker", *Zakonnost',* no. 10, pp. 60–62.

Информация об авторах

Биюшкина Надежда Иосифовна,
доктор юридических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация; tigp@jur.unn.ru
Остроумов Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация; tigp@jur.unn.ru
Тюленева Марина Александровна,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация; gpip@jur.unn.ru

Information about the authors

Biyushkina Nadezhda I.,
Doctor of law, professor, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation; tigp@jur.unn.ru
Ostroumov Sergej V.,
PhD (law), associate professor, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation; tigp@jur.unn.ru
Tyuleneva Marina A.,
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
gpip@jur.unn.ru

Для цитирования

Биюшкина Н. И., Остроумов С. В., Тюленева М. А. Эволюция нравственно-этических принципов адвокатской деятельности в России (на основе анализа взглядов В. Д. Спасовича) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 157–163.

For citation

Biyushkina, N. I., Ostroumov, S. V. and Tyuleneva, M. A. (2020), “The evolution of the moral and ethical principles of advocacy in Russia (based on the analysis of views of V. D. Spasovich)”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 1(54), pp. 157–163.

УДК 339.92

Р. Б. Головкин[1]
И. О. Кирова[1]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

R. B. Golovkin[1]
I. O. Kirova[1]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*

Перспективы формирования единого цифрового пространства Евразийского экономического союза

Perspectives of development of one digital space the Eurasian Economic Union

Ключевые слова: интеграция; Евразийский экономический союз; единое цифровое пространство; информационные технологии.

Аннотация. Статья посвящена перспективам формирования единого цифрового пространства в рамках Евразийского экономического союза. Гипотезой предполагается, что интерес к интеграции с каждым годом возрастает, создаются множество программ в разных отраслях, в том числе по цифровизации, но практически они не выполняются. Рассмотрена цифровая повестка, рассчитанная до 2025 г., выявлены проблемы, возникающие при ее реализации и предложены пути их решения. Авторы используют статистический метод при анализе фактического состояния, проблем и возможностей цифровой интеграции на основе данных Федеральной службы государственной статистики и Евразийской экономической комиссии. Полученные выводы могут быть использованы для формирования предложений по дальнейшему сотрудничеству между странами Евразийского экономического союза, а также для изучения интеграционной политики.

Key words: integration; the Eurasian Economic Union; a common digital space; information technology.

Abstract. The article is devoted to the prospects for the formation of a common digital space within the Eurasian Economic Union. The hypothesis suggests that the interest in integration increases every year, many programs are created in different industries, including digitalization, but they are practically not implemented. The digital agenda meant to be used till 2025 is considered, the problems arising during its implementation are revealed and the ways of their solution are offered. The authors use a statistical method, analyzing the actual state, problems and opportunities of digital integration on the basis of data from the Federal state statistics service and the Eurasian Economic Commission. The findings can be used to form proposals for further cooperation between the Eurasian Economic Union countries, as well as to study the integration policy.

В современном мире все сферы жизни общества стремительно меняются. Значительную роль в этих процессах сыграли информационные технологии, с каждым годом все более активно внедряющиеся в жизнь человека. Сами граждане, государственные органы, юридические лица используют средства мобильной связи, сети «Интернет» (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес населения, пользующегося услугами сети «Интернет» в общей численности населения соответствующей группы, %[1]

Страна	2015	2016	2017
Республика Беларусь	67,3	71,1	74,4
Россия	77,1	77,1	80,1

Под этим влиянием исследователи говорят об алгоритмизации и машинизации права, цифровых правах и интеллектуальной собственности, переосмысляются базовые понятия, раньше считавшиеся незыблемыми, правовое регулирование на национальном и международном уровнях характеризуется цифровизацией[2]. При этом актуальными являются определение роли права в киберпространстве и обеспечение правового суверенитета [Федотов 2016, с. 166].

Все государства в своей национальной политике рассматривают процессы цифровой трансформации экономики. Однако для дополнительной устойчивости и масштабирования экономик необходимо

[1] Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://www.gks.ru (дата обращения: 09.11.2019).

[2] Обзор XII Ежегодных научных чтений, посвященных памяти профессора С. Н. Братуся, на тему «Проблемы правосубъектности на современном этапе» // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 12.

© Головкин Р. Б., Кирова И. О., 2020

задействовать интеграционный фактор. Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе (далее: ЕАЭС) активно затрагивают сферу цифровизации. С 2015 г. в рамках Евразийской экономической комиссии идет разработка вопросов правового регулирования трансграничного пространства доверия. С 2016 г. происходит формирование единого цифрового пространства ЕАЭС, который был законодательно урегулирован решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»[1] и Протоколом об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза[2]. Цифровая повестка затрагивает вопросы по цифровой трансформации в рамках развития интеграции, укрепления единого экономического пространства и углубления сотрудничества государств-членов. Кроме того, существуют проекты Стратегических направлений формирования и развития цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2025 года, Общих подходов к формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2030 года, Предложений по формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза. В рамках их реализации планируется создание Цифрового кодекса ЕАЭС и Декларации по цифровой экономике ЕАЭС.

Гипотезой настоящего исследования предполагается, что интерес к интеграции с каждым годом возрастает, создается множество программ в разных отраслях, в том числе по цифровизации, но практически они не выполняются.

Цифровое пространство охватывает сферы экономического сотрудничества, определенные Договором о Евразийском экономическом союзе от 26 мая 2014 г.[3] Государства-члены самостоятельно реализуют национальную политику в сфере цифровизации экономики и национальные мероприятия по развитию цифровой повестки. Предусматривается, что реализация цифровой повестки не должна препятствовать их национальной политике.

Согласно решению Высшего Евразийского экономического совета цифровая повестка будет реализовываться в несколько этапов. До 2019 г. планировались моделирование процессов цифровой трансформации, проработка первых инициатив и запуск приоритетных проектов. Такими приоритетными инициативами являются цифровая прослеживаемость движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов, цифровая торговля, цифровые транспортные коридоры, цифровая промышленная кооперация, Соглашение об обороте данных в ЕАЭС и система регулятивных «песочниц».

Цифровая прослеживаемость создает условия взаимного цифрового обмена и взаимодействия в сфере торговли. Она тесно связана с национальными системами маркировки товаров, акцизов, мониторинга движения отдельных видов товаров, документальной прослеживаемостью, оперирует участниками оборота, товарами, изделием, упаковкой. Соответственно, создаются классификатор товаров ЕАЭС, реестры товаров, участников оборота, сведений о выпущенных в оборот товаров, транзакций. В Цифровой платформе товаров ЕАЭС стандартизируются и унифицируются все товары.

Соглашение об обороте данных подразумевает обмен персональными, промышленными данными, унификацию работы с тайнами (государственными, банковскими). Необходимо создать гармоничное законодательство, которое будет служить интересам ЕАЭС и при этом не противоречить европейским стандартам и позволит обмениваться данными внутри ЕАЭС и с Европой. На данный момент ведется работа по реализации данного направления, оцениваются риски нововведений.

В рамках ЕАЭС также происходит создание единого платежного пространства, что подразумевает полный отказ от использования доллара и евро в расчетах стран-участниц между собой к 2025–2030 гг. Его развивать возможно на базе технологии распределенных реестров или новых процессинговых технологий для всех стран ЕАЭС. Центробанки Белоруссии и России в конце октября рассмотрят «дорожную карту» в рамках программы углубленной интеграции. Это подразумевает создание системы мультивалютных операций, альтернативной системы для финансовых расчетов, интеграцию платежных систем по карточным операциям и возможное создание единой валюты. В ее рамках существует принятие карт «Мир» на территории Армении, Казахстана и Кыргыстана, с 2020 г. планируется реализовать взаимодействие платежных систем России и Белоруссии, а также альтернативный сервис для проведения платежей в СНГ, минуя SWIFT, что удешевит расчеты между предприятиями двух стран[4].

Премьер-министр Российской Федерации на совещании со своими заместителями отметил, что нужно выходить на единые стандарты оказания услуг, включая и отмену внутрисетевого роуминга, подписав соответствующее постановление,

[1] URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 09.11.2019).

[2] URL: http://www.eurasiancommission.org/ (дата обращения: 09.11.2019).

[3] Там же.

[4] СОЮЗ. Беларусь – Россия. Специальный проект rg.ru. URL: https://rg.ru/soyuz/ (дата обращения: 10.11.2019).

которое на территории России вступило в силу с 1 июня 2019 г.[1] Первым этапом в этой работе в рамках ЕАЭС стала отмена роуминга между Россией и Белоруссией, которую планировали ввести с начала 2020 г. Госдума не поддержала в первом чтении законопроект, внесенный по инициативе ЛДПР, отметив, что решение об отмене роуминга должно приниматься на уровне наднационального регулирования при поддержке стран – членов ЕАЭС. На данный момент в переговорах возникли разногласия по поводу снижения оптовых цен. Подписание «дорожной карты» по отмене роуминга должно было произойти в сентябре 2019 г., и после этого фактический процесс отмены должен занять шесть-девять месяцев, но этого не произошло. Можно надеяться, что к 2021 г. роуминг будет отменен. В октябре 2019 г. инициативу также поддержали премьер-министр Казахстана Аскар Мамин и руководитель постоянной комиссии в национальном собрании Армении по региональным вопросам и вопросам евразийской интеграции Микаел Мелкумян[2]. При достижении необходимых соглашений проект отмены роуминга на территории ЕАЭС приблизится к своей реализации, что поспособствует улучшению интеграционных процессов среди наших стран.

Второй этап цифровой повестки включает в себя формирование институтов цифровой экономики и цифровых активов, а также развитие цифровых экосистем. Его планируют провести до 2022 г., а до 2025 г. планируется полностью реализовать цифровую повестку, создать цифровые экосистемы и цифровое сотрудничество на глобальном, региональном, национальном и отраслевом уровнях.

В рамках интегрированной информационной системы подразумеваются создание и ведение единой системы нормативно-справочной информации ЕАЭС, общих информационных ресурсов, межгосударственный обмен данными и электронными документами. Планируется также формирование цифровых рынков, цифровой инфраструктуры, цифровых активов, цифровой кросс-отраслевой и отраслевой трансформации, сетей и центров обеспечения цифровой трансформации экономики.

Цифровая трансформация заключается в сквозной цифровизации всех физических активов и их включении в цифровую экосистему на основе цифровой платформы. Кросс-отраслевая трансформация – это взаимодействие различных отраслей экономики, создание новых бизнес-моделей и сквозных цифровых процессов через традиционные стыки отраслей, а также трансграничной кооперации. В ее итоге должны произойти снижение издержек, сокращение числа посредников, снижение барьеров при выходе на новые рынки, а также возникновение новых возможностей по получению услуг посредством использования сети «Интернет», что приведет к развитию цифрового рынка, упрощению торговых процедур и свободному движению товаров, услуг, капитала и рабочей силы, что служит реализации принципов самого ЕАЭС.

В СНГ активно развивается онлайн-торговля. В ноябре 2019 г. Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ, Россия) и Ассоциация предприятий онлайн-торговли (АПОТ, Беларусь) подписали соглашение о развитии электронной коммерции, в рамках которого планируется снять основные барьеры и ограничения, существующие на территории стран ЕАЭС в области электронной коммерции и гармонизировать потребительское законодательство.

В рамках цифровой трансформации также планируется создание полноценного электронного правительства, о чем заявил на V Всебелорусском народном собрании А. Г. Лукашенко. Его реализация назначена на 2020 г. Кроме того, идут обсуждения о создании «хайтек-университета» – учреждения цифрового образования, в котором будет вестись подготовка кадров новой формации[3].

Достижение целей цифровой повестки однозначно должно привести к определенным положительным результатам. Ими могут стать повышение конкурентоспособности, включение государств в глобальные процессы цифровой трансформации, выравнивание их уровня, расширение возможностей развития. К 2025 г. прогнозируется повышение уровня совокупного ВВП на 11%, рост занятости в отрасли информационно-коммуникационных технологий (далее: ИКТ) увеличится на 66,4 %, что почти на 50 % больше, чем в случае цифрового развития государств-членов без реализации совместной цифровой повестки (рис. 1, 2).

Рост занятости в отрасли ИКТ обеспечит дополнительный рост общей занятости на 2,46 %.

Дополнительный прирост объема экспорта услуг ИКТ может составить до 74 %.

Реализация цифровой повестки потребует тщательной оценки перспектив и рисков цифрового пространства, гармонизации законодательства ЕАЭС, в частности, правил ведения трансграничной электронной торговли, а также национального законодательства в цифровой сфере, стимулирования ведения бизнеса в цифровой форме, координации действий в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и прав потребителей цифрового рынка, а также включения вопросов регулирования сотрудничества в сфере цифровой экономики в повестку дня торговых пе-

[1] *Кузьмин В.* Выйти на связь // Российская газета. 2019. 27 мая.

[2] СОЮЗ. Беларусь – Россия. Специальный проект rg.ru.

[3] Там же.

реговоров ЕАЭС с третьими странами. Необходимо тщательно урегулировать электронное взаимодействие налоговых органов, органов записи актов гражданского состояния для решения коллизий в рамках ЕАЭС.

В качестве примера можно привести коллизии в семейном законодательстве, а именно заключение двойных браков между гражданами стран – членов ЕАЭС. В целом можно отметить высокие показатели миграции в данном регионе (рис. 3).

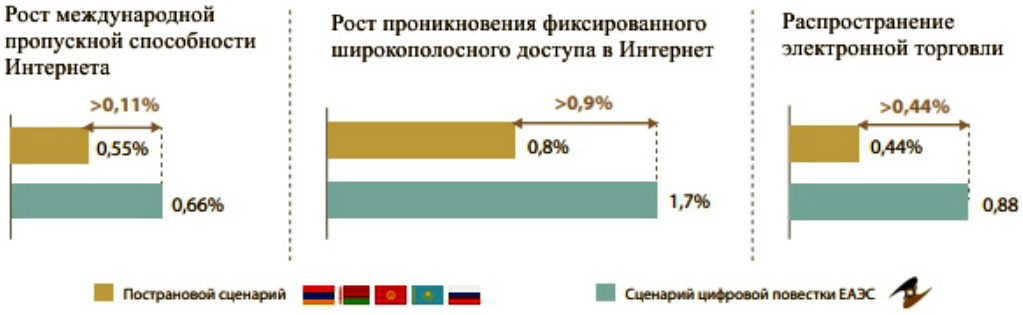

Рис. 1. Сравнительный рост ВВП при внедрении страновых и региональных цифровых повесток в 2018–2025 гг.[1]

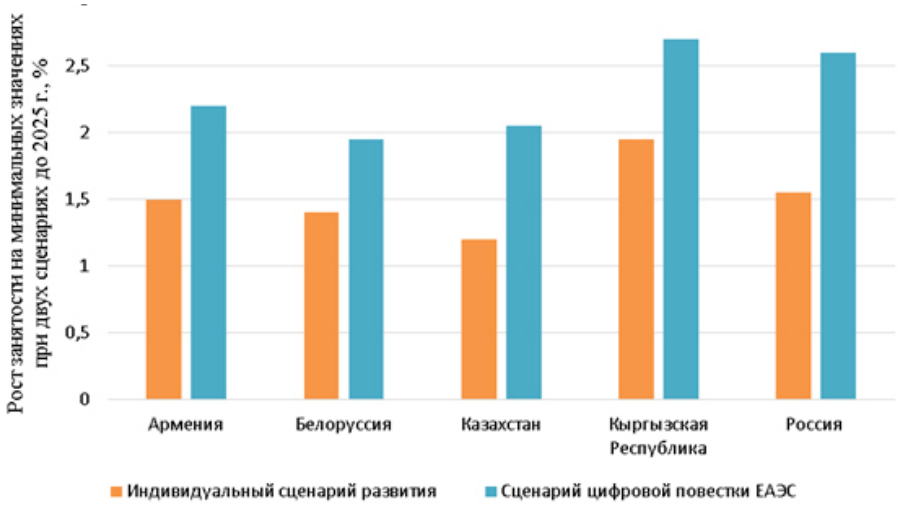

Рис. 2. Влияние цифровой экономики на рост занятости на минимальных значениях при двух сценариях до 2025 г.[2]

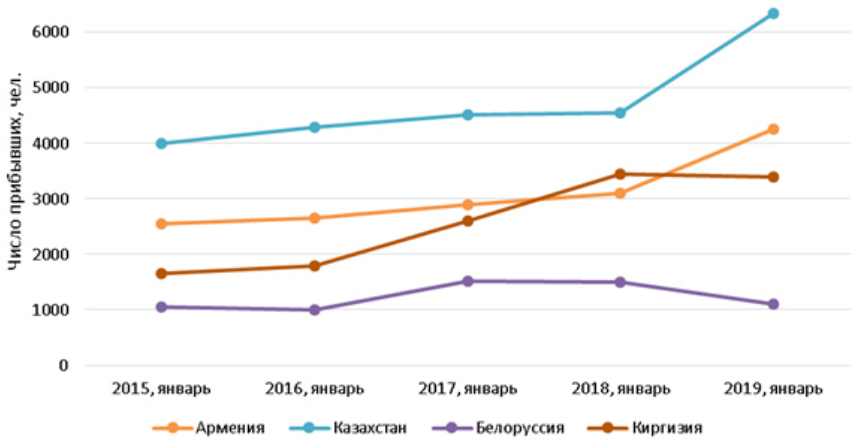

Рис. 3. Число прибывших в Российскую Федерацию граждан из государств – членов ЕАЭС (январь 2015 г. – январь 2019 г.)[3]

[1] Обзор группы Всемирного банка «Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации». URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Обзор%20ВБ.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

[2] Там же.

[3] Федеральная служба государственной статистики : [сайт].

Согласно данным статистического сборника Федеральной службы государственной статистики «Семья в России»[1] (табл. 2) в Российскую Федерацию прибывает значительное количество мигрантов, не указывающих свое семейное положение. Следовательно, такие лица могут быть возможными нарушителями семейного законодательства.

Таблица 2

Брачное состояние мигрантов

Прибыло из-за пределов Российской Федерации, чел.	2004	2005	2006	2007
Всего	104 550	155 056	163 687	256 707
в том числе: состоящие в браке	52 645	76 380	80 371	115 170
никогда не состоявшие в браке	27 604	42 367	47 878	70 348
вдовые	9 434	13 811	11 342	13 312
разведенные	9 381	13 959	13 998	18 297
не указавшие брачного состояния	5 486	8 539	10 098	39 580

Создание единой базы данных по актам гражданского состояния позволило бы решить данные коллизии и в определенной степени повысить уровень правосознания населения.

Практика развития правового регулирования информационных отношений в Российской Федерации, реализация принципа импортозамещения в сфере информационных технологий вступают в противоречия с процессами евразийской интеграции, с созданием единого рынка услуг в сфере разработки программного обеспечения.

Цифровизация экономик, с одной стороны, безусловно, способствует их динамичному росту, повышению конкурентоспособности. Однако, с другой стороны, значительно усложняются процедуры учета, контроля и налогообложения, что в том числе может повлечь за собой бюджетные потери. В то же время излишняя зарегулированность этого процесса может снизить инвестиционную привлекательность наших стран. Цифровизация экономических процессов обусловливает необходимость разработки и применения новых сбалансированных механизмов налогообложения и налогового администрирования на пространстве ЕАЭС.

Итак, несмотря на сложности, риски и противоречия, цифровая повестка окажет существенное влияние на экономику государств – членов ЕАЭС.

Завершая статью, можно заключить, что для реализации цифровой повестки необходимы подписание соглашений и их практическое выполнение по следующим направлениям:

1. Унифицировать законодательство о персональных данных и различных видах тайн в целях возможного обмена данными внутри ЕАЭС.

2. Создать и ввести единую систему нормативно-справочной информации ЕАЭС.

3. Создать единое платежное пространство, а именно: альтернативную систему для финансовых расчетов, интегрировать платежные системы по карточным операциям и создать единую валюту.

4. Отменить роуминг на территории ЕАЭС.

5. Создать общие информационные ресурсы на примере телеканала Союзного государства «БелРос».

6. Создать реестр для межгосударственного обмена данными и электронными документами.

7. Создать полноценное электронное правительство.

8. Создать «хайтек-университет».

9. Обеспечить электронное взаимодействие налоговых органов, органов записи актов гражданского состояния, например, в виде единой базы данных ЕАЭС.

10. Создать совместный банк ДНК-данных – единой базы данных хранения геномной информации и организовать проведение обязательной государственной геномной регистрации всех лиц, хотя бы однажды совершивших преступление, для ускорения раскрытия преступлений в рамках ЕАЭС.

[1] Семья в России : стат. сб. / Федеральная служба гос. статистики ; [редкол.: А. Е. Суринов и др.]. М. : Росстат, 2008. 310 с.

Список цитируемых источников

Ефремов 2016 – *Ефремов А. А.* Единые цифровые пространства: в поиске баланса между интеграцией и суверенностью // Информационное право. 2016. № 3. С. 36–39.

Носов 2019 – *Носов С. И.* Право и информатизация // Юрист. 2019. № 4. С. 54–63.

Федотов 2016 – *Федотов М. А.* Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex Russica. 2016. № 3(112). С. 164–182.

References

Efremov, A. A. (2016), "Single digital spaces: finding a balance between integration and sovereignty", *Informatsionnoe pravo,* no. 3, pp. 36–39.

Fedotov, S. I. (2016), "Constitutional responses to the challenges of cyberspace", *Lex Russica,* no. 3(112), pp. 164–182.

Nosov, S. I. (2019), "Law and Informatization", *Yurist*, no. 4, pp. 54–63.

Информация об авторах

Головкин Роман Борисович,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; golovkinrombor@mail.ru

Кирова Ирина Олеговна,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; kirovaio@mail.ru

Information about the authors

Golovkin Roman B.,
Doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; golovkinrombor@mail.ru

Kirova Irina O.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; kirovaio@mail.ru

Для цитирования

Головкин Р. Б., Кирова И. О. Перспективы формирования единого цифрового пространства Евразийского экономического союза // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 164–169.

For citation

Golovkin, R. B. and Kirova, I. O. (2020), "Perspectives of development of one digital space the Eurasian Economic Union", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 164–169.

УДК 351.74:94(47).084.8

А. В. Гудкова[1]
Д. А. Ерин[1]
А. В. Балакин[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

A. V. Gudkova[1]
D. A. Erin[1]
A. V. Balakin[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Некоторые направления деятельности органов НКВД СССР г. Владимира и Владимирской области в годы Великой Отечественной войны

Some directions of the activity of the USSR NKVD bodies in Vladimir and Vladimir region during the Great Patriotic War

Ключевые слова: НКВД СССР; Владимирская область; милиция; борьба с бандитизмом; Великая Отечественная война.

Аннотация. В статье на основе анализа архивных источников УМВД по Владимирской области и материалов официальных изданий органов советской власти г. Владимира и Владимирской области раскрываются некоторые аспекты деятельности органов НКВД СССР в период Великой Отечественной войны.

Key words: USSR NKVD; Vladimir region; militia; fight against banditry; Great Patriotic War.

Abstract. On the basis of the use of archival sources of UMVD in Vladimir region and materials of official publications of the bodies of Soviet power of Vladimir and the region some aspects of the activity of the bodies of NKVD of the USSR during the Great Patriotic War are revealed in the article.

Функционирование органов НКВД СССР всегда вызывало и до сих пор вызывает интерес как у профессиональных исследователей, так и у широкой аудитории, кому не безразлична история отечественной правоохранительной системы. Особое место в этом ряду занимает деятельность НКВД СССР и всех элементов его структуры в период Великой Отечественной войны. Необходимо подчеркнуть, что исследованию данной проблематики посвящено немало работ, раскрывающих порядок организации и деятельности милиции, органов государственной безопасности, ГУЛАГ, военизированной пожарной охраны НКВД СССР как в масштабах всего Советского государства, так и на примере союзных и автономных республик, а также краев и областей [Гусак 2010; Киселёва 2004; Матросова 2004; Мулукаев 2015; Сальников, Степашин, Янгол 1999].

В рамках предстоящего празднования 75-летия Великой Победы считаем целесообразным обратиться к деятельности органов НКВД СССР конкретных административно-территориальных образований (краев, областей, районов, поселков) и попытаться раскрыть специфику реализации функций советских правоохранительных органов в годы войны на примере Владимирской земли, опираясь на местные источники, которые в силу объективных причин недоступны широкому кругу российских ученых. Кроме того, исследование деятельности органов НКВД СССР на местах позволит добавить информации в общую картину их функционирования в масштабах всего Советского Союза.

История организации и деятельности органов НКВД Владимирской земли до настоящего времени не была предметом серьезных исследований отечественных историков и юристов. Большинство известных работ, которые так или иначе затрагивают эту проблематику, в основном носят публицистический или информационный характер [На острие закона 2006; Сухарев 2002]. Именно поэтому настоящее исследование преследует цель частично восполнить существующий пробел и раскрыть некоторые направления деятельности органов НКВД СССР на Владимирской земле в период Великой Отечественной войны.

Владимирская губерния прекратила свое существование в 1928 г., а вся ее территория в рамках укрупнения краев и областей была распределена между тремя областями. Причем большая часть вошла в состав Ивановской промышленной области, а оставшаяся часть была разделена между Горьковской и Московской областями. К началу Великой Отечественной войны в городах и районах Владимирщины в соответствии со штатной

© Гудкова А. В., Ерин Д. А., Балакин А. В., 2020

структурой функционировали городские отделы НКВД с подчинением соответствующим УНКВД, например, Владимирский, Александровский, Ковровский подчинялись УНКВД по Ивановской области, а Муромский – УНКВД по Горьковской области. Кроме того, были городские и районные отделения. Последние после восстановления Владимирской области приказом НКВД СССР от 24 августа 1944 г. № 1040[1] из УНКВД по Ивановской области передавались во Владимирский городской отдел (переименованный во Владимирский райотдел) Александровский и Ковровский городские отделы; Вязниковское, Гусь-Хрустальное, Кольчугинское городские отделения; Гороховецкое, Камешковское, Киржачское, Курловское, Меленковское, Небыловское, Никологорское, Селивановское, Собинское, Струнинское, Судогодское, Суздальское, Юрьев-Польское районные отделения, общие тюрьмы № 2, 5, 6, 7, 8. Из УНКВД по Горьковской области в состав УНКВД по Владимирской области были переданы Муромский городской отдел, Ляховское, Фоминское отделения и общая тюрьма № 4; из УНКВД по Московской области – Петушинское районное отделение и тюрьма № 3.

Великая Отечественная война, безусловно, оказала влияние на деятельность всего государственного аппарата и его органов, в том числе и органов НКВД СССР, как то: милиция, пожарная охрана, органы безопасности, исправительно-трудовая система, – которые были вынуждены осуществлять свою деятельность в новых условиях. При этом, несмотря на состояние войны, советские правоохранительные органы продолжали решать поставленные Советским государством задачи, закрепленные соответствующими нормативными актами еще в довоенный период. Вместе с тем в условиях войны произошел ряд структурных преобразований системы, а некоторые направления деятельности органов НКВД СССР приобрели более значимый характер, в отличие от предыдущего исторического периода существования Советского государства.

В частности, в рамках охраны общественного порядка, которая являлась основной функцией советской милиции, важнейшее значение приобрела работа по оказанию содействия в выполнении решений местных органов советской власти и управлении в сфере обеспечения обороны и безопасности городов и других населенных пунктов, в части борьбы с преступностью особое место стала занимать борьба с хищениями и спекуляцией. Отдельное внимание начали уделять деятельности по борьбе с бандитизмом, которая осуществлялась соответствующими органами НКВД СССР – отделами по борьбе с бандитизмом.

Основные вопросы борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и осуществления предварительного следствия законодательно были закреплены соответствующими нормативными актами, принятыми в довоенный период, а также законами военного времени. Среди них особого внимания заслуживают такие как: указы Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении»[2], «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения»[3]. Согласно последнему на военном положении, среди прочих территорий СССР, объявлялись Московская и Ивановская области, в состав которых входило большинство районов бывшей Владимирской губернии.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» подчеркивалось, что все функции органов власти в сфере обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности передавались в компетенцию военного командования соответствующего уровня, а все органы государственной власти, в том числе и НКВД СССР, обязывались оказывать им полное содействие.

Реализация всех актов военного времени осуществлялась через издание соответствующих распоряжений местными органами военного управления, а также соответствующими органами советской власти на местах, направленных на обеспечение обороноспособности на местном уровне и являвшихся обязательными для исполнения всеми лицами, находившимися на территории города, района, населенного пункта. Обеспечение выполнения всех общегосударственных и местных решений возлагалось на территориальные органы НКВД СССР, в первую очередь на милицию.

Так, в рамках реализации постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 25 июня 1941 г. № 1750 «О сдаче населением радиоприемных и радиопередающих устройств»[4] и соответствующего приказа по гарнизону и г. Владимиру от 28 июня 1941 г. № 2 на городской отдел НКВД СССР возлагалась обязанность обеспечить контроль за сдачей всеми гражданами, проживающими на территории г. Владимира и Владимирского района, в срок до 30 июня на временное хранение в органы связи всех без исключения типов радиоприемников, в том числе и автомобильных, а также радиопередатчиков как коллективно-

[1] URL: 33.мвд.рф/300/ история (дата обращения: 02.02.2020).

[2] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.

[3] Там же.

[4] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 51.

го, так и индивидуального пользования[1]. Кроме того, на городской отдел НКВД СССР возлагалась обязанность осуществления контроля за работой коллективных радиоприемников, установленных на предприятиях, в учреждениях, клубах и т. д., в строго определенные, установленные Наркоматом связи часы.

Условия военного времени и, соответственно, режим военного положения на территории ряда областей, в том числе и Ивановской, предопределили издание ряда актов, ограничивающих права советских граждан. Например, для предупреждения использования и контроля за наличием оптических приборов у гражданского населения с целью предупреждения диверсионной и разведывательной деятельности со стороны возможной вражеской агентуры, а также во исполнение приказа коменданта г. Владимира от 14 октября 1941 г. на городскую милицию возлагалась обязанность осуществления регистрации биноклей, включая театральные, у всех жителей города и Владимирского района, а всем гражданам, имевшим электрофонари, предлагалось их сдать в горотдел милиции. В отношении лиц, нарушивших приказ, органам милиции предписывалось привлекать виновных к ответственности «по законам военного времени»[2].

Приказом по г. Владимиру, Владимирскому району и гарнизону от 24 июня 1941 г. № 1[3] предписывалось запретить с 23.00 до 04.00 следующего дня передвижение граждан и всех видов транспорта, за исключением лиц, имевших спецпропуска, подписанные комендантом, а всему населению постоянно иметь при себе паспорт или иное удостоверение личности. В связи с этим всем торговым организациям надлежало осуществлять работу с 08.00 до 20.00, а дирекции культурно-просветительных учреждений заканчивать работу не позднее 22.30. Наблюдение за выполнением этого приказа возлагалось на коменданта города, начальника горотдела НКВД СССР и начальника межрайонного отдела НКГБ СССР. В рамках обеспечения этого приказа органы милиции практически ежедневно в течение 1941–1942 гг. задерживали граждан за передвижение по городу в ночное время в период так называемого комендантского часа.

В штабе местной противовоздушной обороны (далее: МПВО) г. Владимира, организованном в первые дни войны, ответственным за обеспечение охраны общественного порядка и светомаскировки был назначен начальник городской милиции. Обеспечение мероприятий МПВО заключалось в контроле за выполнением светомаскировки и целиком возлагалось на милицию. Так, с 23 июня 1941 г., т. е. с объявления военного положения на всей территории Ивановской области, на органы милиции г. Владимира, возлагались контроль и надзор за соблюдением полного затемнения как внутреннего, так и наружного с «…наступления темноты и до рассвета следующего дня» на всех предприятиях, организациях, лечебных и учебных заведениях, объектах железнодорожного транспорта, домах и на автотранспорте.

Кроме того, на милицию в целях защиты населения от воздушной и химической опасности были возложены обязанности по контролю за подготовкой владельцами и арендаторами подвальных и полуподвальных помещений зданий в семидневный срок бомбоубежищ и газоубежищ[4]. В приказе МПВО Владимирского района от 23 июня 1941 г. № 35 подчеркивалось, что контроль за противопожарной безопасностью, соблюдением светомаскировки, подготовка укрытий на случай воздушного нападения вражеской авиации на территории г. Владимира и района возлагался на милицию[5]. Например, приказом штаба МПВО г. Владимира от 7 июля 1941 г. № 47 всем домовладельцам и руководителям предприятий и учреждений предписывалось немедленно приступить по всему городу к открытию земляных укрытий-щелей полевого типа и закончить это мероприятие к 10 июля 1941 г. Контроль за выполнением данного приказа также возлагался на органы милиции[6].

Только за три дня с 24 по 26 июня 1941 г. за нарушения правил светомаскировки и передвижения по г. Владимиру в запрещенное время органами милиции было осуществлено взимание штрафа: с шести человек на различные суммы от 25 руб. за передвижение в ночное время, 100 руб. за нарушение правил светомаскировки с обычных граждан, до 1 000 руб. с директора завода «Автоприбор» за систематическое несоблюдение правил светомаскировки на предприятии.

Однако, несмотря на достаточно жесткие санкции, подготовка укрытий по городу и на предприятиях так и не была завершена к указанному сроку. Кроме того, как показывает анализ приказов начальника Владимирского гарнизона за июль 1941 г., правила светомаскировки и передвижения по городу в ночное время постоянно нарушались как гражданами, так и должностными лицами, несмотря на постоянные указания руководству городского отдела НКВД СССР и, в частности

[1] Призыв : орган Владимирского горкома ВКП(б), Владимирского райкома ВКП(б), городского и районного Советов депутатов трудящихся (Призыв). 1941. 29 июня. С. 4.

[2] Там же. 16 окт. С. 2.

[3] Там же. 25 июня. С. 4.

[4] Там же. 24 июня. С. 4.

[5] Там же.

[6] Там же. 8 июля. С. 3.

милиции, об усилении контроля. К августу 1941 г. систематические нарушения в сфере МПВО вынудили руководителя городской МПВО – председателя Владимирского горисполкома предупредить начальника службы охраны порядка и безопасности – начальника милиции городского отдела НКВД СССР – о слабом контроле со стороны сотрудников за соблюдением правил светомаскировки и о возможности привлечения последнего к дисциплинарной ответственности. В течение августа, сентября, октября 1941 г. и всего следующего 1942 г. на основании приказов начальника Владимирского гарнизона милиция систематически обязывалась взыскивать денежные штрафы на различные суммы «…за небрежную, плохую светомаскировку…», причем предписывалось осуществить взыскание штрафов в течение 24 ч.

По мере приближения фронта к городу в начале октября 1941 г. выяснилось, что г. Владимир оказался не полностью готовым к противовоздушной обороне, и на основании приказа начальника МПВО города от 9 октября 1941 г. на органы милиции был возложен контроль за окончательной подготовкой бомбоубежищ, перекрытых щелей и т. д., а также за обеспечением ночных дежурств граждан и групп самозащиты от воздушного нападения, обязательным посещением занятий по местной противовоздушной и противохимической обороне. Причем согласно приказу органы милиции должны были всех лиц, злостно уклонявшихся от указанных мероприятий, привлекать к ответственности по законам военного времени[1]. Вместе с тем, несмотря на достаточно серьезные санкции в отношении нарушителей, органы милиции не добились повсеместного выполнения всех мероприятий МПВО. Например, в 1942 г. значительная часть предприятий и мест проживания населения не была готова к приведению в боевую готовность подвалов, убежищ полевого типа к противовоздушной обороне г. Владимира.

Как показал анализ приказов, изданных в последующие месяцы, никакие меры не могли призвать граждан и руководство учреждений к соблюдению правил светомаскировки и правильных действий при объявлении сигнала «воздушная тревога». Как отмечал в одном из декабрьских приказов 1941 г. военный комендант г. Владимира, несоблюдение правил светомаскировки, особенно с наступлением темноты, приобретало в городе массовый характер. Только на основании приказа по Владимирскому гарнизону от 24 декабря 1941 г. № 17 органы милиции оштрафовали за нарушение правил светомаскировки 27 чел.[2] Подобную работу милиция проводила в течение всего 1942 г., причем обязывалась рассматривать все дела по нарушению светомаскировочной дисциплины в трехдневный срок.

Таким образом, несмотря на достаточно серьезное внимание со стороны органов местной противовоздушной обороны и городских властей, а также непосредственное участие милиции в обеспечении соответствующих мероприятий и ее значительный вклад в решение этих вопросов, можно согласиться с утверждением И. С. Тряхова, который подчеркивал: «…следует признать, что МПВО Владимира и Коврова на протяжении всей войны так и не была признана проверяющими по всем пунктам…» [Тряхов 2014, с. 164].

Обеспечение жизнедеятельности города в условиях военного положения было тесно связано с необходимостью нормального функционирования всего городского хозяйства. Не случайно на основании постановления Владимирского горсовета от 22 августа 1941 г. «О пользовании водопроводными колонками по г. Владимиру» в целях обеспечения правильной эксплуатации водопроводных и водозаборных сооружений на милицию возлагалась обязанность обеспечить запрет на полоскание белья, мытье посуды, налив воды в неприспособленную тару, самостоятельный ремонт неисправных колонок, несанкционированное перекрытие общественных водозаборов и т. д., а всех виновных немедленно привлекать к административной ответственности путем наложения штрафов и иных мер наказания[3].

Важнейшую роль в условиях войны играла защита населения от эпидемий и массовых заболеваний. Противоэпидемиологическая безопасность г. Владимира обеспечивалась выполнением обязательного постановления Владимирской чрезвычайной комиссии по проведению противоэпидемических мероприятий от 8 апреля 1942 г.[4] Согласно этому постановлению на владимирскую милицию возлагался контроль за очисткой тротуаров, дворов домов, проведение дезинфекции помещений. Причем формулировка содержала в себе фразу «…строжайший контроль», что подчеркивало важность этого направления деятельности. За повторное или злостное нарушение постановления допускалось привлечение к уголовной ответственности «по законам военного времени». За нарушения постановлений об очистке и уборке города дела на нарушителей предписывалось оформлять немедленно, сразу после обнаружения правонарушения.

В целом необходимо отметить, что только в течение 1942 г. органами советской власти и управления было издано значительное количество рас-

[1] Призыв. 1941. 11 окт. С. 2.

[2] Там же. 27 дек. С. 2.

[3] Там же. 1941. 30 авг. С. 2.

[4] Там же. 1942. 9 апр. С. 2.

поряжений, постановлений, решений, контроль за исполнением которых возлагался на городскую милицию. Это такие документы, как постановление городской чрезвычайной комиссии по проведению противоэпидемических мероприятий от 1 июня, решение Владимирской городской чрезвычайной комиссии от 7 октября «О предупреждении распространения тифозных заболеваний», от 20 октября обязательное постановление Владимирского городского исполкома «Об обеспечении нормальной работы водопровода и канализации в осенне-зимний период» и др.

На основании постановления Владимирского городского исполкома Совета депутатов трудящихся от 24 октября 1942 г. «Об экономии электроэнергии и рациональном ее использовании»[1], которое устанавливало запрет на электрическое освещение во всех помещениях учреждений и домов в период ноября с 08.00 до 16.00, декабря с 09.00 до 15.00, февраля с 08.00 до 17.00, марта с 07 до 18.00, органы милиции обязывались обеспечить наблюдение и контроль за его соблюдением, с привлечением нарушителей к ответственности в виде штрафа на сумму 100 руб. или исправительно-трудовых работ на срок до одного месяца.

Таким образом, милиция осуществляла целый комплекс мероприятий, прямо не связанных с непосредственной охраной общественного порядка, но вместе с тем крайне важных для обеспечения нормального функционирования населенных пунктов в период войны.

Обеспечение милицией и госавтоинспекцией безопасности дорожного движения являлось важнейшей задачей владимирской милиции и было также обусловлено спецификой военного времени, особенностями военного положения и приближением в сентябре 1941 г. линии фронта и, соответственно, приобретением некоторыми городами статуса прифронтовых. Кроме того, скопление в г. Владимире госпиталей, военных и оборонных учреждений, мест расквартирования войск требовало неукоснительно соблюдения правил движения транспорта. Например, решением горсовета Владимирского исполкома от 1 сентября 1941 г. «О движении авто-гужтранспорта по г. Владимиру» с начала сентября запрещалась остановка авто- и гужевого транспорта на центральных улицах г. Владимира, а остановка на других улицах разрешалась на срок не более трех минут; скорость движения для автотранспорта устанавливалась днем не более 30 км/ч, ночью – не более 15 км/ч, причем с наступлением темноты предписывалось двигаться с соблюдением стандартных мер светомаскировки, а при объявлении воздушной тревоги – с полностью выключенным светом. За нарушение налагался штраф от 3 до 1 000 руб.[2]

Борьбе со спекуляцией в Советском государстве всегда уделялось серьезное внимание, причем независимо от мирного или военного времени. Безусловно, спекуляция всегда подрывала основы всего Советского государства, его экономический фундамент, дискредитировала советскую власть в глазах основной массы советских граждан. Вне всякого сомнения, в условиях войны борьба с подобными правонарушениями, принявшими массовый характер, была нацелена на решение политических задач.

Борьба со спекуляцией осуществлялась с первых дней объявления Ивановской области на военном положении и заключалась как в непосредственном пресечении спекуляции, так и в пресечении скупки продуктов питания и товаров первой необходимости в больших объемах, таких как: хлеб, соль, спички, сахар, – которая началась практически сразу же после объявления войны в средствах массовой информации. Причем в г. Владимир приезжали скупщики продуктов из соседних районов (Камешковского, Судогодского и др.). Только в течение 27 июня 1941 г. органами милиции г. Владимира и Владимирского района за совершение подобных деяний было задержано десять человек, при обыске у некоторых были обнаружены большие запасы скупленной соли и хлеба[3]. Так, в июле 1941 г. сотрудниками городского отдела НКВД СССР были арестованы жительница д. Соколово Злобинского сельсовета, у которой при аресте было изъято 32 кг печеного хлеба, 32 кг соли, а при обыске на дому изъято 50 кг соли и 652 коробка спичек; за спекуляцию промтоварами в д. Черепково Головинского сельсовета жительница г. Владимира, у которой при аресте была изъята большая партия трикотажных изделий (мужского, женского и детского белья); в пос. Неклюдово задержана жительница Рязанской области, продававшая по спекулятивным ценам подсолнухи, у двух жительниц пос. Оргтруд, занимавшихся скупкой товаров в местном магазине, при обыске было обнаружено 126 м разной мануфактуры, 54 куска мыла[4]; в г. Владимире была задержана крупная скупщица товаров, при обыске у которой было обнаружено и изъято 153 наименования продуктов питания и промышленных товаров (311 м мануфактуры, 32 кг сахара, 3 пуда муки, 30 кг крупы и т. д.)[5]. В ноябре 1941 г. органами милиции г. Владимира была задержана группа лиц, занимавшихся спекуляцией махорки на городском рынке, не-

[1] Призыв. 1942. 1 нояб. С. 2.

[2] Там же. 1941. 4 сент. С. 2.

[3] Там же. 29 июня. С. 4.

[4] Там же. 10 июля. С. 4 ; 13 июля. С. 2.

[5] Там же. 26 июля. С. 4.

сколько человек, продававших хлеб по спекулятивным ценам (25–35 руб. за буханку), полученный незаконным путем или похищенный со складов и торговых предприятий города. В декабре 1941 г. были задержаны жительница г. Владимира, которая систематически занималась спекуляцией махорки, мануфактуры, алкогольной продукции, а также скупавшая хлебные карточки у несовершеннолетних, два работника одного из заводов города, похитившие 15 л спирта с целью последующей его продажи по спекулятивным ценам.

Таким образом, владимирская милиция принимала самое активное участие в борьбе с преступностью, выявляя и пресекая все случае спекуляции.

В структуре органов НКВД СССР значительное место отводилось подразделениям и службам, осуществлявшим борьбу с бандитизмом. Несмотря на широкий и достаточно специфический спектр задач, возложенных на эти подразделения, особое место в их работе занимали во многом связанные между собой вопросы борьбы с бандитизмом и уклонениями от призыва в Красную Армию и дезертирством. Причем размах и опасность последних для государства, которое находилось в состоянии войны, привели к тому, что в структуре НКВД СССР 31 июля 1941 г. был образован отдел, а с 1 декабря 1944 г. Главное управление по борьбе с бандитизмом, одной из основных задач которого и являлась организация розыска и задержания лиц, дезертировавших из вооруженных сил и уклоняющихся от призыва в армию. Подобные отделы и управления были организованы во всех территориальных подразделениях союзных республик, краев и областей СССР.

Отдел по борьбе с бандитизмом был образован в аппарате УНКВД по Владимирской области с момента образования Владимирской области в 1944 г. Его возглавил капитан государственной безопасности Шаров. Согласно приказу НКВД СССР от 16 сентября 1944 г. № 001170 отдел по борьбе с бандитизмом областного управления состоял из 14 чел.: начальника отдела, заместителя начальника отдела, секретаря, машинистки, трех отделений: 1-е (агентурно-оперативное) – 2 оперуполномоченных, 2-е – 3 оперуполномоченных, 3-е (следственное) – 4 следователя[1]. Кроме того, в каждом районном отделе НКВД устанавливалась одна должность оперуполномоченного по борьбе с бандитизмом.

С первых дней образования отдела его сотрудники, несмотря на свою малочисленность и полное отсутствие материального обеспечения (в отделе до марта 1945 г. отсутствовал автотранспорт[2]), приступили к выполнению своих обязанностей. Только за октябрь–ноябрь 1944 г. на территории Владимирской области были задержаны 168 дезертиров и 50 чел., уклонявшихся от службы в рядах Красной Армии[3]. Всего за период с октября 1944 по сентябрь 1945 г. сотрудниками отдела по борьбе с бандитизмом УНКВД по Владимирской области были задержаны 613 дезертиров и 235 «уклонистов».

Дезертиры представляли серьезную опасность для населения, так как находясь, как правило, на нелегальном положении, они были вынуждены добывать себе средства к существованию преступным путем. Довольно часто дезертиры объединялись в группы (от двух и более человек) и осуществляли крупные групповые преступления – грабежи и разбои в отношении как отдельных граждан, так и государственных учреждений. Причем участники всех бандгрупп, состоящих из дезертиров, имели на вооружении не только холодное, но и огнестрельное оружие (автоматы, винтовки, пистолеты и револьверы). Так, в ночь на 24 января 1945 г. группа, состоящая из двух дезертиров, вооруженная автоматом, остановила в с. Боголюбово грузовую автомашину, в которой находилось военное обмундирование, забрала у водителя деньги, документы, часть груза и скрылась, однако благодаря проведенным оперативным мероприятиям группа вскоре была обезврежена[4].

Бандитские группы действовали почти в каждом районе области. Так, в Юрьев-Польском районе с 1941 по январь 1945 г. действовала банда дезертиров, состоящая из 11 чел., участники которой долгое время занимались разбоями, грабежами, воровством продуктов и имущества у жителей района[5]. В феврале 1945 г. в Никологорском районе была ликвидирована группа из 4 чел., в Александровском – из 3 чел., в Камешковском – из 3 чел.[6] В феврале 1945 г. в г. Коврове была ликвидирована группа дезертиров, которая занималась изготовлением поддельных документов и их продажей[7].

Отдел по борьбе с бандитизмом УНКВД по Владимирской области осуществлял свою деятельность по поимке дезертиров в сложных условиях: 14 чел. личного состава физически не могли обеспечить ликвидацию всех дезертиров на территории области. Только в марте 1945 г. в розыске числились 503 дезертира, призванных с территории Владимирской области, и 97 чел., призванных в

[1] Информационный центр УМВД России по Владимирской области. Отдел специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий (ИЦ УМВД России по Владимирской области. ОСФ и РЖПР). Ф. 11. Оп. 15. Д. 1. Л. 5.

[2] Там же. Д. 1. Л. 23.

[3] Там же. Л. 2.

[4] Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.

[5] Там же. Л. 48.

[6] Там же. Л. 20, 22.

[7] Там же. Л. 59.

ряды Красной Армии с территорий других республик, краев и областей[1].

Розыск дезертиров и «уклонистов» от призыва осложнялся тем, что они довольно часто прибегали в целях маскировки к различным ухищрениям: переодевались в женское платье, изменяли свою внешность, маскируясь под стариков, нищих, калек, глухонемых и т. п., значительная часть дезертиров скрывалась в цыганских таборах, многие дезертиры стремились легализовать свое положение путем приобретения и использования фиктивных документов – отпускных билетов и командировочных удостоверений, справок о ранении и т. д. Кроме того, дезертиры пытались устраиваться на работу в колхозы и на госпредприятия, причем на те должности, которые обеспечивали им бронирование от призыва в ряды Красной Армии.

Поиск дезертиров существенно осложнялся наличием на территории Владимирской области крупных лесных массивов, которые позволяли беглецам укрываться в них длительное время. Кроме того, большая часть дезертиров-одиночек, призванных с территории Владимирской области, в зимнее время скрывалась в домах родственников (на чердаках, сеновалах, в специально устроенных тайниках за русской печью), а летом – в землянках, вырытых вблизи своих сел и деревень.

Отдел по борьбе с бандитизмом довольно часто сталкивался с фактами пособничества дезертирам и «уклонистам» и укрывательства их, причем не только со стороны родственников, друзей и знакомых, но и со стороны работников государственных учреждений, и это несмотря на то, что в случае задержания дезертира или привлечения «уклониста» к уголовной ответственности привлекались к ответственности и укрыватели, и лица, виновные в пособничестве дезертирам. Так, только в октябре 1944 г. были задержаны 17 пособников[2]. Причем были выявлены факты пособничества со стороны работников Ковровского и Гусевского райвоенкоматов, а также персонала Ковровского эвакогоспиталя № 5860[3].

Как правило, розыск дезертиров и «уклонистов» осуществлялся путем проведения облав, проверки документов в местах массового скопления граждан (на вокзалах, рынках, в местах общественного питания). Ежемесячно проводились операции по всем районам области, имеющим на своей территории цыганские таборы. Периодически проводились войсковые операции с привлечением подразделений Красной Армии и войск НКВД СССР по розыску и задержанию дезертиров в лесных массивах области. Однако, как правило, эти мероприятия не давали положительного результата. Подавляющее же большинство дезертиров и «уклонистов» были выявлены и задержаны с помощью агентуры.

Таким образом, отдел по борьбе с бандитизмом УНКВД по Владимирской области, несмотря на трудности как объективного, так и субъективного характера, в период с октября 1944 г. по сентябрь 1945 г. смог выявить и задержать на территории области значительное количество дезертиров и лиц, уклоняющихся от призыва в ряды Красной Армии (848 чел.), тем самым внеся свой вклад в повышение обороноспособности государства (большинство из задержанных не привлекались к уголовной ответственности, а направлялись в распоряжение частей и соединений действующей армии), охрану тыла Красной Армии, а также в дело охраны общественного порядка, защиты граждан и их имущества от преступных посягательств со стороны «дезертирствующего элемента».

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что структура НКВД СССР и его территориальных органов была достаточно сложной, и освещение деятельности всех ее сторон крайне необходимо для создания полной картины работы НКВД СССР в условиях военного времени как на фронте, так и в тылу. Анализ отдельных направлений деятельности органов НКВД СССР г. Владимира и Владимирской области (на примере милиции и отдела по борьбе с бандитизмом) позволяет заключить, в чем состояла специфика их работы в условиях военного времени, и какой вклад они внесли в Великую Победу советского народа в Великой Отечественной войне.

Список цитируемых источников

Гусак 2010 – *Гусак В. А.* К вопросу о классификации функций советской милиции в военный период (1941–1945 гг.) // История государства и права. 2010. № 24. С. 2–4.

Киселёва 2004 – *Киселёва А. Г.* Административная деятельность алтайской милиции в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2004. 24 с.

Матросова 2004 – *Матросова Л. Д.* Организационно-правовые основы деятельности орловской милиции в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (историко-правовое исследование) : дис. … канд. юрид. наук. Орёл, 2004. 212 с.

[1] ИЦ УМВД России по Владимирской области. ОСФ и РЖПР. Л. 36.

[2] Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

[3] Там же. Л. 27.

Мулукаев 2015 – *Мулукаев Р. С.* Советская милиция в годы Великой Отечественной войны // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2015. № 1(67). С. 5–10.

На острие закона 2006 – На острие закона. Муромская милиция: история, факты, реальность / под общ. ред. А. В. Жагрова. Муром : МИ ВлГУ, 2006. 356 с.

Сальников, Степашин, Янгол 1999 – *Сальников В. П., Степашин С. В., Янгол Н. Г.* Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 1999. 224 с.

Сухарев 2002 – Владимирская милиция. Прошлое и современность. 1802–2002 годы / авт.-сост. А. Сухарев. Владимир : Реко, 2002. 333 с.

Тряхов 2014 – *Тряхов И. С.* Деятельность местной противовоздушной обороны Владимирского края в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 4. С. 156–164.

References

Gusak, V. A. (2010), "On the classification of the functions of the Soviet militia during the war period (1941–1945)", *Istoriya gosudarstva i prava,* no. 24, pp. 2–4.

Kiseleva, A. G. (2004), Administrative activity of the Altai militia during the Great Patriotic War (1941–1945), Abstract of Ph. D. dissertation, theory and history of law and state, history of legal doctrines, St. Petersburg university of the MIA of Russia, St. Petersburg, Russia.

Matrosova, L. D. (2004), Organizational and legal foundations of the Orel police during the Great Patriotic War. 1941–1945 (historical and legal research), Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, history of legal doctrines, Orel law institute of the MIA of Russia, Orel, Russia.

Mulukaev, R. S. (2015), "Soviet militia during the Great Patriotic War", *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 1(67), pp. 5–10.

Sal'nikov, V. P., Stepashin, S. V. and Yangol, N. G. (1999), *Organy vnutrennikh del Severo-Zapada Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Internal Affairs Bodies of North-West Russia during the Great Patriotic War], Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, St.-Petersburg, Russia.

Sukharev, A. (2002), *Vladimirskaya militsiya. Proshloe i sovremennost'. 1802–2002 gody* [Vladimir militia. Past and present. 1802–2002], Reko, Vladimir, Russia.

Tryakhov, I. S. (2014), "Activities of local air defense of Vladimir territory during the Great Patriotic War", *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina,* vol. 4, no. 4, pp. 156–164.

Zhagrov, A. V. (ed.) (2006), *Na ostrie zakona. Muromskaya militsiya: istoriya, fakty, real'nost'* [On the cutting edge of the law. Murom police: history, facts, reality], MI VlGU, Murom, Russia.

Информация об авторах

Гудкова Анна Валерьевна,
кандидат исторических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; 388153@gmail.com
Ерин Дмитрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; dmitry-0333@mail.ru
Балакин Александр Владимирович,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; balakinav33@gmail.com

Information about the authors

Gudkova Anna V.,
PhD (history), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; 388153@gmail.com
Erin Dmitrii A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; dmitry-0333@mail.ru
Balakin Aleksandr V.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; balakinav33@gmail.com

Для цитирования

Гудкова А. В., Ерин Д. А., Балакин А. В. Некоторые направления деятельности органов НКВД СССР г. Владимира и Владимирской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 170–177.

For citation

Gudkova, V. I., Erin, D. A. and Balakin, A. V.(2020), "Some directions of the activity of the USSR NKVD bodies in Vladimir and Vladimir region during the Great Patriotic War", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 170–177.

УДК 343.42

Е. В. Емельянова[1]
А. Э. Калинович[1]
[1] *Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

E. V. Emel'yanova[1]
A. E. Kalinovich[1]
[1] *St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation*

Преступления против веры по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: система, общая характеристика, историческое значение

Crimes against faith under the Code of criminal and corrective penalties of 1845: system, general characteristics, historical significance

Ключевые слова: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных; отступление от веры; богохулие; оскорбление святыни; святотатство.

Аннотация. В статье приведен анализ уголовно-правовых норм раздела второго «О преступлениях против веры, и о нарушении ограждающих оную постановлений» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., устанавливающих уголовную ответственность за богохулие и порицание веры, за отступление от веры и постановлений церкви, за оскорбления святыни и нарушения церковного благочиния, о святотатствах, разрытии могил и ограблении мертвых тел, лжеприсяге. Проанализированы составы данных преступлений, вопросы квалификации, их отличие друг от друга, а также от других смежных составов.

Key words: Code of criminal and corrective penalties; deviation from faith; blasphemy; insulting a holy shrine; sacrilege.

Abstract. The article provides an analysis of the criminal law norms of section two of the Code of criminal and corrective penalties of 1845 "On crimes against faith, and on violation of the provisions protecting it", criminalizing blasphemy and censure of the faith, derogation from the faith and decrees of the church, insulting holy shrines and violation of church deanery, sacrilege, breaking graves and robbery of dead bodies, about false oath. The authors analyzed the composition of these crimes, qualification issues, their difference from each other, as well as from other related compositions.

В 1833 г. министр народного просвещения Сергей Семёнович Уваров сформулировал теорию официальной народности, которую он предполагал использовать в качестве государственной идеологии Российской империи. Основными постулатами теории были православие, самодержавие и народность. Разработанная теория получила одобрение Николая I, а уголовная защита основных ценностей теории нашла отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, утвержденном указом императора от 15 августа 1845 г. и введенным в действие с 1 мая 1846 г. (далее: Уложение). Николай I целью принятия нового законодательного акта называл «приведение в стройный порядок и ясность всех законов Нашей Империи и тех, в особенности, коими ограждаются безопасность и права любезных Наших верных подданных»[1].

Высшую ступень иерархии ценностей, защищаемые уголовным законом, занимали православие и вера, которым был посвящен раздел второй Уложения, а затем – государство и в первую очередь священная особа государя императора и члены императорского дома, т. е. самодержавие (раздел третий Уложения).

В зависимости от степени важности охраняемых отношений, раздел, посвященный преступлениям против веры, состоял из пяти глав, включающих в себя восемьдесят статей.

Наиболее опасными преступлениями против веры были преступления, проявляющиеся в неуважении к православной церкви и порицании догм и обрядов православной веры (глава первая). Объективная сторона преступлений состояла в деяниях, выражавшихся в умышленном публичном «возложении хулы» (т. е. оскорблении) [Симашенков 2015] на «славимого в Единодушной Троиц Бога, или на Пречистую Владычицу нашу Богородицу и присно-Деву Марию, или на честный Крест Госпо-

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (Уложение 1945 г.). Спб. : Тип. 2 отд-ния Собст. е. и. в. канцелярии, 1845. С. 10.

© Емельянова Е. В., Калинович А. Э., 2020

да Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на бесплотные Силы Небесные, или на Святых Угодников Божьих и их изображения» (ст. 182); «в возложении хулы, хотя и не публично и не в многолюдном собрании, но при свидетелях, с намерением поколебать их веру или произвести соблазн» (ст. 183); «в порицании в публичном месте Христианской веры или Православной церкви» (ст. 184); «недонесении свидетелем надлежащему начальству для прекращения соблазна о фактах богохуления и поношения Святых Угодников или порицания христианского закона» (ст. 185); «распространении печатных либо письменных сочинений, позволяющих порицание веры или православной церкви» (ст. 187); «высказывании язвительных насмешек, свидетельствующих о явном неуважении к правилам или обрядам церкви православной или вообще христианства» (ст. 187); «распространении с умыслом поколебать уважение к святыни писанных, гравированных, отлитых в соблазнительном виде икон и других изображений предметов, относящихся к вере и богослужению» (ст. 189).

Все вышеперечисленные преступления совершались умышленно, за исключением преступления, предусмотренного ст. 186, устанавливающей ответственность лица за «порицание веры и православной церкви, учиненных без умысла оскорбить святыню, совершенных по недоразумению, невежеству и пьянству»[1]. Наказание предусматривало, как правило, лишение всех прав состояния и ссылку на каторжные работы в рудники или в крепость на срок до 15 лет. До 1867 г. категория лиц, в отношении которых разрешалось применение телесных наказаний, подвергалась наказанию плетьми и клеймению. С гуманизацией законодательства уголовная ответственность была смягчена. Например, санкция за порицание веры предусматривала только лишение всех прав состояния и ссылку на каторжные работы в рудники на срок от 12 лет (ст. 192 Уложения в редакции 1867 г.). В 1906 г. статьи первой главы были отменены и утратили силу.

Глава вторая была посвящена преступлениям, связанным с отступлением от веры, и включала в себя три отделения: первое – «о отвлечении и отступлении от веры» (ст. 190–205); второе – «о ересях и расколах» (ст. 206–217); третье – «о уклонении от исполнения постановлений церкви» (ст. 218–222)[2].

В данной главе уголовно-правовой защите подлежало прежде всего христианство как официальная религия государства. Например, объективная сторона ст. 190 Уложения заключалась в действиях, направленных на отвлечение «через подговоры, обольщения и иными средствами кого-либо от христианской веры православного или другого исповедания в веру Магометанскую, Еврейскую или иную не Христианскую»[3]. Квалифицирующим признаком данного преступления являлось употребление насилия для принуждения к отступлению от христианства. Уголовной ответственности подлежали мусульмане и евреи, вступившие в брак с христианами и воспитывающие своих детей вопреки христианским догмам (ст. 192), а также православные родители, воспитывающие своих детей по обрядам других конфессий (ч. 1 ст. 198), и опекуны, воспитывающие вверенных им детей православного вероисповедания в правилах другой конфессии (ч. 2 ст. 198), православные родители, не приводящие к исповеди детей своих, достигнувших положенного возраста (ст. 219).

Особое внимание уделялось борьбе с ересью и расколом церкви. Скопцы, малакане и приверженцы других сект подлежали ссылке в отдаленные места на Кавказ или в Сибирь, отдельно от других жителей (ст. 207). Распространение ереси и раскола было запрещено. Ответственность увеличивалась за применение насилия (ст. 210).

Глава третья Уложения содержала нормы о преступных деяниях, посягающих на следующие непосредственные объекты: священные предметы (святыни); жизнь, здоровье, честь и достоинство духовных лиц; благопристойность во время священнослужения. Объективная сторона преступлений данной главы состояла в том числе в насильственном проникновении в церковь и надругании над священными или освященными предметами (ст. 223), умышленном причинении смерти или причинении увечий, ран или побоев, повлекших смерть священнослужителя во время совершения им службы (ст. 225), оскорблении священнослужителя во время богослужения (ст. 227), нахождении в пьяном виде и нарушении благоговения в церкви (ст. 231).

Существенным признаком преступления, предусмотренного ст. 227 Уложения, являлось оскорбление священнослужителя во время богослужения, в то время как прерывание службы считалось случайным и имело влияние только на определение меры наказания как обстоятельство, смягчающее или отягчающее вину подсудимого.

Третья глава Уложения в редакции 1845 г. состояла из трех отделений: первое – об оскорблении святыни и духовных лиц во время священнослужения (ст. 223–230); второе – о нарушении благочиния во время священнослужения в церквах (ст. 231–236); третье – о нарушении благочиния во время священнослужения вне церкви (ст. 237–240). В связи с либерализацией уголовного законодательства и внесенными в 1857, 1866 гг.

[1] Уложение 1845 г. С. 41–43.

[2] Там же. С. 43–52.

[3] Там же. С. 43.

изменениями глава конструктивно не подразделялась на отделения и в редакции 1885 г. состояла всего из девяти статей (ст. 210–218), из которых в 1906 г. пять также утратили силу.

Диспозиции преступлений, предусмотренных четвертой главой, в редакциях 1867 и 1885 гг., практически не претерпели изменений. Под святотатством понималось «всякое похищение церковных вещей и денег как из самих церквей, так и из часовень, ризниц и других постоянных и временных церковных хранилищ, хотя бы они находились вне церковного строения. Важность преступления святотатства и наказания за оное увеличивается, когда оно соединено с оскорблением святыни, с насильственными действиями, или со взломом» (ст. 241)[1].

Святотатство являлось особым видом преступления, отличным от кражи, мошенничества или грабежа. Обязательным признаком объективной стороны данного преступления являлось прежде всего место совершения преступления – постоянные или временные церковные хранилища. Предметом преступления выступали церковные вещи и деньги, как занесенные в церковную опись, так и не занесенные. Деньги, вырученные от продажи церковных свечей, также составляли церковное имущество.

При квалификации данного преступления было необходимо точно установить принадлежность похищенного имущества церкви. Положения данной главы распространялись в равной мере на церковные хранилища не только православной церкви, но и «других признанных и покровительствуемых законами Империи Христианских вероисповеданий» (ст. 252)[2].

Наиболее опасным считалось нападение с целью хищения. Объективная сторона ст. 241 состояла в ограблении церкви или часовни группой лиц, с применением насилия. При назначении наказания большое значение имело место совершения преступления, т. е. помещение культового назначения. Так, за ограбление церкви виновный приговаривался к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы в рудники на срок от 12 до 15 лет, а лица, к которым разрешалось применять телесные наказания, дополнительно подвергались наказанию плетьми с наложением клейма. За насильственное ограбление часовни виновный приговаривался к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы в крепостях на срок от 10 до 12 лет, а лица, к которым разрешалось применять телесные наказания, дополнительно подвергались наказанию плетьми с наложением клейма.

Уголовно наказуемым являлось хищение не только из церкви, церковной ризницы или часовни, но и из другого какого-либо церковного хранилища (ст. 246), хищения денег из столбов, выставленных с образами или крестами для сбора на церковь (ст. 249), а также денег из столбов или кружек, выставленных без образов и крестов при церквах и часовнях для сбора денег на пособия бедным и другие благотворительные цели (ст. 254), хищение священных предметов или предметов, используемых при богослужении, из частного дома или другого места (ст. 253).

Предметы преступления подразделялись на предметы священные, к которым относились, например, евангелие, мощи, кресты, образа, украшения на крестах, образах и мощах (ст. 243), и на предметы, употребляемые при совершении богослужения, например, кадила, лампады, купели, ризы, богослужебные книги, кроме евангелия, т. е. предметы, являющиеся «не столь священными» (ст. 244) [Братанов 2007].

Так, зажженная восковая свеча, стоящая перед иконой в церкви во время богослужения, считалась предметом освященным, и ее хищение квалифицировалось по ст. 243. Хищение же венчиков с образов, не бывших на образах, но хранящихся в церкви с другим имуществом и относящихся к неосвященным предметам, квалифицировалось по ст. 244. Вопрос о том, принадлежала ли та или иная церковная вещь к предметам священным, решался не судьей, а присяжными.

Для римско-католической церкви священными предметами считались: святые дары, елей, дароносицы, дарохранительницы, камни на престолах со святыми мощами, оклады и украшения на крестах, образах, мощах и евангелиях и т. д. Предметами, освященными через употребление при богослужении, признавались колокола, одежды с алтарей, сосуды для ношения святого причастия больным, в том числе сосуды для хранения святого елея и подсвечники. Неосвященными предметами считались деньги и непоставленные к образам свечи.

В армянской апостольской церкви священными предметами признавались: потиры, кресты, евангелия, образа; освященными предметами – чаши для водоосвящения, ковши, ризы. Неосвященными предметами считались кропилы и лампады.

Евангелическо-протестантская церковь относила к освященным предметам: кресты, священное писание, потиры, дискосы, дарохранительницы, купели и сосуды для хранения вина, употребляемого при приобщении. К разряду неосвященных предметов причислялись церковные книги и одежда с алтарей.

Квалифицирующим признаком преступления, усиливающим наказание, являлся и способ совершения преступления – хищение церковного имущества со взломом (ст. 243–248).

[1] Уложение 1845 г. С. 52.

[2] Там же. С. 57.

Субъект преступления мог быть как общим, так и специальным, т. е. лицом, ответственным за хранение церковного имущества (ст. 250–251).

Отдельно квалифицировались деяния, направленные на вскрытие могил для ограбления мертвых тел (ст. 256) и за повреждение надгробных памятников (ст. 257).

Под вскрытием могил понимались действия лиц, совершенные с преступными целями и направленными на устранение препятствий, ограждающих гроб похороненного и находящихся в нем останков от проникновения к ним не уполномоченных законом или волей родственников, лиц.

Уголовно-правовой охране подлежали прежде всего нравственно-религиозные чувства, в силу которых «известные предметы должны пользоваться особым уважением и неприкосновенностью как вследствие присущего им значения, возвышающего их над предметами обыденного обихода, так и вследствие нахождения их в местах, представляющих особую святость»[1].

Пятая глава Уложения предусматривала уголовное наказание за лжеприсягу и состояла из пяти статей. Объективная сторона преступлений была представлена данной виновным лицом лживой присягой. Субъективная сторона характеризовалась либо «обдуманным намерением» или умыслом (ст. 258–259), либо «без обдуманного намерения, а по замешательству в трудных обстоятельствах и слабости разумения о святости присяги» (ст. 260)[2].

Наиболее опасной считалась лживая присяга по обстоятельствам уголовного дела, данная умышленно и намеренно, вследствие чего обвиняемый должен был понести уголовное наказание [Покровский 1959]. В этом случае, лицо, давшее такую присягу, лишалось всех прав состояния и ссылалось на каторжные работы в крепостях на срок от 8 до 10 лет, а лица, к которым разрешены телесные наказания, дополнительно подвергались наказанию плетьми и клеймению (ст. 259).

Отдельно квалифицировались действия лица, которое объявит, что готово дать присягу и потом от нее откажется (ст. 261), а также освобождение лица, давшего лживую присягу от уголовной ответственности, и предание его церковному покаянию (ст. 262).

Анализируя положения данного раздела Уложения, можно сделать вывод о том, что в XIX в. одним из главных объектов уголовно-правовой защиты являлось христианство во главе с православием, бывшее по своей сущности одной из составляющих государственной идеологии.

Поражение в Русско-японской войне, Февральская революция 1905 г., социально-экономическое положение населения привели к либерализации уголовного законодательства, в результате чего многие статьи второго раздела Уложения были декриминализированы. После Октябрьской революции 1917 г. церковь была отделена от государства, проводилась антирелигиозная политика и в уголовном законодательстве не было норм, защищавших чувства верующих. В постсоветский период роль церкви в жизни общества и государства заметно выросла. 26 сентября 1997 г. был принят Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»[3], в административном и уголовном законодательстве появились нормы, защищающие религиозные убеждения. Федеральным законом от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»[4] была ужесточена ответственность по ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» и по ст. 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях». После послания Федеральному Собранию от 15 января 2020 г., в котором Президент Российской Федерации предложил внести изменения в Конституцию Российской Федерации, Святейший Патриарх Кирилл выступил с инициативой включить в текст Основного закона страны упоминание о Боге, поддержанной представителями других религий и конфессий. В последнем пакете поправок в Конституцию Российской Федерации глава государства предложил внести в Основной закон страны слова о вере в Бога. Это свидетельствует о том, что в настоящее время количество верующих и роль церкви в обществе и в государстве постоянно растет, а соответственно, становится актуальной и защита церкви как института гражданского общества, в том числе путем установления административной и уголовной ответственности. Таким образом, некоторые положения раздела второго Уложения могли бы помочь в выработке норм, защищающих чувства верующих.

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. 6-е изд., пересм. и доп. Спб. : Изд. Н. С. Таганцева, 1889. С. 246.

[2] Там же. С. 249.

[3] Российская газета. 1997. 1 окт.

[4] Там же. 2013. 2 июля.

Список цитируемых источников

Братанов 2007 – *Братанов В. В.* Уголовная ответственность за посягательства на культурные ценности в России: ретроспективный анализ // История государства и права. 2007. № 12. С. 9–11.

Покровский 1959 – История государства и права СССР / под ред. С. А. Покровского. М. : Госюриздат, 1959. Ч. 1. 431 с.

Симашенков 2015 – *Симашенков П. Д.* Государственное регулирование вопросов вероисповедания в историческом ракурсе // Концепт. 2015. № 2. С. 146–150.

References

Bratanov, V. V. (2007), "Criminal liability for attacks on cultural property in Russia: a retrospective analysis", *Istoriya gosudarstva i prava,* no. 12, pp. 9–11.

Pokrovsky, S. A. (ed.)(1959), *Istoriya gosudarstva i prava SSSR* [History of state and law of the USSR], Gosyurizdat, Moscow, Russia, part 1.

Simashenkov, P. D. (2015), "State regulation of religious issues from a historical perspective", *Kontsept,* no. 2, pp. 146–150.

Информация об авторах

Емельянова Елена Владимировна,
доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; eev-rusinovo@yandex.ru

Калинович Александр Эдуардович,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; kae.spb@yandex.ru

Information about the authors

Emel'yanova Elena V.,
Doctor of law, PhD (economics), associate professor, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation; eev-rusinovo@yandex.ru

Kalinovich Aleksandr E.,
PhD (law), associate professor, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation; kae.spb@yandex.ru

Для цитирования

Емельянова Е. В., Калинович А. Э. Преступления против веры по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: система, общая характеристика, историческое значение // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 178–182.

For citation

Emel'yanova, E. V. and Kalinovich, A. E.(2020), "Crimes against faith under the Code of criminal and corrective penalties of 1845: system, general characteristics, historical significance", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 178–182.

УДК 342.4(438)

Т. Е. Зяблова[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

T. E. Zyablova[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Конституция Польши 3 мая 1791 г.: историческое значение

Polish Constitution May 3, 1791: historical significance

Ключевые слова: борьба за независимость; Великий сейм; конституция; Правительственный закон 3 мая 1791 г.; Просвещение; революция; реформы; шляхта.

Аннотация. В статье анализируются некоторые проблемные вопросы, возникающие в ходе изучения польской Конституции 3 мая 1791 г. Предпринята попытка установить, носил ли факт принятия конституции революционный характер, и каковы признаки, отличающие его от революции во Франции. Анализируются текст документа и посвященные ему научные исследования с целью определения его исторического значения.

Key words: struggle for independence; the Great Sejm; the Constitution; the Government law of May 3, 1791; Enlightenment; revolution; reforms; Polish gentry.

Abstract. The article analyzes some problematic issues that arise during the study of the Polish Constitution on May 3, 1791. The attempt is made to find out whether the event of the adoption of the Constitution had a revolutionary character, and the signs that distinguish it from the revolution in France. The text of the document and scientific research related to it are analyzed in order to determine its historical significance.

В преддверии тысячелетия Польского государства, в 1958 г., известный российский правовед, один из основателей ленинградской историко-правовой школы К. Е. Ливанцев отмечал, что разработка отдельных вопросов истории этой страны имеет актуальное значение в связи с тем, что им уделялось недостаточное внимание [Ливанцев 1958, с. 136]. С того времени прошло более 60 лет, но по-прежнему многие проблемы польской истории остаются малоизученными, и это при том, что в ней нет ни одного важного эпизода, так или иначе не связанного с Россией. Непростые, подчас драматические, отношения между нашими странами привели к складыванию феноменов «антирусского комплекса» и «фатальной враждебности», требующих коррекции и устранения ряда стереотипов и фальсификаций для построения качественно новых польско-российских отношений, опирающихся на глубокое знание и чувства взаимного уважения. Это, в свою очередь, требует трезвой исторической рефлексии в отношении ключевых эпизодов, к числу которых по праву следует отнести и Правительственный устав, более известный как Конституция 3 мая 1791 г. (далее: Конституция 1791 г.)[1].

Результаты анализа научной, справочной и учебной литературы, а также информации, размещенной в средствах массовой информации, свидетельствуют о большом внимании, уделяемом самой Конституции 1791 г. и обстоятельствам ее принятия, но при этом демонстрируют и изобилие разноречивых сведений и связанных с ней концепций. Высказываются различные мнения о значении Конституции 1791 г. и ее последствиях. Все это, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о ее недостаточной изученности, приводящей в ряде случаев к политизации столь важного для обеих стран события.

В последнее время в Польше этому историческому памятнику и правовому документу уделяется повышенное внимание. Особую значимость Конституции 1791 г. придает постоянное упоминание о том, что она стала второй писаной конституций в мире и первой – в Европе. Очередная годовщина ее принятия в 2019 г. торжественно отмечалась митингами и собраниями, службами в наиболее значимых костелах страны, а также была ознаменована приветствиями, поступившими от Европейской комиссии и государственного секретаря США М. Помпео.

Во время празднования Президент Польши А. Дуда отметил, что поляки – народ, повлиявший на историю Европы и мира, а министр национального образования А. Залевска характе-

[1] URL: worldconstitutions.ru/?p=367 (дата обращения: 25.12.2019).

© Зяблова Т. Е., 2020

ризовала Конституцию 1791 г. как «революционную, демократически формировавшую польскую реальность», как «символ и идею, вокруг которой позднее концентрировались те, кто любит отчизну и борется за ее независимость»[1]. Признание Конституции 1791 г. в Европе проявилось и в том, что в 2015 г. она была отмечена знаком Европейского наследия (European Heritage Label) как «историческая достопримечательность», имеющая большое значение для истории и культуры и подчеркивающая единство и общность европейских ценностей.

Восторженные отзывы о Конституции 1791 г. можно продолжать цитировать, они многочисленны, некоторые из них свидетельствуют о попытке модернизации истории, поскольку ей приписываются такие качества, которыми она в действительности не обладала. Так, в Конституции 1791 г. «обнаружили» закрепление «свободы слова и печати», а также «федерального устройства» государства, не говоря уже о созданных ею возможностях «моделировать многообразие вариантов развития нашей общей страны»[2].

В России Конституция 1791 г. почти неизвестна, хотя упреки в замалчивании сведений о ней в советский период не вполне состоятельны [Зінченко 2016]. В советской исторической науке этот фрагмент из истории вычеркнут не был, более того, был сделан, по сути, нейтральный в идеологическом отношении вывод о том, что, несмотря на ограниченный реформистский характер, признание Конституции 1791 г. было прогрессивным явлением в жизни Польши, способствующим ликвидации феодальной анархии и созданию условий для развития капиталистических отношений [Ливанцев 1958, с. 137].

Все вышеизложенное подтверждает необходимость специального обращения к Конституции 1791 г. как к историческому и правовому документу с целью решения целого ряда вопросов, возникающих и при ее прочтении, и при изучении посвященных ей научных работ. В рамках одной статьи невозможно решить все проблемы или даже приблизиться к их разрешению, но назвать их в целях упорядочения процесса исследования представляется необходимым.

Прежде всего, следует отметить, что в связи с датой ее принятия у всех, кто хотя бы немного знаком с Новой историей Западной Европы, Конституция 1791 г. вызывает ассоциации с событиями, произошедшими в США и Франции в тот же период. В 1787 г. в США была принята Конституция, дополненная Биллем о правах, ратифицированным в 1791 г., и в том же 1791 г. Учредительное собрание Франции одобрило Конституцию, закрепившую конституционную монархию. Хронологическая, а в случае с Францией и географическая близость этих событий дает основание говорить о наличии связи между ними. Не случайно, описывая события, предшествующие созыву Великого сейма и непосредственно связанные с принятием Конституции 1791 г., ряд ученых обращают внимание на то, что так или иначе она появилась под влиянием Конституции США 1787 г. и в большей степени событий, произошедших во Франции в 1791 г.

Так, сравнивая Конституцию 1791 г. с двумя другими конституциями, П. Мильчарек отмечает как их схожесть, так и различие. С одной стороны, Конституция 1791 г. вполне согласуется с теорией разделения властей Ш. Монтескье в части «суверенитета нации», что делает ее отвечающей современным требованиям. С другой – ее отличает приверженность римско-католической церкви, что следует из ст. 1, закреплявшей католическую веру как государственную, запрещавшую смену веры и гарантируя при этом «покой в вере» для людей других вероисповеданий. Таким образом, по мнению данного автора, в отличие от нейтрального либерализма американской и агрессивной светскости французской конституций, польская, признавая постулаты Просвещения, в качестве основ государственного устройства закрепляет и сакральность государственной власти. Вероятно, в связи с этим Папа Римский Пий VI, который в итоге осудил революционную Декларацию прав человека и гражданина 1789 г., прислал королю и творцу Конституции 1791 г. благословение и выражение глубокого признания [Milcarek 2016, s. 35–36].

В результате сравнения конституций Франции и Польши, проведенного Е. В. Зинченко, в качестве общей черты было выявлено более или менее ярко выраженное влияние на эти документы идей европейского Просвещения, Декларации прав человека и гражданина 1789 г., английской системы конституционной монархии и Конституции США 1787 г. Отличие от радикальных антифеодальных реформ, проведенных во Франции, наиболее четко видно в сохранении Конституцией 1791 г. таких феодальных черт, как права и привилегии шляхты и землевладельцев и крепостное право [Зінченко 2016].

Соглашаясь с данным автором в части общих черт комментируемых конституций, считаем необходимым подчеркнуть, что при их сравнении обращается внимание не столько на сопоставление структуры или их отдельных положений, сколько в целом на отражение в них идей и духа эпохи Про-

[1] Obchody Święta Konstytucji 3 maja w Polsce i na świecie. URL: https://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2019-05-03/obchody-swieta-konstytucji-3-maja-w-polsce-i-na-swiecie/ (дата обращения: 25.12.2019).

[2] Литовские и белорусские историки обсудили проблемы истории конституции Речи Посполитой 3 мая 1791 г. // БелаПАН : [сайт]. URL : https://news.tut.by/society/108893.html (дата обращения: 25.12.2019).

свещения [Uruszczak 2014]. И если в отношении Французской революции продолжаются дискуссии по вопросу о том, была ли она результатом перемен, произошедших в осмыслении государства и права просветителями или, наоборот, итогом отказа от них, то применительно к Польше – сомнений нет. Польский король был хорошо образованным человеком и всячески способствовал развитию культуры и образования в стране. Многочисленные примеры подтверждают, что его с полным основанием можно назвать просвещенным монархом, который, желая действовать во благо своего государства, был вынужден проводить неблагоприятную для нее внешнюю политику, заключая нежелательные союзы. Однако в целом период его правления оценивается как период развития экономики и культуры.

Проводимые им реформы и события, связанные с принятием Конституции 1791 г., – это также результат распространения идей Просвещения. Людей, подготовивших страну к принятию Конституции 1791 г. и ее авторов Станислава Августа, Игнация Потоцкого, Гуго Коллонтая можно назвать людьми Просвещения в полном смысле этого слова еще и потому, что их оружием было не насилие, а разум [Grześkowiak-Krwawicz 2018].

Поскольку Конституция 1791 г. ассоциируется с революционными документами США и Франции, возникает вопрос о том, можно ли охарактеризовать события, сопровождавшие ее принятия, как революцию? На этот счет в Польше существуют различные мнения.

Однозначно «за революцию» выступают авторы многократно переиздаваемой и редактируемой с 1986 г. «Истории Польши» Я. Кеневич, Е. Хольцер и М. Тымовский, поставившие перед собой цель «представить отечественную историю просто и интересно, а также независимо от какой бы то ни было цензуры». По их мнению, польская революция была незавершенной не потому, что к власти не пришли массы или хотя бы сторонники радикальных программ, а потому, что по характеру политических, экономических и социальных преобразований, которые должны были произойти в соответствии с Конституцией 1791 г., она опережала уровень развития самосознания шляхты и народа [Кеневич, Хольцер, Тымовский 2004].

Революцией признает события весны 1791 г. британский ученый Р. Баттервик в своем монументальном труде «Polska rewolucja a Kościół katolicki 1788–1792» [Butterwick 2012]. Убежденно о революционном характере событий, произошедших 3–5 мая 1791 г., пишет А. Гжешковяк-Крвавич [Grześkowiak-Krwawicz 2013, s. 235–246]. Однако революция в Польше значительно отличалась по масштабам участия в ней народных масс от революции во Франции и имевшей революционный характер войны за независимость в США, поскольку была «мирной», осуществленной одобрением подавляющего большинства шляхты принятой Конституции 1791 г. [Uruszczak 2014].

Посвятившая событиям 1791 г. ряд научных работ А. Гжешковяк-Крвавич приводит примеры из исторических источников того периода, которые оценивают события 3 мая в Варшаве как революционные. Это материалы французской, немецкой и английской прессы, а также записки непосредственных участников событий Я. Сухожевского и С. Малаховского, писавших о «революции в правительстве». При этом автор исходит из того, что в рассматриваемый период слово «революция» имело несколько иное, более широкое, значение – революцией называлось переломное событие, которое не обязательно связано с кровопролитием и насилием.

Революционный характер заключительного этапа действий Великого сейма обосновывается и тем, что они вписываются в своеобразный «революционный цикл», начавшийся войной американских колонистов за независимость, продолженный Французской революцией и в какой-то степени боровшимися за свою свободу Нидерландами.

По мнению А. Гжешковяк-Крвавич, помимо этого, революционный характер событий принятия Конституции 1791 г. раскрывается в нескольких ракурсах. Во-первых, на это указывает политическая обстановка, сложившаяся в Польше, начиная с осени 1788 г., а именно созыв Великого сейма. Во-вторых, своеобразной революцией был сам срок работы сейма: вместо 6 недель он работал почти 4 года, при этом с декабря 1790 г. – в двойном составе (к уже заседавшим послам прибавились вновь избранные в ноябре этого года сеймиками послы). В-третьих, анализируя великие революции, можно, как правило, выделить три их этапа: разрушение – дискуссии (революция в умах) – создание. Эти этапы наиболее ясно и четко прослеживаются в истории Речи Посполитой.

В польской историографии считается, что революционным был сам факт принятия закона, устанавливающего основы государственного строя. При этом идеи Просвещения о рациональном устройстве государства были наложены на старопольские традиции парламентаризма.

В рассуждениях о возможности применения понятий «революция», «революционный» считаем необходимым разграничивать события весны 1791 г. и саму Конституцию. Если относительно обстоятельств принятия Конституции 1791 г. есть основания сомневаться в том, что это была революция, тем более, что оценить эффективность и действенность этого документа не было возможности из-за второго раздела страны, то о некоторых положениях Конституции 1791 г. по праву можно

сказать, что они, несмотря на их неоднозначность, имели для Польши революционный характер.

Так, в социальной сфере законодатель был, скорее, осторожен, закрепляя сословное деление, гарантируя шляхте все до того существующие привилегии и равенство в рамках сословия и не меняя положения крестьян. В то же время это был первый закон, который вообще обратил на них внимание как на самую многочисленную часть населения, «в руках которого находится самый щедрый источник богатства страны» (ст. 4), и в этом А. Гжешковяк-Крвавич видит его революционность. Отсутствие решения по так называемому крестьянскому вопросу, а точнее, по вопросу об отмене крепостного права Гуго Коллонтай объяснил нежеланием дразнить государства, между которыми была разделена Польша, «якобинскими» революционными реформами.

Революционными были отмена liberum veto, закрепление принципа разделения властей и учреждение Стражи законов как первого в Польше правительства современного типа, введение первой в Европе парламентарной ответственности министров и др.

Компромиссность или несмелость некоторых решений объясняется тем, что творцы Конституции 1791 г. заботились о сохранении поддержки шляхты, которую могли гарантировать не насаждение закона силой, а действия в рамках практики парламентаризма. Кроме того, они понимали, что одним законом изменить социальную структуру общества, существующую веками, невозможно. Ну и, наконец, как и американские отцы-основатели, они не ставили во главу угла социальные вопросы, а пытались скорректировать политическое устройство государства [Grześkowiak-Krwawicz 2018; Грабеньский 2006].

Возвращаясь к порядку принятия Конституции 1791 г., следует указать, что ближе к истине версия о заговоре и правительственном перевороте. Исторические источники ясно указывают на то, что проект Конституции 1791 г. писался тайно, за пределами сейма, без его участия и даже и без его ведома, что являлось нарушением целого ряда процедур, в том числе требования предварительной «распечатки» и предварительного ознакомления с ним послов, не говоря уже о том, что первая сессия каждого месяца должна была заниматься вопросами казны, а не устройства государства.

Отмечается, что сейм тратил долгие месяцы на дискуссии и вместо того, чтобы действовать, скорее стал школой политического красноречия [Konstytucje Polskie 1922].

Гарантия принятия Конституции 1791 г. была обеспечена тщательной подготовкой: сначала с использованием дипломатической почты была создана атмосфера угрозы раздела. В связи с этим проект Правительственного закона, якобы составленный «группой добропорядочных граждан», был представлен как единственный путь спасения. Если это и было революцией, то специфически польской: в определенном смысле революцией в рамках права, в границах порядочности [Grześkowiak-Krwawicz 2018].

Вместе с тем, по мнению А. Гжешковяк-Крвавич, Конституция 1791 г. была легитимной, так как во время заседания сейма, которое продолжалось почти 7 часов, оппоненты могли свободно выступать, не было ни давления, ни физического насилия. Те, кто не смог одобрить, сделали это 5-го мая в форме аккламации, что было в рамках принятой практики. Таким образом, необходимые формальные процедуры были соблюдены.

В современном строго научном смысле слова события 3 мая 1791 г. не были революцией, т. е. радикальным, относительно быстрым насильственным изменением политических и социальных структур, а также основных систем ценностей, сложившихся в обществе. В Польше не сложилась революционная ситуация, не выделились движущие силы революции, не были четко очерчены политические требования, наконец, не произошло кардинальных изменений старых устоев. Вместе с тем нельзя не согласиться с тем, что революционной, хотя и в метафорическом значении слова, стала сама попытка самостоятельного определения собственной судьбы без оглядки на Россию, создания фундамента эффективного государственного устройства, вхождения в общеевропейский процесс модернизации, который в будущем должна была повлечь социальные реформы.

Очевидно, что, несмотря на общие признаки, каждая революция, обусловленная особенностями исторического развития страны, в которой она совершается, характеризуется и собственными чертами. Как бы не оценивались события в Польше 3–5 мая 1791 г. (как революция или как правительственный переворот), они обладали ярко выраженной польской спецификой, на что А. Гжешковяк-Крвавич обращает особое внимание. Помимо упомянутой выше приверженности римско-католической церкви, отмечается ярко выраженное соединение идеалов Просвещения и польской традиции, которые оказались вполне в духе XVIII в. В качестве одного из примеров автор указывает на ст. V Конституции 1791 г., которая гласит: «Всякая публичная власть берет начало в воле народа». А. Гжешковяк-Крвавич видит в этом положении отражение двухсотлетней традиции парламентарной политической практики, в которой, правда, под народом понималась только шляхта, но которая привела к формированию глубокого убежде-

ния в том, что даже самых радикальных изменений можно добиться парламентскими законами, не прибегая к другим средствам.

Относительно принципа разделения властей, автор указывает на существовавшее в Польше деление на обладавшие различными полномочиями сейм, сеймики, короля и судебные органы. Принятие Конституции 1791 г., таким образом, должно было бы обновить их, очистить от феодальной анархии и тем самым заложить основу парламентарной монархии [Grześkowiak-Krwawicz 2018].

Комментарием выше выделенных научных проблем, связанных с Конституцией 1791 г., далеко не исчерпывается перечень всех неясных, недостаточно исследованных вопросов. Так, не уделяется должного внимания вопросу, с которого следовало бы начать ее изучение, а именно вопроу о правовой природе Правительственного закона. Дело в том, что термином «конституция», наряду с термином «закон» (ustawa), издавна называли акты сейма. В XVI в. совокупность основных принципов государственного устройства, соблюдение которых гарантировало существование «золотой вольности», получили название «Кардинальные права», т. е. основные законы. Именно поэтому В. Грабеньский вполне обоснованно называет Кардинальные права 1775 г. и основными законами, и конституцией [Грабеньский 2006, s. 403–404].

Вместе с тем сложилась традиция, по которой в более поздних работах Правительственный закон называют конституцией, в то время как, например, принятые сеймом в 1768 г. Кардинальные права такого статуса не получили, хотя констатируется, что оба закона устанавливают основы государственного и общественного устройства Польши, т. е. имеют характер конституционных.

Не углубляясь в данный вопрос, полагаем, что это объясняется нежеланием называть конституцией закон, принятый под нажимом российского посла Н. В. Репнина, а в 1775 г. получивший гарантию трех государств, участвовавших в разделе страны. Кроме того, А. Гжешковяк-Крвавич объясняет этот факт следующим образом: авторы Конституции 1791 г. понимали, что создают особый, выдающийся документ, вписывающийся в направление просвещенческих конституций. Данный факт проявился в запрещении изменения документа в течение 25 лет, а также в отличающемся от других конституций названии – «Правительственный закон» [Grześkowiak-Krwawicz 2018, s. 27].

Существуют полярно противоположные мнения относительно реакции на происшедшее и степень реализации намеченных Конституцией 1791 г. преобразований до 1792 г., когда произошел второй раздел Польши. В российской историографии нет исследований, которые сопоставили бы Конституцию Польши 1791 г. с Конституцией Франции 1791 г. с целью формулирования вывода об общеевропейском значении первой. Существенным проблемным вопросом остается роль Правительственного закона в последующей истории Польши, ответ на который затруднен в связи с тем, что он действовал немногим более года [Milcarek 2016]. Конституция 1791 г. не стала предметом исследования как правовой документ. Перечень пробелов в знаниях о ней можно продолжить.

Завершая анализ проблематики изучения Конституции 1791 г. в общем плане, представляется необходимым сделать вывод о ее историческом значении. Бесспорно, важен тот факт, что она была одной из первых конституций мира, однако, в отличие от Декларации прав человека и гражданина 1789 г., вопреки некоторым оценкам, не стала документом «для всех народов и на все времена».

Конечно, можно обвинять создателей Конституции 1791 г. в том, что они «вбили последний гвоздь в гроб польского государства», не отдавая себе отчета в том, какие последствия вызовет акт ее принятия, что они должны были предугадать и сопротивление оппозиции, и реакцию России, воспринявшую ее как провокацию. Однако, скорее всего, они старались сделать все от них зависящее, чтобы спасти страну от гибели. Именно поэтому можно утверждать, что будучи действительно важной для совершенствования Польши как государства, представлявшая собой весьма значимый исторический и правовой документ, Конституция 1791 г. превратилась в символ борьбы народа за суверенитет и действенное средство формирования национального сознания.

Список цитируемых источников

Грабеньский 2006 – *Грабеньский Вл.* История польского народа. Минск : МФЦП, 2006. 800 с.

Кеневич, Хольцер, Тымовский 2004 – *Кеневич Я., Хольцер Е., Тымовский М.* История Польши. Варшава : Весь мир, 2004. 544 с.

Ливанцев 1958 – *Ливанцев К. Е.* Польская конституция 3 мая 1791 г. // Вестник Ленинградского университета. 1958. № 23. С. 136–143.

Зінченко 2016 – *Зінченко О. В.* Порівняльний аналіз конституцій Польщі і Франції 1791 р. // Вісник Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого. Серія «Філософія, філософія права, політологія, соціологія». 2016. № 1(28). С. 163–172.

Butterwick 2012 – *Butterwick R.* Polska rewolucja a Kościół katolicki 1788–1792. Kraków : Arcana : Muzeum Historii Polski, 2012. 988 s.

Grześkowiak-Krwawicz 2013 – *Grześkowiak-Krwawicz A.* 3 maja 1791 – polska rewolucja? // Stanisław August i jego Rzeczpospolita. Dramat państwa, odrodzenie narodu. Red. A. Sołtys, Z. Zielińska. Warszawa : Instytut Badán Literackich Akademii Nauk, 2013. S. 235–246.

Grześkowiak-Krwawicz 2018 – *Grześkowiak-Krwawicz A.* Konstytucja 3 maja 1791 (na podstawie tekstu Ustawy Rządowej z Archiwum Sejmu Czteroletniego Przechowywanego w Archiwum Głównym Akt Dawnych w Warszawie). Warszawa : Muzeum Łazienki Krolewskie : Archiwum Głowne Akt Dawnych, 2018. 88 s.

Konstytucje Polskie 1922 – Konstytucje Polskie 1791–1921. Wydał Marceli Handelsman. Warszawa : Polska składnica pomocy szkolnych, 1922. 180 s.

Milcarek 2016 – *Milcarek P.* Kamienie milowe dziejów chrześcijaństwa w Polsce // 1050 lat chrześcijaństwa w Polsce. Warszawa : Glowny urzad statystyczny, 2016. S. 9–56.

Uruszczak 2014 – *Uruszczak W.* Zasady ustrojowe w konstytucji 3 maja 1791 r. // Państwo demokratyczne, prawne i socjalne. T. 2. Kraków : Krakowskie Towarzystwo Edukacyjne – Oficyna Wydawnicza AFM : Krakowska Akademia im. Andrzeja Frycza Modrzewskiego, 2014. S. 9–34.

References

Butterwick, R. (2012), *Polska rewolucja a Kościół katolicki 1788–1792* [Polish revolution and the Catholic Church 1788–1792], Arcana, Muzeum Historii Polski, Krakov, Poland.

Graben'sky, V. (2006), *Istoriya pol'skogo naroda* [History of the Polish people], MFTSP, Minsk, Belarus.

Grześkowiak-Krwawicz, A. (2013), "May 3, 1791 – Polish revolution?", *Stanisław August i jego Rzeczpospolita. Dramat państwa, odrodzenie narodu* [Stanislaw August and his Republic. State drama, revival of the nation], Instytut Badán Literackich Akademii Nauk, Warsaw, Poland, pp. 235–245.

Grześkowiak-Krwawicz, A. (2018), *Konstytucja 3 maja 1791 (na podstawie tekstu Ustawy Rządowej z Archiwum Sejmu Czteroletniego Przechowywanego w Archiwum Głównym Akt Dawnych w Warszawie)* [Constitution of May 3, 1791 (based on the text of the Government Act from the Archives of the Four-Year Sejm Stored in the Central Archives of Historical Records in Warsaw)], Muzeum Łazienki Krolewskie, Archiwum Głowne Akt Dawnych, Warsaw, Poland.

Handelsman, M. (ed.) (1922), *Konstytucje Polskie 1791–1921* [Polish Constitutions 1791–1921], Polska składnica pomocy szkolnych, Warsaw, Poland.

Kenevich, Ya., Khol'tser, E. and Tymovsky, M. (2004), *Istoriya Pol'shi* [History of Poland], Ves' mir, Warsaw, Poland.

Livantsev, K. E. (1958), "Polish Constitution May 3, 1791", *Vestnik Leningradskogo universiteta,* no. 23, pp. 136–143.

Milcarek, P. (2016), "Milestones of the history of Christianity in Poland", *1050 lat chrześcijaństwa w Polsce* [1050 years of Christianity in Poland], Glowny urzad statystyczny, Warsaw, Poland, pp. 9–56.

Uruszczak, W. (2014), "Constitutional principles in the constitution of May 3, 1791", *Państwo demokratyczne, prawne i socjalne* [Democratic, legal and social state], Krakowskie Towarzystwo Edukacyjne – Oficyna Wydawnicza AFM, Krakowska Akademia im. Andrzeja Frycza Modrzewskiego, Krakov, Poland, pp. 9–34.

Zinchenko, O. V. (2016), "Comparative analysis of the constitutions of Poland and France in 1791", *Vestnik Natsional'nogo yuridicheskogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo, Seriya "Filosofiya, filosofiya prava, politologiya, sotsiologiya",* no. 1(28), pp. 163–172.

Информация об авторе

Зяблова Татьяна Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; tizet69@mail.ru

Information about the author

Zyablova Tat'yana E.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; tizet69@mail.ru

Для цитирования

Зяблова Т. Е. Конституция Польши 3 мая 1791 г.: историческое значение // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 183–188.

For citation

Zyablova, T. E. (2020), "Polish Constitution May 3, 1791: historical significance", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 1(54), pp. 183–188.

УДК 340.114.5

З. Н. Ибрагимова[1]
А. С. Борисов[1]
[1] *Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орёл, Российская Федерация*

Z. N. Ibragimova[1]
A. S. Borisov[1]
[1] *Turgenev Orel State University, Orel, Russian Federation*

Влияние правовой культуры на процесс формирования государственности

Influence of legal culture on the process of statehood formation

Ключевые слова: правовая культура; правовое воспитание; правовое обучение; государственность; правовая система; право.

Аннотация. Статья посвящена влиянию правовой культуры на отдельные элементы государственности; анализируется взаимосвязь компонентов правовой культуры с элементами государственности.

Key words: legal culture; legal education; legal training; statehood; legal system; law.

Abstract. The article is devoted to the influence of legal culture on the individual elements of the state; the relationship of the components of legal culture with the elements of the state is analyzed.

Сегодня отрицать необходимость формирования правовой культуры граждан и ее влияние на развитие правовой государственности не представляется возможным. О феномене правовой культуры говорят не только специалисты в области теории государства и права, но и первые лица государства. Еще в 2014 г. Правительство Российской Федерации распоряжением от 29 ноября 2014 г. № 2403-р утвердило Основы государственной молодежной политики до 2025 года[1]. Согласно этому документу «стратегическим приоритетом государственной молодежной политики является создание условий для формирования личности гармоничной, постоянно совершенствующейся, эрудированной, конкурентоспособной, неравнодушной, обладающей прочным нравственным стержнем, способной при этом адаптироваться к меняющимся условиям и восприимчивой к новым созидательным идеям. Ключевой задачей является воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи». В. В. Путин неоднократно высказывался о необходимости преодоления правового нигилизма и привития правовой культуры с ранних лет[2].

Очевидно, что на современном этапе вопрос наличия высокого уровня правовой культуры общества является достаточно актуальным. Причин тому множество.

Во-первых, правовая культура выступает элементом всего гражданского общества, она реализуется в правовых аспектах, носит практический характер, состоит из ряда элементов, имеет огромное количество видов, связывает между собой представителей органов власти, должностных лиц, граждан вообще и представляет собой правовую культуру общества в целом.

Во-вторых, правовая культура – это своего рода лакмусовая бумага, показывающая, в какой степени произошла переоценка ценностных ориентаций в обществе и государстве.

В-третьих, с помощью формирования правовой культуры государство способно предупредить нежелательные для общества последствия развития расцветающего правового нигилизма.

Правовая культура – это часть общей культуры и часть правовой системы в целом. Об этом говорит тот факт, что данный феномен существует и развивается параллельно с правовой системой. Такой точки зрения придерживается А. В. Петров и А. М. Лесникова, которые утверждают, что правовая культура в этом аспекте есть прогрессивно

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 50, ст. 7185.

© Ибрагимова З. Н., Борисов А. С., 2020

[2] URL: https://ria.ru/20080214/99217469.html (дата обращения: 10.02.2020).

ценностная часть правовой системы современного российского общества [Петров, Лесникова 2014].

Относительно влияния правовой культуры на государственность в целом и ее роли в формировании вышеуказанного института можно сказать, что они достаточно важны. Само понятие государственности включает в себя такие термины, как: «государство», «политическая система», «правовая система», «территориальное объединение», «публичная власть» и ряд институтов, не связанных с правом и политикой. Например, В. А. Затонский рассматривает государственность как совокупность внутренне согласованных, взаимосвязанных, социально-многообразных государственно-политических, правовых (юридических), административных, общественно-политических, социально-экономических, нравственно-этических и иных (так или иначе связанных с государством и реализацией его функций) средств (явлений), институтов, взаимоотношений (взаимодействий), контактов, с помощью которых и во взаимодействии с которыми государственная власть оказывает регулятивно-организующее, стабилизирующее воздействие на общественные отношения [Затонский 2006].

Е. П. Казбан считает, что «государственность» как понятие гораздо шире и глубже, чем понятие «государство», но включает в качестве своего компонента последнее, хотя и не сводится только к нему [Казбан 2012]. Очевидно, что понятие «государственность» более емкое: оно включает в себя государство и все институты, его составляющие (публичная власть, право, государственные органы, налоговый аппарат, территория, религиозные институты, гражданство, социальные институты). Государство есть организация, государственность – концепция управления.

Правовая культура общества является составной частью его духовной культуры, которая складывается из восприятия правовой системы общества через призму правового сознания, правового мышления, правовых чувств и фиксируется у большей частью общества как система правовых ценностей, выражающих отношение к ведущим правовым нормам, явлениям, выступающих в роли способов правового регулирования общественных отношений, обеспечивающих законность, правопорядок, правомерное поведение граждан [Ибрагимова 2019, с. 15].

Из данного определения следует, что институт правовой культуры оказывает влияние на государство через формирование правовых ценностей и ориентаций, оказывающих влияние на законность, правопорядок и правомерное поведение. Более того, такие структурные компоненты правовой культуры граждан, как: когнитивно-познавательный, эмоционально-ценностный и деятельностно-практический, – являются теми векторами, которые оказывают влияние на правовую систему государства, а соответственно, и на государственность.

Показателем эффективности государственности являются качественные особенности жизни общества и государства. Д. А. Ивайловский считает, что компонентами государственности являются: государство; социальная организация общества, в том числе национальные, конфессиональные, межличностные отношения; духовно-культурная организация общества; правовая система; информационная система [Ивайловский 2006, с. 8].

В настоящей статье мы предпримем попытку проследить связь отдельных компонентов правовой культуры с некоторыми компонентами государственности.

Поскольку когнитивно-познавательный компонент правовой культуры складывается из правового сознания, правового мышления, правовых взглядов и убеждений, можно заключить, на какие институты государственности оказывают влияние вышеперечисленные компоненты. Влияние компонентов правовой культуры на государство в целом очевидно. Демократическим может считаться то государство, которое уделяет достаточное внимание ценностным ориентациям общества. Такой ценностью выступает право как способ регулирования всех возможных отношений, существующих в обществе. Если в государстве недооценивается роль права, оно не может называться правовым, и в такой ситуации возникает ряд негативных последствий (не обеспечивается независимость суда, неэффективно работают правоохранительные органы, ущемляются права граждан). Правовые ценностные ориентации являют собой совокупность правовых знаний, взглядов, установок и ценностных ориентаций в правовой области. В правовых ценностях идет учет опыта предыдущих поколений в области права, это помогает гражданскому обществу выбрать варианты дальнейшего развития. Гражданин, обладающий правовыми ценностными ориентациями, имеет возможность выбрать правильные решения, реализовать свои права и выполнить обязанности, стараясь не нарушать законные интересы других граждан, общества и государства. Если в государстве таких граждан больше, то можно смело утверждать о высоком уровне правовой культуры в таком государстве. Связь правовой культуры и правовой системы очевидна, поскольку правовая культура – элемент правовой системы общества. О результате влияния правовой культуры на правовую систему можно судить на примере деятельности представителей законодательных органов, участвующих в правотворчестве и прини-

мающих правовые нормы, руководствующихся не личными амбициями, а их деятельность – это результат формирования правовой культуры, высокий уровень правовых ценностных ориентаций и правовых чувств, что, в свою очередь, является эмоционально-ценностным компонентом правовой культуры. Правовые ценностные ориентации присутствуют в правовой деятельности большинства граждан и выглядят как элементы мотивации человека, как его субъективные, внутренние правовые ценности.

Правовая культура несет в себе организационную силу, так как ее элементы оказывают влияние на формирование правовых норм.

Правовая культура тесно связана с социальной организацией общества, поскольку демонстрирует качество жизни граждан государства. Правовая социализация включает в себя передачу члену общества правовых традиций, принятых в обществе установок относительно права, ценностей, она направлена на формирование правовой культуры человека и отвечает за общий уровень развития общества. Именно в процессе правовой социализации человек приобретает правовое сознание и правовую культуру. Формирование правовой культуры является одним из этапов общего процесса социализации человека. Содержательная сторона социализации включает усваивание человеком установленных в обществе норм, изучение существующего социального опыта, нравственно-правовых ценностей и формирование на его основе собственных ценностей и установок. Кроме того, процесс правовой социализации подразумевает под собой получение людьми информации в области права. Именно благодаря процессу правовой социализации человеку передаются необходимые знания в области права, развивается его правовая культура [Титаренко 2015, с. 43].

Говоря о связи правовой и духовной культуры общества как элемента государственности, И. А. Гайдученок отмечает, что с семантических позиций духовность представляет собой синтез нравственно-интеллектуальных качеств личности, его ценностных ориентаций и общения [Гайдученок 1990, с. 5]. Если придерживаться данной позиции, то духовная культура связывает между собой нравственные и интеллектуальные качества, которые гарантируют полноценную жизнь общества. Когда человек осваивает духовную культуру общества, формируется духовная культура личности, которая демонстрирует нормы такого типа культуры, нравственное состояние, ценности, мотивации правомерного поведения, правовые установки. Важнейшим результатом формирования правовой культуры является деятельность, соответствующая правовым нормам, т. е. правомерное поведение, что свидетельствует о наличии деятельностно-практического компонента.

Таким образом, правовая культура является частью духовной культуры общества, поскольку объединяет идеологию, науку, религию, общественное сознание, социально-культурные ценности. Еще одним подтверждением наших слов выступает мнение А. П. Семитко, понимающего под правовой культурой качественное состояние правовой жизни общества, которое обусловливается текущим положением его социальной, духовной, политической и экономической областей и выражается в достигнутом уровне развития правовой деятельности, нормативных актов, правового сознания, в целом в уровне развития субъекта относительно права, а также в степени гарантированности государством и гражданским обществом прав и свобод человека [Семитко 1996].

На конфессиональные отношения как элементы государственности правовая культура также оказывает влияние. Правовые и социально-нравственные нормы смогут в полной мере реализоваться и поддерживаться обществом только при наличии адекватного восприятия межконфессиональных отношений. Только с помощью правовой культуры межконфессиональное общение может быть выведено на новый уровень, когда данные вопросы будут освещаться, осознаваться (когнитивно-познавательный компонент), восприниматься как личная, внутренняя установка, правовая ценностная ориентация (эмоционально-ценностный компонент), реализуемая в рамках правового поля, с помощью правовых привычек, навыков правомерного поведения (деятельностно-практический компонент).

Правовая культура вкупе с культурой межконфессиональной способна обеспечить отсутствие конфликтов в гражданском обществе, объективную оценку нормативных правовых актов, принимаемых органом государственной власти, отсутствие социальных противоречий, формирование стойкой гражданской позиции, укрепление демократических начал государства, направленных на поддержание права на свободу совести и вероисповедания.

Связь правовой культуры и информационной системы как элемента государственности можно проследить через призму правового воспитания. Правовое воспитание – процесс целенаправленного, системного, взаимосвязанного воздействия на сознание, чувства, поведения людей объективных и субъективных факторов, обеспечивающий необходимый, принятый в данном обществе уровень формирования правовых знаний, убеждений, ценностных ориентаций, установок, умений, развитие уважительного отношения к праву, умений по отстаиванию своих прав, навыков право-

мерного поведения, согласующегося с потребностями, ценностями правового общества [Ибрагимова 2019, с. 45].

В процессе правового воспитания, которое помогает достичь высокого уровня правовой культуры, используются различного рода формы, средства и адекватные им методы воспитания, реализуется ряд принципов. Большинство из них непосредственно связано с информационной сферой. Сами средства воспитания – это информационные каналы распространения информации [Николаев 1998, с. 161]. Процесс правового воспитания, по сути, – это передача информации с помощью конкретной личности, специальной литературы, кино, реальных фактов через правовое обучение. Все правовое обучение строится на передаче информации, начиная от каждодневного общения в семье и заканчивая получением образования в специализированных образовательных организациях высшего образования и профессиональной юридической помощи. Правовое воспитание как элемент правовой культуры состоит в том, чтобы ввести граждан в сложные правовые общественные отношения и с помощью права обеспечить жизнедеятельность гражданина в рамках правового поля государства.

Таким образом, формируя компоненты государственности, с помощью правовой культуры развиваются правовые ценности: права человека, правовое равенство, законопослушность, ответственность, способность к компромиссам, уважение права частной жизни.

Критерием сформированности компонентов государственности выступает законопослушная позиция субъекта, проявляющаяся в отношении к закону, правовым нормам. Степень развития государственности выражается в доминирующих мотивах правомерного поведения. Правовые убеждения, установки, ценностные ориентации воплощаются в правомерном поведении и влияют на формирование государственности.

Итак, мы пришли к выводу, что каждый компонент правовой культуры влияет на отдельные компоненты государственности, способствуя тем самым ее укреплению и развитию.

Список цитируемых источников

Гайдученок 1990 – *Гайдученок И. А.* Слово о личности. Минск : Навука і тэхніка, 1990. 158 с.

Затонский 2006 – *Затонский В. А.* Категория «государственность»: сущность и научная ценность // Философия права. 2006. № 1(17). С. 8–16.

Ибрагимова 2019 – *Ибрагимова З. Н.* Правосознание, правовая культура, правовое воспитание : учеб. пособие. Орёл : ОГУ, 2019. 95 с.

Ивайловский 2006 – *Ивайловский Д. А.* К вопросу о понятиях «российский федерализм» и «российская государственность» // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 1. С. 8–11.

Казбан 2012 – *Казбан Е. П.* Государство и государственность. К вопросу о соотношении понятий // Вестник университета. 2012. № 4. С. 34–38.

Николаев 1998 – *Николаев В. А.* Теория и методика формирования этнопедагогической культуры учителя : дис. … д-ра пед. наук. М., 1998. 404 с.

Петров, Лесникова 2014 – *Петров А. В., Лесникова А. М.* Правовая система и правовая культура общества: к проблеме соотношения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 11-1. С. 256–259.

Семитко 1996 – *Семитко А. П.* Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург : Изд-во Гуманитар. ун-та, 1996. 312 с.

Титаренко 2015 – *Титаренко Т. А.* Условия и факторы формирования правосознания и правовой культуры личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2. С. 42–44.

References

Gayduchenok, I. A. (1990), *Slovo o lichnosti* [A word about personality], Navuka i tekhnika, Minsk, USSR.

Ibragimova, Z. N. (2019), *Pravosoznanie, pravovaya kul'tura, pravovoe vospitanie* [Legal awareness, legal culture, legal education], OGU, Orel, Russia.

Ivailovsky, D. A. (2006), "On the question of the concepts of "Russian federalism" and "Russian statehood"", *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie,* no. 1, pp. 8–11.

Kazban, E. P. (2012), "State and statehood. To the question of the relation of concepts", *Vestnik universiteta,* no. 4, pp. 34–38.

Nikolaev, V. A. (1998), The theory and methodology of formation of ethno-educational culture of teachers, D. Sc. Thesis, general pedagogy, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

Petrov, A. V. and Lesnikova, A. M. (2014), "Legal system and legal culture of society: to the problem of correlation", *Aktual'nye problemy gymanitarnykh i estestvennykh nauk,* no. 11-1, pp. 256–259.

Semitko, A. P. (1996), *Razvitie pravovoi kul'tury kak pravovoi progress* [Development of legal culture as legal progress], Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta, Ekaterinburg, Russia.

Titarenko, T. A. (2015), "Conditions and factors of formation of legal consciousness and legal culture of the person", *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh,* no. 2, pp. 42–44.

Zatonsky, V. A. (2006),"Category «statehood»: essence and scientific value", *Filosofiya prava,* no. 1(17), pp. 8–16.

Информация об авторах

Ибрагимова Зарина Николаевна,
кандидат педагогических наук, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орёл, Российская Федерация;
zarina57rus@yandex.ru
Борисов Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орёл, Российская Федерация;
naukaorelsga@yandex.ru

Information about the authors

Ibragimova Zarina N.,
PhD (pedagogy), Turgenev Orel State University, Orel, Russian Federation; zarina57rus@yandex.ru
Borisov Aleksandr S.,
PhD (law), associate professor, Turgenev Orel State University, Orel, Russian Federation;
naukaorelsga@yandex.ru

Для цитирования

Ибрагимова З. Н., Борисов А. С. Влияние правовой культуры на процесс формирования государственности// Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 189–193.

For citation

Ibragimova, Z. N. and Borisov, A. S.(2020),"Influence of legal culture on the process of statehood formation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 189–193.

УДК 35.07

И. А. Минеева[1]
*[1]Ардатовский районный суд, Ардатов,
Нижегородская область, Российская Федерация*

I. A. Mineeva[1]
*[1] Ardatov District Court, Ardatov,
Nizhny Novgorod region, Russian Federation*

Вопросы государственной службы в политико-правовом наследии И. Т. Посошкова

Issues of public service in the political and legal heritage of I. T. Pososhkov

Ключевые слова: И. Т. Посошков; государственная служба; реформы первой четверти XVIII в.; приказы; правосудие; коррупция; бюрократизм.

Аннотация. Статья посвящена исследованию воззрений на проблемы государственной службы самобытного русского политико-правового писателя конца XVII – первой четверти XVIII в. Ивана Тихоновича Посошкова. Интересна поддержка этого представителя купечества многих инициатив Петра I в данной сфере, в частности, обязательности государственной службы для всех дворян, ответственности за уклонение от службы. И. Т. Посошковым проведена классификация государственной службы, в ходе которой подробно проанализированы особенности военной, судейской и приказной службы. Особое внимание мыслителя привлекали проблемы коррупции и излишнего бюрократизма. Автор делает вывод о своеобразии воззрений И. Т. Посошкова на государственную службу, заключающееся в том, что, одобряя реформы Петра I, мыслитель выражал свои идеи с опорой на народную православную основу.

Key words: I. T. Pososhkov; civil service; reforms of the first quarter of the XVIII century; orders; justice; corruption; bureaucracy.

Abstract. The article is devoted to the study of views on the problems of public service of the original Russian political and legal writer of the late XVII – first quarter of the XVIII centuries Ivan Tikhonovich Pososhkov. It is interesting that this representative of merchants supported many initiatives of Peter I in this area, in particular, the obligation of public service for all nobles, responsibility for evasion of service. I. T. Pososhkov conducted a classification of public service, during which the features of military, judicial and writ service are analyzed in detail. The thinker's special attention was drawn to the problems of corruption and excessive bureaucracy. The peculiarity of I. T. Pososhkovs views on public service consists in the fact that when approving the reforms of Peter I in this sphere, the thinker expressed his ideas based on the popular Orthodox basis.

Первая четверть XVIII в. – время кардинальных реформ практически во всех сферах государственной и общественной жизни России. Серьезным изменениям подверглась область профессионального служения монарху и государству – государственная служба. Своеобразная концепция государственно-правового и экономического развития сложилась у отечественного публициста и предпринимателя Ивана Тихоновича Посошкова (1652–1726), основную часть политико-правового наследия которого составили два произведения – «Книга о скудости и богатстве» и «Завещание отеческое». Значительное место в его идеологической системе занимали воззрения на государственную службу.

Тематика государственной службы, практически всегда вызывавшая интерес отечественной науки и практики, особенно актуализировалась в связи с оглашенным Президентом России посланием Федеральному Собранию. Так, оживленную дискуссию вызвали предложения ограничений доступа к государственным должностям и государственной службе для отдельных категорий лиц. В данной связи уместно обратиться к воззрениям относительно государственной службы отечественного мыслителя, произведения которого создавались в переломный для такой службы период, И. Т. Посошкова. В этом же усматривается научная новизна проведенного исследования, поскольку в подобном разрезе воззрения И. Т. Посошкова не изучались.

Идеи этого яркого представителя отечественной политико-правовой мысли выражают всестороннее одобрение реформ Петра I. Они весьма созвучны нормативным правовым установлениям царя о необходимости дворянам нести государственную службу. Не раз И. Т. Посошков указывал на ненормальность ситуации, когда игнорирова-

© Минеева И. А., 2020

лись царские призывы на службу: «Се бо колико послано указов во все города о недорослях и о молодых дворянских детях и, аще коего дворянина и на имя указано выслать, то того нескоро вышлят… В таковом слушании и указов ц. в-ва презрении иные дворяне уже состарелесь, в деревнях живучи, *а на службе одною ногою не бывали* (курсив наш. – *И. М.*)[1]» [Посошков 2010, с. 105]. В этой связи у автора «Книги о скудости и богатстве» вызывали удивление и возмущение ухищрения, на которые шли дворяне, чтобы избежать службы. Приводится пример некоего дворянина Пустошкина, который «уже состарелся… какие посылки жестокие по нему ни бывали, никто взять ево не мог, овых дарами угобзит, а кого дарами угобзить не может, то притворит себе тяжкую болезнь или взложит на ся юродство…» [Посошков 2010, с. 106]. И. Т. Посошков вскрывал также проблему фиктивной службы дворянских детей: «…а в том 719-м году, не вем по какому случаю, дву ево сынов записали в службу, обаче все записанные и незаписанные большую половину дома живут, а коим способом живут, того я не могу сказать» [Посошков 2010, с. 106].

И. Т. Посошков сетовал на откровенно мошеннические схемы, позволяющие дворянам избегать службы. Интересна в этой связи история некоего дворянина Золотарева: «В Крымской поход не мог он отбыть, чтобы нейтить на службу, то он послал въместо себя убогово дворянина, прозванем Темирязева, и дал ему лошадь да человека своего, то он ево имянем и был на службе, а сам он дома был…» [Посошков 2010, с. 106].

Возможно было также фактически избежать ратной службы, но юридически числиться на ней, что вызывало осуждение представителя торгового сословия, граничащее с презрением: «И не токмо городовые дворяне, но кои и по Москве служат и называются царедворцами, а и те множайшия великому государю лгут. Егда наряд им бывает на службу, то инии напишутся в сыск за беглыми салдаты и, взяв указ, заедет в свои вотчины, да там и пробудет военную пору» [Посошков 2010, с. 106]. Во избежание подобного уклонения от службы, И. Т. Посошков предлагал не оригинальную, но действенную меру: возложить контроль за приезжающими со службы и сроком их пребывания в имении на соседей. Учитывая своеобразную круговую поруку дворян, сословную солидарность, укоренять подобные начинания предлагалось через угрозы санкций в отношении ослушавшихся предписания надзирать за соседними дворянами: «А буде видя кого без пошпорта или с пошпортом, да за срок будет жить, а, они, соседи, умолчат, то за молчание сосед всех ближних штрафовать» [Посошков 2010, с. 106]. На наш взгляд, в данном отрывке проявляется некоторое западничество, европейских, бюргерских ценностей. И. Т. Посошков предлагал достигать законности путем саморегулирования общества через систему доносительства, которая была глубоко антипатична русскому обществу во всех его сословных проявлениях. В этой связи исследователь Е. Ю. Стёпкин отмечал, что И. Т. Посошков разделял «идеи “регулярного” государства Петра I, связанные с назойливым всеобщим контролем за жизнью подданных» [Стёпкин 2016, с. 110].

Радеющий за государственное дело И. Т. Посошков был истинным порождением своей эпохи и петровского духа преобразований. У представителя так называемого податного сословия вызывали сочувствие служилые дворяне, как правило, небогатые. С противоположными эмоциями он относился к состоятельным дворянам, которые были бесполезными для государственных дел: «А убогие дворяне служат и с службы мало съежжают, инии лет по двадцати и тридцати служат. А богатые, лет пять-шесть послужа, да и промышляет, как бы от службы отбыть да добиться бы к делам и, добившись к делам, век свой и проживают» [Посошков 2010, с. 108]. Порой рассуждения И. Т. Посошкова о дворянском нежелании служить доходили до сарказма, который явно способствовал росту его недоброжелателей: «…нет у великаго государя прямых радетелей, но все судьи криво едут, кому было служить, тех отставливают, а кто не может служить, тех заставливают» [Посошков 2010, с. 107].

Будучи практически ориентированным человеком, И. Т. Посошков довольно много рассуждал как о государственной службе вообще, так и об отдельных ее видах, проводя ее классификацию. Так, размышляя о военной службе, купец И. Т. Посошков прежде всего отмечал необходимость материального обеспечения «ратных» людей: «О солдатех и о драгунех надлежит весьма великое попечение имети и смотрети, дабы они пищею и одеждою были не скудны, а егда будут всем довольны, то они и в службе будут исправнее» [Посошков 2010, с. 49]. Первостепенное значение на военной службе И. Т. Посошков придавал дисциплине. В этом он выражал точку зрения, сходную с императором Петром I, предусмотревшим в армии и флоте жесткую дисциплину и жестокие наказания за ее нарушения: «А аще и всем довольны и военному делу научены будут добре, а дана им будет воля и потачка яко рядовым, тако и афицерам их, то паки дело военное неспоро у них будет, ибо аще что и во армии не по нраву им будет, о пакости от них опасно: самовольство никогда добра не делает, кроме пакости» [Посошков 2010, с. 106]. Вместе с тем, давая своему сыну наставления по поводу его возможной службы офицером,

[1] В настоящей работе мы сохраняем орфографию и пунктуацию автора.

И. Т. Посошков призывал к справедливости, а также приоритету мер убеждения над карательными: «А аще же будеши афицером, то на болшую добродетель и богоугождение подвигнися: сам никого не обижай, и подданным своим обидеть никого не попускай. И наказуй сперва словом, а потом уже и наказанием неоскудным, дабы под командою твоею того не помянулось, еже кого изобидели чем» [Посошков 2010, с. 356].

Выделяя судейскую службу в качестве отдельного вида, мыслитель рассматривал ее как одну из самых тяжелых вследствие моральных обязательств. И. Т. Посошков считал, что данный вид государственной службы требует наиболее четкой регламентации. Вместе с тем должность судьи представляется, безусловно, почетной и приносящей материальные выгоды, поэтому получать ее должны были, по убеждению мыслителя, лица, уже зарекомендовавшие себя на иной государственной службе, прежде всего военной. Этот вывод можно сделать из недоуменного замечания И. Т. Посошкова по поводу назначения молодых дворян на должности судей: «И я сему не могу веры нять, чтоб таких здоровяков, и в службе не бывавших, великий государь в судьи пожаловал» [Посошков 2010, с. 108]. Мысль о том, что на важные государственные должности назначаются недостойные, т. е. не послужившие государю люди, а также то, что они становятся помещиками, вызывала у мыслителя протест. Предложением к исправлению ситуации стала идея перераспределения должностей и богатства в пользу действительно проходящих службу, для чего планировалось использовать то же доносительство: «А кои дворяня в службу написаны и ни на какой службе не бывали, и буде каким пролазом добьютца начальства, а буде кто, какова чина ни буди, хотя дворянин, хотя холоп ево или чужой чей или церковник, хотя и крестьянин, подлинно уведает, что пожалован в судьи иль в камиссары или и во иное какое правление, или кто и без начальства в доме своем живет и крестьянами владеет, а великому государю никаковые службы не показал, то у таковых бы людей отнимать и отдавать тем, кои и ево ц. в-ву служат» [Посошков 2010, с. 109]. Исправно исполняющие свою службу перед государем безусловно признавались И. Т. Посошковым в качестве «лучших людей», на стороне которых должны быть и царская милость, и общественное признание, и материальные блага [Лонин 2011]. Доносительство, которое в целом, вероятно, было не в чести, предлагалось серьезно материально стимулировать: «А доводчику дать четвертая доля изо всего владения его или половина, чтоб лучши радели и о таковых лежебоках доносили» [Посошков 2010, с. 109]. Проповедуемые И. Т. Посошковым идеи полностью совпадают с убежденностью Петра I об общедворянской обязанности служить: «…таковых указов напечатать множество… по отпении литургии дня по три иль по четыре прочитать всем въслух, чтобы все тот его и.в. указ ведали и лежебоков бы не таили, то одним годом всех кроющихся дворян и детей их явных сотворят» [Посошков 2010, с. 109].

У И. Т. Посошкова вызывала озабоченность состояние современной ему судейской службы. Судьи, по его мнению, мало ответственны за результаты своей работы, а также за волокиту, которую они создают: «Древний российских судей обычай был, еже в приказех иметь челобитчиков множество, и так бывало их много, что никоими делы до судьи дойти худосильному не моги» [Посошков 2010, с. 49–50]. Аналогичные проблемы возникали и в производстве приказных («подьячих»), выполнение которыми своих служебных обязанностей, по мнению И. Т. Посошкова, требовало большей упорядоченности: «И буде кому надлежит выписка или иное какое дело делать, то всякой бы подьячей своему делу срок положил и челобитчику велел бы на положенной срок приходить к себе, а о сроку отнюд бы в приказе не шатался» [Посошков 2010, с. 89]. При этом он считал, что избежать служебных проступков может помочь применение в отношении нерадивых приказных санкций: «И буде и к тому сроку не зделает, то уже надлежит ему дать наказание и со штрафом» [Посошков 2010, с. 89]. Радетельное, инициативное отношение к службе вообще почиталось И. Т. Посошковым за высшее достоинство приказного служащего: «…в деле же своем приказом буди всегда бодр и на дело свое готов… егда дневание твое будет, то ни на едину минуту от определеннаго ти дневания не отлучайся… всегда живмя живи в канцелярии… дома не засыпайся, приходи в канцелярию прежде людей, а выходи последи всех своей братьи… буде у тебя своего дела мало и писать тебе нечего, то ты у своего брата возьми» [Посошков 2010, с. 363].

Немалое значение для И. Т. Посошкова как для делового человека имела экономическая эффективность государственной службы: «…велми писари неразумно чинят, что бумагу не берегут… и в том небрежении, на кийждо год, тысяч по десятку, или по другому, из Российскаго царства казны пропадает напрасно» [Посошков 2010, с. 364]. В этой связи исследователи Н. В. Козлова и Л. Н. Вдовина отмечают, что, «оценивая идеалы “Завещания отеческого”, следует исходить не из новаций петровского времени, а из православного вероучения и традиций русской жизни» [Козлова, Вдовина 2010, с. 28]. Однако идеалы И. Т. Посошкова во многом были созвучны основным идеям Петра Великого. Учитывая экономические оценки, из которых исходил И. Т. Посошков в анализе госу-

дарственных институтов, а следовательно, и государственной службы, профессор М. Г. Покидченко считает его одним из первых русских камералистов [Покидченко 2016, с. 51–65]. Отличительной чертой данного учения было то, что в трудах его сторонников «затрагивался широкий круг проблем, причем не только экономического характера, которые, по их мнению, должны решаться государством в целях повышения национального благосостояния» [Покидченко 2016, с. 57].

Серьезным и, по всей видимости, весьма распространенным пороком приказной и судейской службы была коррупция, от которой И. Т. Посошков предостерегал в своей «Книге о скудости и богатстве»: «А гостинцев у истцов и у ответчиков отнюд принимать не надлежит, понеже мзда заслепляет и мудрому очи» [Посошков 2010, с. 90]. При этом служба судьи предполагает обязательства не только перед государем, но и перед высшей силой, и в этой связи коррупция вдвойне опасна: «И того ради отнюд почести ни малые судье принимать не годствует, дабы в неправом разсуждении пред Богом и царем не согрешити» [Посошков 2010, с. 90]. При этом проблему коррупции не следует, по мнению И. Т. Посошкова, решать простым увеличением жалованья. Напротив, он сомневался, не слишком ли много получают судьи и приказные: «А судьям и всем приказным людям государево жалованье денежное и хлебное надлежит отставить, чтобы в том жалованье казна великаго государя напрасно не тратилась» [Посошков 2010, с. 100]. Рациональный хозяйственный ум И. Т. Посошкова пришел к необходимости своеобразной сдельной оплаты труда судей, в результате чего казна получала бы дополнительный доход: «Мне мнитца, лучши чинить, пропитания ради, главным судьям и приказным людям учинить оклад з дел, по чему с какова дела брать за работу, и уложить имянно, по чему брать с рубля на виноватом и по чему с рубля имать с праваго и по чему брать с рубля в приеме денег в казну…» [Посошков 2010, с. 100]. Меры по наведению порядка в приказной службе должны были, по убеждению И. Т. Посошкова, носить комплексный характер. Репрессивное воздействие должно сочетаться с изменением нормативно-правовой регламентации службы: «И о сем аз мню, аще и самыя жесточайшия казни вышшим и нижним судьям чинить, а древняго уложения не изменить и всем делам новаго регула не учинить, то не можно и правде в приказных делах состоятись» [Посошков 2010, с. 109].

Таким образом, И. Т. Посошков осуществил идеологическое обоснование реформ Петра I, в том числе в сфере государственной службы. Так, мыслитель поддерживал требование обязательной службы дворянства, порицая фиктивную службу и махинации, с ней связанные. Он провел классификацию государственной службы, выделяя такие ее виды, как военная, приказная и судейская службы. В отношении последних двух видов он проводил наиболее тщательный анализ. Обращая особое внимание на проблемы коррупции и излишнего бюрократизма (волокиты), он указывал не только на преступность, но и на греховность таких отклонений от служебного долга. В этой связи, одобряя реформы Петра I, выступая во многом апологетом его политики, И. Т. Посошков выражал свои идеи с опорой на народную православную основу. По выражению исследователя А. В. Черняева, «он четко различал необходимость сохранять духовно-культурную идентичность и реформы, касающиеся технической сферы, экономической сферы, военной, инженерной» [Черняев 2014, с. 33]. В этой связи отметим такую важную, на наш взгляд, особенность политико-правовых воззрений И. Т. Посошкова: он является одновременно сторонником и русской традиции, и реформирования общественно-политических и экономических институтов.

Список цитируемых источников

Козлова, Вдовина 2010 – *Козлова В. Н., Вдовина Л. Н.* Иван Тихонович Посошков // Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. В. Козловой, Л. Н. Вдовиной. М. : РОССПЭН, 2010. С. 5–42.

Лонин 2011 – *Лонин А. В.* Роль лучших людей в развитии общества в идейных исканиях российских мыслителей Петровской эпохи // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 5. URL: www.scince-education.ru/99-4842 (дата обращения: 02.02.2020).

Покидченко 2016 – *Покидченко М. Г.* Иван Тихонович Посошков – самобытный российский камералист // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17, № 1. С. 51–65.

Посошков 2010 – *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. В. Козловой, Л. Н. Вдовиной. М. : РОССПЭН, 2010. 591 с.

Стёпкин 2016 – *Стёпкин Е. Ю.* Проблемы организации полиции и борьбы с преступностью в работах И. Т. Посошкова // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1(37). С. 109–113.

Черняев 2014 – *Черняев А. В.* У истоков русского консерватизма: Иван Посошков // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С. 32–38.

References

Chernyaev, A. V. (2014), "At the origins of Russian conservatism: Ivan Pososhkov", *Tetradi po konservatizmu,* no. 3, pp. 32–38.

Kozlova, V. N. and Vdovina, L. N. (2010), "Ivan Tikhonovich Pososhkov", in Pososhkov, I. T. (2010), *Kniga o skudosti i bogatstve. Zaveshchanie otecheskoe* [The book of poverty and wealth. The testament of fatherly], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 5–42.

Lonin, A. V. (2011), "The role of the best people in the development of society in the ideological search of Russian thinkers of Peter's era", *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya,* no. 5, available at: www.science-education.ru/99-4842 (Assecced 2 February 2020).

Pokidchenko, M. G. (2016), "Ivan Tikhonovich Pososhkov – an original Russian cameralist", *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya,* vol. 17, no. 1, pp. 51–65.

Pososhkov, I. I. (2010), *Kniga o skudosti i bogatstve. Zaveshchanie otecheskoe* [The book of poverty and wealth. The testament of fatherly], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Stepkin, E. Yu. (2016), "Problems of organizing the police and fighting crime in the works of I. T. Pososhkov", *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii,* no. 1(37), pp. 109–113.

Информация об авторе

Минеева Ирина Александровна,
Ардатовский районный суд, Ардатов, Нижегородская область, Российская Федерация; mineeva1r@yandex.ru

Information about the author

Mineeva Irina A.,
Ardatovsky District Court, Ardatov, Nizhny Novgorod region, Russian Federation; mineeva1r@yandex.ru

Для цитирования

Минеева И. А. Вопросы государственной службы в политико-правовом наследии И. Т. Посошкова // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 194–198.

For citation

Mineeva, I. A. (2020), "Issues of public service in the political and legal heritage of I. T. Pososhkov", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 194–198.

УДК 341.01

И. Л. Петрова[1]
И. О. Кирова[1]
[1] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация

I. L. Petrova[1]
I. O. Kirova[1]
[1] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

Лингвоюридическое понятие «оскорбление» в национальных правовых системах государств – членов ЕАЭС

The linguistic and legal concept of «insult» in the national legal systems of the EAEU member countries

Ключевые слова: интеграция; ЕАЭС; оскорбление; честь; достоинство; дефиниции; право; лингвистика.

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам юридического закрепления и толкования понятия «оскорбление» в национальных правовых системах государств – членов ЕАЭС. Гипотеза авторов определяет, что подход к оскорблению в разных странах различен, но едино отсутствие официально закрепленной дефиниции. Авторы при анализе законодательства всех государств – членов ЕАЭС и данных государственной статистики и судебных органов использовали сравнительно-правовой и статистический методы. Полученные в ходе исследования выводы могут быть использованы при формировании предложений по дальнейшему сотрудничеству между странами – членами ЕАЭС, а также изучении интеграционной политики и правовой конвергенции.

Key words: integration; EAEU; insult; honor; dignity; definitions; law; linguistics.

Abstract. The article is devoted to some aspects of legal consolidation and interpretation of the concept of “insult” in the national legal systems of the EAEU member countries. The hypothesis of the authors suggests that the approach to insult in different countries is different, but the only thing is the absence of an officially fixed definition. The authors used a comparative legal method, as well as statistic one, considering the legislation of all EAEU member countries and the data of state statistics and judicial authorities. The conclusions made during the study can be used to form proposals for further cooperation between the EAEU member countries, as well as to study the integration policy and legal convergence.

На протяжении долгого времени категория «оскорбление» остается в центре внимания и лингвистов-экспертов, и юристов. И это не случайно, поскольку четкость отражения сущности явления в понятийном аппарате закона есть залог соблюдения прав и законных интересов граждан, принципов законодательства. Нормы-дефиниции являются основой стабильности и ясности работы правоприменителя, особенно в тех случаях, когда сам состав определения достаточно сложен для интерпретации.

Суды общей юрисдикции Российской Федерации за 2019 г. вынесли 503 решения по делам об оскорблении[1]. Экономические суды Республики Беларусь за тот же период решили 14 дел о защите деловой репутации[2]. В Республике Казахстан за год было зарегистрировано 43 преступления[3], подпадающих под состав оскорбления.

Следовательно, в странах – членах ЕАЭС состав данного правонарушения не является «мертвым», однако недостаточно часто используется ввиду, возможно, неясности его толкования или высокой степени латентности.

В настоящем исследовании активно использован сравнительно-правовой метод, позволивший рассмотреть национальные законодательства стран – членов ЕАЭС, а также статистический метод, с помощью которого проанализиро-

[1] Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+5.61.+Оскорбление%28КОАП%29&regular-date_from=28.11.2018&regular-date_to=28.11.2019&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=#searchResult (дата обращения: 28.11.2019).

© Петрова И. Л., Кирова И. О., 2020

[2] Верховный суд Республики Беларусь : [сайт]. URL: http://service.court.by/ru/juridical/judgmentresults (дата обращения: 28.11.2019).

[3] Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан : [сайт]. URL: http://pravstat.prokuror.gov.kz/rus/sub/news/svedeniya-o-zaregistrirovannyh-prestupleniyah-za-yanvar-2014-g (дата обращения: 28.11.2019).

ваны данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации[1], Национального статистического комитета Республики Беларусь[2], Статистического комитета Республики Армения[3], Комитета по статистике Республики Казахстан[4], Национального статистического комитета Кыргызской Республики[5], Евразийской экономической комиссии[6] и национальных судебных органов.

Право на свободу слова закреплено во многих международных актах, начиная с принятой 10 декабря 1948 г. Всеобщей декларации прав человека[7], и в национальных конституциях демократических государств, например, в ст. 29 Конституции Российской Федерации[8]. Однако это право ограничивается уважением прав и репутации других лиц. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключенная 4 ноября 1950 г.[9], закрепляет, что каждый имеет право свободно выражать свое мнение, но осуществление этой свободы может быть сопряжено с ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.[10] также предусматривает подобную норму.

Кроме того, в конституциях закреплено право на защиту чести и доброго имени, а гражданские кодексы Российской Федерации[11], Республики Армения[12] и Кыргызской Республики[13] устанавливают право каждого на защиту чести, достоинства и деловой репутации от распространенных порочащих сведений и допускают ограничение свободы слова и средств массовой информации в данном случае. Эту норму также подтверждает постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»[14]. Постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации»[15] в свою очередь отмечает, что рассмотрение судом уголовного дела об оскорблении не является препятствием к возбуждению гражданского дела о защите чести, достоинства или деловой репутации.

В Российской Федерации до 2011 г. существовала уголовная ответственность за оскорбление, однако в настоящее время она декриминализирована и закреплена в ст. 5.61 Кодекса об административных правонарушениях[16]. При этом единственная законодательно закрепленная дефиниция оскорбления отражена в данной статье: «…унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Именно такую формулировку используют суды в своей правоприменительной деятельности. Одновременно с этим законодательство предусматривает более высокую степень ответственности за публичные оскорбления.

В республиках Беларусь, Казахстан и Армения оскорбление подлежит уголовной квалификации.

Так, согласно Уголовному кодексу Республики Беларусь[17] оскорбление понимается как «умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме, в публичном выступлении либо в печатном или публично демонстрируемом произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, распространенной в глобальной компьютерной сети "Интернет", иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи».

Уголовный кодекс Республики Казахстан[18] закрепляет оскорбление как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в непри-

[1] Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://www.gks.ru (дата обращения: 28.11.2019).

[2] Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. URL: http://www.belstat.gov.by (дата обращения: 28.11.2019).

[3] Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.armstat.am/ru/ (дата обращения: 28.11.2019).

[4] Комитет по статистике Республики Казахстан : [сайт]. URL: http://stat.gov.kz (дата обращения: 28.11.2019).

[5] Национальный статистический комитет Кыргызской Республики : [сайт]. URL: http://www.stat.kg/ru/ (дата обращения: 28.11.2019).

[6] Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: http://www.eurasiancommission.org (дата обращения: 28.11.2019).

[7] Российская газета. 1995. 5 апр.

[8] Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

[9] Бюллетень международных договоров. 1998. № 7.

[10] Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

[11] Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

[12] URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=3849&lang=rus (дата обращения: 28.11.2019).

[13] URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4 (дата обращения: 01.12.2019).

[14] Российская газета. 2005. 15 марта.

[15] URL: http://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/civil/moral/dfc0f3c11d36bd76.html (дата обращения: 28.11.2019).

[16] Российская газета. 2001. 31 дек.

[17] URL: http://уголовный-кодекс.бел (дата обращения: 28.11.2019).

[18] URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252#sub_id=1310000 (дата обращения: 28.11.2019).

личной форме» и отдельно отмечает то же деяние, совершенное публично или с использованием средств массовой информации или сетей телекоммуникаций.

Оскорбление как «неподходящее оскорбление чести другого лица и достоинства» квалифицируется по Уголовному кодексу Республики Армения[1]. Здесь законодатель так же, как и в вышеперечисленных кодексах, особо выделяет публичные оскорбления. При этом омбудсмен Республики Армения обращался в Конституционный суд с вопросом, насколько норма об оскорблении соответствует Конституции страны, суд вынес положительное решение[2].

В Кыргызской Республике ни Кодекс о нарушениях[3], ни Уголовный кодекс[4] не закрепляют ответственность за оскорбление. Ряд экспертов поддерживают данное решение и считают, что вопрос должен рассматриваться в рамках гражданско-правовой ответственности. Подтверждением этому служит решение Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 6 ноября 2013 г. о несоответствии ст. 128 «Оскорбление» Уголовного кодекса Кыргызской Республики ч. 5 ст. 33 Конституции Кыргызской Республики: «Никто не может быть подвергнут уголовному преследованию за распространение информации, порочащей или унижающей честь и достоинство личности».

Следовательно, при наличии ответственности законодатель не предусматривает четкой, закрепленной дефиниции «оскорбление». Оно отсутствует и в лингвистике, что связано с субъективностью, психологичностью самóго денотата. При этом отечественные словари раскрывают значение слов, номинирующих в русском языке «оскорбление», фактически через одни и те же понятия.

Так, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова глагол «оскорбить» толкуется как «тяжело обидеть, унизить»[5], а Д. Н. Ушаков добавляет к этому обязательное «причинить моральный ущерб, боль»[6].

Основным критерием интерпретации поступка как оскорбления являются эмоциональная и психологическая реакция потерпевшего, его представления о приличном и неприличном либо позиция общественной морали. Кроме того, необходимо оценивать имеющуюся ситуацию, т. е. конситуацию: одно и то же действие в разных ситуациях и с разными участниками может как квалифицироваться, так и не квалифицироваться в качестве оскорбительного.

Эксперты берут за основу законодательную сущность оскорбления: факт унижения чести и достоинства гражданина в неприличной форме. Данное понимание достаточно узкое и опирается на список нецензурных слов. Согласно такому подходу употребление слов, не входящих в данный список, будет считаться лишь демонстрацией личной неприязни к потерпевшему, что является нарушением правил этикета, а не закона. Расширительное понимание оскорбления делает толкование более субъективным и произвольным и включает в себя использование любой бранной, грубой, вульгарной лексики и фразеологии.

Оскорбление характеризуется следующими основными признаками: может быть в устной или письменной форме; ответственность предусмотрена за оскорбление абсолютно любого человека; наказанию подлежат также публичные оскорбления и высказывания в сети «Интернет».

Необходимо отметить двустороннюю сущность понятия «оскорбление»: его правовую и лингвистическую стороны. Правовая сторона предусматривает отражение информации правового характера через язык. Лингвистическая, напротив, заключается в оказании языком влияния на формирование юридической терминологической базы.

При рассмотрении понятия «оскорбление» со стороны права в контрасте с лингвистическим знанием целесообразно указать на более сложную структуру лингвистического термина, которая проявляется в наличии обязательных компонентов высказывания, позволяющих отнести его к речевому акту «оскорбление». Этими компонентами являются:

1) участники: первый – инвектор, второй – инвектум (наличие этих двух участников является обязательным), третий участник (его присутствие не является обязательным) – наблюдатель или очевидец происходящего;

2) иллокутивная цель высказывания (речевое намерение инвектора) – первый участник предпринимает попытку унизить второго участника, нанести ему оскорбление;

3) условия успешности инвективного акта – первый участник знает, что его слова могут причинить моральный вред второму участнику, и желает наступления подобных последствий;

4) инвективное высказывание – вербально оформленное выражение, употребление которо-

---

[1] URL: http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus (дата обращения: 28.11.2019)

[2] URL: https://www.tert.am/ru/news/2011/11/17/low/389928 (дата обращения: 28.11.2019).

[3] URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111565 (дата обращения: 28.11.2019).

[4] URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527 (дата обращения: 28.11.2019).

[5] Толковый словарь Ожегова. URL: gufo.me/dict/ozhegov# (дата обращения: 28.11.2019).

[6] Толковый словарь Ушакова. URL: gufo.me/dict/ushakov?page=19&letter=О (дата обращения: 28.11.2019).

го содержит намерение оскорбить или унизить адресата речи или третье лицо (в переводе с латинского invectiva (oratio) – буквально «оскорбительная речь, брань») [Бринёв 2011].

Для лингвистики наиболее важное значение имеет языковой аспект проблемы. Наука обращает внимание на то, какими «объективными языковыми характеристиками, семантическими и функциональными особенностями обладает слово или фраза, для того чтобы определить ее статус, тогда как в обыденном и юридическом толковании важен морально-этический аспект, понятия приличного и неприличного» [Стернин, Латынина 2011, с. 536].

Юридическая оценка высказывания как оскорбительного основывается на двух ключевых элементах, прописанных в тексте ст. 5.61 КоАП РФ: унижение чести и достоинства другого лица и неприличная форма выражения. В связи с этим целесообразно рассматривать лингвистическое трактование понятия «оскорбление» как более широкое.

Под неприличной формой понимают присутствие в выражениях в адрес определенного лица оскорбительных, непристойных слов и фразеологизмов, оскорбляющих общественную нравственность, нарушающих нормы этики. Это циничная, грубая, противоречащая правилам поведения в обществе унизительная форма общения с человеком. Именно неприличная форма расценивается как посягательство на честь и достоинство гражданина, которая подтверждается или опровергается во время лингвистической экспертизы. При этом для лингвистики речевая форма оскорбления не является настолько важной, следовательно, часть лингвистических квалификаций не будет подлежать юридической ответственности.

Наличие умысла и необходимость его установления отличает оскорбление от хулиганства. Умысел устанавливается судом, который определяет его как следствие неприязненного отношения к потерпевшему [Стернин, Латынина 2011], подтверждаемое лингвистическим анализом.

Слова и выражения, изъятые из контекста, не будут считаться оскорбительными. Нецензурное слово может стать оскорбительным, если дает потерпевшему негативную характеристику, а при выражении собственных негативных эмоций квалифицировать деяние можно лишь в качестве речевого хулиганства.

Понятие «оскорбление» не имеет объективных критериев и четких признаков. Сказанная фраза может быть расценена как оскорбительная в случае, если, по мнению потерпевшего, нарушаются нормы межличностного общения.

Следовательно, оскорбительная фраза – способ употребления слов, который вызывает чувство обиды, недовольства, унижения, понимаемое крайне субъективно [Стернин, Латынина 2011].

Обида – субъективное негативное восприятие слов или поступков другого человека в отношении потерпевшего. Однако обстоятельства, вызывающие обиду, крайне субъективны, и не все случаи будут подлежать правовому регулированию. Например, отсутствие приглашения на мероприятия с правовой точки зрения не может считаться оскорблением, но для кого-то это может послужить причиной для обиды.

Оскорбление – это умышленное унижение чести и достоинства гражданина, совершенное путем использования словесного выражения в неприличной форме, расцененное адресатом речи как унизительное.

В связи с вышеизложенным полагаем, что целесообразно использовать опыт Кыргызской Республики и декриминализировать оскорбление на уровне ЕАЭС. Оно может расцениваться в рамках гражданско-правовой ответственности как посягательство на честь и достоинство гражданина.

Список цитируемых источников

Бринёв 2011 – *Бринёв К. И.* Проблема разграничения лингвистического и юридического уровней в лингвистической экспертизе // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции. Барнаул : АГПУ, 2011. С. 335–338.

Стернин, Латынина 2011 – *Стернин И. А., Латынина Е. Н.* Уроды… Сделайте музыку потише // Юрислингвистика. 2011. № 1(11). С. 528–555.

References

Brinev, K. I. (2011), “The problem of differentiation of linguistic and legal levels in linguistic expertise”, *Russkaya slovesnost’ v Rossii i Kazakhstane: aspekty integratsii* [Russian literature in Russia and Kazakhstan: aspects of integration], AGPU, Barnaul, Russia, pp. 335–338.

Sternin, I. A. and Latynina, E. N. (2011), “Freaks… Make the music quieter”, *Yurislingvistika,* no.1(11), pp. 528–555.

Информация об авторах

Петрова Ирина Леонидовна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; i-l-petrova@mail.ru

Кирова Ирина Олеговна,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; kirovaio@mail.ru

Information about the authors

Petrova Irina L.,
PhD (law), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; i-l-petrova@mail.ru

Kirova Irina O.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; kirovaio@mail.ru

Для цитирования

Петрова И. Л., Кирова И. О. Лингвоюридическое понятие «оскорбление» в национальных правовых системах государств – членов ЕАЭС // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 199–203.

For citation

Petrova, I. L. and Kirova, I. O. (2020), "The linguistic and legal concept of "insult" in the national legal systems of the EAEU member countries", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 199–203.

УДК 340.113

И. Л. Петрова[1]
К. А. Лазарева[1, 2]
[1] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

I. L. Petrova[1]
K. A. Lazareva[1, 2]
[1] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Особенности юридической терминологии в нормативных правовых актах, регулирующих финансовые отношения в условиях цифровизации общества

Peculiarities of legal terminology in regulatory legal acts governing financial relations in the conditions of digitalization of society

Ключевые слова: цифровая экономика; заимствования; иноязычные термины; финансовые отношения; нормативные правовые акты.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с использованием иноязычной юридической терминологии в российской правовой системе. Проанализированы действующие нормативные правовые акты, регулирующие финансовые отношения в условиях цифровой экономики, на предмет заимствованной и адаптированной иноязычной юридической терминологии. Проведен сравнительно-правовой анализ адаптированных юридических терминов в правовой системе России и иноязычной юридической терминологии в правовой системе зарубежных стран. Даны рекомендации по устранению существующих проблем в действующем законодательстве России, связанных с заимствованными иноязычными юридическими терминами. В заключение определены положительные моменты и перспективы использования иноязычной юридической терминологии в правовом регулировании экономического сектора.

Key words: digital economy; borrowings; foreign language terms; financial relations; regulatory legal acts.

Abstract. The article discusses the problems associated with the use of foreign language legal terminology in the Russian legal system. The current regulatory legal acts governing financial relations in the digital economy are analyzed for the subject of borrowed and adapted foreign language legal terminology. A comparative legal analysis of adapted legal terms in the legal system of Russia and foreign language legal terminology in the legal system of foreign countries is carried out. Recommendations on eliminating existing problems in the current legislation of Russia related to borrowed foreign language legal terms are given. In conclusion, the positive aspects and prospects of using foreign language legal terminology in the legal regulation of the economic sector are identified.

Стремительное развитие экономического сектора, в том числе становление цифровой экономики, привело к появлению новых правовых понятий, для которых ранее не существовало соответствующих эквивалентов в правовой системе России. Однако иноязычные заимствования в экономической лексике прочно закрепились в нормативных правовых актах, регулирующих финансовые отношения, а также стали общеупотребительными и популярными в профессиональном финансовом сообществе.

Актуальность данному исследованию придает и тот факт, что право и язык как объекты юридической лингвистики являются формами общественного сознания и одновременно социальными регуляторами, а также нормативными системами (устанавливают определенные модели социального поведения). Следовательно, они находятся в отношениях взаимовлияния, взаимокоррекции и взаимообогащения [Петрова 2019].

Ярким примером взаимодействия языка и права как регуляторов социальной жизни выступают, например, ситуации, связанные с речевым этике-

© Петрова И. Л., Лазарева К. А., 2020

том. Так, неисполнение правил языкового (речевого) поведения (нежелание извиниться за проступок, обращение к незнакомому человеку на «ты», оскорбление и т. п.) может привести не только к обиде, но и к ссоре, конфликту с нарушением правовых норм.

Кроме того, порядок в обществе и его стабильность в значительной степени зависят от упорядоченности и устойчивости права, которое объективируется, становится позитивным лишь посредством языка. Следовательно, право, воздействуя на волю людей, определяет не только их поведение, но и функции языка, поскольку язык является «единственным материалом, первоэлементом, из которого создаются и оформляются все правовые категории» [Ушаков 1967, с. 15]. С помощью языка выражается и формулируется воля законодателя.

При проведении настоящего исследования использовались комплексный и системный подходы, методы сравнения, анализа и синтеза.

За последнюю четверть века в правовой системе России появились новые правовые институты, нормы, термины и понятия, которые давно известны в правовых системах зарубежных стран. Характерной чертой современного российского права является активное использование иноязычной терминологии в юридическом языке (прежде всего в языке законов) [Туранин 2009].

В нормативных правовых актах, регулирующих финансовые отношения, законодатель использует популярные иноязычные юридические термины, такие как: «брокер» (от англ. broker), «дилер» (от англ. dealer), «валюта» (от итал. valuta), «финансы» (от фр. finances), «бизнес» (от англ. business), «консалтинг» (от англ. consulting), «концерн» (от англ. concern), «аутрайт» (от англ. outright), «аутрейд» (от англ. outtrade), «аутсорсинг» (от англ. outsourcing) и др.

В условиях цифровизации экономики появляются новые компьютерные технологии, платежные системы, криптовалюта, а вместе с этим заимствуются новые иноязычные юридические термины («блокчейн» (англ. blockchain), «биткойн» (от англ. bitcoin) и др.), которые законодатель использует в языке нормативных правовых актов для правового регулирования цифровых финансовых отношений.

Основной предпосылкой внедрения иноязычных терминов в российский юридический язык является интернационализация юридической терминологии. Эта тенденция объясняется интеграцией мирового сообщества, процессом ассимиляции языков, активным развитием научной мысли. А. С. Пиголкин отмечает, что «обновление правового языка – процесс естественный, постоянный, требующий зачастую активного применения иноязычных семантических средств, что обусловлено информационными потребностями, международными деловыми связями» [Язык закона 1990]. Не случайно появились такие термины, как «демпинг», «инновация», «клиринг» и целый ряд других терминов, которые обладают международным характером и не имеют аналогов в русском языке [Туранин 2009].

Необходимо отметить, что адаптация как правовой системы России в целом, так и государственных органов, гражданского общества к терминологическим новациям – довольно длительный процесс. Кроме того, в случае успешной адаптации иноязычные юридические термины становятся мощными и незаменимыми языковыми инструментами в процессе создания нормативных правовых актов. Данный тезис подтверждается тем, что в действующей законодательной базе активно используются заимствованные в различное время из других языков юридические термины, такие как «вексель» (от нем. wechsel), «концессия» (от лат. concessio), «контрагент» (от лат. contrahens) и другие, актуальность употребления которых не подвергается критике.

Однако, помимо положительного эффекта терминологических новаций, в правовой системе России можно выделить ряд немаловажных проблем, возникающих в связи с активным проникновением иноязычных терминов в язык законодательных актов:

1) переизбыточность иноязычных юридических терминов в законодательных актах;

2) необоснованное употребление иноязычных юридических терминов в нормативных правовых актах там, где есть очевидная возможность использовать термин исконного происхождения;

3) употребление иноязычного юридического термина в некорректной трактовке;

4) противоречие нормативных правовых актов при употреблении одного и того же иноязычного юридического термина в разных значениях;

5) противоречие современной интерпретации и законодательного употребления иноязычных юридических терминов;

6) некорректная интерпретация гражданским обществом иноязычных юридических терминов, содержащихся в законодательных актах, ввиду отсутствия необходимого уровня правосознания и правовой культуры.

Данные проблемы нередко возникают из-за чрезмерного и неоправданного желания законодателя придать закону наукообразность, дополнительную «солидность» [Туранин 2009].

При этом отсутствие у адресатов закона необходимого уровня правосознания и правовой культуры для правильной интерпретации иноязычных

юридических терминов отрицательно сказывается на стадии реализации права, в процессе воплощения в жизнь юридических прав и обязанностей. Следовательно, любая неточность в использовании иноязычных юридических терминов оказывает прямое негативное влияние на качество законодательного акта.

Согласно правилам юридической техники, язык законодательных актов должен отличаться ясностью и простотой [Булаков 2001; Хабибулина 2000; Чухвичев 2006; Язык закона 1990], информативностью [Губаева 2007] и доступностью [Ушаков 1974]. Иными словами, он должен быть понятен субъектам правоотношений. Текст закона должен быть написан таким образом, чтобы любой гражданин, прочитав его, мог без труда составить себе ясное представление о своих правах, обязанностях и последствиях, которые могут наступить в случае нарушения им предписанных норм [Борисова, 2008].

Следовательно, при перенасыщении нормативных правовых актов иноязычными юридическими терминами нарушаются требования, предъявляемые юридической техникой к тексту законов.

Согласно ч. 6 ст. 1 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»[1] при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке. Исходя из смысла данной нормы, можно сделать вывод о том, что употребление иноязычных слов, в том числе терминов, в нормативных правовых актах возможно только при недостаточности отечественных языковых средств.

На основании вышесказанного можно заключить, что законодатель при создании нормативных правовых актов не всегда учитывает указанную юридическую норму. Данный тезис подтверждается следующими результатами сравнительно-правового анализа адаптированных юридических терминов и иноязычной юридической терминологии в правовых системах России и зарубежных стран соответственно.

1. Так, иноязычный термин «лизинг» обладает в отечественной юридической науке официальным синонимом – «финансовая аренда». Данные термины обычно используются совместно (например, Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)»[2]). При этом, как отмечает Ю. С. Харитонова, «в отдельных актах были сделаны попытки присвоить отношениям лизинга оригинальное название, отличное от заимствованного английского или уже имеющегося определения аренды» [Харитонова 1998]. Например, в Королевском постановлении Бельгии введено понятие «найм-финансирование», в Европе часто применяется термин «финансовая аренда». Следовательно, есть очевидные возможности для русификации данного термина в рамках российского права.

2. Неоднозначным представляется использование иноязычного термина «пролонгация» (например, в тексте ст. 98 и 99 Бюджетного кодекса Российской Федерации[3], ст. 49 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»[4]), который имеет официальный синоним в отечественной юридической науке – «продление». Русскоязычный аналог полностью отражает правовую природу соответствующего понятия и может активно использоваться в официальных законодательных актах наряду с иноязычным термином.

В действующем законодательстве нередко возникают коллизии из-за отсутствия общей концепции терминологического единства. Например, при заимствовании иноязычного термина «листинг» возникла проблема его неоднозначной трактовки в двух концептуально схожих правовых актах. Так, термин «листинг» в ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»[5] понимается как процесс, связанный с включением ценных бумаг в список. Однако в п. 4 ст. 6 Федерального закона от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»[6] «листинг» уже понимается как статичное явление, как сам котировальный список ценных бумаг, а не процесс его формирования.

В проектах и действующих нормативных правовых актах, направленных на регулирование финансовых отношений в условиях цифровизации общества, также присутствуют заимствованные и адаптированные иноязычные юридические термины, такие как:

1) термин «криптовалюта», который закрепился после публикации статьи о системе биткойн «Crypto currency» (Криптографическая валюта), опубликованной в 2011 г. в журнале Forbes [Greenberg 2011]; при этом автор и создатель биткойна использовал термин «электронная наличность» (англ. electronic cash).

[1] Российская газета. 2005. 7 июня.

[2] Там же. 1998. 5 нояб.

[3] Там же. 12 авг.

[4] Там же. 2002. 13 июля.

[5] Там же. 1996. 25 апр.

[6] Там же. 1999. 11 марта.

Например, в Японии в соответствии с законом о виртуальной валюте, законом о платежных системах и законом о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма термин «криптовалюта» определяется как «виртуальная валюта (криптоактив)». Виртуальная валюта (криптоактив) признается не денежным средством, а оборотоспособным активом, который может быть использован в качестве платежного средства, а также приобретаться как товар без применения местного аналога НДС.

Применительно к российскому законодательству надо сказать, что в первоначальном проекте Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (редакция, принятая Государственной Думой в I чтении 20 марта 2018 г.)[1] понятие «криптовалюта» определяется как вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций [Варнавский 2018]. Однако делается специальная оговорка, что цифровые финансовые активы (криптовалюта) не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации. Между тем Банк России приравнивает термины «виртуальная валюта» и «криптовалюта», что отражается в информации Банка России от 4 сентября 2017 г. «Об использовании частных "виртуальных валют" (криптовалют)»[2].

Данный факт позволяет сделать вывод об отсутствии терминологического единства, так как термин «виртуальная валюта» является более широким и объемным, нежели термин «криптовалюта» [Шайдуллина 2018];

2) иноязычный термин «токен» (от англ. token) активно употребляется в зарубежных странах в сфере виртуальных валют, однако в законодательстве данный термин не интерпретируется (Швейцария, Южная Корея, Республика Беларусь, Франция). Между тем в некоторых странах термин «токен» интерпретируют центральные банки или агентства по защите потребителей финансовых услуг и др. (Канада, Сингапур, Кипр). Так, в Сингапуре термин «токен» приравнивается к термину «криптотокен» и рассматривается как актив, но в основном как ценная бумага, следовательно, к данной цифровой валюте применяется закон о ценных бумагах и фьючерсах. Тенденция к приравниванию термина «токен» к понятию «ценная бумага» характерна и для США, Австралии, Гонконга, Канады.

В проекте Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» термин «токен» определяется как вид цифрового финансового актива, который выпускается юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем (эмитент) с целью привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых транзакций. Следовательно, отечественный законодатель идет по пути закрепления правового понятия «токен» с целью единообразной интерпретации.

На основе вышеизложенного мы пришли к выводу, что на данный момент существует проблема переизбыточного употребления многих иноязычных юридических терминов как в проектах законов, так и в действующем законодательстве. Необоснованное использование подобных «специальных» слов ведет к загромождению законодательного текста и затруднению его надлежащего восприятия адресатами. Однако положительной тенденцией являются попытки устранения излишней заимствованной терминологии (например, законодатель отказался от употребления в Трудовом кодексе Российской Федерации[3] иноязычного термина «контракт»).

Итак, законодателю для минимизации проблем, возникающих вследствие употребления иноязычных юридических терминов в нормативных правовых актах, необходимо придерживаться следующих принципов:

1) проводить детальный анализ при заимствовании иноязычных терминов в правовую систему России на предмет соответствия сложившейся юридической терминологической системе;

2) осуществлять отсев иноязычных терминов, которые будут противоречить общей концепции терминологического единства российского законодательства;

3) отдавать предпочтение отечественным языковым средствам, однако это не означает, что надо полностью игнорировать иноязычные термины, которые необходимы для объяснения тех или иных процессов и явлений, новых для правовой системы России.

Таким образом, в каждом законодательном акте нужен терминологический баланс, основанный на принципе разумного сочетания юридических терминов, существовавших ранее, и терминологических новаций, характерных для конкретного исторического этапа развития государства и права.

[1] URL: http://sozd.parlament.gov.ru/ (дата обращения: 15.02.2020).

[2] Вестник Банка России. 2017. № 80.

[3] URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2020).

Список цитируемых источников

Борисова 2008 – *Борисова Л. А.* Основные требования к тексту закона и их соблюдение при переводе // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 66–71.

Булаков 2002 – *Булаков О. Н.* Законодательная техника и законодательный процесс в Российской Федерации (правила конструирования закона) : учеб. пособие. М. : МГСА, 2002. 176 с.

Варнавский 2018 – *Варнавский А. В.* Токен или криптовалюта: технологическое содержание и экономическая сущность // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22, № 5. С. 122–139.

Губаева 2007 – *Губаева Т. В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М. : Норма, 2007. 160 с.

Петрова 2019 – *Петрова И. Л.* Лингвоюридический анализ текста : учеб. пособие. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. 87 с.

Туранин 2009 – *Туранин В. Ю.* Использование заимствованной терминологии в текстах современных российских законов: возможности и пределы // Современное право. 2009. № 4. С. 14–17.

Ушаков 1967 – *Ушаков А. А.* Очерки советской законодательной стилистики. Пермь : [б. и.], 1967. 206 с.

Ушаков 1974 – *Ушаков А.* Каким должен быть язык уголовного закона // Социалистическая законность. 1974. № 10. С. 57–58.

Хабибулина 2000 – *Хабибулина Н. И.* Юридическая техника и язык закона : монография. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2000. 92 с.

Харитонова 1998 – *Харитонова Ю. С.* Понятие финансовой аренды (лизинга) // Законодательство. 1998. № 1. С. 24–28.

Чухвичев 2006 – *Чухвичев Д. В.* Законодательная техника : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2006. 240 с.

Шайдуллина 2018 – *Шайдуллина В. К.* Криптовалюта как новое экономико-правовое явление // Финансы и банковское дело. 2018. № 2. С. 137–142.

Язык закона 1990 – Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М. : Юрид. лит., 1990. 192 с.

Greenberg 2011 – *Greenberg A.* Crypto Currency // Forbes. 2011. August.

References

Borisova, L. A. (2008), “The basic requirements for the text of the law and their compliance with translation”, *Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya,* no. 1, pp. 66–71.

Bulakov, O. N. (2002), *Zakonodatel’naya tekhnika i zakonodatel’nyi protsess v Rossiiskoi Federatsii* [Legislative technique and legislative process in the Russian Federation], MGSA, Moscow, Russia.

Chukhvichev, D. V. (2006), *Zakonodatel’naya tekhnika* [Legislative technique], YuNITI-DANA, Zakon i parvo, Moscow, Russia.

Greenberg, A. (2011), “Crypto Currency”, *Forbes,* August.

Gubaeva, T. V. (2007), *Yazyk i pravo. Iskusstvo vladeniya slovom v professional’noi yuridicheskoi deyatel’nosti* [Language and law. The art of word ownership in professional legal practice], Norma, Moscow, Russia.

Khabibulina, N. I. (2000), *Yuridicheskaya tekhnika i yazyk zakona* [Legal technique and language of law], Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, St. Petersburg, Russia.

Kharitonova, Yu. S. (1998), “The concept of financial lease (leasing)”, *Zakonodatel’stvo*, no. 1, pp. 24–28.

Petrova, I. L. (2019), *Lingvoyuridicheskii analiz teksta* [Lingvolegal analysis of the text], VlGU, Vladimir, Russia.

Pigolkin, A. S. (ed.) (1990), *Yazyk zakona* [Language of law], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Shaidullina, V. K. (2018), “Cryptocurrency as a new economic and legal phenomenon”, *Financy i bankovskoe delo,* no. 2, pp. 137–142.

Turanin, V. Yu. (2009), “Using borrowed terminology in texts of modern Russian laws: opportunities and limits”, *Sovremennoe pravo,* no. 4, pp. 14–17.

Ushakov, A. A. (1967), *Ocherki sovetskoi zakonodatel’noi stilistiki* [Essays on Soviet legislative style], s. n., Perm’, USSR.

Ushakov, A. (1974), “What should be the language of criminal law”, *Sotsialisticheskaya zakonnost’,* no. 10, pp. 57–58.

Varnavsky, A. V. (2018), “Token or cryptocurrency: technological content and econ essence”, *Finansy: teoriya i praktika,* vol. 22, no. 5, pp. 122–139.

Информация об авторах

Петрова Ирина Леонидовна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; i-l-petrova@mail.ru

Лазарева Ксения Алексеевна,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; lazarevaksenia1996@mail.ru

Information about the authors

Petrova Irina L.,
PhD (law), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; i-l-petrova@mail.ru

Lazareva Ksenia A.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; lazarevaksenia1996@mail.ru

Для цитирования

Петрова И. Л., Лазарева К. А. Особенности юридической терминологии в нормативных правовых актах, регулирующих финансовые отношения в условиях цифровизации общества // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 204–209.

For citation

Petrova, I. L. and Lazareva, K. A. (2020), “Peculiarities of legal terminology in regulatory legal acts governing financial relations in the conditions of digitalization of society”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 204–209.

УДК 34.037

С. А. Румянцев[1]
[1] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация

Федеральные общественные движения: реализация гражданской самозащиты или присвоение публичных полномочий

S. A. Rumyantsev[1]
[1] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

Federal civil society organizations: implementation of civil self-defense or assignment of public powers

Ключевые слова: самозащита; гражданская инициатива; общественные движения; индивидуальная защита; публичная власть; признаки государства.

Аннотация. Статья посвящена проблемам реализации потенциала института самозащиты в отношениях с участием общественных движений. Автором рассматривается самозащитная деятельность федеральных общественных движений (на примере движения «СтопХам»), приводятся суждения относительно того, является ли такая деятельность формой реализации гражданской самозащиты, либо фактически такие общественные движения присваивают функции и полномочия органов публичной власти. Обосновываются предложения по оптимизации действующего законодательства.

Key words: self-defense; civic initiatives; civil society organizations; individual protection; public power; characteristics of the state.

Abstract. The article is devoted to the problems of realization of the potential of the institute of self-defense in relations with the participation of civil society organizations. The author considers the self-defense activity of federal social movements (on the example of the «StopHam» movement), provides views as to whether such activity is a form of implementation of civil self-defense or in fact such social movements assign functions and powers of public authorities. Proposals to optimize the current legislation are substantiated.

Защита прав и свобод человека и гражданина в обществе не может быть эффективной, если включает в свой механизм деятельность только уполномоченных органов власти и их должностных лиц, поскольку в силу объективных причин «профессиональные правоохранители» не могут предотвратить каждое правонарушение и восстановить в полном объеме все нарушенные права. В правовом демократическом государстве важное место в защите прав и законных интересов граждан и организаций занимает институт самозащиты, предоставляющий каждому человеку, а также организациям и институтам гражданского общества возможность самостоятельной защиты своих прав и интересов всеми способами и средствами, не противоречащими законодательству, без обращения к компетентным органам публичной власти.

В последние годы в рамках самозащитной деятельности широкое распространение получили акции массовых общественных движений «СтопХам», «Лев Против», «СтопЖлоб», «Хрюши Против» и других, направленные на пресечение нарушений Правил дорожного движения Российской Федерации, несоблюдения запретов курения и распития спиртных напитков в общественных местах, продажи просроченных товаров, неоплаты парковки.

Указанные общественные движения позиционируют себя как институты гражданского общества, осуществляющие самостоятельную деятельность, направленную на помощь неопределенному кругу лиц, права которых нарушаются противоправными действиями водителей, курильщиков, работников магазинов, охранников, а иногда и сотрудников правоохранительных органов, недобросовестно исполняющих свои обязанности.

Видеосюжеты об акциях названных движений выкладываются в Интернет и имеют многомиллионную зрительскую аудиторию и неизменный успех. При этом часто такие акции сопровождаются повышенной эмоциональностью, конфликтностью, безапелляционной квалификацией тех или иных действий как противоправных, а также неотвратимым «наказанием виновных», «мгновенной карой», что, безусловно, повышает социальную напряженность в обществе, трансформирует самозащитную и социально-профилактическую деятельность в пиар-акции и самоутверждение активи-

© Румянцев С. А., 2020

стов, нивелируя благие идеи, изначально присущие рассматриваемым федеральным общественным движениям. Учитывая данные обстоятельства, а также то, что порой действия самих участников федеральных общественных движений граничат с правонарушениями, существует необходимость теоретико-правового исследования их природы, а также юридического анализа их действий.

Одним из федеральных массовых общественных движений является проект «СтопХам», созданный в 2010 г. на базе молодежного движения «Наши». Проект «СтопХам» имеет сетевую структуру, большое число региональных представительств. А. А. Фролов относит «СтопХам» к гибридным сетевым движениям, поскольку это движение имеет сторонников и сеть представительств в России и в ряде зарубежных стран [Фролов 2016, с. 70].

Целью деятельности движения «СтопХам» является общественная борьба с нарушением Правил дорожного движения Российской Федерации и пренебрежительным отношением участников дорожного движения к окружающим людям. Активисты «СтопХам», обнаружив неправильно припаркованный автомобиль (прежде всего на тротуарах, пешеходных переходах, остановках общественного транспорта, «вторым рядом»), обращаются к водителю с просьбой перепарковать автомобиль. В случае отказа либо отсутствия водителя в автомобиле на стекло приклеивается круглая наклейка с надписью «Мне плевать на всех – паркуюсь, где хочу». Активисты также стоят у выездов с тротуаров и останавливают выезжающие автомобили, требуя двигаться задним ходом назад и ехать по проезжей части, как все другие участники движения. При отказе выполнить требование, активисты наклеивают на стекло автомобиля наклейку с той же надписью, а порой прыгают на капот автомобиля, препятствуя его дальнейшему движению. В ряде случаев активисты вызывают сотрудников полиции для помощи в разрешении конфликтной ситуации.

Правовую основу деятельности движения «СтопХам» составляет ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждому предоставлено право защищать свои права и свободы любыми способами, не запрещенными законом, а в отношении видеосъемки и размещения видеороликов в сети «Интернет» – ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующая право свободно искать, получать и распространять информацию, а также ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[1]. Самозащита гражданских прав гарантируется и ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее: ГК РФ). Правовым основанием для видеосъемки правонарушителей является также ст. 25.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее: КоАП РФ), относящая к доказательствам по делам об административных правонарушениях видеосъемку, осуществленную участниками производства по делам об административных правонарушениях, которыми могут являться, например, в качестве свидетелей и лица, осуществляющие видеосъемку. Однако проблема состоит в том, что на момент видеосъемки правонарушители не признаны таковыми уполномоченными органами и могут быть не признаны ими и впоследствии (в том числе после обжалования соответствующих решений в порядке КоАП РФ), однако видеозапись уже будет осуществлена и размещена в сети «Интернет», откуда удалить ее практически невозможно.

Случаи, когда допускается видеозапись гражданина без его согласия, также предусмотрены ст. 152.1 ГК РФ, о чем речь пойдет ниже.

Видеосъемка сотрудников полиции, которые прибывают на место конфликта и требуют прекращение видеозаписи, разрешена в силу принципов открытости и публичности, закрепленных в ст. 8 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[2]. Ранее п. 25 Административного регламента МВД России исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, утвержденного приказом МВД России от 2 марта 2009 г. № 185[3], предусматривал, что сотрудник органов внутренних дел не должен препятствовать использованию видеозаписывающей аппаратуры. Новый Административный регламент исполнения МВД России государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, утвержденный приказом МВД России от 23 августа 2017 г. № 664[4] и вступивший в силу с 20 октября 2017 г., такого препятствия для сотрудника органа внутренних дел не содержит, что, однако, не должно мешать реализации гражданами указанных выше конституционных прав.

В научной литературе отмечаются положительные результаты деятельности движения «СтопХам», рассматриваемого в качестве эффективного института гражданского общества по борьбе с правонарушениями. Предлагается на основании материалов, отснятых активистами движения, активнее

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448.

[2] Там же. 2011. № 7, ст. 900.

[3] Российская газета. 2009. 7 июля.

[4] Там же. 2017. 13 окт.

осуществлять проверки и привлекать к ответственности виновных [Участие институтов 2013, с. 87].

Действительно, сотрудники Госавтоинспекции не могут пресечь каждое правонарушение, вовремя реагировать на все случаи неправильной парковки, езды по тротуарам, а тем более бороться со всеми эпизодами проявления хамства со стороны водителей, и тот вклад, который вносят активисты движения «СтопХам» в дело борьбы с нарушениями Правил дорожного движения Российской Федерации, весьма существен [Сафонов 2017, с. 610–612]. Более того, многие участники движения, посмотрев видеоролики, узнают в их «антигероях» себя, начинают понимать, что они тоже не всегда думают о других членах общества, паркуя автомобиль там, где им удобно, либо проезжая по тротуарам и пешеходным дорожкам, переосмысливают свое поведение на дорогах, становятся более вежливыми, внимательными к другим участникам движения и пешеходам. Если посмотреть видеосюжеты движения «СтопХам», то они построены следующим образом: сначала показаны десятки случаев, когда сознательные автовладельцы добровольно выполняют просьбы перепарковаться либо прекратить езду по тротуару, а затем приводится сюжет с «автохамом», т. е. подавляющее большинство участников движения выполняют требования активистов движения «СтопХам», тем самым самозащитная общественная функция этого движения успешно реализуется.

В то же время акции движения «СтопХам» имеют, на наш взгляд, следующие недостатки.

Во-первых, демонстрационная провокационность действий активистов движения «СтопХам» у многих вызывает встречную агрессию. Когда на лобовое стекло автомобиля, принадлежащего участнику движения, внезапно наклеивают большие стикеры, закрывающие обзор, или бросаются на капот автомобиля, имитируя «наезд» на пешехода, при этом снимают происходящее на видеокамеру, обещая, что «вся страна это посмотрит», то на такие действия редкий человек может отреагировать спокойно и хладнокровно. Показная вежливость участников «СтопХам» при этом расходится с их напористыми и неоднозначными действиями [Сумачев 2015, с. 258–264]. Не случайно министр МВД Карелии В. Кукушкин в письме в республиканский парламент высказал мнение, что действия активистов «СтопХам» могут квалифицироваться как мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ)[1].

Во-вторых, активисты движения «СтопХам» осуществляют правовую квалификацию действий участников дорожного движения, устанавливают виновность в совершении правонарушения, определяют «наказание» и приводят его в исполнение. Безапелляционность суждений активистов движения также у многих вызывает недоумение: почему лица без специального образования и полномочий наделяют себя правом в неоспоримом порядке наказывать за допущенные, по их мнению, правонарушения? Порой действия активистов движения «СтопХам» и вовсе могут быть квалифицированы как самоуправство (ст. 19.1 КоАП РФ).

В-третьих, нет неопровержимых доказательств того, что наклеивание стикеров на автомобили не повреждает их. На видеороликах видно, с каким трудом автовладельцы отклеивают стикеры, часто для этого необходимы скребки и специальные жидкости, применение которых может повредить поверхность автомобиля. Именно поэтому действия активистов движения «СтопХам» в ряде случаев могут квалифицироваться как уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 7.17 КоАП РФ).

В-четвертых, вызывает вопросы правового характера выкладывание видеороликов с участием граждан без их согласия в Интернет. Именно благодаря таким роликам движение и привлекает внимание общественности. Так, А. В. Сумачев, анализируя деятельность движения «СтопХам», обращает внимание на то, что Резолюция 1165 (1998) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «О праве на неприкосновенность личной жизни» рекомендует установление запрета преследования, фотографирования, видеосъемки или аудиозаписи людей, если это препятствует спокойствию частной жизни этих людей (п. 14 (v)[2].

Статья 152.1 ГК РФ допускает использование видеозаписи гражданина только с его согласия. Исключения составляют следующие случаи:

а) использование видеозаписи в государственных, общественных или иных публичных интересах. Как уже отмечалось, в момент размещения видеозаписи в сети «Интернет» фактически активисты движения «СтопХам» присваивают себе функции решения вопроса о том, используется ли видеозапись в государственных, общественных или публичных интересах, и исходят из того, что размещение ролика направлено на борьбу с правонарушениями, на демонстрацию гражданской активности, на пресечение совершаемых правонарушений и предотвращение их повторения в будущем, что отвечает названным интересам. Вместе с тем, не обладая юридическим образованием и полномочиями для правовой квалификации действий участников дорожного движения, активисты «СтопХам» не могут с достоверностью и определенностью заранее знать, отвечает ли использование видеозаписи государственным, общественным или иным публичным интересам, или нет;

[1] МВД Карелии считает активистов «СтопХам» хулиганами. URL: vesti.ru/doc.html?id=2681419 (дата обращения: 01.02.2020).

[2] URL: cyberpeace.org.ua/files/iii_4.pdf (дата обращения: 01.02.2020) .

б) видеозапись гражданина получена при видеосъемке в местах, открытых для свободного посещения, за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования. Однако при размещении видеоролика с «нарушителем» в сети «Интернет» такой «нарушитель» становится основным героем сюжета, поэтому данное исключение на него не распространяется;

в) гражданин позировал за плату. Поскольку за размещение видеороликов движения «СтопХам» в сети «Интернет» «автохамы» вряд ли получают вознаграждение, то данное исключение, позволяющее размещать видеоролик с участием гражданина без его согласия, также не действует.

Соответственно, далеко не во всех случаях активисты движения «СтопХам», осуществляя видеозапись и затем размещая ее в сети «Интернет», действуют в рамках ст. 152.1 ГК РФ.

Полагаем, что в целях упорядочения участия федеральных общественных движений в пресечении административных правонарушений необходимо принятие федерального закона «Об участии общественных движений в охране общественного порядка», в котором закрепить: обязательность и правила ведения реестров общественных движений, принимающих участие в охране общественного порядка; виды нарушений общественного порядка, которые могут предупреждаться и пресекаться активистами общественных движений; формы участия общественных движений в охране общественного порядка (информирование органов внутренних дел о правонарушениях с предоставлением соответствующих материалов; побуждение граждан прекратить совершение действий, имеющих признаки административного правонарушения, и т. д.). Следовательно, деятельность общественных движений, не включенных в реестр, по пресечению и предотвращению административных правонарушений будет считаться противоправной.

Принятие федерального закона «Об участии общественных движений в охране общественного порядка», на наш взгляд, не будет покушаться на самозащитный характер деятельности общественных движений, а упорядочит их деятельность.

Список цитируемых источников

Сафонов 2017 – *Сафонов А. Ю.* О некоторых формах общественного контроля за деятельностью полиции // International scientific news : XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. Астрахань : Олимп, 2017. С. 610–612.

Сумачев 2015 – *Сумачев А. В.* Об уголовно-правовой значимости демонстрационных нарушений неприкосновенности личной жизни публичного человека // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф. СПб. : Петрополис, 2015. С. 258–264.

Участие институтов 2013 – Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией : науч.-практ. пособие / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : ИЗиСП : Полиграф-Плюс, 2013. 160 с.

Фролов 2016 – *Фролов А. А.* Гибридная сетевая гражданская активность на примере движения «СтопХам» // PolitBook. 2016. № 3. С. 66–84.

References

Safonov, A. Yu. (2017), “On some forms of public control over the activities of the police”, *International scientific news,* Olimp, Astrakhan’, Russia, pp. 610–612.

Sumachev, A. V. (2015), “On the criminal-legal significance of demonstration violations of the privacy of a public person”, *Ob ugolovno-pravovoi znachimosti demonstratsionnykh narushenii neprikosnovennosti lichnoi zhizni publichnogo cheloveka* [Criminal policy and law enforcement practice], Petropolis, St. Petersburg, Russia, pp. 258–264.

Tikhomirov, Yu. A. (ed.) (2013), *Uchastie institutov grazhdanskogo obshchestva v bor’be s korruptsiei* [Participation of civil society institutions in the fight against corruption], IZiSP, Poligraf-Plyus, Moscow, Russia.

Frolov, A. A. (2016), “Hybrid network civil activity on the example of the “Stop Ham” movement”, *PolitBook,* no. 3, pp. 66–84.

Информация об авторе

Румянцев Сергей Александрович,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; rumserg33@yandex.ru

Information about the author

Rumyantsev Sergei A.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; rumserg33@yandex.ru

Для цитирования

Румянцев С. А. Федеральные общественные движения: реализация гражданской самозащиты или присвоение публичных полномочий // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 210–213.

For citation

Rumyantsev, S. A. (2020),“Federal civil society organizations: implementation of civil self-defense or assignment of public powers”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 210–213.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES

УДК 343.301

Н. А. Кудратов[1]
[1] Таджикский государственный университет коммерции, Душанбе, Республика Таджикистан

N. A. Kudratov[1]
[1]Tajik State University of Commerce, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма с использованием сети «Интернет» (на примере Республики Таджикистан)

Public calls for implementation of extremist activity and public justification of extremism using the Internet network (on the example of the Republic of Tajikistan)

Ключевые слова: экстремизм; Интернет; призыв; оправдание экстремизма; толерантность.

Аннотация. Сегодня очень часто призыв и оправдание экстремизма реализуются посредством глобальной сети «Интернет» и различных ее элементов. Установлено, что именно Интернет стал первичной, а в отдельных случаях и приоритетной площадкой для агитации и пропаганды экстремистских идеологий, поиска единомышленников, пособников, соучастников, спонсоров экстремизма, распространения паники, страха, слухов в обществе, радикализации населения, разрушения социальных институтов, делегитимизации органов государственной власти. Рассмотрению роли Интернета при совершении публичного призыва к осуществлению экстремистской деятельности и публичного оправдания экстремизма и посвящена настоящая статья. Исследование проведено на примере Республики Таджикистан.

Key words: extremism; the Internet; a call; justification of extremism; tolerance.

Abstract. Nowadays the call and justification of extremism are frequently realized through the global network “the Internet” and its various elements. It has been established that the Internet has become the primary, and in some cases a priority platform for agitprop of extremist ideologies, searching for like-minded people, abettors, accomplices, sponsors of extremism, spreading panic, fear, rumors in society, radicalizing the population, destroying social institutions, and delegitimizing of state power bodies. This article is devoted to the role of the Internet in making a public call for extremist activities and publicly justifying extremism. The study was conducted on the example of the Republic of Tajikistan.

Категория «экстремизм» для Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее: УК РТ), принятого 21 мая 1998 г.[1], стала новой. В ранее действовавшем УК РТ 1961 г. термина «экстремизм» не было.

В настоящее время УК РТ 1998 г. предусматривает уголовную ответственность за четыре состава преступления, которые в теории уголовного права называются «преступления экстремистского характера» и к которым относятся преступления, предусмотренные: ст. 3071 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма), ст. 3072 (организация экстремистского сообщества), ст. 3073 (организация деятельности экстремистской организации), ст. 3074 (организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера).

Преступления экстремистского характера среди преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства занимают особое место. Так, за последние 10 лет динамика совершения преступлений, предусмотренных ст. 3071, 3072, 3073, 3074 УК РТ, и по количественным, и по качественным показателям имеет тенденцию к росту. Например, если в 2010 г. было зарегистрировано 10 преступлений данной категории, то в 2011 г. – уже 28 преступлений. В последующие годы их число еще значительно выросло: в 2012 г. – 18, в 2013 г. – 38, в 2014 г. – 116, 2015 г. – 345, в 2016 г. – 617 [Шарипов 2017], 2017 г. – 506 [Хафиззода 2019], 2018 г. – 259[2].

Резкое увеличение количества этих преступлений, как пишет Ш. Х. Хафиззода, произошло за

[1] URL: online.zakon.kz/document/?doc_id=30397325#pos=8 (дата обращения: 20.12.2019).

© Кудратов Н. А., 2020

[2] Суд Таджикистана в 2018 году приговорил к пожизненным срокам 4 преступников. URL: https://tj.sputniknews.ru/country/20190204/1028167435/tajikistan-2018-god-prestupniki-pozhiznenniy-srok.html (дата обращения: 15.07.2019).

счет незаконного вовлечения и участия граждан РТ и лиц без гражданства в вооруженных подразделениях, вооруженных конфликтах или военных действиях на территориях других государств (ст. 4011 УК РТ) (Сирия, Афганистан. – *Н. К.*), а также в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности и публичном оправдании экстремизма (ст. 3071 УК РТ) [Хафиззода 2019, с. 158]. Другая причина такого роста, на наш взгляд, связана с попытками государственного переворота представителями запрещенной в Таджикистане Партии исламского возрождения Таджикистана (далее: «ПИВТ») в 2015 г. Кроме этой партии, начиная с 30 марта 2006 г. по 29 сентября 2015 г. Верховным Судом Республики Таджикистан в качестве экстремистских были признаны еще девять организаций: «Исламское движение Узбекистана», «Аль-Каида», «Джамият-е-Таблиг», «Религиозно-миссионерская организация», «Свободный Таджикистан», «Джамаат Ансаруллох», «Группа-24», «ИГИЛ», «Джабхат-ан-Нусра». Эти организации, находящиеся за пределами Республики Таджикистан, призывают граждан Таджикистана, а также других государств к экстремистской деятельности, особенно к джихаду в местах, где происходят вооруженные конфликты. Для предотвращения экстремизма, особенно это касается призыва к экстремистской деятельности и ее оправдания, требуется концептуальное исследование состава преступления данной категории.

В конце XX в. в информационном обществе произошел заметный прорыв: информационно-коммуникационные технологии стали применяться повсеместно, коренным образом изменился стиль работы человека, образ жизни, манера общения [Потехина 2012, с. 37]. В частности, конвергенция и интеграция телефонных, компьютерных и беспроводных сетей Интернета в реальном времени позволили пользователям получать доступ, хранить, передавать и манипулировать огромным объемом информации. С появлением Интернета и социальных сетей по всему миру был распространен глобальный доступ к новой информации. Данным фактом незамедлительно воспользовались и экстремистские организации.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма как вид экстремизма можно охарактеризовать как словесный экстремизм, а субъекта – как словесного экстремиста. Письменные или устные публичные сообщения, направленные на поощрение участия в незаконных действиях, на инициирование агрессии, провоцирование или манипулирование радикальными группами граждан, – это словесная незаконная деятельность, которую экстремисты осуществляют посредством сообщений, публичных выступлений, рассказов и даже стихов через национальные, религиозные печатные средства массовой информации, телевидение, Интернет, радио. Однако, по сравнению с традиционными средствами массовой информации, Интернет обладает более широкими возможностями, как то: анонимное размещение информации; высокая скорость и быстрый характер распространения материалов; возможность без особых финансовых затрат анонимно создать собственные пропагандирующие интернет-ресурсы и, наконец, самая важная составляющая – возможность широкого охвата территории [Деева, Коробейник 2018, с. 63].

Так, в 2015 г. общая численность аудитории пользователей Интернета по всей территории РТ выросла до 3,8 млн чел. Однако в 2017 г. под воздействием экономического кризиса их количество сократилось до 2,6 млн[1]. Тем не менее приведенные сведения дают основания утверждать, что при отсутствии действенных механизмов противодействия экстремисты, манипулируя интернет-аудиторией, могут существенно влиять на безопасность государства и национальную безопасность в целом. В этой связи И. Галицкий отмечает, что главной особенностью распространения идей экстремизма в виртуальной среде, в частности в социальных сетях, является возможность быстрого и оперативного контакта с многомиллионной аудиторией без значительных финансовых затрат и специальных средств, что позволяет экстремистам не только пропагандировать свои идеи, но и организовывать массовые акции в реальной жизни [Галицкий 2014, с. 81].

В Интернете создано большое количество информационных ресурсов (сайтов), которые не только распространяют материалы экстремистского характера, но и способствуют развитию экстремизма. По мнению специалистов, такие сайты условно можно разделить на четыре основные группы:

1) сайты, непосредственно распространяющие идеи экстремизма, сепаратизма и терроризма;

2) информационные ресурсы, осуществляющие информационную и финансовую поддержку представителей международных экстремистских и террористических организаций;

3) сайты, разжигающие ксенофобию на основе расовой или национальной принадлежности;

4) информационные ресурсы справочного характера, косвенно призывающие к противоправной деятельности [Куприенко 2005].

[1] Обзор государственной политики Республики Таджикистан в информационной сфере – часть 4. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/RCM_Website/Tajikistan.pdf (дата обращения: 14.08.2019).

Несмотря на то, что Интернет свободно используется для разработки, передачи, получения и хранения информации экстремистского характера, органы государственной власти не всегда имеют правовые возможности для препятствования экстремистской деятельности в виртуальной среде, а также для своевременного предотвращения использования Интернета для планирования и реализации экстремистских проявлений в реальной жизни. Прежде всего это обусловлено тем, что Интернет является экстерриториальным образованием. Во многих государствах, как убедительно пишет Ю. Б. Ирха, интернет-контент, который считается незаконным или вредным, поступает из источников за пределами их территориальной юрисдикции. В связи с этим возникают серьезные проблемы, ведь то, что в одном государстве законно, в другом – запрещено или существенно ограничено [Ирха 2015, с. 58–59]. Кроме того, органы государственной власти, как правило, не имеют правовых оснований для вмешательства в работу сайтов, которые размещены на иностранных серверах, например: «Facebook», «ВКонтакте», «Twitter», «Одноклассники», «Инстаграм», «YouTube», «WhatsApp», «ИМО», «Viber», «Телеграмм» – основные социальные сети, находящиеся в США, России и т. д., которые активно используют для пропаганды экстремизма сторонники «ПИВТ», «Группы-24» и др.

Многообразие политических, культурных, моральных, религиозных ценностей и подходов к обеспечению национальной безопасности создает условия, при которых отсутствие цензуры, свободы слова и информации, свободы вероисповедания, свободы мирных собраний и политического плюрализма используется одними для построения и укрепления демократии и ее институтов, а другими – для экстремистской деятельности, разрушения основ конституционного строя, нарушения территориальной целостности или неприкосновенности, ослабления государственной безопасности, захвата или присвоения властных полномочий, возбуждения расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию, унижению национального достоинства.

Реагируя на это, законодатель в качестве квалифицирующего признака рассматриваемого преступления также признал публичные оправдания экстремизма, совершенные с использованием сети «Интернет».

Общественная опасность этого деяния заключается в том, что предотвратить его очень трудно. Призывы к совершению преступлений данной категории, размещенные в сети «Интернет», не содержат четкого указания на время, место, способ их осуществления. Эта информация адресуется неопределенному кругу лиц, поэтому почти невозможно установить всех, кто реально откликается на такие призывы.

В качестве примера приведем уголовное дело № 2/2016-32, которое было рассмотрено судом г. Душанбе в 2016 г.: *Г.М.М., действуя как активный участник экстремистских организаций «Группа-24» и «ПИВТ», вместе с другими членами данных групп, на улицах одного из турецких городов 23 февраля 2016 г., выступая на митингах и пикетированиях, организованных указанными преступными сообществами, призывали народ Таджикистана к восстанию против правительства РТ и требовали освобождения руководителей данных преступных сообществ, которые находятся под стражей. Кроме того, Г.М.М. на сайтах Интернета, таких как «Facebook» и «Одноклассники», распространил видеоролики, публично призывающие народ Таджикистана к осуществлению экстремистской деятельности. Согласно справке политологической и филологической экспертизы Министерства образования и науки РТ, представленные видеозаписи с выступлениями Г.М.М. и его сообщников на митингах носили незаконный и экстремистский характер и в них усматривался публичный призыв к свержению конституционного строя в РТ. Тем самым Г.М.М. своими умышленными действиями совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 3071 УК РТ, которая устанавливает уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием сети «Интернет»*[1].

Помимо основных социальных сетей, экстремистские организации «ПИВТ» и «Группа-24» в своей преступной деятельности, направленной против основ конституционного строя и безопасности РТ, активно используют интернет-приложение для общения Zello, работающее по принципу онлайн-рации, и странички в нем «Рохнамо ба суи Давлати исломи» («Путеводитель по Исламскому государству)»[2].

Кроме призыва к экстремистской деятельности и ее оправдания, Интернет активно используется экстремистами для установления контактов с целью дальнейшей пропаганды противоправных действий. Например, по оценкам специалистов, за период в четыре месяца сторонники «Исламского государства» использовали более 46 000 аккаунтов в «Twitter», при этом каждый день было

[1] Архив Суда г. Душанбе за 2016 г. Уголовное дело № 2/2016-32.

[2] «Зелло» – трибуна террористических групп. URL: https://rus.ozodi.org/a/29242866.html (дата обращения: 20.12.2019).

сделано около 90 000 «аккаунтов (твитов)» в поддержку соответствующей экстремистской идеологии. Коммуникации происходят с использованием специального программного обеспечения, которое устанавливает технологические барьеры для входа на соответствующие платформы. Защищенные паролями веб-сайты значительно затрудняют своевременное выявление, отслеживание и нейтрализацию правоохранительными органами противоправной деятельности экстремистов [Ирха 2015; Internet for terrorist 2012].

В 2015 г. в социальных сетях было размещено около 90 000 сообщений в поддержку «ИГИЛ» [Blaker 2015], но при наличии ретвитов[1] исследователи оценивают их число ближе к 200 000[2]. И это данные, касающиеся только одной экстремистской организации. Социальные медиаплатформы предоставляют информацию и пропагандистские материалы в режиме реального времени. Кроме того, исследования показали, что «Twitter» может активизировать связи внутри организации, постоянно обновляясь, сообщая людям о событиях, а также допускает анонимность [Berger 2015].

Экстремистские организации и экстремисты используют кибертехнологии не только для распространения своих идей, но и поиска новобранцев, и они прекрасно понимают, каким образом социальные медиаплатформы могут помочь им в достижении их целей.

Например, «Исламское государство» осуществляет свою пропагандистскую деятельность на разных языках с использованием музыкального ряда и видеороликов, что особенно привлекательно для молодежи. Согласно данным ЦРУ к этой экстремистской организации присоединились от 20 000 до 31 500 чел. из более чем 80 стран [Chatfield, Reddick, Brajawidagda 2015, с. 239]. Статданные правоохранительных органов РТ свидетельствуют о том, что по состоянию на сентябрь 2018 г. общая численность боевиков «Исламского государства» из числа граждан РТ составляет 1 899 чел.[3]

Для борьбы с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности и публичным оправданием экстремизма в РТ используются соответствующие нормы УК РТ. Кроме того, 2 января 2020 г. в РТ вступил в силу закон № 1655 «О противодействии экстремизму». Согласно новому закону Служба связи при правительстве наделена правом контролировать все веб-сайты и социальные сети, а в случае необходимости ограничивать доступ к ним для пользователей[4]. Однако для блокирования экстремизма, помимо совершенствования правовой базы, надо активизировать и идеологическую работу с целью формирования установок толерантного сознания и поведения, религиозного и межконфессионального сознания.

Таким образом, завершая статью, обратим еще раз внимание на следующие важные моменты:

1. Главной особенностью распространения идей экстремизма в виртуальной среде, в частности в социальных интернет-сетях, является возможность быстро и оперативно контактировать с многочисленной аудиторией без значительных финансовых затрат и специальных средств, что позволяет экстремистам не только публично призывать к осуществлению экстремистской деятельности, но и публично оправдывать экстремизм.

2. С целью защиты таджикского общества от деструктивных информационно-психологических воздействий экстремистов, особенно в виртуальной среде, в стране должны быть созданы соответствующие правовые механизмы.

3. Действующая система противодействия экстремизму в сети «Интернет» должна охватывать не только контрольно-надзорные, но и репрессивные меры.

4. Важную роль в эффективном противодействии экстремизму, особенно публичному призыву к осуществлению экстремистской деятельности и публичному оправданию экстремизма в Интернете, играет воспитание населения в духе толерантности. Не случайно данное положение в Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 годы, утвержденной указом президента республики от 12 ноября 2016 г. № 776[5], определено в качестве одной из основных ее целей.

---

[1] Ретвит – это повторная публикация твита. Функция ретвита помогает другим пользователям «Twitter» быстро поделиться конкретным твитом со всеми своими читателями. Ретвитить можно как собственные твиты, так и твиты других пользователей.

[2] Greenberg J. Does the Islamic State post 90,000 social media messages each day? Pundictfact. URL: http://www.politifact.com/punditfact/statements/2015/feb/19/hillary-mann-leverett/cnnexpert-islamic-state-posts-90000-social-media-/ (дата обращения: 04.01.2020).

[3] 1 899 граждан Таджикистана воюют в рядах ИГИЛ. URL: http://akhbor-rus.com/-p1350-122.htm (дата обращения: 04.01.2020).

[4] URL: base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=121505 (дата обращения: 10.01.2020).

[5] URL: base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=91354.

Список цитируемых источников

Галицкий 2014 – *Галицкий И.* Экстремизм в социальных сетях: организационно-правовые меры противодействия // Альманах международного права. 2014. № 4. С. 74–83.

Деева, Коробейник 2018 – *Деева А. К., Коробейник В. А.* Экстремистская деятельность в сети «Интернет» // Профилактика и противодействие идеологии религиозно-политического экстремизма в современной России: проблемы и перспективы. Белгород : НИУ БелГУ, 2018. С. 63–65.

Ирха 2015 – *Ирха Ю. Б.* Использование экстремистами сети «Интернет»: правовые проблемы выявления и противодействия в Украине // Информация и право. 2015. № 3(15). С. 58–59.

Куприенко 2005 – *Куприенко Е. Е.* Интернет как инструмент террористических и экстремистских организаций. URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/03-10-05.htm (дата опубликования: 03.10.2005).

Потехина 2012 – *Потехина И. П.* Развитие информационно-коммуникативных технологий в условиях глобализации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2(41). С. 36–40.

Хафиззода 2019 – *Хафиззода Ш. Х.* Политико-правовые меры противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2019. № 4(36). С. 158–164.

Шарипов 2017 – *Шарипов А. К.* Предупреждение преступлений, обусловленных исламским радикализмом (по материалам Республики Таджикистан) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 223 с.

Berger 2015 – *Berger J.* The metronome of apocalyptic time: social media as carrier wave for Millenarian contagion // Perspectives on Terrorism. 2015. Vol. 9, iss. 4. P. 61–71.

Blaker 2015 – *Blaker L.* The Islamic State's use of online social media // Military Cyber Affairs. 2015. No. 1(1). P. 1–10.

Chatfield, Reddick, Brajawidagda 2015 – *Chatfield A. T., Reddick C. G., Brajawidagda U.* Tweeting propaganda, radicalization and recruitment // Proceedings of the 16th Annual International Conference on Digital Government Research. New York : United States: ACM, 2015. P. 239–249.

Internet for terrorist 2012 – The use of the Internet for terrorist purposes. New York : United Nations, 2012. 158 p. URL: www.unodc.org/documents/frontpage/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes.pdf (дата обращения: 14.07.2019).

References

Berger, J. (2015), "The metronome of apocalyptic time: social media as carrier wave for Millenarian contagion", *Perspectives on Terrorism,* no. 9, issue 4, pp. 61–71.

Blaker, L. (2015), "The Islamic State's use of online social media", *Military Cyber Affairs,* no. 1(1), pp. 1–10.

Chatfield, A. T., Reddick, C. G. and Brajawidagda, U. (2015), "Tweeting propaganda, radicalization and recruitment", *Proceedings of the 16th Annual International Conference on Digital Government Research,* United States, AFM, New York, USA, pp. 239–249.

Deeva, A. K. and Korobeinik, V. A. (2018), "Extremist activity on the Internet", *Profilaktika i protivodeistvie ideologii religiozno-politicheskogo ekstremizma v sovremennoi Rossii: problemy i perspektivy* [Prevention and opposition to the ideology of religious and political extremism in modern Russia: problems and prospects], NIU BelGU, Belgorod, Russia, pp. 63–65.

Galitsky, I. (2014), "Extremism in social networks: organizational and legal measures of counteraction", *Al'manakh mezhdunarodnogo prava,* no. 4, pp. 74–83.

Hafizzoda, Sh. Kh. (2019), "Political and legal measures to combat extremism and terrorism in the Republic of Tajikistan", *Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan,* no. 4(36), pp. 158–164.

Irkha, Yu. B. (2015), "The use of extremists on the Internet: legal problems of identifying and counteracting in Ukraine", *Informatsiya i pravo,* no. 3(15), pp. 58–59.

Kuprienko, E. E. (2005), "The Internet as a tool of terrorist and extremist organizations", available at: http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/03-10-05.htm (Accessed 3 October 2005).

Potekhina, I. P. (2012), "The development of information and communication technologies in the context of globalization", *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta,* no. 2(41), pp. 36–40.

Sharipov, A. K. (2017), Prevention of crimes caused by Islamic radicalism (based on materials of the Republic of Tajikistan), Ph.D. Thesis, criminal law and criminology, penal law, Kikot Moscow University of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

The use of the Internet for terrorist purposes (2012), United Nations, New York, available at: www.unodc.org/documents/frontpage/Use_of_Internet_for_ Terrorist_Purposes.pdf (Accessed 14 July 2019).

Информация об авторе

Кудратов Некруз Абдунабиевич,
кандидат юридических наук, доцент, Таджикский государственный университет, Душанбе, Республика Таджикистан; nek-kudratov@mail.ru

Information about the author

Kudratov Nekruz A.,
PhD (law), associate professor, Tajik State University of Commerce, Dushanbe, Republic of Tajikistan; nek-kudratov@mail.ru

Для цитирования

Кудратов Н. А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма с использованием сети «Интернет» (на примере Республики Таджикистан) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С 217–222.

For citation

Kudratov, N. A. (2020), "Public calls for implementation of extremist activity and public justification of extremism using the Internet network (on the example of the Republic of Tajikistan)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 1(54), pp. 217–222.

Краткие правила опубликования статей

Журнал «**Вестник Владимирского юридического института**» включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки).

Критерии отбора статей: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению статей:

формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman;
кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см;
межстрочный интервал полуторный;
поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см;
объем – не более 1 печатного листа (22 страницы).

Статья должна включать: индекс УДК (помещается в верхнем левом углу первой страницы), сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество (при наличии), место работы, ученую степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, e-mail); название статьи; аннотацию; ключевые слова; основной текст; список цитируемых источников, оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», который должен включать в себя в алфавитном порядке источники, используемые в статье. Ссылки на источники должны быть сделаны по тексту в квадратных скобках, где указываются фамилия автора (или название) источника, год издания (между фамилией и годом запятая не ставится) и через запятую номера страниц (при необходимости), на которых помещен объект ссылки.

Сведения об авторе, название статьи, аннотация, ключевые слова и список цитируемых источников должны быть подготовлены в двух вариантах: на русском и английском языках (список цитируемых источников/references должен быть оформлен по Гарвардскому стандарту).

В случае изменения личных данных автор обязан письменно уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К статье необходимо приложить **анкету автора публикации и оператора персональных данных** (оригинал), которая является письменным согласием на обработку его персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, основными рубриками которого являются: «Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», «Актуальные проблемы российской юридической науки и правоприменительной практики», «Теория и история государства и права», «Политические и правовые системы зарубежных стран». Авторы несут ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат, имен, статистических данных, формул; за использование данных, не предназначенных для открытой печати. **Авторы гарантируют (несут личную ответственность), что предоставленный в редакцию материал ранее не публиковался и не представлен одновременно в другие журналы.**

Все статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное рецензирование. Рецензирование проводится в виде двойного слепого рецензирования.

С авторами, в чьих статьях обнаружен заимствованный материал без ссылки на автора и(или) источник заимствования, журнал прекращает сотрудничество.

Материалы представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института по e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru; бумажный вариант по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, ВЮИ ФСИН России (редакционно-издательский отдел).

Статьи в журнале публикуются на платной основе. Стоимость одной публикации – 4 000 руб.

Журнал высылается авторам только **по их просьбе наложенным платежом**.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 40-45-18, 40-45-14, 8-905-649-5050, e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКТМО 17701001) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 04281175960)	Сч. №	40101810800000010002
Банк получателя Отделение Владимир	БИК	041708001
Назначение платежа (КБК): 32011301991010200130 Доход от издательской деятельности, реализация журнала Вестник		

Анкета автора публикации и оператора персональных данных*

(заполняется (п. 1), подписывается автором публикации
и высылается в адрес редакции научно-образовательного журнала
«Вестник Владимирского юридического института»)

1. ФИО_____, паспорт ___ ___ _____

выдан _____
(кем, когда)

должность _____
_____

ученая степень, ученое звание_____
почтовый адрес _____
тел. _____, e-mail _____

2. Данилова Ирина Борисовна. Федеральное казенное образовательное учреждение высшеє го образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ВЮИ ФСИН России). Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, 600020.
(фамилия, имя, отчество оператора персональных данных, получающего согласие на обработку персональных данных автора публикации, место работы (службы), почтовый и юридический адрес)

3. Размещение персональных данных автора публикации в электронной и печатной версиях научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».
(цель обработки персональных данных автора публикации)

4. Фамилия, имя, отчество автора публикации, место работы (службы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты.
(перечень персональных данных, на обработку которых дается согласие автора публикации)

5. Занесение и хранение персональных данных автора публикации в ПК, их размещение на интернет-сайте института, в Российском индексе научного цитирования и тиражирование.
(перечень действий с персональными данными, на совершение которых дается согласие автора публикации; способы обработки персональных данных)

6. Настоящее согласие действует со дня его подписания до дня отзыва в письменной форме.
(срок, в течение которого действует согласие автора на обработку персональных данных)

7. Отзыв согласия автора публикации на обработку персональных данных осуществляется путем письменного уведомления последним оператора персональных данных за месяц до выхода научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института» из печати (дата выхода из печати указывается на 4-й полосе обложки журнала).
(порядок отзыва согласия автора публикации на обработку персональных данных)

Автор публикации _____/_____/ «____» _____ 20__г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

Оператор персональных данных _____/ Данилова И. Б. / «____»_____20__г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

* Настоящая анкета разработана в соответствии с письмом Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 июля 2009 г. № 17-110 «Об обеспечении защиты персональных данных».